

ББК 83.3Р7
К 21

Редактор *Н. И. Диденко*

Карл Крист

К 21 История времен римских императоров от Августа до Константина: Историческая б-ка Бека. Том 2. — Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1997. — 512 с.

В книге представлена эпоха римских императоров, охватывающая политическую и социальную историю, развитие экономики и культуры. Помимо хронологического описания событий в Риме и провинциях от Августа до Константина подробно рассматриваются экономика, культура и религия. При этом автор опирается на античные исторические источники, использует извлечения из греческой и латинской литературы, из текстов отцов церкви и папирусов.

Книга Карла Криста является несомненной удачей просветительской науки и предназначена как для специалистов, так и для широкого круга читателей.

ББК 83.3Р7

ISBN 5-222-00039-7

Karl Christ Geschichte der
römischen Kaiserzeit

© С. Н. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, München, 1995

© Оформление, изд-во «Феникс»,
1997

**Цели и средства
имперской политики**

Проблематика имперской политики при принципате

Римская империя принципата в своем своеобразии должна определяться не абстрактными, а историко-генетическими критериями. В центре имперской политики стояло не выполнение сформулированной программы, а преодоление элементарных государственных задач: укрепление господства, консолидация римской власти в сферах влияния, организация сначала только рудиментарной когерентности внутри большой политической формации всегда были на переднем плане, хотя перемещались из-за новых импульсов к дальнейшей экспансии империи.

Обеспечение господства и администрация *Римской империи* во времена Республики были ограничены сознательным отказом от преимуществ долгосрочного управления в одних руках и такого же сознательного отказа от бюрократии, как в Риме, так и в провинциях. Еще при Цезаре господство в римской сфере влияния рассматривалось с точки зрения личных перспектив: дружественное или враждебное поведение царей или предводителей племен определяло римскую политику; систематическая институализация римской власти началась только при Августе. Традиционные формы еще долго продолжали оказывать воздействие и при принципате.

Даже при изменяющихся условиях принципата имперская политика Рима никогда не ставила целью нивелиро-

вать состоящую из столь разнородных элементов, исторически разросшуюся империю в единое римско-италийское государство. Внутренне многообразие империи, с которым сознательно и демонстративно идентифицировал себя такой *принцепс*, как Адриан, должно было быть сохранено уже потому, что инструментарий имперской политики и при принципате оставался ограниченным. Он охватывал частично связанные друг с другом сферы администрации и судопроизводства, урбанизации и гражданско-правовой политики, романизации, пограничной и внешней политики.

Данные исходные точки римской политики, как уже было упомянуто, находились в самоуправлении городов или в центральных местах племенных территорий, а в исключительных случаях в личности клиентельных царей и князей, будь то в Британии, Фракии, в Боспорском царстве, в Пальмире, *Иудее* или в Мавритании. Если в городах и центральных местах отсутствовала администрация, она создавалась Римом. В регионах, где ее не было, часто возникали большие трудности, римское господство и цивилизация либо вообще не укоренялись, либо только поверхностно и в скромных масштабах. Не было никакой уверенности, что привилегированный Римом вождь племени выполнит свои обязательства.

Даже в сфере правосудия, куда было вложено столько духовной энергии римских юристов и аристократов, в сфере, в которой с давних пор не допускалось соприкосновение с чужим правом, не было всеимперского нивелирования, но признавались существующие местные нормы права и правовые традиции. То, что Рим предлагал в этом случае, была не столько обязательность римских правовых принципов, сколько контроль за существующим местным судопроизводством и возможность апелляции систематически организованного института, который в последней инстанции предполагал участие самого *принцепса* и теоре-

тически связывал его как верховного судью и гаранта права с каждым гражданином империи. Введение института апелляции, которого не знала Римская Республика, является убедительнейшим выражением интенсификации правосудия в Римской империи и одновременно координации местных, провинциальных и центральных органов.

Администрация империи

Первой задачей администрации империи было сохранение общественной безопасности, которую с трудом можно было поддерживать в хронических центрах беспорядков эллинистического Востока, в таких, как Александрия, в других больших или портовых городах, или в таком регионе, как *Иудея*. Первоочередными являлись также создание основанной на налоговой справедливости финансовой администрации и организация системы правосудия, удовлетворяющей все население империи. Эта система, с одной стороны, не должна была загружать *принцепса*, как верховного судью, тысячами пустяковых местных дел, но, с другой стороны, должна была разрешать непосредственное вмешательство, когда затрагивались государственные интересы римской державы.

Решение этих задач было равносильно стабилизации и институализации новой политической системы в рамках империи. Благодаря мобилизации «колониальной элиты» и провинциального ведущего слоя принцепсы получили новые силы, которые укрепляли их положение как в провинциях, так и в Италии и в самом Риме. Персональные компоненты администрации поэтому при *принципате* долгое время оставались такими же важными, как и институционные. Для *принцепсов* и для органов центральных ведомств было важно не только создавать новые учреждения, но и находить лояльных и компетентных ра-

ботников и специалистов, которые бы служили системе в разнообразнейших секторах. Неподкупный юрист был также необходим, как и опытный техник и хороший администратор.

Конечно, правильно, что администрация империи при принципате определялась теми нормами, которые соответствовали традиционным убеждениям римских аристократов и их «патрональному» настрою. Однако, с другой стороны, на эллинистическом Востоке, особенно в Египте, она столкнулась с уже существующими органами управления, которые долгое время претерпевали лишь незначительные изменения. Больше всего римская администрация при принципате воспользовалась тем, что по сравнению с предшествующей фазой гражданских войн поздней Римской Республики повсюду было признано однозначное качественное улучшение.

Своеобразная структура администрации империи является в такой же степени результатом исторического развития, как и особого давления обстоятельств. При этом не было учтено, с одной стороны, традиционное членение империи на привилегированную центральную часть страны, столицу и Италию, и на старые и новые зависимые провинции, а с другой — многообразие и дифференциация империи. Бок о бок с региональными компонентами в специальных ответвлениях администрации происходило характерное пересечение сфер компетенций отдельных провинций. К основам римской администрации при принципате, кроме того, относится создание разграниченных инстанций с маленьким управленческим аппаратом с обзорным радиусом задач, которое, однако, не исключало в кризисные времена общей ответственности у особо надежных людей. К тому же не оставались постоянными ни общий радиус имперской администрации, ни положение и качество различных внеиталийских административных единиц.

Наоборот, в римско-италийском регионе царила преемственность в отношении положения органов управления. Августовское подразделение города Рима на 14 районов и 265 *городских* кварталов, которое по их специфическим особенностям можно частично увидеть и сегодня, сохранилось. Преемственность царила в сфере обязанностей магистратов города Рима, в дополняющей их вновь созданной системе уполномоченных *принцепса*, выполняющих особые поручения, и в органах привилегированных городов Италии. Пожалуй, еще в старых республиканских провинциях тоже была создана структура управления, особенно в секторе судопроизводства, введением разгружающих наместника *юридических помощников*. Однако решающих изменений не произошло. *Азия* и *Африка*, например, продолжали оставаться «сенаторскими» провинциями, назначенные сенатом наместники которых, всегда бывшие консулы, пользовались высочайшим престижем вне непосредственных сфер администрации *принцепса*.

Значительные изменения, которые расширили участие *принцепса* в управлении, произошли в пограничных районах, в областях военных операций и в клиентельных государствах, которые управлялись не самим Римом, а через посредство клиентельных царей, прежде всего на Дунае, эллинистическом Востоке и в Северной Африке. Число вновь приобретенных провинций после Августа было относительно небольшим. Оно включало, в принципе, оккупированную при Клавдии Британию, траяновские завоевания в Дакии, одновременно занятую Аравию, а также временную аннексию парфянских территорий на Ближнем Востоке. Особое положение занимали военные зоны Верхней и Нижней Германии, которые получили статус провинции только после их округления, после отказа от дальнейших наступлений в материковую Германию и после сооружения укрепленных *границ* до 90 г. н. э.

Гораздо чаще под римское правление переходили кли-

ентельные государства, в 17 г. н.э. Каппадокия, в 42 г. н. э. — Мавритания, в 46 г. н.э. — Фракия, или же делились уже существующие провинции, как в 86 г. н.э. *Верхняя и Нижняя Мезия* и в 106 г. н.э. *Верхняя и Нижняя Паннония*. Такие большие провинции, как *Британия*, составляли исключение, также как и более мелкие регионы, такие, как Фракия и Иудея, управлявшиеся прокуратором *принцепса* или же бывшие под контролем соседней провинции, наместник которой вмешивался в случае необходимости.

Центральная администрация *принцепса*, как уже было сказано, образовывалась из круга лиц *семьи принцепса*. Фактически неизбежное выполнение комплекса государственных функций группой лиц низшего правового положения, режим вольноотпущенников Клавдия или Домициана вызывали сильнейшие трения. Поэтому руководящие функции в этом секторе все больше и больше передавались представителям всаднического сословия, дифференциация и институализация центральной администрации *принцепса* продвигалась вперед и дальше усиливалась ввиду лавинообразно растущих управленческих задач, укреплялся персонал, пока в поздней античности наконец не образовались в различных резиденциях и преторианских префектурах настоящие ассы бюрократического аппарата; развитие, которое полностью противоречило римской административной традиции.

Важнейшим постом центральной администрации был пост *секретаря по переписке*, который вместе со своими сотрудниками должен был вести всю общую административную корреспонденцию *принцепса*. Если даже от отдельного *принцепса* зависело, насколько широкой была сфера его полномочий и насколько он мог принимать самостоятельные решения, все равно влияние *секретаря* было в любом случае значительным. Это следует уже из того факта, что его ведомству подлежали все без исключения

назначения, и поэтому он участвовал во всех кадровых решениях. В начале 2 в. н. э. это ведомство было подразделено на *латинских* и *греческих секретарей*, и не только по языковой причине, но и из-за постоянно увеличивающейся активности администрации.

Был еще *секретарь по прошениям*, который руководил ответственным и трудоемким отделом. Он рассматривал все юридические жалобы, на которые *принцепс*, как правило, отвечал рескриптом. Более ограниченными были ведомства *секретаря по разбору дел*, руководителя судопроизводства при дворе *принцепса*, *секретаря по науке*, который обеспечивал научной информацией для разнообразных целей, *секретаря по архиву и документам*, и, наконец, со времен Адриана, *секретаря*, который отвечал за выполнение текущих рутинных служебных дел.

Само собой разумеется, к администрации относились находящиеся под управлением прокураторов и префектов центральные кассы *принцепса*, *военная казна*, *состояние принцепса* и *фиск Цезаря*, включавшие большое количество чиновников, которые при полной личной ответственности не обладали ни малейшей самостоятельностью, однако зачастую их было трудно проконтролировать. Как уже было сказано, административная сеть *принцепса* в провинциях постоянно расширялась. Часто бывало, что прокураторы ведали доходами от налогов или управляли состоянием *принцепса* в целом ряде провинций, например, в провинциях *Бельгика*, *Верхняя* и *Нижняя Германия*.

Бюджет империи

Несмотря на пересекающиеся и запутанные управленческие ветви, которые с конституционно-правовой точки зрения подчинялись сенату или *принцепсу*, фактически в сфере администрации, а особенно в секторе хозяйства и финансового управления, доминировали власть и влияние *принцепса*. Поэтому вполне оправданно говорить о едином бюджете империи, хотя эта трактовка явно противоречит различным кассам и административным инстанциям. Как подтверждают засвидетельствованные на 23 г. до н. э. и на 14 г. н. э. статистические обзоры империи, уже Август видел необходимость в систематическом балансировании финансов.

Так как от тогдашних «государственных счетов» не сохранилось ни одного, и нет в распоряжении даже фрагментов от оригинальных документов центральной римской кассы, любая современная реконструкция бюджета империи имеет дело со многими неизвестными величинами и ошибками. Они прежде всего так велики, потому что налоговая обязанность и величина налогов не были едиными. Только косвенные налоги, однопроцентный налог на продажную стоимость и четырехпроцентный налог на продажу раба, к тому же таможенные, рыночные и портовые платы вносились всеми лицами.

Наоборот, римские граждане освобождались от прямых налогов. Они в Риме, Италии и провинциальных го-

родах не облагались обязательным для провинциалов земельным налогом и не платили подушную подать. Они облагались налогом только тогда, когда наследовали собственность, расположенную на непривилегированной территории.

С другой стороны, римские граждане должны были платить пятипроцентный налог на наследство, что приводило к постоянным жалобам и трениям, тогда как тоже пятипроцентный налог за освобождение раба еще давно был переложен на самого раба. Твердыми и более или менее поддающимися исчислению были доходы от государственной собственности, от сдачи в аренду (рудники) и от государственной монополии (соль), в то время как другие позиции подвергались значительным колебаниям, например, штрафы, получение значительного наследства по завещанию или от безхозного поместья и, наконец, от большого состояния осужденных представителей ведущего слоя, а также богатых граждан или провинциалов.

По убедительным оценкам А. Шантрена можно исходить из того, что общие годовичные доходы империи в 1 в. н.э. составляли около 750 миллионов сестерциев. Однако в эту сумму не входят доходы местных самоуправлений. Если предположить, что они составляли около 50 миллионов сестерциев, то такая цифра, естественно, крайне спорна. Зато однозначно установлено, что при Веспасиане произошло сильное повышение налогов, для которого мог бы быть реальным размер приблизительно в 25% от общей суммы. Соответственно после 70 г. н. э. до второй половины 2 в. н. э. годовые доходы составляли около 1 000 миллионов сестерциев.

На первый взгляд, эти доходы империи кажутся очень высокими, принятый средний скачок налогов на 10% в сравнении с современными ценами вполне приемлем. Однако этим, очевидно, был достигнут едва ли преодолимый рубеж. Это случилось не в последнюю очередь пото-

му, что масса всех налогов была перенесена на сельскохозяйственный сектор, то есть в ту область, для которой правилом были колебания в урожайности. Если такие расчетливые и осторожные землевладельцы, как Плиний Младший, в налогово привилегированной Италии едва могли решить свои экономические проблемы, то следует подозревать, что ситуация в провинциях была еще напряженнее, что там после жестких мер Веспасиана был достигнут рубеж, нагрузка достигла предела.

В то время как бюджет империи со стороны доходной части отличался многообразием, структура расходов определялась небольшим количеством крупных секторов. Однозначно преобладали затраты на армейское хозяйство, традиционные расходы граждан Рима, расходы на администрацию империи и, наконец, на хозяйство и двор *принцепса*.

Больших сумм требовал военный бюджет. Только регулярные расходы на денежное довольствие и обеспечение ветеранов после повышения жалованья Домицианом (83 г. н. э.) и формирования новых легионов, общее число которых к концу 2 в. н. э. составляло 30 единиц, составляли около 600 миллионов сестерциев. К этому нужно добавить денежные подарки принцепса в начале правления на юбилеи, праздники, в ознаменование больших успехов или во время критического внешнеполитического положения, а также суммы по завещанию, которые оставляли войску некоторые *принцепсы*.

Пусть речь идет при этом о нерегулярных, даже чрезвычайных выплатах, армия всегда ожидала денежные подарки как своего рода привычную обязанность, а они достигали иногда огромных сумм: денежный подарок Октавиана в 29 г. до н. э. после окончания похода против Антония и Клеопатры достиг суммы в 120 миллионов сестерциев. Клавдий в начале правления в 41 г. н. э. выдал 90 миллионов сестерциев только преторианцам и еще

такую же сумму остальной части войск. Денежный подарок, который сделали Марк Аврелий и Луций Вер в 161 г. н. э., составлял свыше 1 100 миллионов сестерциев и был больше, чем обычный годовой бюджет.

Наоборот, завещательные распоряжения в пользу солдат доказаны только для Августа и Тиберия. В обоих случаях обозначенные суммы оба раза около 50 миллионов сестерциев копились для этой специальной цели еще при жизни и потом были выплачены преемниками.

Симптоматично для смещения акцентов внутри *принципата*, а также и для финансового поведения и финансовых возможностей большого числа *принцепсов*, что обычай завещаний армии так быстро прекратил существование и перешел в распределение денежных подарков при жизни правителя.

Как и расходы на армию, бюджет обременяли расходы на свободное население столицы. Здесь речь шла о традиционных, периодических, а также дополнительных чрезвычайных расходах, причем величина последних, как правило, зависела от личности соответствующего *принцепса*. Около 50 миллионов сестерциев составляли годовые расходы на распределение зерна среди около 200 000 получателей. Затраты в 10 миллионов сестерциев на игры разных видов скорее занижены, чем завышены; расходы на бытовые и репрезентативные постройки не позволяют оценить их даже приблизительно и, видимо, подвергались очень большим колебаниям. Оцененные в 11 миллионов сестерциев расходы Клавдия на строительство за 13 лет правления нельзя обобщать, как и другие случайно сохранившиеся данные.

Денежным подаркам войскам соответствовали денежные пожертвования для населения города Рима — конгрии. Если Август потратил на них в общей сложности 385 миллионов сестерциев, то даже экономный Тиберий — 156 миллионов, Клавдий — свыше 100 миллионов, До-

мициан — 180 миллионов. Во 2 в. н. э. общие суммы значительно повысились, этот процесс отражал, естественно, инфляционную тенденцию стоимости денег. Для Адриана эта сумма оценивается в 540 миллионов сестерциев, для Антонина Пия — 640, для Марка Аврелия — 680 миллионов.

Как и завещания в пользу армии, завещания римскому народу доказаны только для Августа и Тиберия. Их общая сумма от 40 до 50 миллионов сестерциев даже далеко не достигает астрономической суммы Цезаря, который предусмотрел для этих целей ни больше ни меньше, как 960 миллионов сестерциев.

К уже названным массовым пожертвованиям добавляются еще подарки небольшой группе лиц или отдельным лицам, причем форма *миссий* (мелкие подарки, бросавшиеся в толпу) всегда производила сенсацию. При этом сначала в первую очередь разбрасывались сами подарки, а позже есть указания на деньги, благородные металлы, драгоценности и даже на дома и поместья, которые наугад распределялись среди народа. После относительно скромного начала этого вида завоевания популярности еще при Августе он достиг своей кульминации при Калигуле, Нероне, Тите и Домициане. Средняя стоимость этих и других подарков не установлена.

Так же трудно определить затраты на третий большой круг расходов, а именно на администрацию империи и на непосредственное окружение *принцепса*, а также на его представительство. Вероятно, по своему объему они были ниже расходов на армию и римский народ, если к последним причислить расходы на игры, постройки, подарки и культ. Удовлетворение вопросов армии и столичного населения имело преимущество перед расширением администрации. Если принципат всего лишь в редких случаях посягал на местное самоуправление городов, если он вплоть до 2 в. н. э. допустил существование налогово-

арендных обществ, то это не в последнюю очередь потому, что этой передаче имперских задач долгое время не было никакой альтернативы по финансовым и кадровым причинам. Если расходы на содержание и жалование всего занятого в имперской администрации персонала оцениваются в 1 в. н. э. в 40—50 миллионов сестерциев, а во 2 в. н. э. — до 60—70 миллионов, то эти цифры скорее занижены, чем завышены. И все-таки они по крайней мере показывают существовавшие тогда соотношения.

Значительно меньшими были нагрузки государственного бюджета уже ранее упомянутой системой пожертвований на содержание. Эта система связывала льготные государственные ссуды итальяским землевладельцам с обязательными взносами на содержание детей из бедных семей и служила таким образом экономической стабилизации и социальной политике. Если новейшие оценки, исходящие из общей суммы в 400 миллионов сестерциев, правильны, то становится очевидным, что эти меры воспомоществования держались в относительно скромных границах. Это же относится к единичным мерам в пользу испытывающих трудности итальяских провинциальных городов, суммы которых неизвестны, а также к мероприятиям Нервы в области аграрной политики, которые составляли 60 миллионов сестерциев на приобретение земли.

Поскольку вообще имеет смысл говорить о платежах на социальные нужды в общественной системе принцепата, которая продолжала определяться структурами клиентелы, то они, как правило, осуществлялись на городском уровне. Выплаты *принцепсов* на социальные нужды ограничивались *пожертвованиями* римскому *плебсу* и *раздачей продовольствия* в случае нередких бедствий. Этой помощью пользовались также провинциалы. Кроме этого обычными были пожертвования представителям верхнего слоя (сенаторам и всадникам), которые подвергались

опасности потерять свой социальный статус из-за обнищания или нуждались в помощи *принцепса*, чтобы получить материальные предпосылки для желаемого им социального ранга.

Бедствия случались все чаще и чаще. Известны многочисленные большие пожары, землетрясения, неурожай, в случае которых постоянно обращались за помощью к *принцепсу*. В самом Риме не прекращались пожары, большой пожар при Нероне был только одним из многих. Такое же положение было и с землетрясениями, сенсационнейшими случаями целой серии которых являются полное уничтожение 12 городов провинции *Азия* в 17 г. н. э. и большое извержение Везувия в 79 г. н. э. Само собой разумеется, что пострадавшие на много лет освобождались от налогов и получали финансовую и материальную поддержку. Только об одном Тиберии известно, что он в связи с этим сделал два пожертвования на сумму в 100 миллионов сестерциев каждое.

Дарения отдельным представителям верхнего слоя или фаворитам властителя, по-видимому, держались в узких рамках и вряд ли превышали несколько миллионов сестерциев в год. Наоборот, огромных размеров достигло общее освобождение от долгов 118 года н. э., когда Адриан в критической начальной фазе своего правления разом простил государственные долги римских граждан за предшествующие 16 лет на общую сумму в 980 миллионов сестерциев. Подобное же освобождение от долгов государству доказано еще и при Марке Аврелии в 178 г. н. э.

Заслуживающие внимания, но не всегда учитываемые финансовые изменения произошли в области пограничной и внешней политики. Если походы Римской Республики за счет военных трофеев значительно пополнили государственную казну, позже растраниженную Цезарем, то при принципате только Дакская война Траяна принесла большие, правда, быстро растроченные трофеи. Если в

республиканские времена выплаты клиентельным царям и друзьям римского народа оставались в приемлемых рамках, то позже, начиная с Домициана, выплаты вождям соседних агрессивных племен в предполье империи приобретали все большие размеры. При этом речь шла о возрастающих нагрузках на римский государственный бюджет, для которых только в исключительных случаях имелись конкретные цифры. Шла ли речь о выплате жалования «варварским» вспомогательным группам, о субсидиях послушным Риму клиентельным царям, об отступных для опасных соседних племен, о подкупах или о данях в знак уважения, — вплоть до поздней античности, вплоть до гибели империи деньги оставались средством внешней политики и одной из жизненно важных статей расходов.

Эта статья расходов имела и внутривнутриполитическое соответствие, так как характернейшими особенностями принципата вскоре стали официальные денежные подарки правителям, к которым причислялось так называемое *коронное золото*. Начиная с Августа, вошло в обычай одаривать *принцепса* к началу года особыми новогодними подарками, на которые, например, Тиберий отвечал в четырехкратном размере, некоторые же правители демонстративно от них отказывались. Однако укоренилась не эта сдержанность, наоборот, длинный ряд таких поводов к вынужденным подаркам привел к введению особого налога: вскоре стали обязательными сборы по поводу дня рождения *принцепса*, праздника сатурналий и по другим всевозможным поводам, в начале правления на триумфы полагалось *коронное золото* — золотые венки значительного веса. На британский триумф Клавдия было привезено из восточных провинций два венка весом по 7 000 и 8 000 римских фунтов золота. Если при этом многие *принцепсы* следовали примеру Августа, который отказался от *коронного золота* римских граждан, и принимали его толь-

ко от провинции, то сам порядок все-таки продолжал существовать.

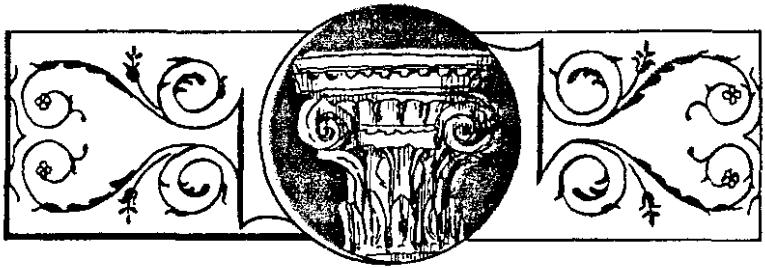
Резкая разница между расточительностью и крайней экономией и сдержанностью не позволяет установить среднюю величину расходной части римского государственного бюджета. Если даже соотношение между доходами и расходами в спокойные мирные годы кажется благоприятным, то все равно оно было недостаточным для создания больших резервов и не давало возможности для долгосрочного профилактического финансового планирования. Наоборот, заполненные кассы все время опустошались, если не из-за походов, крупного строительства и бедствий, то из-за *распределения хлеба* и денежных подарков, а нередко из-за гражданских войн.

В ряду римских *принцевов* такие великие оздоровители государственного бюджета, как Веспасиан, представляют исключение. Общее развитие скорее определялось резкой сменой умеренного и расточительного поведения. За осторожным Тиберием последовал не знающий пределов Калигула, за ни в коем случае не экономным, однако соблюдающим определенные границы Клавдием — беспечный, расточительный Нерон, за решительным реорганизатором Веспасианом — его щедрые сыновья. Эти скачки привели, наконец, после фазы консолидации при Антонине Пие к абсолютно низкому уровню при Коммоде.

В общем финансовая свобода действий *принцевов* была очень невелика. Дополнительные расходы больших размеров не покрывались скромными или вообще отсутствующими резервами, так что правители постоянно стояли перед необходимостью изыскивать краткосрочные источники доходов. К этому относятся не только введение всевозможных специальных налогов, но и такие сомнительные меры, как принудительные завещания богатых людей, беззастенчивая конфискация состояния и движимого имущества, осуждение сенаторов, всадников, богатых

вольнотпущенников и провинциалов, чтобы таким способом завладеть всем их имуществом, наконец, продажа с аукциона предметов и движимого имущества из домашнего хозяйства *принцепса* и систематическое снижение чистого содержания и монетной стопы валюты.

Когда, например, Нерон приравнял *золотой* динарий (100 сестерциев), важнейший золотой номинал денежной системы принципата, к $1/45$ римского фунта золота, вместо ранее существовавшей $1/40$, то благодаря этому стоимость фунта золота повысилась с 4 000 до 4 500 сестерциев. Если римский динарий при Нероне состоял из около 90% серебра, то при Коммодe эта доля снизилась до 72%, после относительной стабилизации при Септимии Севере в 3 в. н. э. она упала еще ниже. Другой сектор манипуляций с валютой, наоборот, скрыт для современных анализов: резкое увеличение денежного обращения. Здесь только установлен конечный инфляционный итог 2 в. н. э.

Урбанизация

В своем известном сообщении о «Социальных причинах гибели античной культуры» Макс Вебер охарактеризовал историю европейской античности как «историю приморских городов» («Собрание статей по общественной и экономической истории». Тюбенген, 1924). Хотя цивилизация удаленных от моря городов Европы, Малой Азии, Ближнего Востока, Египта и Северной Африки между тем благодаря раскопкам и розыскам древних людей и археологов приобрела более четкие очертания, чем это признал Вебер, его акцентирование городской и морской культуры, за некоторыми исключениями, представляется оправданным. Даже сам Рим возник как звено того общесредиземноморского процесса урбанизации, и его империя оставалась связанной теснейшим образом с этим городским базисом.

Расширение городских форм жизни, урбанизация, началось за века до римских инициатив. Если не принимать во внимание городскую культуру Древнего Востока, сначала финикийцы заложили сеть городов и опорных баз, простирающихся далеко на восток Средиземноморья. Они основали также целую цепь факторий, которые, правда, часто были достаточно маленькими, однако из них образовывались городские поселения, а в отдельных случаях даже такие могущественные города-государства, как Карфаген. Затем последовали греческая колонизация, кото-

рая по своему размаху не уступала финикийским сооружениям, а также основание этрусских городов, которые распространили городскую жизнь в Средней и Северной Италии. Новые акценты потом расставили города Александра Великого и эллинистических правителей на Ближнем Востоке, которые простирались вплоть до Бактрии и северо-востока Индии, тогда как одновременно в Западной Европе распространялась *городская* цивилизация кельтов с их похожими на города поселениями. В это общее развитие нужно подключить римскую фазу урбанизации.

От предыдущих этапов развития городской жизни в прибрежной зоне Средиземноморья и прилегающих к ней областей римское развитие отличается географическими, политическими и юридическими особенностями. В географическом отношении урбанизация охватывала гораздо более интенсивно, чем когда-либо раньше, также и материковые города. При римском господстве городская жизнь распространилась в Британии, на Рейне, на Дунае в материковой Малой Азии и других удаленных от моря регионах. В политическом отношении города систематически использовались в качестве поддержки имперской власти. Конечно, такая функциональность присутствовала еще у эллинистических монархий, но последовательно она была организована только при римском господстве.

В юридическом отношении, наконец, при принципате существовала городская правовая дифференциация, которая была характерной еще для системы господства Римской Республики. Хотя при Помпее и Цезаре имели место определенные попытки нормирования городских конституций, *принципы* не стремились к полной унификации зависящих от Рима городов. Наоборот, обусловленные происхождением, историей, величиной функций и богатством, различия между городами империи дополнительно усугублялись их включением в определенные правовые категории. Однако правовая квалификация города сама

по себе мало говорила о его значении и функции. Лондон (Лондиний) не получил высочайший правовой ранг колонии так же, как и Майнц (Могонтиак).

Об уравнивании римского господства с господством над городами высказывались еще современники, например, во 2 в. н. э. греческий оратор Элий Аристид: «Когда было так много городов на материке и у моря или когда они были всем так обеспечены? Кто когда-либо раньше так путешествовал, чтобы считать города по дням и чтобы в один и тот же день проезжать два или три города, будто это улицы? Прежние города уступают римлянам не только свою власть, но еще и там, где они властвуют над одинаковыми народами, как сейчас над вами, предоставляют им неодинаковые права. Теперь стало возможным каждому народу противопоставить город, который лежит в той же области» («Eis Romem», с. 93).

И в настоящее время *Римская империя* довольно часто характеризуется как агломерация, союз или *содружество городов*. Правда, при этом возникают значительные трудности из-за того обстоятельства, что приравненные к понятию «город» античные понятия «polis» и «civitas» имели первично другое содержание и вызвали в античности конкретные ассоциации. Греция, начиная с классических времен, была частично усеяна очень маленькими *полисами*, которые вряд ли могли удержаться во время политических и экономических кризисов. Павсаний во 2 в. н. э. в X книге своего «Описания Греции» так характеризует маленькое поселение Панопа в Фокиде и не решает возвести его в ранг *полиса*: «От Херонеи двадцать стадий до фокидского города (*полиса*), если вообще это место можно назвать городом, так как в нем нет ни административных зданий, ни гимнасия, ни театра, ни рынка, нет даже воды, которая бы текла в источнике, но люди живут там в жилищах, похожих на хижины. Но даже и они имеют свои границы от соседей и посылают своих представите-

лей в фокидское собрание. Город якобы получил свое название от отца Энея, и они утверждают, что сами были не фокидцами, а первоначально фригийцами и бежали в Фокиду из Орхомена. На глаз старая стена Панопы имеет длину около 7 стадий (1250)». Это описание так важно потому, что оно показывает, какое содержание еще при принципате вкладывалось в понятие греческого *полиса*.

Наоборот, *civitas* было основным понятием римской администрации для отношений прежде всего на латинском Западе. Понятие обозначало общность горожан одной земли, жители которой обитали большей частью в маленьких поселениях или отдельных усадьбах, однако на регулярных собраниях мужчин выбирали своих представителей, принимали постановления, законы и административные решения. Хотя немало подобных *civitates*, особенно в горных и целинных районах, долгое время сохраняли свои структуры, при принципате была тенденция создавать в этих общинах центральное, более или менее «городское» место, которое становилось административным центром и нередко в процессе дальнейшего развития могло сравняться с «*civitas*».

Конкретный мир этих *civitates* в отдельных частях империи и провинций очень различался. Тогда как *civitas* в Северной Африке был идентичен маленькому городу, который обладал столь скромным ареалом, что он мог обрабатываться живущими там крестьянами, *civitas* в Британии и в *Бельгии* приравнивался к занимающим большую площадь земельным единицам, где находился часто совсем незначительный и невзрачный центр, который не мог предложить городского качества жизни.

Если исходить из юридических категорий, то преобладающее число *городских поселений* империи относилось к подлежащим обложению налогам, а небольшая группа в зависимости от ситуации, когда они вступили в связь с Римом, была *свободной* или союзнической. На ступень

выше них стояли муниципии и колонии, обладающие латинским правом. Первоначально они образовывали исторически сложившуюся категорию классической Римской Республики, которая после окончания союзнической войны (89 г. до н. э.) потеряла свое значение, и потому, освободившись от прежних условий, включала в себя группу привилегированных с точки зрения городского права общин. Эта привилегия при Адриане была еще больше дифференцирована. Он создал новую категорию городов, обладающих так называемым *большим латинским правом*, по которому всем членам городского совета предоставлялось полное римское гражданское право, тогда как при обычном латинском городском праве им награждались только соответствующие магистраты города.

Самая высокая категория с точки зрения городского права оставалась за *колониями и муниципиями римских граждан*. Сначала римские колонии представляли собой замкнутые поселения римских горожан. Они были созданы по военным, политическим или социальным мотивам и сохраняли узкие римские правовые рамки. Процесс колонизации Римской Республики в основном, хотя и с некоторыми модификациями и интервалами, продолжался вплоть до Траяна. Начиная с Клавдия *принцепсы* начали титулярно присваивать ранг колоний, начиная же с Адриана этот способ принял еще большие размеры. Рангом *муниципий* награждались прежде всего старые городские поселения, в которых проживало много римских граждан. Присуждение ранга колонии равнялось признанию автономии самоуправления на основе сформулированного городского права.

Не узаконенную с точки зрения городского права особую форму представляли собой чрезвычайно важные экономически и функционально лагерные поселения у больших легионерских крепостей. Из группы торговцев, ремесленников, проституток и других, обычно сопровож-

дающих легионы лиц, с течением времени возникли перманентные, иногда включающие многие тысячи человек, поселения с улицами, мастерскими, складами, кирпичными заводами, термами, водопроводами и площадями. Но как не велико было значение подобных поселений, они не являлись привилегированными с точки зрения городского права.

Общее число всех городских поселений *Римской империи* составляло от 1 000 до 2 000. Среди них по статистике Фр. Виттингхофа находилось более 600 колоний и муниципий, которые, правда, были сильно рассеяны. Из них «в Испании 160, среди них вероятно 130—135 муниципий, в Северной Африке около 200, среди них около 120 муниципий, на Дунае от Реции до Мезии... — около 60». На греческом Востоке Рим незначительно изменил общую структуру городов. Немногие созданные при принципате колонии и поселения пополняли и укрепляли старую сеть. Только по политическим, административным или религиозным соображениям, когда город, например, становился хотя бы временной резиденцией *принцепса*, столицей провинции или центром императорского культа, он получал продолжительные стимулы. В общей сложности они были гораздо слабее, чем на Западе империи.

Для эпохи принципата понятие «город» охватывало как маленький город, так и город мирового значения. Если взять за основу расчеты Ф. Кольба, то, естественно, преобладали маленькие города с числом жителей между 2 000 и 15 000. Гораздо меньшим было число средних городов, имеющих от 15 000 до 25 000 жителей, и городов, насчитывающих 25 000—50 000. К последним принадлежат важные торговые и портовые города, столицы провинций, а также города, наделенные особыми административными или экономическими функциями, такие, как Остия, Нарбонна, Лондон, Трир, Гадес, и все центры на восточном побережье Малой Азии. И только горстка городов значи-

тельно превысила рубеж в 100 000 жителей: Александрия, Антиохия, Карфаген и, естественно, сам Рим.

Таковыми же различными были и городские территории. Некоторые греческие *полисы*, особенно такие эллинистические центры, как Антиохия на реке Орон или Никея в Вифинии, занимали площадь свыше 10 000 км² и включали также многочисленные деревни и усадьбы. В регионах с большой плотностью городов, как, например, в Греции или на западном и южном побережье Малой Азии, связанные с *полисом* территории редко были удалены от городского центра больше, чем на дюжину километров.

Вмешательство имперской политики в жизнь городов, обыденных решений *принцепса* отчетливо выразилось в создании нового института: с начала 2 в. н. э. в городах империи появляются так называемые *кураторы*, которых назначал сам *принцепс*. Их первой обязанностью был контроль за городским хозяйством. Эти представители имперской администрации, которые исполняли свои обязанности по нескольку лет, являлись лицами высокого социального престижа — сенаторы, всадники или провинциальные верховные жрецы. Только когда этот институт стал правилом и потребность в *кураторах* возросла, эту должность начали доверять представителям соответствующего города. С небольшими изменениями она сохранилась до падения империи. Однако, какими бы ощутимыми и обременительными для городского финансового управления ни были решения этих *кураторов*, их задачей не являлось лишение города самоуправления.

Гораздо важнее оказались те структурные изменения, которые повлекло за собой римское господство в различных частях империи. Так, в Греции при принципате проходил последовательный процесс концентрации. Новые городские объединения или привилегированные города, такие, как Никополь, Амфисса, Патры, Тегея, Мантиней, поглотили маленькие, но самостоятельные соседние объ-

единения поселений. Очевидно, целью такой структурной политики было создание больших, работоспособных политических и административных ячеек, которые могли бы справиться со всеми своими задачами. Численное сокращение *полисов* в Греции поэтому не означало сокращения городской жизни.

Для Малой Азии характерен процесс концентрации совсем другого рода. Там прежде всего старые метрополии и портовые города приняли на себя большой приток населения, маленькие струйки которого привели к образованию на западном побережье целой цепи больших городов с населением от 50 000 до 100 000 человек. Привлекательность этих центров заметна даже сегодня: рядом со старыми святилищами и новыми роскошными храмами находились многочисленные городские гражданские сооружения, термы, окруженные колоннадами, великолепные улицы, стадионы, сооружения для скачек, театры, которые могли приобщить большую часть населения к городской жизни. По сведениям Ф. Кольба, в провинции *Азия* к началу 2 в. н. э. было не менее 282 *городов*, тогда как в Македонии их насчитывалось 150, а в Тракии — 23.

Египет занимал особое место в рамках римского процесса урбанизации. Страна является лучшим доказательством того, что Рим никогда не хотел унифицировать испытанную и эффективную организацию управления с римско-италийской моделью. Так, в Египте старые племенные округа с их метрополиями, кроме особого случая с Александрией, остались важнейшими ячейками римской администрации. Творение Адриана Антинополь, единственное римское новообразование, выходит за рамки существующего там порядка. Приспособление к имперским принципам самоуправления последовало только в 3 в. н. э.

На общей территории римской Северной Африки число *городов* оценивается в размере около 500—600, причем, как правило, речь идет об очень маленьких едини-

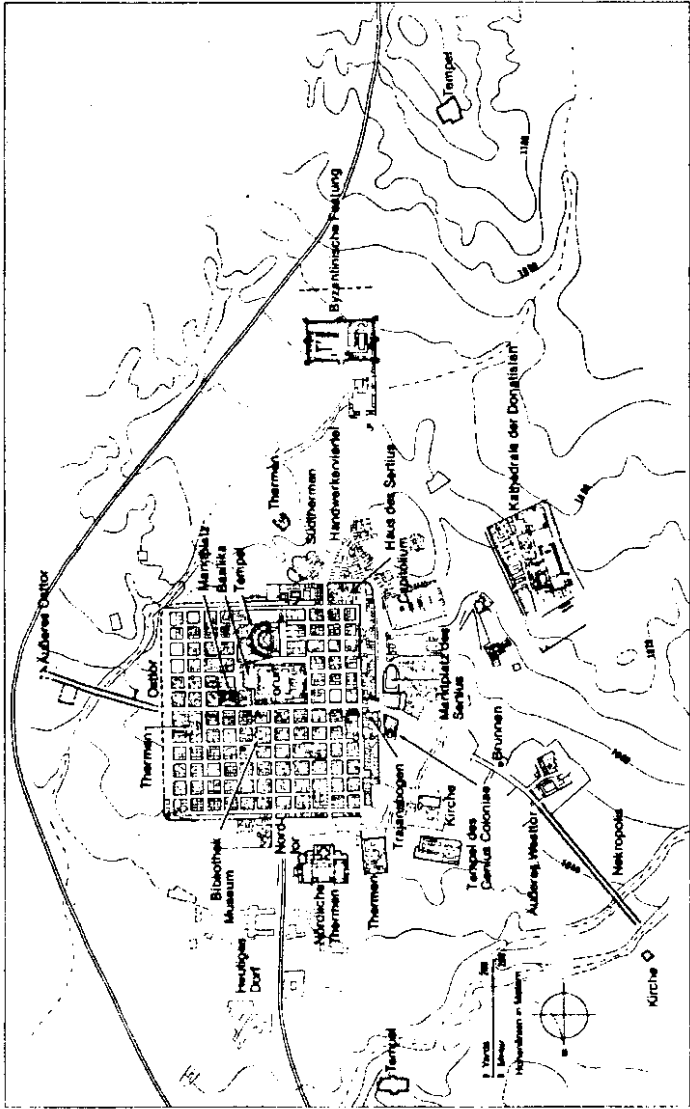

Рис. 33. Тимгад. План города

цах. Почти 200 из них сконцентрированы в провинции *Проконсульская Африка*. Массовому скоплению здесь и на побережье противостоит относительно небольшое число городов в районе современного Марокко, среди которых находится такое впечатляющее место, как Волюбилис. Выдающимися городскими римскими центрами на севере Африки являлись между тем Карфаген (около 300 000 жителей), Цезаря, столица провинции *Мавритания* (около 90 000 жителей), Лепта Магна на побережье Большого Сирта (около 80 000 жителей), Гадрумет (около 25 000 жителей) и Тамугади (около 15 000 жителей). Цифры показывают, что римские провинции в Северной Африке достигли при принципате высшей точки урбанизации.

Подобная же концентрация городских поселений была при принципате на Иберийском полуострове. Главнейшие центры сконцентрировались там на юге страны, в *Бетике*, потом на южном побережье и в окрестностях Эбро, тогда как западное и северное побережье, а также внутренняя часть страны позволяют обнаружить только точечные признаки урбанизации. Такие же различия относятся и к Галлии. Тогда как провинция *Нарбоннская Галлия* в районе Прованса выделялась цветущими и богатыми городскими поселениями, положение в трех галльских внутренних провинциях характеризуется выраженной дихотомией. Правда, там тоже были большие поселения, которые иногда занимали площадь в сто и более гектаров, однако они находились южнее линии Трир—Руан, тогда как севернее этой линии только Адуатука (Тангеры), Гезо-риак (Булонь) и Багак (Баве) представляли собой заметные центры. Только в зоне Рейна снова встречается целый ряд значительных городов.

Для структурных изменений в пограничной провинции, в которой развитие *городов* привело к образованию городских общин с прилегающей территорией, типичным является пример в провинции *Нижняя Германия*. Если там

к середине 1 века н. э., то есть по времени нижнегерманского войскового округа, находились только единицы *городов*, большой военный ареал, а возможно, именье *принцепса*, то почти век спустя она была расчленена на территории четырех привилегированных городов, на две колонии Кёльн и Ксант, а также на два муниципия Нимвеген и Арентсбург.

Сравнение городского развития в обеих столицах германских провинций могло проиллюстрировать, какие конкретные последствия повлекло за собой предоставление городских привилегий. Политику урбанизации Рим начал в районе Рейна немного раньше, чем в Майнце. Во время пребывания М. Агриппы на кельнской земле еще в 38 г. до н. э. был основан *город убиев*, который принял убиев, переселенных с правобережья Рейна. Однако решающим толчком развития в обеих областях послужила постройка легионерского лагеря во время августовских наступлений. В Майнце демонстративно сохранялась память о Друзе Старшем, погибшем в 9 г. до н. э. в результате несчастного случая, главнокомандующем рейнской армии и приемном сыне Августа, тогда как в *городе убиев* был воздвигнут алтарь для императорского культа. Функциональное значение этих двух городов в первой половине 1 в. н. э. было приблизительно одинаковым. Оба являлись центрами военного округа, Кёльн для нижнегерманского, а Майнц для верхнегерманского регионов; стоящие у Майнца войска были крупнее (во всяком случае временами), чем те, что стояли у Кёльна.

Потом предоставление привилегий Кёльну в 50 г. н. э. явилось переломным моментом, и Майнц никогда больше не мог с ним равняться. Когда Клавдий по просьбе Агриппины возвысил *город убиев* до колонии, резиденция военачальников в Нижней Германии была включена в высшую категорию городского права. Теперь началось систематическое переустройство города по римско-италий-

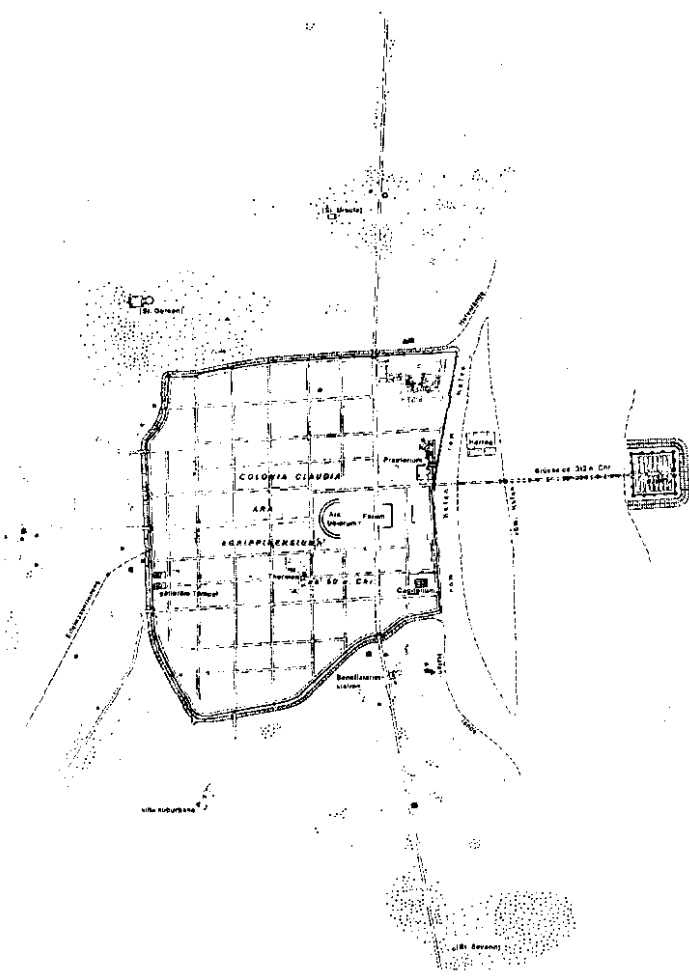

Рис. 34. Кёльн. План города

скому образцу. Сначала построили четырехкилометровую городскую стену с монументальными воротами высотой в 24 и шириной в 30 м, которые годились как для обороны, так и для представительства, и 21 башню. Само собой разумеется, что для такого центра полагались капитолийский храм, форум, водопровод, термы, многочисленные административные здания и преторий. Одновременно начали свою работу обычные органы городского управления. Многие надгробные плиты и памятники свидетельствуют о возросшем самосознании жителей колонии.

Совсем другим было развитие событий в Майнце. Правда, там бурно развивались возникшие вокруг лагеря двух легионов поселения ремесленников, торговцев и обслуживающего персонала, что проявилось в таких памятниках, как колонна Юпитера или арка Дативия-Победителя. Там и дальше продолжал оставаться центр верхнегерманской военной администрации, а позже и провинциальной. Однако это поселение никогда не вышло за нормы деревни в общинно-правовом отношении; только в поздней античности территория получила *статус города*. Как *муниципий* Майнц засвидетельствован только в 355 г. н. э., то есть к тому времени, когда легионерский лагерь был уже расформирован и поселение потеряло свою военную функцию.

Процесс римской урбанизации и колонизации вместе взятых долгое время рассматривался с римских позиций. Наблюдающие за ним были заморожены, с одной стороны, разумным выбором военных опорных пунктов с их высоким качеством обороны и наблюдения, с другой — многообразием разбросанных по всему Средиземноморью и его предполью ячеек городской жизни, в которых видели интеграционные центры высокой эллино-латинской цивилизации. В настоящее время, однако, раздаются голоса, которые критически оценивают все это. Указывает-

ся на то, что процесс часто был связан с грубым захватом значительных площадей, с изгнанием владельцев, которые могли обрабатывать свою бывшую собственность разве что как арендаторы, а также с присвоением домов, скота, утвари и всякого рода движимого имущества.

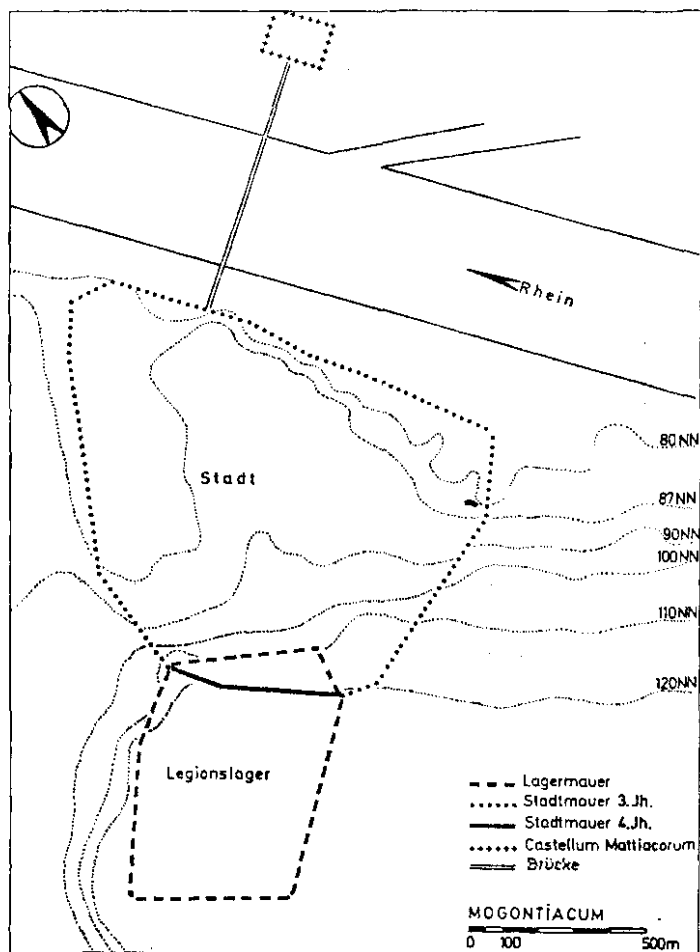

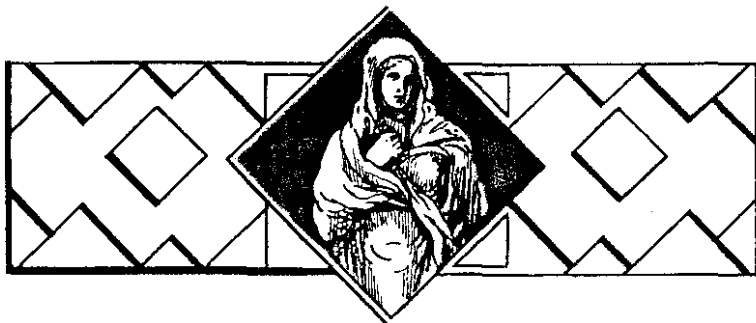
Рис. 35. Майнц. План города

Несмотря на общность в планировании, обмере, оформлении и архитектуре римских городов, на общность в их внутренней структуре и управлении, несмотря на инициативы отдельных *принцепсов*, сомнительно, что существовала единая политика урбанизации. В Британии было четыре колонии и один муниципий, в Нижней Германии сложилась аналогичная ситуация, и даже в Галлии не все центральные *города* возводились в ранг муниципиев. Тогда как в провинции *Норик* было девять городов, в Далмации существовало около 60, не говоря уже о концентрации городов в отдельных районах Испании, Северной Африке и Малой Азии. Совершенно очевидно, что здесь просматривается явная непоследовательность, которую, правда, можно частично объяснить историческими, географическими и демографическими условиями, но и одновременно доказать, что не было попыток к унификации в сфере урбанизации.

Это не означает, что общий процесс урбанизации империи был пущен на самотек, но дает понять, что он представляет сумму большого числа отдельных инициатив и решений. Для них сила воли *принцепсов* имела не меньшее значение, чем конкретная военно-политическая или административная необходимость, географические, экономические и региональные предпосылки были также важны, как и наличие колонистов и необходимых средств. Впрочем, не все стремились к городской жизни. У Марциала и многих других имелись другие приоритеты: бегство от спешки большого города, стремление к скромному, здоровому деревенскому счастью для них были предпочтительнее всех городских удобств.

Римская империя лучше, чем все другие античные мировые империи, использовала города как важнейшие опоры администрации и политики. Она осмотрительно вмешивалась в региональные структуры и ставила сильнейшие акценты на урбанизацию в пограничных и мате-

риковых регионах. Этот образ действий кажется крайне реалистичным. Он сильно отличается от мании градостроительства эллинистической эры, которая приводила часто к недолговечным результатам. Если пронаблюдать за преемственностью римских городов, то успех свидетельствует о рациональности римской урбанизации.

Гражданско-правовая политика. Проблематика романизации

При современном анализе римской гражданско-правовой политики следует принимать во внимание, что римское гражданское право в отличие от современных представлений о гражданстве обозначало принадлежность к правовому сообществу, которое в рамках *империи* находилось еще и в привилегированном политическом положении. Как и любые другие античные города-государства, Римская Республика сначала действовала крайне рестриктивно при предоставлении своего гражданского права иностранцам. Только в исключительных случаях римское гражданское право, начиная с Пунических войн, предоставлялось отдельным лицам за их заслуги перед Римом, еще реже было коллективное предоставление. Эта политика стала осуществимой только потому, что дифференцированная система господства Рима имела промежуточные ступени латинского права, и Республика предоставляла привилегии его обладателям, особенно представителям ведущих слоев городов латинского права.

Италийской территории гражданская война (91—89 гг. н. э.) принесла решающий перелом. Вместе с немислимым раньше коллективным предоставлением римского гражданского права всем италийским союзникам началась новая римская гражданско-правовая политика, вершиной которой было щедрое предоставление римского

гражданского или латинского права при Цезаре и триумвирах.

Римская гражданско-правовая политика обнаружила между тем значительные противоречия. Сначала консервативная и аристократическая, она проявила определенную открытость только в отношении представителей руководящих слоев италийских или других союзных городов. Целью этого было создать двойную лояльность по отношению к городу и к Риму. С помощью этого решения италийская руководящая власть в большом числе городов связывалась с интересами привилегированных знатных людей.

Однако одновременно с процессом колонизации бедные римские граждане во все больших масштабах расселялись, и в конце концов во времена поздней Республики в римское гражданское содружество непрерывно вращали отпущенные на свободу рабы. В соответствии с этим в Риме и провинциях новые римские граждане состояли отнюдь не из высших слоев. Только принципат дал возможность, хотя бы временно, контролировать это развитие, хотя при принципате год от года тысячи демобилизованных солдат вспомогательных формирований вместе со своими семьями становились полными римскими гражданами.

Свободные неримляне получали римское гражданское право, начиная с 1 в. н. э., преимущественно от полководцев за военный, политический или материальный вклад в дело Рима. Кульминацией развития было необычайно щедрое предоставление римского гражданского или латинского права, которое осуществил Цезарь на Сицилии, в *Нарбонне*, в *Бетике* и в *Африке*. Сначала и Август продолжил эту политику Цезаря.

Опубликованная впервые в 1934 г. большая надпись из Родоса в Сирии наглядно показывает связи и процедуры гражданско-правовой политики Октавиана в эпоху три-

умвирата в случае с особо заслуженным перед ним капитаном Селевком из Родоса. Основные части восстановленного длинного текста свидетельствуют: «Гай Юлий Цезарь, император (Октавиан), триумvir, по закону Мунация и Эмилия предоставил гражданское право и освобождение от налогов на все имущество следующими словами: Так как Селевк, сын Феодота из Родоса, был с нами в походе в войне против... под нашим командованием ради нас взял на себя большие трудности и опасности, совершенно не щадя себя переносил нужду и показал свою преданность государству, связал свою судьбу с нашим благополучием, готов был принести любую жертву для государства римского народа, мы даруем ему и его родителям, детям и жене, которая у него будет, и его внукам гражданское право и освобождение от налогов на его имущество, как и на имущество членов его семьи, которые по высшему закону и праву являются гражданами и освобожденными от налогов, и они освобождаются от военной службы и от всех общественных бесплатных работ».

К этому в отрывках восстановленному тексту с Капитолия принадлежало письмо к городу Родос: «...император Цезарь, сын божественного (Цезаря), в шестой раз провозглашенный императором, четырежды консул (30 г. до н. э.) приветствует должностных лиц, совет и народ Родоса, священного, неприкосновенного, автономного города. Если вы здоровы, хорошо. Я и войско также здоровы. Селевк, ваш горожанин и мой капитан, во всех войнах служил в моем войске и дал много доказательств своей доброжелательности и преданности, а также мужества в бою. Как это подобает людям, которые вместе с нами были на войне и отличились на ней, он награжден предоставлением привилегий, освобождением от налогов и гражданским правом. Поэтому я рекомендую его вам: ибо такие люди требуют также благожелательности их родных городов. Так как я ради Селевка с удовольствием сделаю

все, что в моих силах, присылайте ко мне с полным доверием ваши пожелания. Будьте здоровы!» (Из книги Х. Фрайса «Исторические надписи времен римских императоров». Дармштадт, 1984).

Как великодушно вел себя Октавиан в фазе триумвирата, так и строга была его гражданско-правовая политика после окончательной стабилизации новой системы. Эта явно сдержанная позиция сохранялась долгое время, пока Клавдий снова не перешел к практике Цезаря. Сенека язвительно раскритиковал этот курс в «Отыквлении»: На предложение Меркурия дать наконец Клавдию умереть, богиня судьбы Клото ответила: «Я хочу дать ему еще немного времени, чтобы он одарил пару людишек, которые еще остались, гражданским правом» — (Клавдий решил увидеть в тоге всех греков, галлов, испанцев и британцев), «но так как многие считают, что нужно оставить несколько peregrinorum на разведение, и ты этого хочешь, пусть будет по-твоему».

Деятельность Нерона в области гражданско-правовой политики оценить трудно. С одной стороны, его администрация вынуждена была дистанцироваться от вызывающей щедрости Клавдия, с другой стороны, общеизвестна благосклонность этого *принцепса* к восточной части империи, но точно узнать размеры его предоставлений гражданства невозможно. Яснее положение при Флавиях: Веспасиан сохранил латинское право за всеми городами Испании и этим одновременно открыл его обладателям доступ к римскому гражданскому праву. Если запад империи занимал привилегированное положение при предоставлении латинского и римского права, то при Траяне больше принимался во внимание и дунайский регион, а при Адриане и последующих *принцепсах* — эллинистический Восток. В конце концов это привело к новой ситуации, которую Элий Аристид описывает в своей речи: «Большого внимания и восхищения заслуживает величие

вашего гражданского права и убеждения, которые вы с ним связываете. Нет ничего, что могло бы с этим сравниться. Вы всех подданных вашего права, — когда я это говорю, я подразумеваю весь земной шар, — разделили на две группы и везде сделали гражданами образованных, благородных и могущественных или даже совсем вашими родственниками, остальных же жителей империи вы считаете подданными и подневольными.

Ни море, ни пролегающие земли не являются помехой для того, чтобы стать римским гражданином, и ни Европа, ни Азия не имеют различия. Для всех открыты все пути. Не является чужим тот, кто показал себя достойным ответственной должности, наоборот, во всем мире при человеке, лучшем правителе и рулевом, воцарилась всеобщая демократия. Все стекаются на общую ярмарку, каждый, чтобы получить то, что ему надлежит».

Во времена принципата в процессе коллективных привилегий, благодаря урбанизации и щедрому предоставлению латинского права в провинции, римское гражданское право получило в общей сложности большее число лиц, чем благодаря преобладающей сначала в Риме форме индивидуального предоставления. Тем не менее этот способ продолжал существовать: в целом ряде случаев известны соответствующие петиции, которые *принцепсу* передавались через наместника. Важнейшим свидетельством подобных событий является найденная в 1957 г. в Марокко *Банастрианская дощечка*, копия трех деловых бумаг, которые свидетельствуют о предоставлении римского гражданского права семье берберского князя.

Сначала речь идет о копии официального письма Марка Аврелия и Луция Вера к наместнику *Мавритании Тингетаны*: «Копия письма наших императоров Антонина (М. Аврелий) и Вера Августов к Коедию Максиму: прошение Юлиана из племени цегренов, которое было доставлено как приложение к твоему письму, мы прочли.

Обычно римское право дается только тем представителям племен, которые заслужили это предоставление очень высокими заслугами, но так как Юлиан по твоему заверению принадлежит к самым почтеннейшим из своего племени, и так как по нашему мнению немногие семьи цегренов могут похвастаться такими заслугами, а мы бы хотели, чтобы по возможности больше людей воодушевилось почетной наградой, которую мы присудили тому дому и последовали примеру Юлиана, мы не колеблясь даем гражданское право ему, его жене Зиддине, его детям Юлиану, Максиму, Максимину и Диогениану, невзирая на сохранение ими их народного права».

Затем следует другое послание *принцепсов* Марка Аврелия и Коммода, в котором они спрашивают данные о возрасте членов семьи Юлиана для записи в римские административные книги, и наконец заверенная многочисленными свидетелями выписка из того служебного документа, который подтверждает предоставление *римского гражданского права*. Датированная 6.7.177 г. н. э. копия называет всех облагодетельствованных лиц и продолжает: «По запросу Аврелия Юлиана, вождя цегренов, который он подал в петиции и который письменно поддержал Валлий Максимиан, мы дали этим лицам римское гражданское право, сохраняя народное право и не урезая подати и доходы народа и фиска» (Из книги К. Фрайса «Исторические надписи времен римских императоров». Дармштадт, 1984).

Если сравнить этот текст с предоставленными около 200 лет тому назад привилегиями капитану Селевку из Родоса, то становится понятной проблематика, возникшая между тем из-за многочисленных предоставлений гражданского права. Если сначала значительную часть награждения составляли материальные льготы, такие, как освобождение от налогов, защита собственности и другие привилегии в родном городе, то когда расширился круг полу-

чивших римское гражданское право и охватил семьи местных правящих слоев, подобное освобождение больше не сохранилось. *Банастрианская дощечка* отмечает теперь необходимую реакцию, отказ от освобождения от налогов и сохранение двойного гражданского права этих лиц.

Конечная стадия гражданско-правового развития в *Римской империи* нашла свое отражение в так называемом указе *Антонина Каракаллы* от 212—213 гг. н. э., который в искаженной форме передается на Гиссенском папирусе: «Император Цезарь Марк Аврелий Север Антонин Август сообщает: необходимо, чтобы я свои мысли прежде всего направлял на вещи, которые принадлежат к почитанию богов, так как я должен благодарить бессмертных богов за то, что они сохранили мне жизнь перед лицом такой опасности (предположительно заговор гетов). Поэтому я думаю, что я могу великолепным и благочестивым способом сделать то, что соответствует их величию, если я на равных началах предоставлю всем живущим в ойкумене римское гражданское право, причем не должно сохраниться ни одно из прежних ущемлений, кроме дедицийского» («Гермес», 91, 1963).

Даже если точное определение названной в конце группы *дедицищев* в современных исследованиях остается спорным, ясно одно, что Каракалла предоставил полное *римское гражданское право* исключительно большому количеству людей. В позднеантичном правовом кодексе *Дигестах* резюмируется, что указом императора Антонина (Каракалла) все живущие внутри римского мира были превращены в римских граждан. Соответствует ли фактам предполагаемая мотивация Каракаллы, это уже другой вопрос. По свидетельству Кассия Диона, *Указ Антонина*, наоборот, преследовал цель распространить налоги, которые платили римские граждане, на все население. Так как тогда налог на наследство повысился на 10%, последствия такой меры могли иметь большое значение. Как

бы то ни было, указ стал решающим этапом в рамках процесса нивелирования *Римской империи*.

При рассмотрении общего развития обнаруживается, что гражданско-правовая политика *принцепсов* не была направлена на быструю и полную правовую унификацию внутри *Римской империи*. Она предполагала культурные, а сначала и языковые предпосылки для предоставления латинского или римского гражданского права. Награждение этими правами, как правило, не приводило к приспособлению к римским нормам и не открывало путь к интеграции в римское гражданское сообщество: наоборот, оно констатировало, что политическая и культурная ассимиляция была уже осуществлена. Римское право поэтому не жаловалось, оно скорее узаконивало уже достигнутый статус.

Выявленная Л. Миттайсом противоположность между «имперским правом» и «правами народов» долгое время уважалась Римом, повсеместно соблюдались и признавались местные правовые традиции. Тем не менее было неизбежно, что в эти местные права и институты проникали элементы римского права, которые приобретали все больший вес благодаря обязательности римских законов и многочисленным юридическим решениям *принцепса*. Но признание римского права и постоянное расширение этой правовой сферы были достигнуты не административными актами и не путем имперского нивелирования, а явились результатом долгосрочного правового процесса.

Для характеристики определяющего внутреннего развития *Римской империи* при принципате укоренилось спорное и многогранное понятие «романизация». В его случае при доминирующей роли правовых категорий и критериев во многих регионах римской системы власти преобладали также и юридические аспекты, нормы личного и городского права. Это означает, что романизация часто сво-

дилась, с одной стороны, к предоставлению римского гражданского права, а с другой — к переносу римских форм городского права на городские центры провинций.

Однако на это узкое определение наслаивается гораздо более широкое. Следуя ему, романизация означала прежде всего принятие римских форм цивилизации, стиля жизни, языка, литературы, а также морали, представления о ценностях и религии. Классическое доказательство того, что понимаемая так романизация действительно преследовала эту цель, находится у Тацита в «Агриколе»: «Следующая зима прошла в благотворных мерах. Чтобы приучить с помощью наслаждений разбросанных, грубых и поэтому склонных к войне людей к спокойствию и досугу, он (Агрикола) лично побуждал их и гласно поддерживал, чтобы они строили храмы, рынки, дома, причем он хвалил расторопных и бранил ленивых: так принуждение уступило место рвению. Он разрешил сыновьям князей обучаться свободным искусствам и ставил способности британцев выше усилий галлов, так что те, которые как раз отказывались от римского языка, теперь страстно желали научиться красноречию. Впоследствии наш облик даже добился признания, и часто можно было увидеть тогу. И постепенно перешли к удобствам, к портикам, баням и изысканным пиршествам. И это у неискушенных называлось культурой, тогда как это было частью рабства».

Сообщение о деятельности наместника в Британии могло иметь риторическую направленность, на деле же оно содержит, вероятно, рациональное зерно. Однако как бы ни были сильны тенденции к романизации во всех частях империи, они тем не менее не привели к нивелированию и унификации по римскому образцу. Они повлекли за собой в старых городских провинциях иные результаты, чем в военизированных пограничных зонах; слияние местных и римских богов на Ближнем Востоке имело иные

последствия, чем в Британии или Германии. Если романизация на Западе нередко означала восприятие технической и духовно превосходящей культуры, то на Востоке она говорила всего лишь о готовности признать римскую власть, администрацию и особые формы точно так же эллинизированного римского мира, который, как чувствовали местные жители, они далеко превзошли на основе своих древних традиций греческой или восточной культуры.

Пограничные зоны и предполье империи

Начиная с 1 века до н. э. в Риме были заимствованы древние эллинистические представления, которые отождествляли римское господство с господством над всей *ойкуменой*, то есть над всем цивилизованным миром по средиземноморским представлениям, а выражаясь по-римски, над *земным шаром*. Эта концепция существует в официальных текстах, символически она выражена применением глобуса на римских монетах, который олицетворяет мировое господство. Изображения на монетах интерпретировались не только как попытка изобразить положение *ойкумены* на земном шаре, но и как символ *мировой империи*. Какой бы ни была картина мира у жителей империи, представляли ли они его окруженным океаном диском или шаром, их *мир* охватывал земной шар и вселенную, и над этим *миром* господствовал Рим.

Каким бы комплексным ни было это представление, оно не предполагало, что вся земля тоже занята римлянами или управляется ими. Противоречия между идеей римского мирового господства и военно-политической реальностью существовали с самого начала. Следуя традиции Александра, римские полководцы всегда мечтали стяжать себе славу, пройдя до границ *ойкумены*: Помпей со своим походом к Каспийскому морю, Цезарь со своими наступлениями до северо-западной оконечности Иберийского

полуострова и позже в Британию. Однако оба полководца прервали эти широкомасштабные операции. Нечего было и думать о прямом и длительном овладении всеми затронутыми землями.

Контраст между претензией на мировое господство римской державы и фактически покоренными территориями, а также инструментарий и формы римского влияния в пространстве по ту сторону пограничной зоны обнаружались еще при Августе. Сформулированный только после его смерти заголовок латинской копии его «Деяний» говорит о том, что он подчинил *земной шар* империи римского народа. Характерно, что Август похваляется прорывами своего войска и флота в регионы, в которые до этого не заходило ни одно римское войсковое соединение, будь то дакские земли по ту сторону Дуная, города Аравии и Эфиопии или родина кимбров. Альбинован Педон, участник походов Германика 15—16 гг. н. э. позже описал переживания во время одного из таких продвижений на Северное море и тем самым к границам римского мира:

Они увидели, что оставили за собой день и солнце,
Уже давно они идут за пределами знакомых
Границ их мира через ужасные сумерки
К концу вселенной, к крайним морским берегам земли,
К тому океану, который отовсюду под своими волнами
Приносит страшных чудовищ, быстрых акул и тюленей,
Которые подхватывают и подбрасывают вверх корабли.
Они уже думают, что корабли застряли в тине, что
Флот покинут быстрым ветром, а сами они отданы на
съедение зверям.

И один из них, который пыгается с высокого буга
Острым взглядом пронзить туманную ночь, но не может
Ничего различить, с сжавшимся сердцем разражается
словами:

«Куда нас теперь уносит? Даже сам день спасается
Бегством и оставленный позади мир закрывает
Край природы вечной тьмой. Ищем ли мы

По ту сторону полюса народы? Или другой мир,
Где не веют ветры? Сами боги зовут нас назад,
Они запрещают человеческим глазам смотреть на конец
мира.

Зачем же мы раним веслами далекое море и
Священные воды и тревожим тихую обитель богов?

(Сенека Старший. «Увещательные
речи» 1, 15).

Представление Августа о *Римской империи* включало, однако, племена и народы, которые этой империи не повиновались, он хвастался тем, что расширил границы всех прилегающих римских территорий. Он говорит об усмирении испанских и галльских провинций, Германии до устья Эльбы, причем именно в этом регионе он сознательно умалчивает о том, какая конкретно территория имеется в виду. Совсем другое средство используется при описании внешнеполитических успехов на Востоке. Большое количество имен царей и князей скрывает настоящее положение во все еще спорной Армении. Достигнутый с большими усилиями дипломатический успех 20 г. до н. э. был преподнесен так, будто бы парфяне попросили дружбы римского народа.

Установление дружеских отношений через посольства далеких стран, прежде всего из Индии, откуда раньше никогда не прибывали послы, в дальнейшем посольства от бастарнов, скифов и сарматов, от царей альбанов, иверов и мидян свидетельствуют о радиусе римского престижа не меньше, чем прием царей и князей соседних государств, для которых римский *принцепс* стал могущественной поддержкой. Этому соответствует тот факт, что чужие народы выпрашивали у Августа царей. Названные подробности, конечно, нельзя переоценивать, однако они показывают, что империя уже при Августе распространила свое влияние далеко за границы провинций и за погра-

ничные зоны. Как и внутри империя, несмотря на сознательно установленную Августом когерентность ее составных частей, отнюдь не состояла из унифицированных элементов, так и извне была связана контактами дружественных отношений со своим предпольем.

Да, только эти контакты позволяли удерживать притязания на господство над всем *земным шаром*. Хотя старые римские основополагающие категории в области дипломатии и внешней политики, *дружба* и *верность* давно уже стали ненадежными, принципат все же перенял их и подчинил, как испокон веков, своим интересам. Хотя владыки и племена хотели поддерживать дипломатические или дружественные отношения, они при этом преследовали другие цели, чем империя, и исходили из других содержания и обязательств этих контактов, чем римская сторона.

Современная наука долгое время фиксировала свое внимание на границах по рекам, которые в конце концов были оценены как «моральный барьер» между римлянами и варварами. Против такого представления говорят не только военные и политические достижения, но и прежде всего тот факт, что общее и суммарное понятие «варвары», для обозначения всех живущих за пределами империи неримлян, преобладало в идеологии Рима только в поздней античности. Сколько усилий приложил Тацит в «Агриколе» или «Германии», чтобы постичь своеобразие отдельных британских и германских племен!

Во всех пограничных зонах сначала мерилom были военные цели, к которым относились из соображений безопасности текущие разведка и контроль предполья. К ним принадлежали пограничные патрули в Британии, на Рейне, в Сирии, Аравии и Северной Африке. Создание «клиентельных огромных государств» и вассальных государств, династии которых были связаны с Римом, стало обычным с давних пор. Оно привело при Августе к назначе-

нию вассальных царей. Одним из самых известных является случай с Италиком: «В том же году (47 г. н. э.) народ херусков попросил у Рима царя, так как их дворянство было истреблено во внутренних междоусобных войнах, и остался единственный человек царского происхождения по имени Италик, который (в принудительном порядке) жил в Риме. Его отцом был Флав, брат Арминия, матью — дочь хаттского царя Актумера, сам он был красив собой и искусен во владении оружием и верховой езде, как по нашим правилам, так и по правилам своего отца. *Принцепс* (Клавдий) вдоволь снабдил его деньгами, дал ему множество сопровождающих и поручил принять сан своего дома. Он был первым, кто родился в Риме, и занял трон чужой страны не как заложник, а как римский гражданин» (Тацит «Анналы», XI, 16).

Хотя Тацит констатирует, что эта форма политического влияния не всегда сохранялась и прежде всего редко была постоянной, римские монеты, как рупор официальной политики, прославляли назначение вассальных царей, хотя страна, о которой шла речь, не находилась под непосредственным римским руководством. Но представители иностранных ведущих слоев были обязаны римлянам и в другом: развитие дипломатических миссий и контактов засвидетельствовано не только литературно, но и доказано вещественными компонентами, находки на германском севере целого ассортимента римской бронзовой и серебряной посуды объясняются, хотя бы частично, такими связями.

В этом секторе тоже не существовало строгой системы. Если толкования британских археологов соответствуют действительности, то во 2 в. н. э. на территории северо-восточнее от вала Адриана римские контрольные посты предполья были продвинуты вперед, тогда как на северо-востоке римляне полностью положились на лояльность древних римских союзников вотадинов. Регулирование от

случая к случаю относилось также и к вербовке вспомогательных групп на территориях по ту сторону границы, к временной помощи специалистами, как у Децебала, и к контролю за торговлей: «Ближе... расположено племя гермундуфов (между Майном и Дунаем), оставшееся верным римлянам. Поэтому только им одним из германцев был разрешен товарообмен не только по берегу, но и глубоко внутри и в богатейшей колонии провинции Реция (Ангсбург). Повсюду они проходили без контроля...» (Тацит «Германия», 41).

По крайней мере временное расположение к гермундурам не стало общей нормой так же, как строгий контроль за тенктерами на Рейне или закрепление мест и времени для торговли, которое предписал маркоманнам Марк Аврелий после 173 г. н. э. Однако какими бы значительными ни были эти распоряжения для жизни пограничных соседей, они по своим последствиям даже близко не достигли того вмешательства, к которому прибегала римская политика на Рейне и Дунае во времена Цезаря для стабилизации положения на границах: переселение целых племен или неоднородных групп населения.

Очевидно, что такие насильственные или по крайней мере неконтролируемые акции по переселению во времена Цезаря и Августа предпринимались гораздо чаще, чем в последующие десятилетия, когда они проходили в большом объеме прежде всего на Нижнем Дунае. Сначала серьезные изменения претерпели рейнская зона и ее окружение, когда гелветы, группа Ариовиста, убии, сигамбры, хатты, маркоманны и гермундуры со своими соседями, прямо или косвенно пострадавшими от этих акций, сменили места своего проживания. Если римская сторона почти до середины 2 в. н. э. была контролирующей и взвешенной властью, то в последующее время закон о торговле распространялся, как правило, и на другую сторону.

Представление о римском господстве над всем зем-

ным шаром сначала отождествлялось с господством римского сената и римского народа или с восприятием города Рима как *столицы вселенной*. Со времени основания принципата само собой напрашивалось видеть в принцепсе гаранта счастья, стража и отца всего земного шара. Если сами *принцепсы* сначала были сдержанными по этому поводу, то такое отношение уже с давних пор отображалось в почетных надписях и стихах. Это не прекратилось в году четырех императоров и при Флавиях, когда *мир на всем земном шаре* прославлялся как достижения разных *принцепсов*.

То есть была образована связь между *принцепсом*, *империей* и *вселенной*. Однако не у всех принцепсов замечается столь ярко выраженная концепция империи и мирового господства, как у Августа. Ключевое положение в общем развитии занимает Адриан, который перенес свое влияние на весь земной шар и на государственных монетах прославлялся как обновитель и благодетель всей *ойкумены*, как *восстановитель* и даже *обоганитель всего земного шара*. Целью Адриана было удовлетворить интересы города Рима, всех провинций и всей земли. Так, для него характерно, что он, с одной стороны, в долгих и утомительных путешествиях посещал провинции, чтобы ознакомиться с их проблемами, с другой, он приказал обозначить новыми маркировочными камнями священную границу города Рима, *померию*. Желание отгораживания диктовало также систематическую фиксацию и реорганизацию укрепленных границ империи, которые в первую очередь были предназначены для надзора, а не для обороны.

Мы снова сталкиваемся с явным противоречием римского мышления, а также римской системы господства: в таких действиях, как обновление *померии* и систематическая реорганизация укрепленных *границ*, проявляется римское стремление к четко установленному отграниче-

нию, стремление, которое конкретно выражено в расцвете римского землемерства, в образовании колоний с их детально упорядоченным наделением землей, или в таком документе, как Оранский кадастр. Если во всем этом на переднем плане стоит однозначное обозначение границ, то на эту фиксацию одновременно наложилась другая не менее важная основная структура: как показывают примеры поздней Римской Республики, область подчинения, провинция, опора империи, расположенная в глубоком предполье ее собственного круга задач, часто щедро расширялась. Империя Цезаря в Галлии так же характерна, как империи Помпея, Красса и Антония на Востоке.

Сверх этого концепция «иностранной клиентелы» выходила слишком далеко за рамки римско-италийского региона, чтобы обеспечивать и усиливать свое влияние и престиж также и на территориях с узкой экономической и политической сферой деятельности. Только предположительное наслоение обеих структур (одной закрытой и одной открытой) концепции господства объясняет очень противоречивое развитие в пограничном пространстве и в окрестностях империи.

Британия наряду с Германией была той римской пограничной провинцией, в которой интенсивнее всего изучались этапы оккупации, течение военных передвижений, а также структуры пограничного контроля и охрана границы. Поэтому пограничная политика и организация предполья в этом регионе могут служить примером для обобщения. Властные отношения британских племен Тацит описал следующим образом: «В древние времена ими правили цари, теперь же они раздроблены ведущими вельможами на партии и пристрастия. И для нас ничего нет полезнее, чем чтобы они не принимали решений в общих интересах. Редко собираются два или три племени, чтобы отразить общую опасность: сражаются они поодиночке, а побеждаются все вместе» («Агрикола», 14).

Ко времени вторжения при Клавдии и десятилетия спустя клиентельные цари были важнейшими партнерами римского господства. Как вернейшего из всех Тацит называет Когидубна, царя атребатов, который был удостоен Клавдием звания *царя и легата Августа в Британии* и в благодарность за проримскую деятельность награжден властью над другими городами. Тем не менее Тацит тут же указывает на то, что все это «произошло в соответствии с давним обычаем римского народа как средство порабощения даже и царей».

Действительно, были немислимы ни захват римлянами Британии, ни отстаивание и расширение их большого предмостного укрепления без сознательного использования соперничества и враждебности внутри ведущих царских и аристократических семей. Юго-восточная часть острова являлась особенно важной для Рима по географическим и экономическим причинам. Там находились большие территории, пригодные для снабжения зерном оккупационного войска, тогда как в горных регионах Запада и Севера располагались бедные подворья и маленькие поселения, жители которых к тому же оказывали жестокое сопротивление. Упорная оборона, которая одновременно осложнялась восстаниями в уже занятых областях, могла быть преодолена только ценой больших усилий. Это привело к тому, что регион за регионом с военной точки зрения подвергался преобразованиям, во всех частях острова появились дороги, маленькие крепости, укрепления и маршевые лагеря, пока наконец при Адриане не была принята первая последовательная попытка к окончательной и систематической охране и контролю занятых областей.

Построенный между 122 и 128 гг. н. э. 117-километровый «вал Адриана» включал целую систему элементов военной архитектуры. Проведенное между Солузэй Фертом и Тайном сооружение в своем конечном виде имело

стену высотой от одного до 3,5 метра, вокруг которой было расположено хорошо скоординированное гнездо маленьких крепостей, башен, рвов и валов. Оно гарантировало не только бесперебойный контроль всех прохожих и транспорта, но и давало возможность для вылазки маленьких гарнизонов в случае обороны.

После того как десятилетия назад Агрикола продвинулся до шотландской низменности и со своим флотом обогнул северную оконечность острова, проведение вала Адриана подтверждает окончательное отступление из северных пограничных районов. Однако уже при Антонине Пие снова началось продвижение на север, около 142 г. н. э. между Клайдом и Ферг-оф-Фертом был построен «вал Антонина» с расположенными впереди рвами, земляными сооружениями и деревянными укреплениями. Он блокировал северную часть Шотландии в самом узком месте острова. Однако эта новая концепция была непродолжительной. Уже в 184 г. н. э. вал Антонина ликвидировали. Потом Северы еще раз глубоко продвинулись в Шотландию, чтобы обеспечить находящееся под угрозой пограничное пространство.

Развитие событий в Британии показало, как было трудно надолго обеспечить римский порядок в побежденных областях и их предполье, несмотря на все военные успехи и применение превосходящих технических средств, если римская власть не опиралась на надежных союзников, если не привлекали удобства городской цивилизации. Пусть Агрикола еще мог мечтать о завоевании с помощью дополнительных средств Шотландии и Ирландии, но римское вмешательство в Британию со времен Нерона было спорным, баланс все равно оставался пассивным. Экономика экспансии ставила все более узкие границы слепому акционизму, который скрывал основные проблемы.

В германском секторе границ империи между Северным морем и Нижним Дунаем потребность в обеспечении

безопасности после поражения при Варе и Германике была очень большой. Она отражается в известном обзоре Тацита о германских войнах, который был написан в начале правления Траяна: «Нашему городу было 640 лет, когда в первый раз услышали об оружии кимбров в консульство Цецилия Метелла и Папирия Карбона (113 г. до н. э.). Если посчитать оттуда до второго консульства *принцепса* Траяна (98 г. н. э.), то получается около двухсот лет: так долго идут сражения за Германию. В течение такого длинного промежутка времени было много взаимных потерь. Не самниты, не пунийцы, не испанцы или галлы, даже не парфяне приходят чаще всего на память: ибо более дикой, чем царство Аршака, является свобода германцев. Что мог бы дать нам Восток, кроме убийства Красса, и это тогда, когда после поражения Пакора — он сам теперь лежал у ног какого-то Вентидия? Но германцы после того, как победили Карбона и Кассия, и Скавра Аврелия, и Сервилия Цепиона и Максима Маллия (полководцы войны с кимбрами), вместе с ними отняли у римского народа пять консульских войск, Вара и с ними три легиона и небезнаказанно разбили их на их собственной территории Г. Марий в Италии, божественный Юлий в Галлии, Друз и Нерон (Тиберий), и Германик; после этого чудовищные угрозы Гая Цезаря (Калигула) превратились в посмешище. Потом наступило спокойствие, пока они, воспользовавшись нашими раздорами и гражданской войной (восстание батавов), завоевали зимний лагерь легионов и даже пытались завоевать Галлию; и оттуда их прогнали, но в последнее время больше праздновали триумфы над ними, чем побеждали» («Германия», 37).

Фактически наступление Друза Старшего, Домиция Агенобарба и Тиберия, которые были проведены вовнутрь Германии, на ретроспективный взгляд, являются только эпизодами римско-германских столкновений. После взятия назад правобережных рейнских позиций в 16 г. н. э.

под римским господством находились только фризы на побережье Северного моря между Рейном и Эмсом. Но и они в 28 г. н. э. подняли восстание, когда над ними издевался ответственный за их подати военный интендант. Римские солдаты, которые взимали повышенные подати, были распяты фризами, легат Л. Апруний — побежден. Тем не менее дальнейших римских наступлений не последовало, пока Корбулон не развернул на Нижнем Рейне военные операции. Так как Клавдий из-за своих британских операций не хотел подвергаться риску в Германии, а наоборот, перешел к последовательной оборонительной политике, Корбулон в 47 г. н. э. был отозван, и были убраны последние опорные пункты к востоку от Нижнего Рейна. Последовало строительство крепостей на Нижнем Рейне.

Относительно небольшой интерес римлян к племенам побережья Северного моря становится понятным, когда представишь себе сообщения очевидца — Плиния Старшего: «Сильным потоком заливают океан два раза за день и за ночь необозримое пространство. Он так покрывает землю, за которую стихии ведут вечную борьбу, что нельзя различить, что принадлежит суше, а что морю. Там, на высоких холмах, живет убогий народец, хавки. Холмы, как высокие ораторские трибуны, возведены человеческими руками и такой высоты, какой бывает самый высокий прилив. Здесь они построили свои хижины. Когда прилив все вокруг заливают, они похожи на мореплавателей, а когда вода убывает — на потерпевших кораблекрушение. Вблизи своих хижин они ловят рыбу, которая уходит вместе с морем. Они не держат скота и не питаются молоком, как их соседи; даже невозможно охотиться на диких зверей, так как вокруг не растет ни одного кустика. Из морских водорослей и ситника они плетут веревки, а потом делают из них сети для рыбной ловли. Своими руками они собирают грязь и сушат ее больше на вет-

ру, чем на солнце; с помощью этого торфа они готовят себе еду и греют окоченевшие от северного ветра члены. Пьют они только дождевую воду, которую собирают в ямах, расположенных в передних их домов. И эти люди утверждают, что если римский народ их победит, они будут рабами!» («Естественная история», XVI, 2).

Хотя со времен Клавдия римская пограничная политика в Нижней Германии определялась принципиально оборонительной позицией, именно в этом районе разразилось большое восстание батавов в 69—70 гг. н. э., после которого началась систематическая реорганизация всех военных опорных пунктов. Потом центр тяжести римской военной активности переместился в верхнегерманский сектор, в котором столкновения с хаттами вынудили римлян к новым наступлениям. Они вылились в Хаттскую войну Домициана, в строительство укрепленных границ, которое продолжалось вплоть до Антонина Пия. Южнее этой горячей точки на Верхнем Рейне, наоборот, нечего было опасаться ни больших германских наступлений, ни надеяться на экономическую выгоду. Пренебрежение, с которым говорит Тацит о жителях *десятинных полей* в тылу укрепленных границ, достаточно ясно показывает, каким малопривлекательным в глазах римлян было это пространство.

Если разнообразные сооружения для охраны границы однозначно концентрировались в рейнской зоне, а позже вдоль укрепленных границ, римские войска, однако, продолжали продвигаться в узкое предполье, если для этого существовали выгодные для них цели: в Нижней Германии до конца 1 в. н. э. использовались отдельные земли, был построен даже военный кирпичный завод, в Драхенфельсе в Семигорье добывался трахит, в районе Бонна письменно засвидетельствовано существование пастбищ. Точно установлено, что в Висбадене при Клавдии римляне пользовались тепловыми источниками. С другой сто-

роны, германские поселения были чрезвычайно редкими в непосредственной близости от верхнегерманско-ретийской укрепленной границы.

Из племен восточнее Рейна и севернее Дуная формировались германские вспомогательные группы под командованием местных вождей, что одновременно укрепляло положение германских предводителей. Правда, нередко реакция на римские инициативы способствовала расколу среди племенной знати. Конфликты между Арминием, с одной стороны, его братом Флавом и его тестем Сегестом — с другой, являются известнейшим примером последствий анти- и проримской политики одной семьи.

Позже контакты с Римом способствовали еще большему расслоению германского общества. Ярко описанное Тацитом положение германской знати распознается по величине их подворий и особым формам погребения вдуших слоев. Как показывают раскопки, со времени контактов с римской цивилизацией возросли материальные запросы германских вельмож, развитие, которое повлекло за собой расцвет германского ремесла.

Римские военачальники и наместники внимательно следили за образованием новых концентраций власти в германском регионе. Это относится к власти Марбада в Богемии во времена Августа и Тиберия, Ванния в районе Марша во времена Клавдия. В обоих случаях Рим воспользовался внутригерманскими раздорами, которые мешали стабилизации подобного формирования власти. Но еще во 2 в. н. э. римские опорные пункты в Марше и Тайя были далеко продвинуты в район севернее Дуная, пока войны с маркоманнами полностью не изменили положение, и теперь отстаивание дунайских границ стало первоочередной целью римской политики.

Развитие на Нижнем Дунае связано с дакскими войнами и было уже подробно описано в рамках войн при Марке Аврелии. Там и в предполье Боспорского клиен-

тельного царства Рим столкнулся с одной народностью, принадлежащей к сарматским группам, которая твердо держалась за свое кочевническо-пастушеское существование, находилась в постоянном движении и ускользала от римского контроля, поэтому охрана римской границы требовала постоянного внимания. Передвижения этой сарматской группы, аланов, язигов, роксоланов, которые охватывали в первых двух веках нашей эры обширные пространства Парфянского царства, районы Кавказа, Крыма, Нижнего Днепра и Дона, вплоть до Нижнего Дуная и Венгерской низменности, в подробностях не выяснены. Будучи трудноуловимыми и непривычными лучниками, сарматские всадники сбивали с толку римскую оборону. Только большие акции по переселению, такие, как при Плавте Сильване Элиане в начале 60-х гг. н. э. на Дунае, принесли небольшую передышку. Уступчивость Рима в отношении этих племен может служить признанием того, что средства и возможности римской политики перед лицом такого противника были крайне ограничены.

Надежным союзником Рима в борьбе против сарматских племен веками оставалось клиентельное государство Боспорского царства на Керченском проливе, начиная с Котиса I (45—71 гг. н. э.) и Рескупориса I (71—92 гг. н. э.) в этом периферийном вассальном государстве начался благодаря военной и финансовой поддержке Рима экономический расцвет, который значительно способствовал политической стабилизации всего региона и тем самым образовал противовес кочевникам Южной России и предполья Кавказа. С римской точки зрения, поддержка Боспорского царства полностью себя оправдала. Здесь к тому же имел место один из редких случаев, когда такое зависимое царство не находилось под непосредственным управлением римлян.

В отличие от остальных границ империи ситуация на

Востоке характеризовалась соседством и тенденцией к экспансии другой великой империи. Прежде всего здесь не прекращались раздоры с парфянами вокруг Армении. Демонстративные акты, такие, как возвращение Августу штандартов и пленных в 20 г. до н. э. или возведение в Риме на трон Армении в 66 г. н. э. Тиридата, брата парфянского царя, были скорее неизбежными компромиссами, чем выражением длительного и конструктивного политического сотрудничества. Для него могли быть точками соприкосновения угрожающие обеим империям нападения аланов или обеспечение междугородной торговли, однако у обеих сторон преобладали хроническое недоверие и желание использовать в своих интересах смену положения в Армении и каждое внутреннее ослабление противной стороны.

Тем не менее в Риме в течение 1 в. н. э. внедрилось представление о сосуществовании двух одинаково могущественных великих империй. Такие трезвомыслящие авторы, как Помпей Трог Страбон, Плиний Старший и даже Иосиф Флавий, не сомневались в том, что обе империи были равными по значению. Можно по-разному оценивать вопрос о значении, качество межгосударственных отношений и специфику международно-правовых обменов, но ничего нельзя изменить в том факте, что великое Парфянское царство не вписывалось в римские представления о мировом господстве.

Большие римские наступления на Парфянское царство при Траяне, Луции Вере и Северах неоднократно приводили к взятию парфянской столицы Ктесифона и значительно способствовали ослаблению соседнего государства, но нельзя было и думать об окончательном устранении великой державы. Когда парфянский правящий дом Аршакидов был поддержан новыми силами (224 г. н. э.), которые создали «новоперсидскую» империю Сассанидов, Рим заплатил дорогую цену за изменившееся положение.

Ухудшившаяся ситуация на римской восточной границе в отношении Армении, Парфянского государства и Аравии потребовала значительных военных и материальных усилий. Они проявлялись не только в строительстве больших легионерских лагерей, но и в сооружении многочисленных крепостей, маленьких укреплений, дорог, мостов, башен и постов, которые должны были держать под контролем речные переправы, караванные пути, пути подхода и особенно питьевые источники. Вся система по причине географических данных имела структуры, которые существенно отличались от относительно универсальных сооружений в Британии, Германии и на Нижнем Дунае. К этому надо добавить, что состояние исследований на Ближнем Востоке в последние десятилетия значительно продвинулось вперед, но хронология отдельных сооружений вызывает сомнения и неуверенность.

На юго-восточном побережье Черного моря основное звено римской пограничной охраны представлял Трапезунд. Этот важный порт был перевалочным пунктом для транспортировки зерна из Боспорского царства и для обеспечения обоих легионерских лагерей в районе Верхнего Евфрата, Саталы и Метилена. Поэтому Трапезунд охранялся римским *понтийским* флотом и подразделением легионеров. К тому же еще при Флавиях римские крепости были продвинуты до побережья Колхиды, маленькие римские поселения засвидетельствованы инспекцией Ариана во времена Адриана даже на Фасиде и в Диоскурии — Севастополе.

Основанные со времен Веспасиана легионерские лагерь в Сатале и Метиленах прикрывали с востока провинцию *Каппадокия*. Из Саталы контролировалась дорога от долины реки Ликос до долины реки Аракс, из Метилены — дороги, ведущие через Кайзарею и Арабиссу в долину реки Арсания. Целый ряд крепостей и особенно оживленное строительство дорог свидетельствуют об интенсив-

ности пограничной политики Флавиев в этом малознакомом высокогорном секторе, из которого римские соединения могли быть использованы как для обороны от ала-нов, так и для интервенции в Армению.

От Тавроса до Суры, важной крепости на Евфрате, простиралась северо-сирийская укрепленная граница, на которой находились легионерские лагеря Самосата и Зевгма. Самосата, бывшая резиденция правителя Коммагены, позже в Траяново время оставалась свободной, Зевгма же еще при Тиберии охранялась одним легионом. И на этом отрезке границы были построены дороги, мосты, черпальные механизмы для воды, крепости, сторожевые башни, чтобы постоянно контролировать необозримое пространство, но также, чтобы облегчить переброску войск для запланированных наступлений против Парфянского царства.

Арабско-сирийскую границу отличала та разрушенная система опорных пунктов, которую обнаружили Р. Мутерд и А. Пойденбард с помощью аэрофотосъемки. Эта система идет от Суры на берегу Евфрата вдоль Джебель Бишри и Джебель Абу Риджмеи до большого караванного города Пальмиры. Потом она следует до Дамаска и, наконец, через массивы вулканов Гаурана достигает Бостры, столицы римской Аравии. Сеть замков и опорных пунктов, которые были неравномерно размещены на расстоянии самое большее в 45 км, друг от друга, что составляло один день пути каравана верблюдов, служила для систематического наблюдения за водными источниками, местами пастбищ и для передачи информации. И в этом секторе строительство коммуникаций было характерным сопровождающим явлением римского надзора за границей, который был особенно усилен при Траяне, Септимии Севере и Диоклетиане и достиг своей кульминационной точки в прокладе *Дороги Диоклетиана* от Бостры через Пальмиру, Резафу и Суру.

Интенсивные усилия римских *принцепсов* по охране и контролю восточных границ империи объясняются не только географическим положением, не менее важными были воздействия общего политического развития, прежде всего в Армении и в Парфянском царстве, а также намерение контролировать международную торговлю на суше и на море в Двуречье, в направлении Аравии и Индии. Помпей, Цезарь и Август находились при этом в тени Александра Великого: именно контакты с Индией возбуждали фантазии населения империи. Для Горация путешествия в Индию являлись типичными для деятельности неутомимого купца, для Сенеки морское путешествие от берегов Испании до Индии при попутном ветре было делом нескольких дней, даже при использовании муссона; это, конечно, преувеличение, но оно показывает, что Индия находилась на римском горизонте и казалась достижимой.

Очень трудно составить достоверную картину о действительных размерах и интенсивности этих связей из относительно небольших литературных данных о римско-индийских контактах или из известных папирусов и надписей, а также из археологических находок. Эти связи в I и 2 вв. н. э. отождествлялись совершенно очевидно с роскошью и экзотикой. Может быть, не нужно переоценивать доказанные немногочисленные соприкосновения с индийской философией, которые затронули даже Клементя Александрийского. В отличие от угрозы, исходящей от аланов в кавказском регионе и в отличие от недоверия, с которым империя следила за событиями в Армении и Парфянском царстве, Индия оставалась ценным деловым партнером, к которому Рим мог относиться без враждебности. То, что эти контакты существовали, скорее укрепляло самосознание имперской власти.

Египет и *Киренаика* занимали особое положение внутри римских пограничных зон. После стабилизации египет-

ско-нубийской границы при Августе римские войска стояли в дельте Нила, в оазисах и нескольких опорных пунктах на восточном побережье страны. Исключительным случаем было, когда при Нероне преторианский отряд предпринял разведывательный поход от египетской южной границы. Пока римской международной торговле не наносился ущерб, Рим довольствовался сохранением «*статус-кво*»; больших вражеских нападений нечего было опасаться. В *Киренаике*, наоборот, римская пограничная охрана была сконцентрирована на защите в большинстве своем не окруженных стенами прибрежных городов Аполлония, Кирены, Птолемей, Арсиноя и Береника, которые к тому же соединялись сетью дорог и охранялись единичными постами.

Подобные географические трудности определяли положение на отрезке так называемой *Триполитанской укрепленной границы*, к которому относились сооружения между Аре Филенорум на востоке и Туррис Тамаллени на западе. В I в. н. э. непосредственной опорой этой почти тысячекилометровой пограничной полосы была еще и идущая вдоль побережья дорога. В центре военных приоритетов там тоже стояла охрана торговых мест и таких значимых портов, как Лептис Магна, Оея и Сабрафа, а также охрана маслиновых плантаций в Триполитании. Создание оборонной зоны с крепостями, продвинутыми вперед постами и военизированными поселениями началось только при Северах.

В центральных североафриканских провинциях Рима, в *проконсульской Африке* и в *Нумидии* экономическое развитие при принципате также определялось преобладанием средиземноморских прибрежных регионов. Где только возможно, с помощью оросительных сооружений в долинах рек и на склонах гор развивалось возделывание зерновых культур и оливок, и таким образом вокруг старых культурных ландшафтов образовалось пространство, где

велось кочевое или полукочевое пастбищное хозяйство. Идущие на восток и на запад укрепленные границы часто отделяли области возделывания зерновых культур и оливок от южных степей, гор и возвышенностей. С помощью этой системы делались последовательные попытки держать под контролем от кочующих племен рынки и источники воды, чтобы заблаговременно заметить и сдержать вторжения кочевников.

В Нумидии и на северо-востоке *проконсульской Африки* римская граница при принципате передвинулась дальше на юг с помощью продвижения вперед крепостей и коммуникационных линий. При Траяне южнее гор Ареса и восточнее легионерского лагеря Ламбезис была проложена дорога между опорными пунктами Берцера, Ад Бадна и Ад Майорес. При Адриане оттуда восточнее в Вади Джели у опорного пункта Гемелы началось строительство так называемого *Африканского рва* шириной до 10 метров, который был укреплен валом, в отдельных местах каменной стеной, сторожевыми башнями и крепостями. Как и в Сирии, здесь обнаружение системы длиной около 750 км тоже является одним из первых достижений аэрофотосъемки (Ж. Барадес).

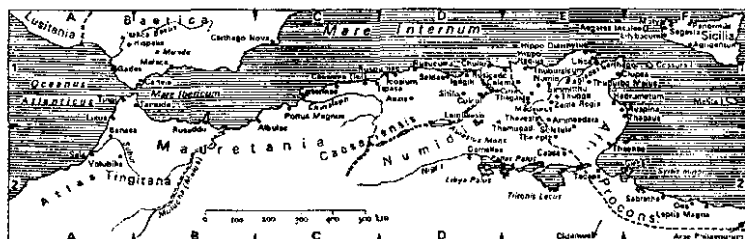

Рис. 36. Североафриканские провинции

Менее ясными представляются этапы перемещений границы и сооружений в провинциях *Цезарейская Мавритания* и *Мавритания Тингитана*. Об общем продвижении

на юг пограничных постов в *Цезарейской Мавритании* свидетельствуют межевые столбы, надписи, дороги и крепости, но хронология в деталях остается спорной. В *Тингитане* соответствующие сооружения были укреплены, наоборот, с западной части. Так, из района Рабата на расстоянии более 20 км был вырыт ров, который шел параллельно *Африканскому рву*. Другие следы пограничных укреплений, как правило более позднего времени, находятся в окрестностях Волубила, Мекнеса и Феса. Систематической разведки общей системы еще не было.

В итоге можно сказать, что из общей окруженности *Римской империи*, составляющей около 16 000 километров, десятая часть была защищена пограничными сооружениями со стенами или валами и около двух десятых — системой опорных пунктов с крепостями, наблюдательными постами и другими элементами предохранения. По своим размерам и качеству римская система охраны границ принадлежит к самым обширным сооружениям этого рода. В основных частях построенная в 3 в. до н. э. Великая китайская стена тянется на расстояние 5 000 километров от восточного края бассейна реки Тарим до залива Тшили, прежняя граница империи инков 15 в. н. э. на восточном склоне южноамериканских Кордильер и эквадорских Анд, проходящая до юга Боливии, имеет длину около 3 500 км. В обоих случаях эти пограничные укрепления охраняли земледельческие цивилизации от кочевников и других флуктуирующих народностей.

В случае римских пограничных сооружений решающими были экономические импульсы и последствия систематического устройства границ и предполья. Даже на малопривлекательных на римский взгляд *десятичных полях* в тылу верхнегерманской границы находились многочисленные большие и маленькие поселения, *деревенские виллы*, гончарни, заводы по обжигу извести, каменоломни, колодцы, водопроводы, бани и дороги длиной в не-

сколько сот километров. В Сирии и в Северной Африке вследствие римского вмешательства границы постоянного заселения находятся восточнее и южнее современного сельскохозяйственного использования. В Сирии, Ливии, Тунисе, Алжире и Марокко после сооружения укрепленных *границ* были интенсивно заселены в общей сложности тысячи квадратных километров, оборудованы оросительными системами и защитой от эрозии. Они использовались для выращивания зерновых культур, оливок и даже винограда. Разумеется, римская организация предполья нередко нарушала жизненный ритм соседних кочевников, которые воспринимали контроль римских постов как покушение на их свободу, но и они безусловно извлекали пользу из римского освоения.

Римская пограничная политика и организация предполья определились наслоением закрытых и открытых концепций господства. Укрепление *границы* и система опорных пунктов удивительно согласовывались с региональными требованиями и возможностями; преобладали многообразие и целесообразность. Даже в военных постройках целевого назначения, как и в римских светских сооружениях, отражалось стремление к прочности, к «бессмертию», которое Буркхардт однажды назвал характерным признаком этого вида римской архитектуры.

**Экономическое
развитие**

И для экономического развития империи при принципе стрелки были поставлены еще при Августе. При этом в последующее время те рамочные условия, которые создал первый *принцепс*, и те косвенные импульсы, которые он дал, оказались важнее, чем относительно небольшие прямые вмешательства будущих *принцепсов* в экономические структуры. С самого начала принципат гарантировал собственность и имущество; он не препятствовал экономической деятельности, но облегчал ее созданием и охраной всех транспортных связей и обеспечением относительно стабильной валютной системы. Новые рынки, которые создали перемещения легионов и вспомогательных групп на периферии, продолжали существовать и бурно развивались. Короче говоря, принципат гарантировал в экономическом секторе безопасность и преемственность. Ни в одном секторе внутреннего развития империи значение региональных факторов и разницы между разнообразными землями не было таким большим, как в сфере экономики, которая создавалась постоянными взаимоотношениями между воздействиями имперских импульсов и местных экономических условий. В связи с этим вряд ли возможны обобщающие высказывания и утверждения. Тем не менее не была бы оправдана простая агломерация описаний подобластей экономической реальности империи.

Рамочные условия и центральные факторы

Для Римской империи не существовало теории систематической экономической политики. Ее нормы были само собой разумеющимися: обеспеченный мир сохранял счастье и благополучие, экономический расцвет Италии и провинций, стабильность и внешнюю и внутреннюю безопасность, то есть давал элементарные предпосылки для оптимистического существования. Ни один из римских *принцевсов* не пропагандировал специальной экономической политики, но действовал прагматически в случае кризисных ситуаций. Они пытались, как Тиберий, разрешить проблемы валюты и кредитов, поддерживать виноделие и выращивание зерна в Италии, как Домициан, стабилизировать итальянское сельское хозяйство, как Нерва и Траян.

Не меньшее значение, чем подобные импульсы, имели обращения пострадавших лиц к прокураторам, наместникам и, наконец, к самим *принцевсам*, за которыми следовала отмена принудительных работ и восстанавливались существующие договорные нормы. Сумма этих в большинстве случайно сохранившихся решений экономических интересов из всех частей империи значительна, и благодаря этому центральные инстанции империи гораздо более часто сталкивались с экономическими проблемами, чем об этом свидетельствуют немногочисленные законо-

дательные и административные основополагающие решения.

Римская империя была тождественна распространению денежного хозяйства в Средиземноморье внутри единых политических рамок. Для структуры чеканки монет при принципате характерно, что она состояла из координации разнообразных систем. Государственная чеканка, как основополагающая, дополнялась провинциальной и местной чеканкой; к типам государственной чеканки присоединялись, особенно на периферии империи, так называемые варваризации, или дополнительные чеканки. Полная унификация чеканки монет империи произошла только в поздней античности.

Система государственной чеканки, которая в основном просуществовала до эпохи Северов и потом рухнула в инфляциях 3 в. н. э., состояла из весовой тарификации всех сортов металла. Высшим регулярным номиналом был золотой динарий, который со времен Цезаря соответствовал сороковой части римского фунта (около 8 г) и был равноценен 25 серебряным динариям, являвшимся важнейшими и типичными единицами римской серебряной валюты. Если при Августе римский динарий содержал, как правило, около 4 г чистейшего серебра, то при Нероне его вес снизился почти до 3,4 г и одновременно ухудшилось чистое содержание монет и при Северах составляло только около 50%.

Динарий соответствовал четырем сестерциям, латунным монетам, которые при Августе весили около 27 г, но впоследствии потеряли в весе. Динарий и сестерций были важнейшими единицами римской денежной системы. Для повседневного денежного обращения на рынках и в сфере услуг они представляли слишком высокую стоимость. Эту повседневную потребность в более мелких видах денег покрывали дупондии, ассы и квадранты. Сестерций соответствовал двум дупондиям, один дупондий — двум ас-

сам, асс — четырем квадрантам. Тогда как дупондий при принципате изготовлялся из латуни и его вес понизился с более 13 г на менее 10 г, асс был кредитной медной монетой весом около 11 г. В отличие от больших эмиссий обычных номиналов очень редко чеканилась мелкая монета — квадранты.

Монеты этой системы римской государственной чеканки изготовлялись после окончания гражданских войн не только в самом Риме. Их производство вошло в практику римских военачальников, которые покрывали денежную потребность на театрах военных действий эмиссиями под их собственным контролем. Этим объясняется то, что еще при Августе значительная часть чеканки из благородных металлов была изготовлена на монетных станках Востока, Испании, потом Лугдуна (Лион). При Калигуле, правда, изготовление в основном было сконцентрировано в Риме, однако позже от случая к случаю выпускались большие эмиссии вне столицы. Число монетных мастерских и конкретное количество эмиссий отдельных серий до сих пор окончательно не выяснено.

Понятием «провинциальная чеканка» обозначается вторая категория чеканных мастерских и их эмиссий, которые покрывали региональную денежную потребность особенно на греческом Востоке, однако находились под постоянным контролем *принцепса*. Ведущими были чеканки Александрии, которые отличались характерным металлическим сплавом и разнообразными, часто религиозными изображениями. Такое же ведущее положение занимали серии, изготовленные в Антиохии в Сирии, Цезарее в Каппадокии, а также на востоке Малой Азии, в Вифинии, Дакии и Мезии.

Однако даже значительных эмиссий провинциальной чеканки не хватало для покрытия растущей потребности в монетах. Этим объясняется поразительно большое число местных чеканок греческого Востока, которые достигли

наибольшего количества между 150—250 гг. н. э. Из этой эпохи известны более 350 местных монетных мастерских только в Малой Азии, которые по современным исследованиям обнаруживают многочисленные связи, поэтому можно исходить из того, что число монетных мастерских было значительно меньше, чем мастерских городов, для которых печатались их собственные деньги.

Наконец, широко распространенные варваризации римских типов монет служили для покрытия потребности в монетах, особенно в пограничных зонах и соседних территориях империи. В Западной Европе первая высшая точка такого явления при Юлиях—Клавдиях объясняется широким включением галло-германских и британских регионов в пространство римского денежного хозяйства. Особенно примечательным является тот факт, что такие варваризации обнаруживаются в большом количестве, как это следовало ожидать, не только в находках свободной Германии, но и в римских поселениях и лагерях.

Существование государственных, провинциальных и варваризированных чеканок свидетельствует о двух элементарных фактах большого значения. Во-первых, было немислимо изготовить в Риме общий объем необходимых для империи видов денег по причине относительно простой и занимающей много времени техники изготовления, а также по причине едва ли разрешимой проблемы транспортировки. Поэтому *принципы* вплоть до поздней античности совершенно сознательно не стремились к подобной регламентации. Они не сокращали число монетных мастерских, но направляли свое внимание на координацию и эффективность существующих структур. Именно в секторе денежного хозяйства удивительно велика сдержанность имперской политики, и эта сфера является также надежным критерием экономического развития вообще.

4 Прокладка сети шоссейных дорог и уход за ними, а

также строительство портов для морского судоходства отмечают следующий импульс, который здесь нужно рассмотреть подробнее. Строительство шоссейных дорог, начиная со строительства *Аппиевой дороги* из Рима на Капую в 312 г. н. э. относится к характерным римским бытовым сооружениям. «Путеводитель Антонина Августа», принадлежащая к временам Каракаллы карта шоссейных римских дорог, включал к началу 3 в. н. э. сеть дорог длиной около 53 000 римских миль (1 миля равна 1 480 м). Эти шоссейные дороги были чрезвычайно высокого качества и выносили высочайшие нагрузки; частично их можно заметить и сегодня.

Их средняя ширина в нормальной местности составляет около 5—7 метров. С обеих сторон находилась обочина около 3 метров шириной, которая всегда была незастроенной. Предпосылкой для необычной прочности римских шоссейных дорог является тридцатисантиметровый фундамент на больших каменных глыбах. Над ним располагался такой же толщины слой из маленьких камней и извести, а на нем другой из гравия. Слегка выгнутое вверх дорожное покрытие состояло из каменных плит и мелкого гравия. Ввиду этих объемистых работ понятно, что для прокладки одной мили такой шоссейной дороги требовались затраты в 100 000 сестерциев.

Вдоль дорог возвышались межевые столбы до 3 метров высотой, на которых при принципате часто было написано имя того *принцепса*, который распорядился построить дорогу и находящиеся на ней мосты; а также расстояние от ближайшего большого города, границы или столицы провинции. При этом единой формы не было: в то время как межевой столб дороги Нарбонна—Тулуза 13—14 гг. н. э., кроме расстояния «20 миль от Нарбонны», указывает расстояние до Рима через Форум Юлия (Фрежюс), равное 921 мили, а также через готтские Альпы —

902 мили, межевой столб из Исии 201 г. н. э. называет только расстояние от Камбодуна — 11 миль.

Какой частоты достигало движение по этим шоссейным дорогам, лучше всего свидетельствует тот факт, что параллельно с ними располагалась плотная сеть дорожных станций, постоянных дворов, помещений для животных, станций для государственной почты, а также полицейские посты. Обеспечение путешественников, которые в зависимости от дороги могли делать около 30—40 км в день, было так же гарантировано, как и их безопасность. Нередко из таких станций развивались большие поселения, как, например, Таберны (Райнцаберн). Само собой разумеется, эти дороги были в распоряжении всего хозяйственного транспорта, однако такой сухопутный транспорт из-за небольшой производительности транспортных средств становился часто нерентабельным. Поэтому, когда это было возможно, транспортировка осуществлялась морем, реками или по каналам.

Принцепсы и наместники особенно заботились о расширении и дееспособности всех портовых сооружений. С какими явлениями они имели дело, показывает указ проконсула Л. Антония Альба от 146—147 гг. н. э. для Эфеса: «Так как для самой большой метрополии Азии и для всего мира необходимо, чтобы порт, который принимает отовсюду приплывающих моряков, не забивался, я считаю необходимым воспрепятствовать этому эдиктом и установить соответствующий штраф для нарушителей. Итак, я запрещаю купцам, которые привозят древесину и камни, складывать древесину на причале и разрезать камни. Так как, с одной стороны, они повреждают опоры, которые построены для защиты порта, тяжестью груза, с другой — сбросом опилок..., так как из-за сброшенных опилок уменьшается глубина портового бассейна и препятствует притоку, и оба делают непроходимыми прибрежные постройки. Так как Марцелл, секретарь, хотя я ему

поручил, не смог ограничить их дерзость, вы должны знать, что, если кто-то, даже не зная моего эдикта, будет пойман на запрещенных деяниях, он... должен заплатить светлейшему городу Эфесу и, несмотря на это, отчитаться передо мной за свое непослушание; так как величайший император позаботился об охране порта и постоянно дает соответствующие поручения, несправедливо, чтобы лица, делающие порт непригодным, платили только денежные штрафы и освобождались от уголовного наказания...» («Надписи из Эфеса»).

Сельское хозяйство

Также и при принципате сельское хозяйство оставалось важнейшим сектором экономики не только Италии, но и всей империи вообще. Для взвешенной и дифференцированной оценки его развития литературные, эпиграфические и археологические источники явно недостаточны; тем не менее имеющаяся в распоряжении информация проливает свет на определенные региональные структуры или на отдельные элементы общего комплекса. Поэтому совершенно понятно, что при изучении развития сельского хозяйства при принципате существовала большая опасность из отдельных результатов делать выводы об общей тенденции и постулировать предполагаемую доминирующую «необходимость», хотя она не доказана.

Уже для Италии нужно освободиться от предпосылок, что итальянское сельское хозяйство в первых двух веках нашей эры находилось в неизбежном процессе упадка или в перманентном кризисе. Естественно, в этом секторе имелись изменения и развития, которые достойны сожаления. Общие экономические связи империи, например в области цен, сбыта и рыночных условий, неблагоприятно сказывались на итальянских производителях.

Например, крайне проблематично общепринятые кризисы сельского хозяйства считать рефлексом общего кризиса рабовладельческого общества. Подобная попытка

объяснения была бы полностью непригодна для большинства внеталийских территорий. Она не могла бы подходить для позитивного развития сельскохозяйственного сектора в районе Мозеля и целого ряда провинций, где рабство играло лишь второстепенную роль. Особенно роковым стало «втискивание» многообразия регионального развития в застывшие схемы теоретических и идеологических постулатов.

Для италийского региона нужно исходить из того, что при принципате продолжалось то развитие, которое во времена поздней Римской Республики вызвало большой сельскохозяйственный перелом. Это значит, что при сокращении работающего для удовлетворения собственных потребностей свободного мелкого крестьянства оно между тем никогда полностью не исчезало. Оно осталось при расширении и увеличении значения «виллового хозяйства», средних имений, которые, рационально организованные и специализированные, вместе с рабами производили продукцию для рынка. В качестве нового элемента со времен Цицерона добавилась *латифундия*, в точном значении этого слова сельскохозяйственная единица площадью свыше 500 *югеров* (125 га).

Обычная современная типизация этих различных категорий, мелкого хозяйства величиной до 80 *югеров*, среднего — между 80 и 500 *югерами* и превышающего их крупного хозяйства, на первый взгляд, может показаться схематичной, но тем не менее она оправдала себя в какой-то степени как грубая система упорядочения. Правда, нужно подчеркнуть, что плотность информации о ситуации в этих трех сельскохозяйственных организмах при принципате крайне нерегулярна. Как и в эпоху поздней Республики, особенности положения мелких хозяйств едва упоминаются; интересы писателей односторонне сконцентрированы на средних и крупных хозяйствах. Нужно констатировать, что общее соотношение между малыми, средними

Рис. 37. Полевые работы. Мозаика из Черчилла

и крупными обоснованно определить нельзя даже для Италии, не говоря уже о провинциях.

В античных сообщениях есть несколько слов о сельскохозяйственном секторе, которые наложили глубокий отпечаток на современные представления об аграрном развитии *Римской империи* как, например, *латифундии погубили Италию* Плиния Старшего. В контексте это звучит так: «Предки думали, что нужно соблюдать особую меру в использовании земли, так как они считали, что лучше меньше сеять, а лучше пахать... По правде говоря, латифундии погубили Италию и скоро приведут к гибели и провинции. Шесть землевладельцев владели половиной провинции Африка ко времени, когда Нерон их всех устранил» («*Естественная история*», 18, 35).

Процесс постоянного расширения земельной собственности и этим самым концентрации сельскохозяйственного производства в руках небольшого числа собственников доказан. Даже Сенека не избежал такой естественной для моралиста темы: «Услышьте, богатые люди, серьезное слово, и потому что некоторые не хотят ничего об этом слышать, пусть оно будет сказано публично. Где вы хотите поставить границы своим владениям? Район, который когда-то вмещал общину, принадлежит теперь одному хозяину. Как далеко хотите вы распространить свои поля, если для хозяйства вам кажется маленькой целая провинция? Известны реки, которые текут через одно-единственное частное владение, и эти большие, стремительные реки от истока до устья принадлежат одному и тому же владельцу. Вы недовольны, если вашу латифундию не окружают моря, если по ту сторону Адриатического, Ионического и Эгейского морей у вас нет собственности, если острова, родины славных героев преданий, попутно не упоминаются среди ваших владений, и то, что когда-то называлось царством, теперь является поместьем» (Сенека «*Письма*», 89, 20).

Переводчик этого текста Т. Моммзен заметил: «Это сплошная риторика, но и истина». Поэтому он в своем основополагающем труде о «Земельном и денежном хозяйстве Римской империи» придерживается мнения, что *Римская империя* должна была осуществлять образование латифундий, «не различая провинций... с необходимостью, которая едва ли существенно отличается от закона природы». Он видел в крупном землевладении такого рода «могущественную движущую силу нивелирующей цивилизации империи» и так доказывал этот тезис: «Африканский помещичий дом имеет свои пальмы, как рейнский — свои отопительные установки; но изображения аристократической деревенской жизни, которые были недавно обнаружены на мозаиках купальни в Нумидии, великолепный дворец, тенистый сад, где сидит хозяйка дома, конюшня с благородными скаковыми лошадьми, охота, охотники на лошадях со своими собаками и наблюдающие за ними дамы, рыбоводный пруд, литературный уголок принадлежат не африканской, а имперской аристократии, и доказательства этому находятся во всех провинциях».

В отличие от маленьких и средних хозяйств крупное землевладение, как правило, не было специализированной хозяйственной единицей. Это происходило только в том случае, если огромные площади земли использовались преимущественно для скотоводства и пастбищного хозяйства. Так как скопление большого количества рабов было нежелательным, а зависимых клиентов или свободных наемных работников не хватало, латифундии с самого начала были тесно связаны с системой мелких арендаторов, иначе с колонатом. Был ли весь ареал латифундии подразделен для обработки на комплексы, которые передавались крупному *арендатору* или *управляющему*, или непосредственно раздроблен на мелкие аренды, или же представлял комбинацию этих возможностей, свободный

колон всегда был активным сельскохозяйственным производителем. Он оплачивал свою аренду деньгами или натурой и был обязан сверх того ежегодно выполнять определенные работы для помещика или крупного арендатора. Изменение содержания понятия слова *колон* свидетельствует о наступивших изменениях: *колон* первоначально обозначало крестьянина вообще, теперь, при принципате, типичного свободного мелкого арендатора.

Существование такого мелкого арендатора не очень отличалось от положения свободных мелких крестьян времен Римской Республики, которые первоначально представляли опорный слой государства. Поэтому были основания рисовать в самых мрачных красках участь этих колонов. Однако, может быть, в противоположность этому нужно вспомнить о совсем другой позиции Моммзена: «Экономическое положение колона, который представлял основную рабочую силу помещика, было менее ненадежным, чем существование мелкого собственника. И какой бы оборот ни приняло развитие этих отношений, они привели, по крайней мере вместе с экономической необходимостью, к гуманному обращению помещиков с арендаторами, а арендаторов — с сельскохозяйственными рабами, а также к определенному объединению производственных преимуществ крупного и мелкого хозяйства. Нельзя забывать, что старое крестьянское хозяйство привело к долговому рабству и сделало из себя банкрота; нельзя забывать о бесчеловечной рентабельности образцового поместья Катона, которое полностью исключало создание рабами семьи и свободный труд. В этом мелком арендаторском хозяйстве для несвободных людей имелись возможность вести сносное существование и определенная надежда заслужить свободу хорошим поведением».

Центральной проблемой для латифундий и средних хозяйств являлся вопрос организации труда, то есть вопрос о применении рабов или колонов. Эта проблема осо-

бенно подробно обсуждалась в произведении аграрного писателя Колумеллы «О сельском хозяйстве», написанном в шестидесятые годы 1 в. н. э., где он в переписке с Плинием Младшим обсуждает этот вопрос. Колумелла, «обстоятельнейший и дальновиднейший из аграрных писателей» (Ф. де Марино), принципиально считает способ хозяйствования с применением хорошо надзираемых рабов рентабельнее, чем сдача в аренду. В применении колонов он решительно не видит универсального средства для разрешения всех сельскохозяйственных проблем.

В противовес советам Катона его далеко идущее усовершенствование организации труда базировалось на систематизации усиленного контроля над рабами, которые подразделялись на группы не более 10 человек. Границы такого надзора особенно заметны в рентабельном возделывании винограда: «Если он (владелец) хочет, чтобы плоды каждого сорта были сорваны друг за другом, он должен положиться на игру случая, потому что не может к каждому приставить надсмотрщика, который бы наблюдал, чтобы виноградарь не срывал незрелые плоды».

Другие противоречия основанного на рабском труде хозяйства проявляются в функциях и обхождении с особо квалифицированными специалистами. Так, Колумелла рекомендует, например, использовать опытного виноградаря, который мог бы возделывать виноградник в *Тюгеров*. Так как за такого виноградаря нужно заплатить около 8 000 сестерциев, Колумелла советует содержать его в кандалах в *эргастуле* (тюрьма для рабов).

Плиний Младший в своих письмах описывал заботы предусмотрительного, всегда думающего о надежности и прибыли землевладельца и его специфический менталитет. На его различных средних поместьях решающую роль играла мелкая аренда. Из-за потерь он был вынужден «отдать свои поместья в аренду на несколько лет, причем я отдавал совершенно новые распоряжения. Ведь за про-

шедшие *пять лет*, несмотря на большое наследство, выросли задолженности; вследствие этого многие колонны не стараются выплатить свои долги, потому что сомневаются, смогут ли они вообще их погасить; они хищнически эксплуатируют землю и поедают все, что растет, так как думают, что им не пойдет на пользу, если они будут экономить.

Приходится встречаться с растущими недостатками и устранять их. Единственную возможность устранения я вижу в том, чтобы я сдавал в аренду не за деньги, а за поставку части урожая и ставил пару надсмотрщиков из моих слуг для присмотра за урожаем. И вообще нет более честного дохода, как тот, что дает земля, погода и время года. Правда, это требует неперменной надежности, острых глаз и большого количества рук. Все же нужно попытаться и, как при хронической болезни, испробовать каждое средство, которое обещает исцеление» («*Письма*», 9, 37).

Важнейшими источниками сведений о жизненных условиях колоннов при принципате являются несколько больших надписей из Северной Африки. Однако их достоверность сомнительна. Прежде всего нужно учитывать, что важнейшие свидетельства исходят из владений *принцепса*. Эти владения находились под надзором прокураторов, но передавались арендным предпринимателям, которые в свою очередь назначали управляющих. Основами для передачи и трудовых обязательств являлись законы, из которых *закон Манциана* и *закон Адриана* содержат основные положения, однако оставляют открытыми многочисленные отдельные вопросы. Хронология *закона Манциана*, изложенного в надписи траяновского времени из Хеншир Меттиха (*проконсульская Африка*) так же спорна, как и территория его распространения.

Надпись из Хеншир Меттиха является характерным примером четких определений, а также обстоятельных

отдельных положений, касающихся таких владений: она в деталях приводит те обязательства, которые брали на себя колонны при использовании «клиньшка», то есть при измерении когда-то оставленной и не выделенной для арендаторов *принцепса* земли. Кроме того, она называет квоты сдачи, которые были обязательными для владельцев так называемых господских дворов. Два типичных отрывка выглядят так: «...От урожаев, полученных на этой земле, колонны должны по закону Манциана отдавать хозяевам земли или арендным предпринимателям, или управляющим этим поместьем свой пай со следующими обязательствами: при урожае от каждой полевой работы, который они приносят на ток и обмолачивают, они должны согласно своей оценке указать его общее количество арендному предпринимателю или управляющему этого поместья. И если они заявили, что полностью сдали колонский пай арендному предпринимателю или управляющему, в течение трех дней (?) они должны на деревянную табличку занести долю урожая, которую отдали арендному предпринимателю или управляющему этого поместья: соответственно этому колонны должны создавать колонскую долю.

Так, кто в имении Вилла Магна или Маниалия Зига имеет или будет иметь господский двор, должен хозяину этого поместья или арендному предпринимателю, или управляющему полностью отдавать часть урожая по закону Манциана об урожаях полевого хозяйства и виноградарства в зависимости от вида возделывания: одну треть пшеницы с тока, одну треть ячменя с тока, одну четверть бобов с тока, одну треть вина от виноградной давилни, одну треть полученного оливкового масла и один секстар (около 0,5 л) меда из каждого улья» (CIL VIII 25902, I, 10—30).

Позже Адриан дал новые импульсы в сферу североафриканского колоната. Он преследовал цель дать возмож-

ность для сельскохозяйственного использования второстепенных, относительно пригодных частей владений принцепса и поэтому принял постановление об использовании необработанной земли. Например, он разрешил при определенных условиях занятие земли, пригодной для возделывания зерновых культур, виноградарства и оливковых рощ. Одновременно в своем законе Адриан запретил прокураторам и арендным предпринимателям дополнительно поднимать согласованные с колонами сборы от урожая и размер требуемых от них гужевых и трудовых повинностей.

Однако такие злоупотребления предотвратить было трудно. Как свидетельствует надпись из Сук-эль-Кхмиса (*проконсульская Африка*) в *Бурунцианском имени* из-за согласованности прокураторов и арендных предпринимателей дело дошло до невыносимого обременения колонов. Поэтому они обратились к Коммоду, который в 181 г. н. э. в полном объеме удовлетворил их просьбу. Центральная часть обращения колонов к принцепсу выглядит так: «...Это вынуждает нас, несчастных, взывать к твоему высочайшему попечительству, и поэтому мы просим тебя, величайший император, чтобы ты соизволил нам помочь: согласно главе закона Адриана, которая приведена выше, прокураторам, не говоря уж об арендном предпринимателе, запрещено в ущерб колонам повышать долю от урожая, выполнение ежедневных работ и поставку повозок с упряжными животными, и, как сказано в письме к прокураторам, которое лежит в твоем архиве административного округа Карфаген, мы должны не более двух дней в год выполнять пахотные, прополочные и уборочные работы и это без всяких пререканий, тем более, что это высечено на бронзе и выполняется всеми нашими соседями в соответствии с письмом к прокураторам, которое мы привели выше. Пожалуйста, помоги нам! Мы простые, добывающие своими руками свой хлеб крестьяне, ничего

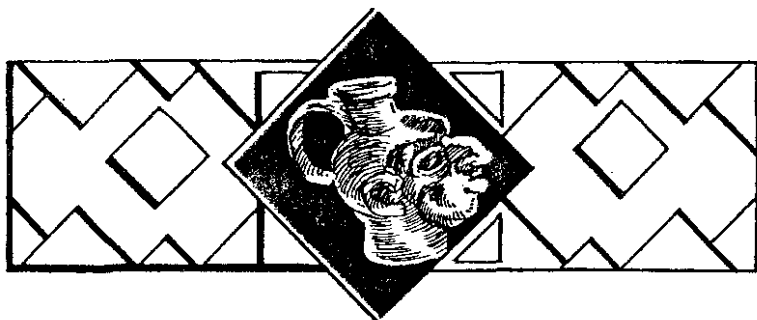
не можем сделать против арендного предпринимателя, который одаривает роскошными подношениями твоих прокураторов. Пожалуйста, сжался над нами и соблаговоли в своем высочайшем сообщении предписать нам, чтобы мы больше не выполняли трудовые повинности, кроме тех, что мы должны нести по закону Адриана и по письму твоим прокураторам, то есть три раза по два рабочих дня, и чтобы мы, твои родившиеся и выросшие на твоей земле крестьяне, не подвергались больше при заступничестве твоего величества произволу арендных предпринимателей...»

События в североафриканских владениях, как уже было сказано, не позволяют делать общие выводы о положении колоннов в других провинциях или в Италии. Тем не менее они показывают, что и институт колоната не мог удовлетворительно разрешить все проблемы организации труда и что положение колоннов нельзя оценивать положительно. Существенные структурные изменения в аграрном секторе произошли также и в Италии и внутри различных видов производства. Советы Катона по вилловому хозяйству свидетельствуют о недостаточном количестве зерновой продукции. Тогда как производство вина превышало потребности Италии, производство масла было гораздо накладнее, чем африканский и испанский импорт.

Параллельно с ростом латифундий большое значение приобрело разведение скота, которое было широко распространено в Южной Италии, в Кампании, в долинах Апеннин, но также и в низменности реки По. Особенно форсировалось изготовление шерсти. Не только Апулия с центром Каноса, Калабрия с центром Таренто, на севере Модена и Парма, но даже *Цизальпина* с центром Альтин радовались большому спросу. Максимальная цена высококачественной шерсти была 100 сестерциев за фунт. Со времен поздней Республики подобный же подъем пережили пригородные хозяйства вокруг больших городов,

специализировавшихся на рыбоводстве и разведении птицы.

Трудности, возникшие для италийского сельского хозяйства при принципате, станут понятны только тогда, когда будут рассматриваться внутри аграрного развития всей империи. Перепроизводство вина и масла за счет обеспечения зерном относится также к большей части греческого Востока. Без южнорусского импорта зерна нельзя было удовлетворить потребности Греции и Малой Азии. Однако одновременно на рынки, которые до этого покупали италийское масло, начало поступать масло из Сирии и Малой Азии. В итоге можно сказать, что экономическое процветание провинций основывалось на растущем покрытии потребностей в сельскохозяйственной продукции собственным производством и на экспорте в Италию и Рим, шла ли речь об испанских зерне, масле, льне или рыбном соусе, о североафриканских зерне, масле и редких животных, о зерне, шерсти, полотне и папирусе из Египта, о масле, пшенице и фигах из Сирии, о шерсти и древесине из Малой Азии.

Ремесло и торговля

Развитие ремесленного производства в *Римской империи* при принципате характеризовалось, с одной стороны, преимуществом форм производства, а с другой — перемещением центров производства. Как и раньше, преобладали мелкие специализированные предприятия. Эти маленькие мастерские, где часто работали свободные, но также вольноотпущенники и рабы, были соединены с выходящей на улицу торговой лавкой, тогда как жилое помещение владельца и его семьи находилось на расположенных выше антресолях. Даже в таком центре с большим спросом, как Рим, или портовый город Остия, эти маленькие производственные единицы имели такое же типичное соединение мастерской и лавки.

Преимущество такой архаической по современным экономическим критериям формы производства объясняется удивительно широкой и опять же очень современной специализацией ремесла. Например, такой город, как Помпеи, имел свыше 80 различных промыслов. Во-вторых, она объясняется хронической нехваткой капитала у подобных маленьких предприятий, которая исключала любое расширение производства, и наконец, в-третьих, тем фактом, что ввиду относительно большой конкуренции «автоматизированное» производство скорее всего могло покрыть издержки с помощью привлечения членов семьи. Эта система показала себя крайне выносливой, тогда как средние

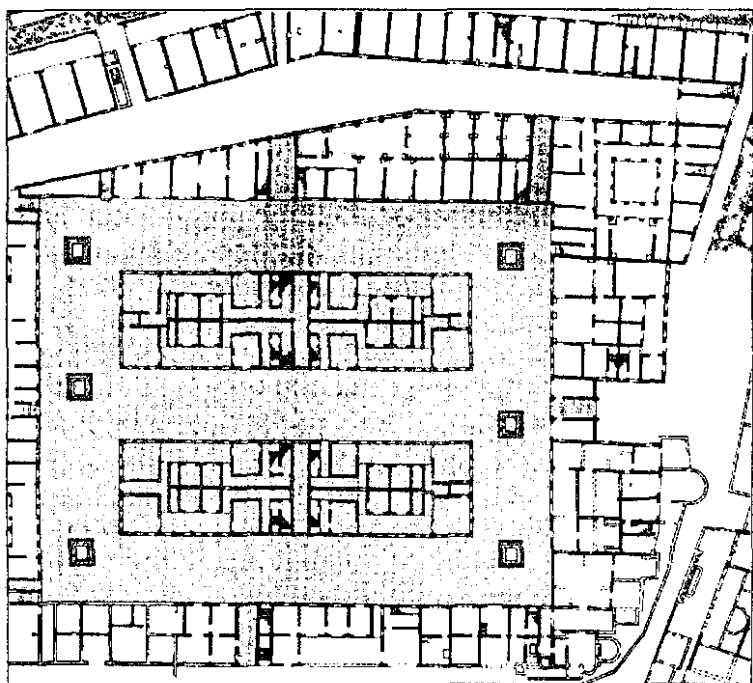

Рис. 38. Блоки домов. Остия, горизонтальная проекция

предприятия с большим объемом производства очень часто подвергались кризисам. Форма мелкого производства была свойственна не только типичным профессиям специализированной мастерской: сапожникам, плотникам, плетельщикам корзин, изготовителям пряжи, серебряных дел мастерам, но также ткачам, красильщикам и валяльщикам. Только у пекарей издавна намечалась тенденция к большим производствам. Тогда как, например, для Помпеи засвидетельствовано около 40 пекарен, в которых ежедневно выпекалось около 2 000 булок хлеба в каждой, рельеф надгробного памятника М. Вергилия Эврисака в Риме позволяет сделать вывод, что предприятие этого

богатого булочника имело гораздо более высокий объем производства и могло рассчитывать на соответствующий бесперебойный сбыт.

Но даже для такого большого города, как Эфес, доказано, что там большое число пекарей отказалось выпекать хлеб и при этом вело себя так вызывающе, что пришлось вмешаться *проконсулу*: «... и по договоренности... как это подчас случалось, народ в волнении пришел на агору по причине бесстыдства и собрания пекарей. За этот мятеж их надо было бы вызвать и осудить. Однако, так как благо города нужно ценить выше, чем наказание этих людей, я считаю необходимым образумить их моим эдиктом. Поэтому я запрещаю, чтобы пекари сходились на собрание и проявляли неповиновение, следует, чтобы они подчинялись предписаниям, которые даны для всеобщего блага, повиновались, исполняли требования и выпекали хлеб для города в достаточном количестве («Надписи из Эфеса», 11, 215 — конец 2 в. н. э.).

Наряду с преимуществом традиционных способов производства и производственных единиц увеличивались мощности, особенно в тех секторах, где оставался постоянный спрос и рынок обещал хорошие шансы для сбыта. Примером этому служит текстильное производство восточных провинций, прежде всего обработка шерсти в Милете и Лаодикее, изготовление пергамента в Пергамоне, выделка шелка из Китая в Сирии и Палестине. Это также относится к изготавливаемым в Сирии стеклянным товарам, где изделия из мастерских Эниона получили широкое распространение и были обнаружены на всем Ближнем Востоке, в Южной России, Египте и даже в Италии.

Тем не менее конкретные изменения производственных условий этих процветающих мастерских восточных провинций в деталях неизвестны. В лучше изученных секторах экономики Запада они часто принимают неожиданный оборот, который не всегда подтверждает гипотезы

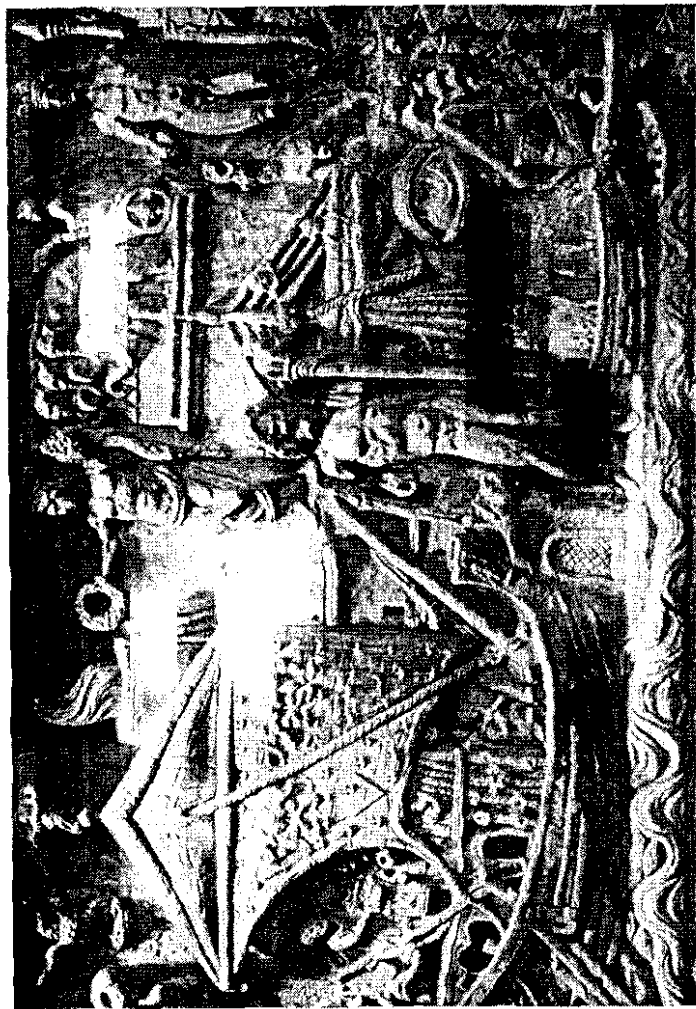

Рис. 39. Корабль. «Священный релыф». Рим

современных экономических теорий. Например, резко вырос спрос на керамику. Поэтому для средних и больших промышленных центров Италии, вне сомнений, были желательными расширение производственных мощностей, применение всех имеющихся в распоряжении технических средств и разделение труда. Однако изменения в производстве происходили в более узких границах, чем это часто предполагают.

Особенно интенсивно исследованное развитие производства *керамики* из Арреция может предохранить от ложных общих выводов. Совершенно очевидно, что простая бытовая посуда в Италии изготавливалась децентрализованно на мелких предприятиях, которые производили только для местного рынка. Уже со специальным сортом керамики, так называемой *черной керамикой*, найденной по всей Италии и во многих средиземноморских портовых городах, мастерские Арреция достигли значительных экономических успехов, которые, вероятно, привели к производству в больших объемах. Но только с изготовлением *красной, резной керамики с блестящей поверхностью* в последних десятилетиях до и в первых десятилетиях после рожества Христова, то есть с тем товаром, который пользовался большой популярностью, начался подъем, приведший к господству на рынке.

Тем не менее в Арреции, как и раньше, преобладали средние предприятия с несколькими дюжинами рабочих, а также маленькие мастерские ремесленных мастеров (на основе меток подписывающихся гончаров установлено, что на одном предприятии работало до 65 мастеров, правда, не одновременно. Однако не все гончары подписывали свои изделия, и общее число рабочей силы этого предприятия могло быть приблизительно в три раза больше числа гончаров, суточная норма которых составляла около 35—40

мисок). Ввиду стабильного спроса изготовление керамики на крупных предприятиях с большим количеством гончаров и гончарных кругов было, конечно, рентабельнее, однако распределение труда было возможно только в относительно скромном объеме: «Они (распределение и организация труда) определялись особыми условиями производства мелких гончарных изделий, которые существовали из-за влажной глины и орудия производства — гончарного круга. Блюда, тарелки и чашки от растяжки до придания формы вряд ли могли изготавливаться отдельными рабочими операциями» (Г. Прахнер «Рабы и вольноотпущенники на гончарных промыслах Арреция». Висбаден, 1980). Существование бака-смесителя для глиняного производства емкостью 40 000 л является важным признаком увеличившегося объема производства; основные условия и структуры производства продолжали оставаться между тем постоянными.

Многое говорит о том, что большие керамические мастерские в районе Арреция принадлежали помещикам, которые владели несколькими глиняными ямами и часто благодаря своему общественному положению могли осуществлять значительные начинания. Так, например, археологи наталкиваются на печать Гнея Атея, который благодаря своим вольноотпущенникам и близости рынка развернул производство, изделия эти часто встречаются в военных лагерях. В мастерских Арреция работали, очевидно, представители различных правовых категорий, даже женщины. Точные статистические данные для отдельных групп отсутствуют: есть только малочисленные отправные точки для различных соотношений. Например, для примерно 12% от всех подписавшихся гончаров-рабов доказано более позднее освобождение, тогда как около 1/6 всех гончаров с самого начала были вольноотпущенниками. Относительно часто к персоналу принадлежали греческие гончары, на-

носящие рельефы, содействовавшие более высокому качеству продукции и успеху на рынке.

Ранее уже упоминалось, что ведущие центры производства керамики в течение 1 в. н. э. располагались в италийско-галльском регионе. Уже в середине 1 в. н. э. гончарни Ла Грофезенк в Южной Франции достигли высшей точки сбыта на всей галло-германской территории, а также в Британии и самой Италии. По данным счетов гончарных мастерских, при этом только в промежутке от 10 до 15 лет объем производства превышал 700 000 сосудов. Как Арреций был заменен Ла Грофезенком, так и этот последний — Лезу (западнее Лиона); места выработки продукции продвигались к рынкам сбыта. Предположительно их цены были ниже, чем цены товаров из Арреция, предположительно, что и корпорации новых мастерских были лучше организованы, но совершенно определенно, что транспортные пути к рынкам сбыта были короче.

Иное развитие складывалось в другой производственной ветви — в изготовлении кирпичей. А. Шантрен справедливо напомнил о преданном забвению факте, что большая часть римских частных домов во времена поздней Республики была построена из необожженного кирпича и что потребность в обожженном кирпиче достигла своей высшей точки только при принципате. На основе около 2 300 сохранившихся штампов изготовителя можно доказать существование в Риме и его окрестностях около 130 различных кирпичных заводов. Часто эти штампы называют год изготовления, хозяина, арендатора или управляющего, а также соответствующий кирпичный завод. Они позволяют не только реконструировать историю фирмы, как и историю Домициев, которые к началу 2 в. н. э. со своими пятью кирпичными заводами заняли ведущее положение, но знакомят с переменой отношений владения недвижимостью.

Может удивить, что среди владельцев кирпичных заводов появляются сенаторы и всадники, кроме того знатные дамы, однако по римским нормам это было не пристойно, потому что изготовление кирпича одновременно рассматривалось как побочный доход виллового хозяйства. Относительно поздно, только начиная с Траяна, *принцепсы* взялись за этот сектор, правда, в быстро увеличивающемся объеме. Это в конце концов привело к тому, что в конце 2 в. н. э. в Риме исчезли последние маленькие частные заводы.

Благодаря штампам на кирпичах и другим сведениям можно обоснованно судить о смене форм работ и изменении рабочей силы в секторе кирпичного производства. В нем сначала преобладала деятельность вольноотпущенников и рабов. Рабы при этом работали не только как формовщики или у печей для обжига; частично в их распоряжении были помощники раба (раб раба), которые выполняли разнообразные вспомогательные работы (дневной нормой было около 220 кирпичей на человека). Потом некоторые рабы поднимались до управляющего, будь то на службе у *принцепса* или у других владельцев. Неоднократно доказаны в этом секторе случаи освобождения рабов.

В течение 2 в. н. э. полностью изменились способы ведения хозяйства на кирпичных заводах. Быстро сократилось число рабов и вольноотпущенников, сильнее стало стремление к арендной и наемной системе. Необычное увеличение мощностей при Адриане привело, наряду с общим сокращением рабов и вольноотпущенников, к дефициту подходящей рабочей силы, который нельзя было преодолеть обычным способом. Прекращение крупного строительства в Риме во времена солдатских императоров в 3 веке н. э. привело к упадку кирпичного и других производств строительных материалов столицы.

Когда Элий Аристид во 2 в. н. э. решил восславить

Рим, он восхищался прежде всего размерами и разнообразием торговли: «Вокруг раскинулись материки, которые щедро обеспечены тем, что на них есть. Каждая страна имеет то, что порождают ее земли, реки и озера. Если кто-либо хочет все это увидеть, тот должен либо объехать земной шар, либо приехать в Рим. То, что растет и изготавливается у отдельных народов, всегда есть здесь и в изобилии. Бесчисленны грузовые корабли, которые сюда приходят и привозят товары из всех стран с весны до поздней осени, так что город кажется общим торговым местом всего мира.

Корабли из Индии, да если хотите, даже из «счастливой Аравии» (юго-восток Аравийского полуострова) можно увидеть в таком количестве, что можно подумать: людям оттуда остались только голые деревья, и они должны приехать сюда, чтобы купить свои собственные изделия.

Движение кораблей никогда не прекращается, так что нельзя полюбоваться ни портом (Остия), ни даже морем. И как сказал Гесиод о границах океана, что есть место, куда сливаются все воды, так и сюда сливается все — торговля, корабли, хлебопашество, отделка металлов, искусства, и все это изготовлено и растет на земле. То, чего здесь не видишь, не существовало или не существует» («Естественная история», 6, 101).

Естественно, в этих фразах чувствуется преувеличение оратора, однако они соответствуют тем представлениям о функции Рима как «об общей ярмарке всего мира», которые существовали при принципате. Само собой разумеется, что ориентированная на столицу торговля была лишь нитью густой сети с широчайшими радиусами. При чем так восславленная Элием Аристидом международная торговля при принципате была оценена двояко. Тогда как, с одной стороны, с удивлением превозносили ее размеры, с другой — говорилось о губительных последствиях

дефицита международной торговли предметами роскоши, критика, часто связанная с желаниями женщин. По Тациту, еще Тиберий якобы сетовал на то, что «на украшения женщин, камни наши деньги уходят к далеким и вражеским народам» (*«Анналы»*, 3, 53).

Современные попытки принизить фактическое значение этой международной торговли малоубедительны. Еще абсолютно достоверный Страбон констатировал, что во много раз возросла торговля через Аравийское море и что из Миос Гормоса на Красном море плавали в Индию целые эскадры. И Плиний Старший тоже сообщает, что «купцы нашли укороченный путь в Индию. Годами плавали туда корабли, которые охранялись от морских разбойников отрядами лучников... Дело было выгодное: Индия ежегодно получала от нашей империи не менее 50 миллионов сестерциев и посылала в качестве ответной поставки товары, которые приносили нам в сто раз больше». (*«Естественная история»*, 6, 101).

Более конкретным, чем эти общие доказательства, является до сих пор не точно датированное «плавание по Красному морю», которое в одном месте перечисляет товары торгового центра Баригаза на западном побережье Индии: «В этот торговый центр доставлялось вино, прежде всего итальянское, лаодикейское и арабское; медь, цинк, свинец, кораллы и топазы, простая одежда и поделки всякого рода, ярко раскрашенные пояса, смола, лотос, необработанное стекло, красный мышьяк для краски, сурьма, золотые и серебряные монеты, которые при обмене на местные монеты давали прибыль, благовония, но очень дорогие и в небольшом количестве. Для царя привозили дорогие серебряные сосуды, искусных в пении молодых рабов, красивых рабынь для гарема, благородные вина, легкую одежду из тончайших тканей и изысканные притирания. Вывозились из этих мест народы, пряности, слоновая кость, агат и карнеол, ликион, всех

видов одежда из хлопка, шелковая одежда... перец и тому подобные товары, которые привозили сюда из внутренней части страны». Размеры и предметы этой торговли хорошо доказаны археологически. Прежде всего многочисленные находки римских александрийских монет, особенно из эпохи раннего принципата, подтверждают оживленный товарооборот. Если даже современные представления об объеме торговли на больших сухопутных международных коммуникациях — ведущих в Двуречье «шелковом пути» и «ладанной дороги» на западном побережье Аравии — преувеличение, существование этих контактов и возросшее значение международной торговли отрицать нельзя.

И о другом пути международной торговли, «янтарной дороге», Плиний Старший дает конкретные сведения: «Этот янтарь привозится из Германии преимущественно в Паннонию, оттуда его узнали вены, которые являются соседями паннониев и живут у Адрии. Это германское побережье, откуда он привозится, удалено от Карнунта на 600 миль, как недавно стало известно. Там живет один римский всадник, которого послал туда Юлиан, чтобы раздобыть янтарь, потому он должен был организовать для Нерона гладиаторские игры. Тот объехал все торговые центры и побережья» (*«Естественная история»*, 37, 44).

В центре обычной торговли внутри империи находились те товары, которые требовали высоких затрат на транспорт на большие расстояния, особенно на сухопутный: наряду с вином и маслом это были металлические и стеклянные товары, керамика и текстиль. По крайней мере в западных частях империи издавна считалась обычной комбинация товаров, например вина и текстиля, как об этом свидетельствуют знаменитые надгробные памятники из Неймагена, или вина и масла, или керамики и вина. Как только специальные торговые связи показывали себя рен-

табельными с точки зрения продукции, сбыта и торговых путей, они стали организационно укрепляться. Часто это приводило к тому, что купцы закреплялись за одним торговым центром и предприятием. Для массовой транспортировки, особенно для больших транспортировок зерна из Сицилии, Северной Африки и Египта в Италию, требовались особые условия. Здесь было необходимо вмешательство государства, чтобы предотвратить голодные бунты в столице.

Для многообразных задач ближней и дальней торговли в Римской империи существовал дифференцированный, частично даже привилегированный транспортный промысел. Его самую нижнюю ступень, сухопутный транспорт, осуществляли погонщики быков и мулов, которые на своих простых телегах с одной упряжкой в два быка могли перевести только 5—6 центнеров. Реже применялись лошади, перевозившие груз от 2 до 3 центнеров. Специальную группу в сухопутном транспорте представляли те транспортеры вина, которые сначала перевозили свое вино в больших бурдюках, а позже использовали бочки и, наконец, приняли на себя функции также винооторговцев. Тогда как в Италии и Греции деревянные бочки не употреблялись, так как жара высушивала бочечные клепки, на внеиталийских территориях пользовались бочками вместимостью от 650 до 800 литров, которые, естественно, были значительно экономичнее, чем большое число амфор. Дневная выработка сухопутного транспорта была очень скромной, телеги проезжали редко более 20 км в день.

Большим почетом, чем погонщики, пользовались речники, так как ввиду малоудовлетворительного сухопутного транспорта перевозки товаров, когда было возможно, производились по рекам. Речные корабли, как правило, длиной свыше 10 м имели грузоподъемность от 15 до 30 т и на веревках передвигались против течения. В каче-

стве средней дневной выработки, которая естественно колебалась в зависимости от направления движения и течения, принято расстояние от 30 до 40 км.

На вершине различных групп транспортного промысла стояли владельцы морских кораблей, сфера деятельности которых, как правило, была ограничена морскими перевозками. Отдельные корабли, как, например, обнаруженный в Блэкфриарсе корабль длиной 16 м и шириной 6,5 м, были сконструированы так, что могли перевозить полезный груз около 30 т также в нижнем течении больших рек. Именно при морских перевозках радиусы дневных расстояний менялись особенно часто: средняя величина от 50 до 60 км в день может быть вполне реальной. Поэтому при учете всех факторов и опираясь на данные Эдикта Диоклетиана о максимальных ценах 301 г. н. э., можно считать, что средние транспортные расходы в *Римской империи* у речного транспорта были в шесть раз выше, чем у морского, а у сухопутного в шестьдесят раз выше морского.

Анализ названий профессий купцов в литературных и эпиграфических свидетельствах, сделанный П. Кнайселем, проливает новый свет на структуру самой торговли. По его данным следует различать понятие *ликса*, *меркатор* и *негоциатор*. *Ликса* — тип купца, который снабжал продовольствием войска; *меркатор* был первоначально крупным купцом республиканского периода. При принципате это понятие употреблялось редко. *Негоциатором* во времена республики называли человека, занимающегося денежными сделками. Однако уже при раннем принципате *негоциатором* обозначали специализировавшегося на определенных товарах купца, объектом торговли которого были территории далеко за пределами границ империи.

Типичная специализация *негоциаторов* недвусмысленно выражена в обозначениях профессий на надписях. Она

относится как к видам товаров, так и к территориям торговли. Торговец керамикой упоминается так же часто, как и торговец маслом или вином, реже встречается такая категория, как торговец серебряной посудой. С другой стороны, спецификации с помощью прилагательных *Даккийский*, *Британский*, *Цизальпийский* и *Трансальпийский* и тому подобные свидетельствуют о территориях торговой деятельности. Таким образом засвидетельствовано, что кельнский горожанин назывался дакским или трансальпийским купцом, трирский горожанин — британским купцом. Сириец мог похвастаться, что его торговая деятельность простирается от Аквитании до Лугдуна.

Структура сбыта в различных областях тоже стала понятной благодаря эпиграфическим и археологическим исследованиям. Крупные *торговцы маслом из Бетики*, торговая активность которых распространялась на район выращивания в *Бетике* и на районы сбыта в Галлии и Риме, в больших количествах скупали масло, складировали его, а потом распределяли среди отдельных купцов. В отдельных областях, как, например, в случае с благовониями, которыми занималась специальная торговля, развитие принимало особые формы. Так, семья Фениев имела филиалы в Италии и Галлии, которыми управляли ее родственники и вольноотпущенники.

В общих чертах нужно исходить из интенсификации торговли во всех областях внутри империи. Эта интенсификация отражается в развитии больших портов, в экономической жизни городов, а также в создании все новых рынков. Остия в устье Тибра с самого начала играла важную роль для снабжения Рима. Однако сооружение большой гавани Порт в двух милях севернее города, проект, который запланировал еще Цезарь и который был реализован только при Клавдии, дало решающий импульс для экономического расцвета Рима. Вскоре там начали пересражаться все предназначенные для Рима товары. Став-

шее необходимым при Траяне расширение гавани Порт новым шестиугольным портовым бассейном, который был соединен каналом со старой гаванью и Тибром, многочисленными складскими постройками вокруг портового района и домами крупных корпораций, убедительно свидетельствуют об успехе сооружения, которое наряду с Поццуоли, Бриндизи, Александрией и Карфагеном относилось к важнейшим портам империи.

Тогда как сенсационная дальняя торговля, роль портов и городских экономических центров часто подвергались фундаментальным исследованиям, изучение рынков на периферии находится только в начальной стадии. Там для покрытия торговых потребностей служили специально установленные дни, которые равнялись привилегии. В Италии они предоставлялись сенатом, а в провинциях — проконсулом. Поэтому деревни и владельцы больших поместий стремились приобрести право на проведение таких рыночных дней. Эдикт проконсула провинции Азия Квинта Цецилия Секунда Сервилиана от 209 г. н. э., например, предоставил это право общине Мандрагореи: «Ко мне обратились люди, которые заботятся о деревне Мандрагореи. Они попросили меня назначить так называемый рыночный день, а именно 9, 19 и 30 число каждого месяца. Они заверили, что это желание никому не принесет вреда и не нарушит срока проводимых в других местах рынков. Так как я почитаю благоденствие наших святейших правителей, которые хотят, чтобы им покорился весь земной шар, я возвещаю этим моим эдиктом, что я назначаю ранее названные дни для проведения торговли в Мандрагорее. Такова моя воля» (Ж. Нолле «Установить и соблюдать рыночные дни». Гильдесгейм, 1982, 14).

**Цивилизация и
культура в Римской
империи**

Наука и техника

Античные авторы и современные специалисты едины во мнении, на первый взгляд, о мало импонирующей норме научного исследования и о малом числе существенных технических новшеств в *Римской империи*. В типичном для римлянина, первично моральном способе рассмотрения повествует Плиний Старший: «О наблюдении над ветрами сообщили более двадцати древних греческих авторов. Тем более я удивляюсь, что в такое время, когда земной шар жил в несогласии и был расщеплен на отдельные кусочки, так много людей прилагали усилия для изучения трудно исследуемых областей и это среди войн и при неуверенности в гостеприимстве, ... тогда как сейчас в такое счастливое мирное время, при государе, который так радуется успехам во всех вещах и искусствах, никто не изучает ничего нового и даже того, что так основательно изучено древними. Вознаграждением было счастье первооткрывателей, большая часть из них эти знания извлекли на божий свет и видели свою единственную награду в том, что они помогают потомству. Сейчас люди стали убогими и жалкими; огромное число их плавают по морям сегодня, когда любое море открыто, и все берега предлагают дружественный прием, однако они делают это ради выгоды, а не ради изучения» (Плиний Старший, «Естественная история», 2, 117).

Современные авторы, напротив, указывают на то, что

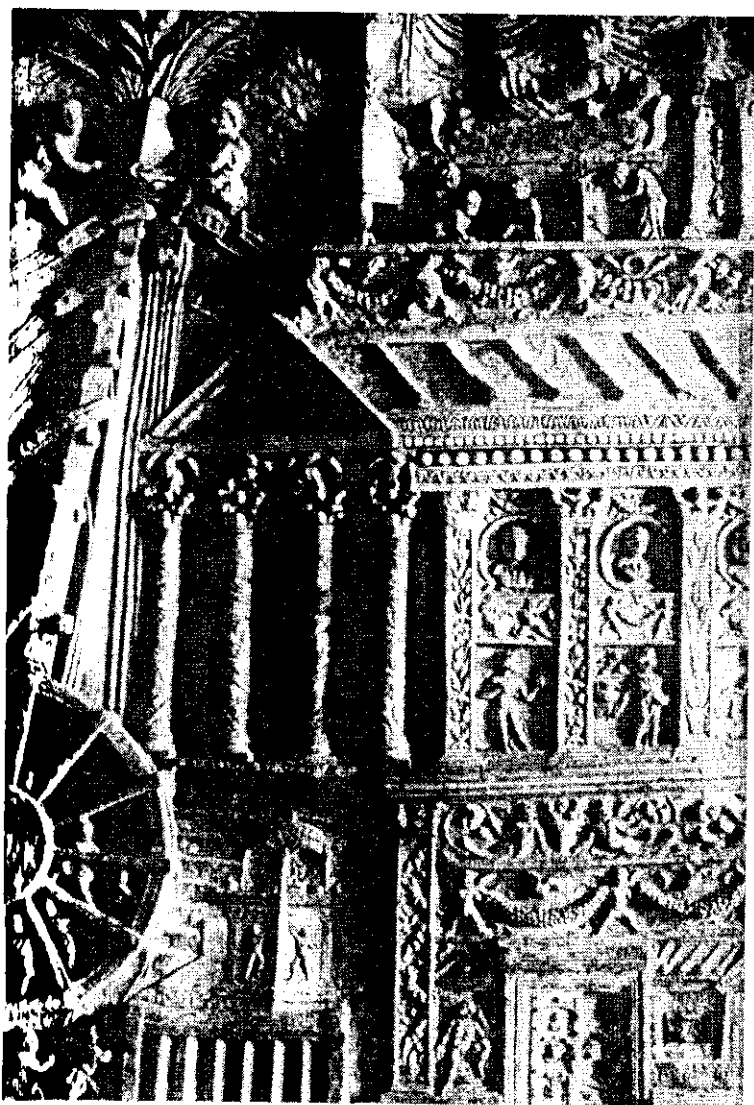

Рис. 40. Кран со ступенчатыми колесами.
Рим. Барельеф

римляне отказались от технических новшеств вместо того, чтобы использовать их для повышения уровня жизни и общественного продукта. При этом неоднократно подчеркивалось, что небольшой авторитет научных знаний и исследований, отсутствие «социального самосознания»

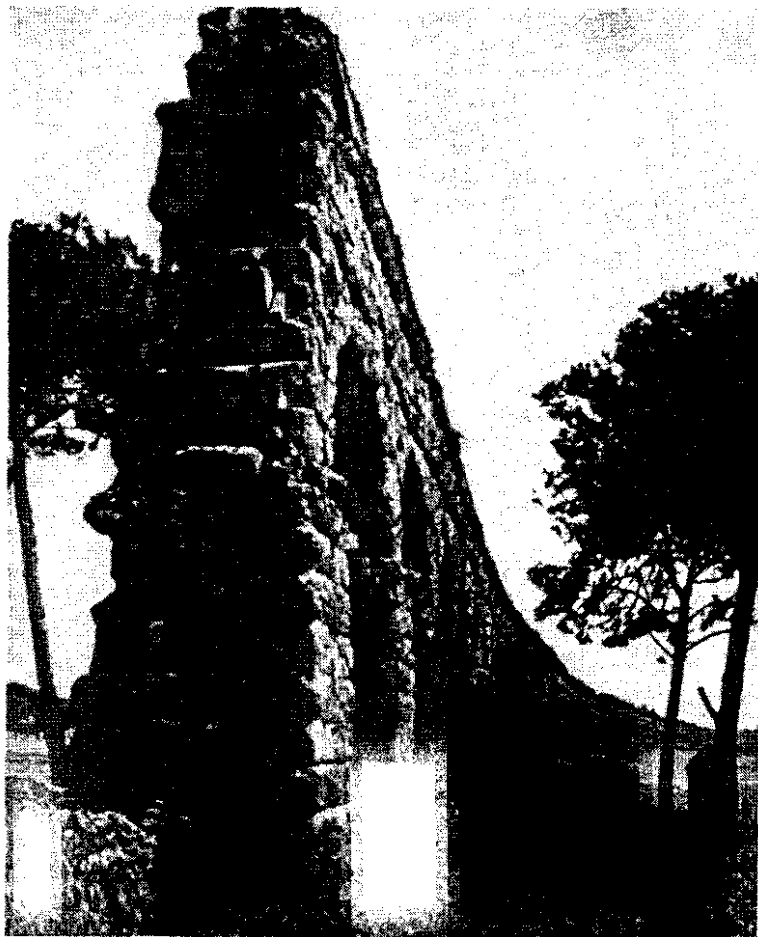

Рис. 41. Водопровод Клавдия в Кампанье

(К. Д. Уайт), анимистическая принципиальная позиция, конкретнее: отсутствующие импульсы к замене человеческой рабочей силы новыми техническими вспомогательными средствами или новыми ощущениями, недостаточная организация банковского дела и финансирования, неосуществляемое расширение рынков вызвали общую стагнацию в научной и технической области.

Какими бы убедительными ни казались эти часто полностью анахроничные критерии, важнее другие фундаментальные предпосылки: прежде всего следует подчеркнуть, что римляне в отличие от современного мира не видели в техническом «прогрессе» цель, которую нужно достичь любой ценой и всеми средствами. Они были не так научно заиклены, чтобы перенимать любой модный интеллектуальный язык их соседей, особенно греков, но и не так ограничены, чтобы игнорировать из принципа настоящие технические достижения. По своим интеллектуальным и ментальным склонностям они были мало приспособлены к фундаментальным исследованиям в современном смысле слова, к проведению научных экспериментов и к образованию теоретических моделей. Эзотерика специальных научных исследований в качестве самоцели была так же чужда им, как создание научных крупных предприятий в александрийском стиле.

А вот для перенятия чужих научных достижений или новых технических изобретений римляне были всегда готовы в случае, если они имели практическое использование. Однако их мало интересовало, каким путем и с помощью каких умственных операций или технических аппаратов получались результаты. Они так же мало разбирались в догматизме философских систем, как и в медицинских и естествоведческих школах. Доминировал эклектизм, и он не был ни в коем случае предвзятым. При этом кажется удивительной преобладающей структуры мышления и приоритетов. Когда Цельс в на-

чале 1 в. н. э. написал энциклопедию, которая включала сельское хозяйство, медицину, риторику и военное искусство, он следовал приоритетам Катона Старшего.

Наблюдаемое еще в августовскую эпоху стремление к систематизации знаний, к порядку и объединению старых сведений царило во всех областях научных дисциплин: в юриспруденции, военных науках, географии и медицине. Принципат, в первую очередь в научно-технической области, является временем инвентаризации и энциклопедического подведения итогов и меньше — временем продуктивных новых импульсов или больших индивидуальных достижений, которые, правда, не полностью отсутствовали. Легко подсмеиваться над недостатками собранных сочинений и специальных книг, только нельзя недооценивать их историческое значение. Из них прежде всего черпали свое знание средневековые и новое время.

Духовное развитие Рима с самого начала определялось тесными отношениями между юриспруденцией и риторикой. Если они обе во времена классической и поздней Республики были тесно между собой связаны, то уже Цицерон свидетельствовал о гибели этих двух сфер. Принципат привел их к дальнейшему рассоединению, но поэтому также и к расцвету юриспруденции, которая была сосредоточена на рациональном анализе и решениях конкретных юридических случаев, а не на общей риторической драпировке фактов. Римская юридическая наука с самого начала пользовалась высоким общественным признанием: «Так как она помогает советом в правовых вопросах и, пользуясь знаниями этой науки, можно оказать влияние на увеличение средств и оживленности, причем, при многих преимуществах предков особенным было то, что знание римского гражданского права всегда находилось в великой чести. Оно (это знание) удерживало ведущих мужей от пустоты современных времен» («Об обязанностях», 11, 65).

Август приложил большие усилия, чтобы восстано-

вить авторитет юридических специалистов — почти исключительно сенаторов — и чтобы возложить на сенат сферу юрисдикций. Пусть выдающийся юрист августовской эпохи М. Антистий Лабеон никак не хотел признавать сильную интеграцию юриспруденции в новую политическую систему, со своей упрямой оппозицией он стоял на безнадежных позициях. Римские юристы 1 и 2 в. н. э. пользовались таким высоким общественным престижем потому, что часто имели за собой впечатляющую чиновничью карьеру. Ведущие юристы, естественно, были консулами, П. Ювенциус Цельс в 129 г. н. э. стал консулом во второй раз. Л. Яволен Приск был наместником *Верхней Германии, Сирии и Африки* (101/102 гг. н. э.); П. Сальвий Юлиан, крупный юрист эпохи Адриана и Антонионов, управлял одной за другой провинциями *Нижняя Германия, Ближняя Испания и Африка* (168/169 гг. н. э.); вышедший из всадников Л. Волузий Мециан получил должность *префекта Египта* (161 г. н. э.). Административный опыт, магистратуры и юриспруденция были тесно связаны друг с другом, что еще больше укрепило практическую ориентацию римской юридической науки.

Римская юриспруденция уже в своих истоках была сориентирована на практические потребности правосудия. Она сосредоточивалась на составлении заключений для магистратов и для сторон в гражданском процессе, на фиксации формы договоров, собирании судебных решений или законов и не в последнюю очередь на деятельности консультантов, в рамках различных *советов* магистратов, наместников и обладателей большой власти. При Августе эти функции были снова акцентированы: «До века Августа право на предоставление заключений предоставлялось не *принцепсам*, скорее обращающимся за советом давали свои заключения те, знаниям которых они доверяли. Они ни в коем случае не выдавали запечатанные заключения, но сами писали судье или при свидетелях да-

вали объяснения тем, кто обратился к ним за советом. Дабы поднять уважение к праву, *божественный Август* первым распорядился, чтобы сведущие в праве давали свои заключения *в силу своей власти*. С этого времени эти полномочия начали испрашивать как особую льготу. Так превосходный *принцепс* Адриан, когда бывшие преторы направили ему ходатайство о предоставлении им полномочий на правовые заключения, постановил: «Это право пусть впредь не испрашивается, но предоставляется» (Помпоний «Дигесты»).

По отношению к нововведениям Августа точное значение формулировки Помпония спорно, неясно, значит ли это, что немногие особо квалифицированные юристы *властью принцепса* получили привилегии давать заключения и вместе с этим высочайший, официально признанный авторитет, или выделение этих юристов значило, что «только их заключения предоставлялись суду и должны были быть приняты во внимание судом» (В. Кункель). Как бы там ни было, в любом случае это означало, что привилегированные таким образом юристы оказывали решающее влияние на правовое развитие.

В отличие от многих современных представлений о римском праве, которые ориентируются на законы двенадцати таблиц и позднеантичную кодификацию, при принцепате продолжала существовать удивительная многоплановость римского права. Более того, оно было еще дальше укреплено инициативами *принцепсов* и *назначенными принцепсом* юристами, дававшими заключения: «Право римского народа состоит из законов, плебесцитов, постановлений сената, указов *принцепса*, эдиктов тех, кто *имет право* издавать эдикты, и из правовых заключений юристов» (Гай «Дигесты»).

Эта многоплановость возникла из применения чужого права, а также права народов, с одной стороны, и из обычного права — с другой. Гай так определил синтез са-

мостоятельного права и права народов: «Все народы, которые управляются законами и обычаями, пользуются частично своим собственным, общим для всех людей правом. Итак, право, которое народ сам себе устанавливает, является собственным правом государства и называется *гражданским* правом, как бы специфическим правом государства. Которое же естественный разум среди всех людей устанавливает и всеми народами соблюдается, называется правом народов, потому что этим правом пользуются все люди. Итак, римский народ пользуется частично своим собственным правом, а частично правом, общим для всех народов» («Дигесты», 50, 17, 90).

Обязательность обычаев подчеркнул Сальвий Юлиан, то есть тот юрист, который при Адриане фиксацией *постоянного эдикта* предпринял один из немногих шагов к окончательному формулированию ветви законодательства империи: «В случае, если мы не имеем писаного закона, нужно соблюдать то, что заведено обычаем и долгой привычкой. Если в каком-то случае их недостает, нужно следовать праву, которое к этому случаю больше всего подходит, или заключениям по аналогии. Если и это отсутствует, нужно следовать тому праву, которое принято в городе Рима. Укоренившийся обычай должен соблюдаться, как закон, и это является так называемым *обычным правом*» (Юлиан «Дигесты»). Но руководствующим во всех вопросах оставался тот критерий, который подчеркнул в 3 в. н. э. юрист Павел: «Во всех областях, особенно в областях права, нужно соблюдать естественную справедливость» («Дигесты», 20, 1, 34).

Если юридическая литература 1 и 2 вв. н. э. характеризуется как кульминация римской юриспруденции вообще, то именно потому, что в этой литературе речь идет преимущественно не о теоретических рассуждениях, философско-правовых или абстрактных спекуляциях, а о решении конкретных частных случаев. В формальном отно-

шении эта направленность привела к тому, что часто преобладали обширные собрания заключений, которые в большинстве случаев носили название *дигесты*, *заключения*, *правовые вопросы* и *письменные заключения*. Хотя в этом казуистическом собрании содержались короткие общие соображения, в центре стояли вопросы применения права. Римской юридической науке была свойственна выразительная, ясная формулировка и четкое заострение отдельных сентенций, однако всегда преобладало трезвое, простое изложение юридической сущности.

Так звучит, например, отрывок из 27-й книги дигест К. Цервидия Сцеволы (вторая половина 2 в. н. э.): «Должник закладывает свою лавку кредитору. Спрашивается: действителен ли заклад и подразумеваются ли под обозначением лавки товары, которые в ней находятся. С течением времени товары были проданы и заменены другими. Умер и должник. Может ли кредитор, невзирая на перемену обстоятельств, по иску требовать все, что находится в лавке?» Сцевола дает следующую юридическую справку: «Подлежит залоговой повинности все, что в момент смерти должника находилось в лавке» («История римского права». Кёльн, 1980).

Вольфганг Кункель так по достоинству оценил достижения классических римских юристов: «С воистину великолепной уверенностью они пользуются методами логических выводов, техникой процессуальных формулировок и сложными юридическими правилами игры, которые следуют из переплетенного сосуществования старых и новых, гражданско-правовых, строго формализованных и гибких правовых институтов. Они не признают неясных соображений справедливости, морализаторских выражений и вообще всякое фразерство. Вековой работой доведенный до высочайшей гибкости язык... позволил им перифразировать в необыкновенно сжатой форме факты и ход мыслей. Не раз является шедевром изложение подле-

жащего решению случая, потому что оно, лишённое всех несущественных подробностей, конкретизирует служащие мерилем юридические точки зрения и тем самым делает излишним велеречивое обоснование решения» («История римского права». Кёльн, 1980, 105).

Помпоний в своем «Учебнике» связывает образование двух правовых школ с противоречиями между ведущими юристами августовской эпохи Г. Атеем Капитоном и М. Антистием Лабеоном. Консервативный Капитон теснее примыкал к традиции, Лабео же ввел многочисленные новшества. По генеалогии, которую дает Помпоний, из приверженцев Капитона образовалась школа сабинианов, позже кассианов, содружество молодых практикующих юристов, которые были выдвинуты ведущими тогда политиками Массурием Сабинном и Г. Кассием Лонгином (консул 30 г. н. э.). Названная по имени юриста Прокула школа прокулианов, которой сначала руководил Кокцей Нерва, дед будущего *принцепса*, примыкала, наоборот, к своему идолу, к Лабеоу.

Общественное значение этих обеих школ было большим, они часто привлекались к оценке конкретных правовых вопросов, но мало отличались друг от друга по своим методам, категориям и нормам. Общность основополагающих интерпретаций и структуры мышления этих юристов перевешивали противоречия между школами. К этому добавилось и то, что преобладающее согласие, которое было углублено силой общих традиций не меньше, чем идентичностью обыденных функций, препятствовало развитию догматизма и подготовке широкого спектра юристов с совершенно разными взглядами.

Одним из многих парадоксов истории является то, что из многочисленных произведений классических римских юристов сохранились, как правило, только небольшие фрагменты и выписки, часто всего лишь в несколько строк, причем решающая посредническая роль выпала большо-

му сборнику «Дигест» или «Пандект», созданному по инициативе Юстиниана в 6 в. н. э., а кроме этого, целому ряду папирусных фрагментов. Почти полностью сохранился элементарный, ясно сформулированный и легко понятный учебник, *институции* неизвестного Гая, и это случилось не в последнюю очередь потому, что Г. Нибур обнаружил в 1816 году в Вероне рукопись произведения, которую дополнили также и различные египетские папирусы.

Гораздо более высоким литературным и юридическим рангом обладали 39 книг *дигест* К. Ювенция Цельса и 90 книг *дигест* уже не единожды упомянутого Р. П. Сильвия Юлиана. Цельс любил оттачивать свои мысли и основные принципы, к нему восходит одно из самых знаменитых дефиниций и правил римского права: «*Право есть искусство добра и справедливости*» («Дигесты»), а также: «*Не существует обязательства выполнить невозможное*» («Дигесты») или классическое указание: «Противоречит правовой науке выносить приговор на основании отдельной части закона или давать заключение, не просмотрев внимательно все определения закона» (9-я книга «Дигест»). В заключение, предваряя события, нужно упомянуть, что римская юриспруденция в 3 в. н. э. пережила повторный расцвет, о котором подробнее будет сообщено позже.

В римском регионе высочайшим уважением пользовалась также риторика. Тацит в своем «*Диалоге об ораторах*» характеризовал ее как занятие, «которое в нашем государстве в отношении пользы является самым плодотворным, в отношении достоинства — самым выдающимся, в отношении славы города — самым прекрасным, в отношении известности по всей империи и у всех народов — самым видным». Своей кульминации риторика достигла в лице Цицерона, который добился непревзойденного языкового мастерства в своих судебных и политических речах. Развитие при принципате проходило под

сенью его индивидуальности, и современники очень быстро осознали, что риторика потеряла свой прежний блеск.

Помимо новых нравственных и формальных акцептов, которые расставили оба Сенеки в 1 в. н. э., а потом Фронтон во 2 в. н. э., — ответственность за упадок ораторского искусства в чисто римской манере возложили на «инертность молодежи, на нерадивость родителей, на невежество учителей и забвение старых обычаев» (Тацит), а кроме того на состояние в ораторских школах. «При обучении ораторскому мастерству изучаются только два вида материи: свазории (защитительные речи) и контраверсии (обвинительные речи). Свазории передают, как не имеющие большого веса и не требующие большого ума, детям, а контраверсии предназначают более сильным... и кто же это такое придумал! Логично, что для похвалы при таком отклоняющемся от действительности материале применяют пустые высказывания. Вот и случается, что похвала за убийство тирана, выбор наказания за изнасилование, средство защиты от чумы, инцест с матерями и все то, что обычно ежедневно произносилось в школе, редко или никогда не излагается на форуме» (Тацит).

Однако важнее, чем все это, был тот факт, что риторика при принципате потеряла свою прежнюю и политическую функцию. Эти соображения высказаны у Тацита: «Это великое достопримечательное красноречие является питомцем произвола, который называют свободой, спутником гражданских войн, шипом для необузданных народов, без покорности, дерзким, легкомысленным, самонадеянным, которого не существует в благоприятных государствах... И наше государство несомненно порождало такое красноречие, пока оно раздиралось партиями, различиями во мнениях и раздорами, пока не будет мира на форуме, согласия в сенате, воздержания при процессах, уважения перед старшими, умеренности чиновников». «Нужно ли, чтобы каждый сенатор пространно излагал

свое мнение по тому или иному вопросу, если благонамеренные сразу приходят к согласию? К чему многочисленные народные собрания, когда общественные дела решаются не невеждами и толпою, а мудрейшим и одним. К чему по собственному почину выступать с обвинениями, если преступления так редки и их так немного? К чему эти нудные и превышающие всякую допустимую меру речи защитников, если милосердие вершащего суд торопится вызволить подсудимого..., а теперь, поскольку никому не дано домогаться славы и одновременно соблюдать должную сдержанность, пусть каждый пользуется благами своего века, не порицая чужого» (Тацит «Диалог об ораторах», 41. Санкт-Петербург: «Наука», 1993, с. 384. Перевод А. С. Бобовича).

Правда, политическая функция риторики при принципе была потеряна не разом, так как еще долгое время в сенате происходили большие ораторские дуэли, однако в общей сложности возможности влияния даже крупных ораторов были невелики. Для новой политической системы характерно, что, с одной стороны, получили развитие панегирики или «концертные» речи, а с другой — продолжала существовать деполитизированная функция риторики в секторе образования. Для буржуазии, как и для внешних слоев империи, обучение риторике было одной из важнейших ступеней образования. Причиной этого явилось то, что риторика больше не ограничивалась лишь формальными аспектами, но и, как философия, поднимала образовательный уровень.

В ораторских школах преобладало, правда, искусство декламации, важнейшими источниками которой служат сегодня, наряду с «Обвинительными и защитительными речами» Сенеки Старшего (около 40—50 гг. н. э.), собранные под именем Квинтилиона учебные речи. В них присутствуют совершенно нереальные, искусственные и напыщенные декламации вместо старых конкретных, ори-

ентированных на современность политических или юридических речей прежних времен. Защитительные речи излагали целый канон сконструированных случаев решения из мифов и истории, такие, например, как поведение Агамемнона перед жертвоприношением Ифигении, размышления Катона перед самоубийством и тому подобное, но не повседневные темы. Обвинительные речи тоже в первую очередь предлагали далекие от действительности хитроумности или интересные особые случаи, которые едва ли могли снова повториться в обыденной жизни.

Одним из влиятельнейших ораторов середины I в. н. э. был Сенека Младший, благодаря его пафосу производил впечатление даже Нерон, которому Сенека писал тексты для публичных выступлений. Когда позже Квинтилиан, великий систематизатор латинской риторики и первый, стоящий на государственной службе при Флавиях учитель красноречия, снова вернулся к старому Цицероновскому идеалу стиля, он был вынужден полемизировать с Сенекой и его приверженцами. Все же им дана очень взвешенная оценка своему удачливому предшественнику: «В общем, Сенека обладал многими важными положительными качествами: легкой рукой богатой природной одаренности, величайшим усердием, основательным знанием дела, при этом, однако, его помощники, которым он поручал вопросы для разъяснения, злоупотребляли его доверием. Он разрабатывал почти все области знания, находятся в обращении его речи, стихи, письма и диалоги. Не очень глубокий в философии, тем не менее являлся выдающимся борцом с пороками. Многие прекрасные мысли имеются у него, многое заслуживает чтения по причине моральных принципов, но в выразительности гибнет самое большое и поэтому крайне опасное, потому что изобилует соблазнительными ошибками. Хотелось бы, чтобы он говорил с присущим ему талантом, но со способностью к рассуждениям другого; если бы он многое отбросил, если

бы он не был одержим многим, не был бы так влюблен во все свое, если бы он вес вещей, о которых говорит, не разрезал крохотными членами предложения, он бы скорее нашел признание в единодушном мнении ученых, чем в любви детей» («Об ораторском искусстве», XX, I, 128).

Сам Квинтилиан (35—96 гг. н. э.), оратор, учитель риторики и теоретик в одном лице, написал 12 книг «Об ораторском искусстве», важнейшем риторическом учебнике того времени. Он постулировал как комплексный, так и взыскательный идеал оратора: «К самому лучшему оратору относится наше наставление в смысле того требования, что только по-настоящему хороший человек может быть оратором; и поэтому мы требуем от него не только выдающийся дар речи, но и все человеческие добродетели. Так как я не хочу согласиться, что ответственность за правильную, почтенную жизнь является компетентностью философов, как многие думают, так как никто иной, кроме оратора, человека с высоким гражданским чувством, не может направлять своим словом города, обосновывать законодательством, улучшать решением перед судом. Итак, оратор — это тот человек, который по праву заслужил имя мудреца; не только безупречный по своему образу жизни, — по моему мнению этого недостаточно, хотя другие думают иначе, — но и самый лучший по своим познаниям и дару найти для всего нужное слово» («Ораторское искусство», I, 1; «Предисловие», 9, 18).

Исходя из этих предпосылок, Квинтилиан излагает содержание и основные проблемы своего произведения: «Первая книга будет содержать задачи, стоящие перед оратором. Во второй мы представим основные начала обучения оратора и сущность риторики. Следующие пять посвящаются отысканию мыслей, учению об их упорядочении и языковом выражении, куда входит учение о памяти и декламации. К этому будет добавлено, каким мы

сами представляем образ оратора: здесь мы в меру своих слабых сил обсудим, каким должен быть его образ жизни, какие точки зрения подходят для подготовки и проведения процесса, какой род стиля является самым эффективным, когда нужно довести до благополучного конца судебное слушание».

В произведении тесно соединены теория и практика, мораль и философия, специальные риторические советы и общие рекомендации. В десятой книге содержится также обзор античной литературы, который, правда, носит отпечаток риторических интересов Квинтилиана и его классицистский идеал стиля. В стилистическом отношении Квинтилиан также решительно отмежевывается от архаизма Катона, Гракхов и Саллюстия, как и от пафоса Сенеки. Его идолом был Цицерон, риторическое учение которого он привел в цельную дидактическую, литературную и моральную систему, причем он решительно выступал за синтез философии и ораторского искусства. Вплоть до нового времени Квинтилиан был не только синонимом латинской риторики, но и синонимом взыскательного литературного образования. Его восхваляли Петрарка, Лютеран, Эразм, Меланхтон и даже Фридрих Великий. Он был центральной фигурой европейской духовной истории, тогда как в настоящее время едва ли знаком широким кругам.

Виднейшим оратором 2 в. н. э. являлся М. Корнелий Фронтон. Он родился в нумидийском городе Цирта, в 143 г. н. э. стал *консулом*, но очень рано был забыт. Фронтон сначала отличился как оратор и юрист, однако его судебные и панегирические речи Адриану и Антонину Пию утеряны. Сохранились только несколько риторических упражнений наряду с письмами к правителям дома Антонинов (Антонин Пий назначил Фронтона воспитателем Марка Аврелия и Луция Вера). Обнаружение этих текстов Фронтона историком Анджело Май (1815, 1823 гг.) было

настоящей литературной сенсацией, однако историческое содержание рукописей принесло разочарование. С точки зрения стилистики примечательно, что Фронтон основал новый архаизм, который, по крайней мере временно, нашел некоторый отклик, например у Геллия. В самой риторике среди последователей великих имен нет. Сжатые, ориентированные на обучение очерки так называемых *младших латинских ораторов* и греческие произведения Гермогена из Тарса и Менандра из Лаодикен 3 в. н. э. приводят к следующим кульминационным периодам позднеантичного панегирика.

Мост между риторикой и литературой провел в середине 1 в. н. э. анонимный автор греческой рукописи «О возвышенном», который хотел передать возвышенный идеал стиля, ориентированный на Гомера, Платона и Демосфена. В пространном размышлении о древних классических авторах зародилась греческая философия эпохи, которая была сосредоточена на разработке лексики, учебников по грамматике и метрике. Так, во 2 в. н. э. Аполлоний Дискол создал первый греческий синтаксис, Гефакстион — учебник стихотворных размеров; Поллукс, бывший в 178 г. н. э. учителем риторики, — знаменитый словарь, Гарпократион — специальный словарь десяти аттических ораторов. Характерно, что многие из этих грамматиков и филологов были тесно связаны с Александрией.

Латинские филологи следовали формам и тенденциям греческих образцов, однако также и Варрону и Веррию Флакку. Самым авторитетным был тогда монументальный труд Помпея Феста «О значении слов», который состоял из 20 книг извлечений из Флакка. Уже раньше, во времена Тиберия и Клавдия, Реммий Палемон написал латинскую школьную грамматику, во времена Флавиев Валерий Проб занимался изданием и комментариями произведений Теренция, Лукреция, Вергилия и Гора-

ция, Асконий Педиак издал комментарии к речам Цицерона.

Плиний Старший был самым значительным энциклопедическим посредником в области естествознания. Друживший с Титом военный, который командовал собранным в Неапольском заливе римским флотом, пал жертвой чувства долга и любопытства, когда в 79 г. н. э. во время извержения Везувия пытался выяснить ход событий и одновременно помочь. Чувство долга и научное любопытство наложили отпечаток на всю его жизнь. Наряду с выполнением военных и административных обязанностей он использовал каждую свободную минуту для научной работы. Из его обширных трудов сохранились только 37 книг *«Естественной истории»*, для которой он делал выписки из сотен старых произведений. Хотя в этих произведениях достаточно личных наблюдений и высказываний, они прежде всего служат для передачи общих научных знаний эпохи.

За космологией и географией следуют антропология, зоология, ботаника, фармацевия, геология и минералогия, включены даже и изобразительные искусства. Весь труд, как и обработанные в поздней античности выдержки *«Медицина Плиния»* и *«Физика Плиния»*, стал сокровищницей естественнонаучных знаний античности, сохранившей свою практическую функцию вплоть до нового времени.

Прогресс в географии особенно заметен при сравнении работ Помпония Мелы и Клавдия Птолемея. Тогда как уроженец Южной Испании Мела в середине 1 в. н. э. в своих трех книгах *«О хорографии»* в традиционной форме дал описание побережья Средиземного моря с прилегающими к нему территориями и в первую очередь заботился о выразительной стилистической форме, Птолемей во 2 в. н. э. внес совершенно новые подходы и концепции.

Конечно, живущий в Александрии Птолемей часто

опирался на исследования более древних ученых, но его собственный вклад в эту область был значительным. Он в географии начертил картографическую сетку, зафиксировал в таблицах географическую широту и долготу около 8 000 мест и ввел картографические знаки. В своем учебнике по астрологии «*Четверокнижие*» он попытался выяснить влияние планет и созвездий на события на Земле и на человеческую жизнь в своей гармонии — обобщить известное ему учение о гармонии, в своей оптике — дать теорию зрения и установление законов преломления.

Наибольшего успеха добился Птолемей в области астрономии трудом, известным под арабским названием «*Альмагест*». Там он сводит в единую «птолемееву систему» движения планет с геоцентрическим обоснованием сведения более старых астрономических трудов и результаты собственных исследований. Эта система была опровергнута только Коперником.

Требования медицинской практики в республиканском Риме удовлетворялись на скромном уровне опытами домашней и народной медицины. Наряду с шерстью и капустой важнейшую роль играли заклинания. Сначала греческая медицина вызвала величайшее недоверие: Катон Старший внушал сыну, что греки якобы поклялись уничтожить всех варваров своим врачеванием и что они за это получают деньги, чтобы им скорее поверили. Тем не менее ввиду скромного уровня римско-италийской домашней медицины нельзя было воспрепятствовать все большему числу греков, среди которых было много малообразованных рабов, заниматься медицинской практикой.

В римском регионе вскоре появилась специальная категория *домашних врачей* — рабов, которых богатые римляне держали для своей *семьи*. Но еще в те времена врачеванием занимались не только рабы и вольноотпущенники. Свободнорожденные, удостоившиеся римского гражданского права врачи появились еще со времени Цезаря. Обще-

ственный авторитет врачей возрос еще больше, когда они завоевали доверие *принцепсов*, которые их соответственно поощряли, например, Август — Антония Музу, Клавдий — Ксенофонта Косского, Марк Аврелий — знаменитого Галена. Со времен раннего принципата среди врачей появились отдельные представители всаднического сословия, например Веттий Валент, но до 3 в. н. э. в сенаторском сословии не засвидетельствован ни один сын врача.

Невзирая на растущее общественное признание врачей, которому способствовало улучшение их квалификации, государственное здравоохранение было малоразвитым. В Риме только при Антонине Пие назначили общественных врачей на каждый из 14 районов столицы, в городах провинций, насколько известно, положение было не лучше. Даже в армии лечение раненых и больных долгое время оставалось неудовлетворительным, однако вследствие новых возможностей постоянных гарнизонов произошли коренные изменения: среди большого числа легионерских лагерей известны несколько лазаретов, войска имели в своем распоряжении специальных военных врачей. Еще лучше было медицинское обслуживание гладиаторов.

Медицинские исследования в духе знаменитых греческих традиций от Гиппократов до различных эллинистических школ догматиков, элетериков, методиков и пневматиков в италийском регионе не проводились; даже здесь сказывалось эклектическое поведение — поощрялось развитие греческой медицины и использовались ее достижения. Во времена Траяна большим авторитетом пользовался Руф Эфесский, решительный приверженец Гиппократов, который занимался не только проблемами внутренних болезней, изучением пульса и анатомией, но и специально преподавал технику анамнеза, дал точные описания болезней и систематически анатомировал. Его работы «О названиях частей человеческого тела» и «Вопросы врача больному» стали основополагающими учебниками.

Современником Руфа был Соран Эфесский, специалист по гинекологии и акушерству. Философски образованный Соран выступал против всяческих суеверий при родах; обширные анатомические знания женских половых органов, высокоразвитое понимание всех вопросов гигиены привели его к объяснению родовых осложнений и женских болезней и не в последнюю очередь к взыскательному обучению повитух. Кроме гинекологии, другие частично переведенные произведения из области внутренних болезней и хирургии свидетельствуют об обширной научной продукции.

Еще комплекснее было творчество уроженца Пергамона Галена (129—199 гг. н. э.), который с ранних пор посвятил себя медицине и учился в Смирне и Александрии, потом 4 года практиковал в Пергамоне в качестве гладиаторского врача, пока не переселился в Рим, получил большую известность благодаря многочисленным публичным выступлениям и широкой практике. Для Галена была характерной тесная связь философии и медицины, теории и практики. Как типичный эклектик, он не только привел в систему медицинские знания своего времени, но и ввел в нее также и результаты собственных исследований. Основными проблемами его обширных публикаций были анатомия, патология, психология, фармакология и диетология; Гален развил дальше учение Гиппократов о соках. Его труды вплоть до Возрождения сохраняли высочайший авторитет.

Латинские авторы соперничать с этим не могли. Единственным достойным упоминания произведением, кроме медицинских частей *«Естественной истории»* Плиния Старшего, являются 8 медицинских книг энциклопедии Авла Корнелия Цельса времен Тиберия. В системной форме и доступным языком они излагают историю медицины, общую и специальную патологию, учение о лекарствах и хирургию, все это с большим знанием дела и с упо-

ром на практику, в первую очередь с целью передать результаты греческой медицины латинскому Западу.

В областях прикладной математики, механики и технического усовершенствования многие труды остаются анонимными и частично трудно поддаются хронологии. Важнейшим литературным представителем этой области знаний является Герон Александрийский, по всей вероятности из 1 в. н. э. И он тоже прославился не столько благодаря новшествам и собственным исследованиям, сколько резюмированию и обработке технических знаний своего времени. Труды о технике измерения и механике и о других специальных технических и математических вопросах знакомят в первую очередь с общим состоянием науки эпохи, например с такими военно-техническими подробностями, как функционирование катапульт и луков. С другой стороны, Герон уже применил в качестве двигателя средства сжатый воздух и сжатый пар.

Однако важнее, чем литературная продукция в этой области, явилась сама практика. Еще со времен поздней Римской Республики были достигнуты важнейшие усовершенствования в строительной технике и в архитектурной форме. Употребление похожего на бетон «гидравлического» строительного раствора и использование опорных стен, крестовых и пореберных сводов позволили увеличить размеры купольных сооружений и сводов, применение обожженного кирпича дало возможность делать подземные печи для отопления. В специализированных мастерских применялись теперь не только различного вида винтовые прессы, но и подъемные механизмы, а также краны, хотя и не такие сложные, как знаменитый кран со ступенчатыми колесами из мастерской по изготовлению колонн Лукция Пекулиара в Капуе.]

Инструменты повседневного пользования и вспомогательные средства, такие, как маленькая счетная доска или инструмент для определения уровня воды, приобре-

ли свой постоянный облик, однако требовали дальнейшего технического усовершенствования. Так, например, еще в I в. до н. э. было изобретено отвесное мельничное колесо для помола зерна, причем число оборотов жерновов по сравнению с водяным колесом увеличивалось в пять раз благодаря разнообразным соединениям приводного и зубчатого колес. Тем не менее это открытие не получило быстрого дальнейшего распространения, так же как и неоднократно упоминаемая в специальной литературе и археологически доказанная галльская «уборочная машина».)

Для тех приоритетов, которые ставил при принципате представитель римского правящего слоя в области науки и техники, идеально подходит Секст Юлий Фронтин (30—100 гг. н. э.). Фронтин после своего первого консульства в 73 г. н. э. был наместником в Британии, потом в 83 г. н. э. бок о бок с Домицианом участвовал в войне с каттами, получил в 86 г. н. э. проконсульство в провинции *Азия*. В 97 г. н. э. он стал *куратором вод*, в 98 и 100 г. н. э. снова был консулом. Этот человек, сделавший блестящую карьеру при Флавиях, Нерве и Траяне, последние годы своей жизни посвятил интенсивной литературной работе на специальные темы. Но Фронтин не был чистым теоретиком, в первую очередь он пытался применить специальные знания и опыт на практике.

Сохранившееся в отрывках произведение Фронтинина об измерении земельной площади имело выдающееся практическое значение; Карл Лахманн считал автора «самым древним и самым образованным среди писателей, писавших об искусстве измерения земли». Насколько позволяют судить сохранившиеся фрагменты, Фронтин пространно сообщал о различных категориях земли, а также об обычных правовых спорах и таким образом соединил систематическую инвентаризацию с принятием во внимание исторических и юридических аспектов. В собра-

нии «Военных списков», произведении, написанном на греческом языке, Фронтин преследует опять же практические цели. Не менее известен Фронтин был и в другой области.

Римляне всегда прилагали большие усилия, чтобы добиться хорошего водоснабжения. Водопроводы Рима и Компаньи еще сегодня демонстрируют это стремление, так же, как Пон дю Гар высотой в 49 метров, это трехэтажная монументальная арочная система, которая снабжала водой Немаус. Еще Плиний Старший констатировал по этому поводу: «Кто ценит изобилие воды в банях, и рыбных бассейнах, домах, садах, городских виллах, декоративных прудах и с другой стороны участки водопровода, приподнятые дуги, пробуравленные горы, разравненные долины, тот должен признать, что на всей земле не существует ничего более достойного восхищения» («Естественная история», 36, 123).

После того как Фронтин принял должность *куратора вод*, он посчитал необходимым провести полную инвентаризацию и получить исчерпывающую информацию, которую еще сегодня мы можем прочесть в его работе «*О водопроводе города Рима*». После исторического обзора всех водопроводов города Рима, их мощностей, функций, протекания, права пользования и проблем ремонта он говорил на основании новых планов о способе сооружения, системе мер водопроводов, категории и поперечных сечениях труб, а также о проблеме распределения воды.

Как энергичный и безупречный *куратор*, Фронтин не хотел зависеть от подчиненных специалистов и сам вникал в суть дела, не только как технический эксперт, но и как опытный знаток людей. Он был горд тем, что «здоровье этого вечного города» почувствует заботу *принцесс*, «потому что число распределителей, хозяйственных сооружений, колодцев и бассейнов будет повышено. И не меньшую пользу частным лицам принесет расширение

принцепсом прав пользования водой... Даже сточные воды не бесполезны: причины нездорового климата будут смыты; улицы станут чистыми, чище станет воздух, исчезнет атмосфера, которая при наших предках принесла плохую славу городу».

1-55-04

1

0.8

0.1

Литература и искусство

Для исторической оценки литературы при принципате расширение латинского языкового пространства является таким же основополагающим, как и изменение духовных и политических предпосылок; преемственность стиля и жанров так же важна, как и развитие индивидуальных достижений. Границы латинского языкового ареала прежде всего продвинулись на Балканский полуостров; они проходили теперь на севере Македонии и Фракии, включая Мезию и Дакию. Параллельно с этим расширился и круг латинских литературных ландшафтов: авторы из старых романизированных регионов Пиренейского полуострова становились теперь известными наряду с авторами из Галлии и Северной Африки.

Тацит во введении к своей «Истории» указал на литературные предпосылки на примере историографии: «За исходный пункт моего произведения я возьму второе консульство Сервия Гальбы и Тита Виния (69 г. н. э.). Так как время до этого, 820 лет от основания города, отобразили многие писатели и сделали они это с большой силой языка и с не меньшей прямоотой. После битвы при Акци и после того, как власть была сосредоточена в одних руках, ушли те великие дарования. Одновременно стала искажаться истина, сначала по неведению государства, а вскоре из склонности к поддакиванию или, наоборот, из ненависти к власти имущим. Никто не заботился о по-

томках — среди враждебных и покорных. От подхалимства автора можно все же легко отвернуться, нападки и зависть, наоборот, слушают во все уши; лесть скрывает рабские убеждения, злонамерение — ложную видимость прямоты (Тацит «История», 1, 1).

То, что сказано об историографии, касается, как было сказано, и других литературных жанров. Приспособленчество, идентификация с новой системой и ее представителями встречались так же часто, как и упрямая оппозиция, отвратительная лесть, просветление или уход в мифологию, историю и природу. В общих чертах осталась связь с традиционными литературными жанрами и ориентирование на классические образцы, будь то августовской эпохи или более архаизированного стиля Катона Старшего или Саллюстия. Кроме историографии и биографии явный расцвет переживали прежде всего эпос, трагедия, эпиграмма, сатира и философский трактат, хотя при этом редко достигался уровень поздней республики или эры Августа.

Во многих областях литературы наблюдались риторизация и индивидуализация, и они являлись характерными признаками развития при принципате вообще. Если при Тиберии исторический труд Альбия Кремуция Корда был сожжен по постановлению сената, потому что автор прославил Брута и Кассия как последних римлян, то немного позже Велей Патеркул опубликовал двухтомную римскую историю, где коротко описал времена Республики, а настоящее более подробно и не делал никакой тайны из своей зависимости от Тиберия. Ориентирование на практику преобладало в широко распространенном вплоть до средневековья собрании «Достойных упоминания деяний и высказываний» Валерия Максима. В 94 различных рубриках автор перечислил в морализаторском стиле образцовые или отвратительные манеры поведения. Противопоставляя римские и чужеземные примеры, он предлага-

ет подборку материала для всевозможных риторических и педагогических случаев и одновременно в мозаике образцов поведения пример для разгадки истории.

В других риторических нормах выдержана не полностью сохранившаяся «История Александра Великого Македонского» Квинта Курция Руфи, которая была написана в середине I в. н. э. Интерес к фигуре великого македонца возобновился в Риме со времен Помпея и Цезаря. Для произведения в жанре развлекательной литературы для широкого круга читателей не были чужды драматические и эффектные средства.

При principate Нерона появилось большое количество литературных произведений, но довольно часто они показывали, как были далеки от действительности нероновского Рима. Это относится к рано умершему в 62 г. н. э. Персию, шесть сатир которого с энтузиазмом приветствовались современными литераторами. Со своим непривычно искусственным языком, прерывавшимся явными вульгаризмами, стихи нередко непонятны и манерны; образцом для Персия был Гораций, по содержанию он стремился передать стоические и популярно-философские учения в цветистой форме и часто в неожиданных структурах.

«Фарсалии» Лукана изображали историю в этической форме. Однако как он ни хотел формально подражать Вергилию, Лукан прославлял не Акции, а Фарсал, не победителя Цезаря, а побежденного Катона. «Мое стихотворение относится к гражданской войне на нивах Эматии, которая была больше, чем только гражданская война. Оно рисует, как преступление получило законную силу, как народ повернул свою победоносную руку против собственного сердца, как родственники воевали друг с другом, как под одинаковыми орлами легионов войско враждебно бросилось на войско, и римское копье угрожая поднималось против римского копыя».

«Фарсалии» показательны для духовной и политичес-

кой напряженности нероновского времени. Тогда как во вступлении отражаются большие ожидания от молодого *принцеса*, надежды на золотой век и на справедливого государя, то впоследствии трагическим героем становится Катон: «Такова была сущность Катона, такова была его путеводная нить: соблюдать меру, хранить границы и думать, что он родился не для себя, а для всего мира» (II, 380—383).

В отличие от Вергилия Лукан в своем эпосе отказался от привлечения мифологии. Очень редко и издалека боги вмешиваются в происходящее; не они определяют своими спорами человеческие судьбы, их в первую очередь преследует трудно распознаваемая сила Рока и Судьбы. «Я вынужден изложить причины этого насильственного события, и передо мной стоит громадная задача спросить, что побуждает людей к безрассудным войнам, что изгоняет мир с земного шара. Это была цепь бед, злого рока, возникшая из зависти Фортуны. Это произошло потому, что стоящим у власти отказал здравый смысл, и Рим не мог больше уже держать собственного величия. Наступит время, когда придет конец Света и остановит столетия, тогда снова наступит первородный хаос: так как свет звезд упадет в море, Земля не захочет больше расширить свои берега, океан выйдет из них, Селена окажет сопротивление своему брату, откажется от поездок на своей колеснице по ночному небу и потребует для себя день — и мир утратит свою гармонию».

По форме, выбору материала, живости изложения Гай Петроний Арбитр (ум. в 66 г. н. э.) взорвал все ранее существующие критерии. Его большой авантюрный роман «*Сатирикон*», который был подразделен на многочисленные вставные части, как, например, знаменитый «Пир Трималхиона», в первый раз в центр событий ставит вольноотпущенников и рабов. Невзирая на все преувеличения и карикатуры, пародийные и сатирические элементы, про-

изведение является неисчерпаемым источником менталитета и психологии редко представленных в литературе слов.

Пример из *«Пира Трималххиона»* может это пояснить. Из разговора вольноотпущенников будут процитированы взгляды Эхиона на предстоящие выборы и на его принципы воспитания (Эхион является изготовителем попон и рабочей одежды): «...Да вот еще: есть у меня предчувствие, что Маммея нам скоро пир задаст, — там-то уж и мне и моим по два динария достанется. Если он это сделает, то отобьет у Норбана все народное расположение: вот увидите, что он теперь обгонит его на всех парусах. Да и вообще, что хорошего нам сделал Норбан? Дал гладиаторов грошовых, полудохлых, — дунешь на них, и повалятся; и бестиариев видывал я получше; всадники, которых он дал убить, — точь-в-точь человечки с ламповой крышки — сущие цыплята; один — увалень, другой — кривоногий; терциарий-то! — мертвец за мертвеца с подрезанными жилами... Мне кажется, Агамемнон, ты хочешь сказать: «Чего тараторит этот надоеда?» Но почему же ты, записной краснобай, ничего не говоришь? Ты не нашего десятка; так вот смеешься над речами бедных людей. Мы знаем, что от большой учености свихнулся...». Потом Эхион рассказывает о своем сыне, предполагаемом ученике Агамемнона: «Кроме того, начал он уже греческий учить, да и за латынь принялся неплохо, хотя учитель его уж слишком стал самодоволен, не сидит на одном месте. Приходит и просит дать книгу, а сам работать не желает. Есть у него и другой учитель, не из очень ученых, да зато старательный, который учит большему, чем знает. Он приходит к нам обыкновенно по праздникам и всем доволен, что ему ни дай. Недавно купил я сыночку несколько книг с красными строками: хочу, чтоб понюхал немного права для ведения домашних дел. Занятие это хлебное. В словеснос-

ти он уж довольно испачкался. Если право ему не понравится, я его какому-нибудь ремеслу обучу; отдам, например, в цирюльники, в глашатаи или, скажем, встряпчие. Это у него одна смерть отнять может. Каждый день я ему твержу: «Помни, первенец, все, что зубришь, для себя зубришь. Посмотри на Филерона,стряпчего: если б он не учился, давно бы зубы не полку положил. Не так давно еще кули на спине гаскал, теперь против самого Норбана вытянуть может. Наука — это клад, и искусный человек никогда не пропадет» (Петроний *«Сатирикон»*. М., 1957, с. 139—140. Перевод Б. Яркого).

Автор *«Сатирикона»* был *«законодатель общественных вкусов»* нероновского двора, человек, диктующий моду в придворных кругах, тем не менее не поглощенный жизненными наслаждениями и, если нужно, мог прекрасно проявить себя, например, как проконсул Вифинии. Нет для него ничего более характерного, чем способ его смерти: с полным самообладанием он вскрыл себе вены, несколько раз попросил перевязать себя и, наконец, умер с невозмутимой иронией под аккомпанемент веселых песен. Петроний является представителем нового бытия, которое объединило изысканное наслаждение с трезвым взглядом на повседневную действительность, рациональный анализ мира и жизненных ценностей, а также полную внутреннюю свободу.

Полной противоположностью во многих отношениях является приписываемая Сенеке трагедия *«Октавия»*, которая живописует судьбу и гибель бывшей замужем за Нероном дочери Клавдия. Эта трагедия показывает бессилие отдельного человека и всемогущество абсолютного правителя, и все это независимо от личных качеств.

О Луции Аннее Сенеке (4 г. до н. э. — 65 г. н. э.), сыне оратора, уже шла речь при других обстоятельствах. Вне всяких сомнений Сенека Младший был разносторонним писателем, оратором и философом неронов-

ской эпохи и одновременно придворным, пережившим все взлеты и падения такого положения: с 41 по 49 г. н. э. при Клавдии — ссылка на Корсику, потом при заступничестве Агриппины — возвращение и назначение воспитателем Нерона, с 54 по 62 г. н. э. — ведущая роль в политическом руководстве империи, уход на вынужденный *достойный покой* и, наконец, в связи с заговором Пизона самоубийство.

Центром его творчества являются философские труды «Диалоги» и «Письма к Луцилию», в обоих случаях проблемы этики. В «Диалогах» Сенека обсуждает вопросы собственного существования, в «О счастливой жизни» — философское обоснование образа жизни достигшего большого богатства государственного деятеля, в «Об отдыхе» — свое отвращение к общественной жизни. При всем этом обогащенный эклектикой стоицизм с выраженной гуманистической и космополитической тенденцией, позиция, которая объясняет, почему позже Сенека был принят христианскими авторами и удостоился предполагаемой переписки с апостолом Павлом.

В 88-м письме к Луцилию Сенека так описывает специфику современной философии: «Подумай, сколько времени у тебя похищает телесное недомогание, сколько общественные, сколько домашние дела, сколько ежедневные происшествия, сколько сон. Измерь время своей жизни: для столь многого его не хватит. Я говорю о свободных искусствах: но и философы, сколько излишнего тащат они с собой, как много того, что неприменимо в жизни. И они тоже распространялись о делении на слоги, об особенностях союзов и предлогов, хотели не отставать от грамматиков и геометров. Все излишнее из их учений они перенесли в свои. А успех в конечном результате тот, что они лучше умеют говорить, чем жить».

В своем 90-м письме он противопоставляет этому первостепенные, на его взгляд, задачи философии: «Что ты

требуешь от нее подобные пустяки? Посмотри: ее задача и искусство — изображение самой жизни; все остальные искусства находятся под ее властью! Ибо кому служит жизнь, тому служит и все, что украшает жизнь. Однако она нацелена только на счастливую жизнь: туда она ведет, туда она открывает пути. Она показывает, что настоящее, а что кажущееся зло, она освобождает дух от тщетности, дает ему истинное величие, ставит на место раздутое и зиждившееся лишь на пустой видимости и не терпит незнания разницы между величием и надутостью. Предметом ее учения является вся природа, а также ее собственная. Она дает сведения о сущности богов, о подземном царстве, о домашних богах и гениях, которые принадлежат ко второму классу божественной сущности, где они живут, что делают, что знают и чего хотят. Это святые, на которые она молится, откроют не только храм отдельной общины, но и беспредельные жилища всех богов и сам мир, истинные изображения и истинный лик которых она выставляет на обозрение духу».

Кроме подобных далеко идущих мыслей, у Сенеки встречаются обыденные размышления и факты, которые относились к людям на все времена, такие, например, как: «Нигде нет того, кто есть повсюду», и не менее правильные слова о времени: «Все, Луцилий, нам чужое, только время принадлежит нам: только это быстротечное и легко пролетающее благо дала нам природа в собственность. И так велика глупость смертных, что получатель небольшого и незначительного благодеяния, которое в любом случае заменимо, считает себя должником: никто однако не считает себя должником, если получил время, хотя оно является единственным, что благодарный не может возместить» («Письма к Луцилию», I, 3).

Не меньшее внимание привлекли трагедии Сенеки, которые оказали большое влияние на европейскую драму и, между прочим, были переведены Лессингом. И в них

лис, где ему богатая покровительница подарила небольшое поместье.

Несмотря на трудные жизненные условия, Марциал стал непревзойденным мастером латинской эпиграммы. Его более 1 500 эпиграмм всегда находили живой отклик; круг его почитателей был весьма велик, только в Германии от Грифиуса и Лессинга до Гете.

В своем творчестве Марциал дает яркое, но одностороннее изображение римского общества при принципате: патроны и клиенты, охотники за наследством и тунеядцы, выскочки и щеголи, пьяницы и проститутки, влюбленные и нищие, любители попить и прелюбодеи, красивые мужчины и болтуны, педерасты и декламаторы, отравительницы и колдуны, расточители и попрошайки, артисты, поэты, врачи, адвокаты, возницы, учителя, акробаты, гладиаторы, воры, аукционисты — на всех проливают яркий свет эпиграммы Марциала. Довольно часто эти миниатюры иллюстрируют нравственную деградацию римского общества при принципате.

Но великий эпиграммист запечатлел и другое: он воскрешает в памяти сцены из римской истории и героические деяния, описывает деревенские поместья и курорты, статуи Приапа и многое другое. Он сочинял свадебные стихотворения, назидания, некрологи, прославляющие стихи, критиковал сексуальные извращения и непристойности, а также плагиаторов и соперников, но не был чужд и самокритике. Марциал призывал не только к наслаждению жизнью, но и к умеренности:

Вот что делает жизнь вполне счастливой,
Дорогой Марциал, тебе скажу я:
Не труды и доходы, а наследство;
Постоянный очаг с обильным полем,
Благодушие без тяжб, без скучной тоги,
Тело смолоду крепкое, здоровое,
Простота в обращении с друзьями,

Безыскусственный стол, веселый ужин,
Ночь без пьянства, зато и без заботы,
Ложе скромное без досады нудной,
Сон, в котором вся ночь как миг проходит,
Коль доволен своим ты состоянием,
Коль смерть не страшна и не желанная.

(Перевод Ф. Петровского)

Несмотря на формальные слабости и некоторые стилистические недостатки, римская сатира в лице Ювенала (60—130 гг. н. э.) еще раз достигла своей кульминации. Кажется правдоподобным предположение, что Ювенал сначала был оратором и только во второй половине жизни при Траяне и Адриане начал писать стихи, наполненные саркастическим пессимизмом и патетическим отвращением к его окружению. Темы его 16 сатир не новые: общий упадок общества, корыстолюбие, погоня за наследством, сексуальные извращения, полемика против женщин и брака, продвижение вольноотпущенников, убожество интеллектуалов, заносчивость военных и горечь клиентов и тому подобное. Наоборот, новым является тон и сила агрессивных обвинений:

С самой потопы поры, когда при вздувшемся море
Декалион на ладье всплыл на гору, судьбу пытая,
И понемногу согрелись дыханием размякшие плечи
И предложила мужам обнаженных девушек Пирра,
Все, что ни делают люди, — желанья, страх, наслажденья,
Радости, гнев и раздор, — все это начинка для книжки.
Разве когда-нибудь были запасы пороков обильней,
Пазуха жадности шире открыта была и имела
Наглость такую игра? Ведь нынче к костям не подходят,
Взяв кошелек, но, сундук на доску поставив, играют.
Что там за битвы увидишь при оруженосце-кассире?
Есть ли безумие хуже: сто тысяч сестерциев бросить
И не давать на одежду рабу, что от холода дрогнет?

Кто из отцов воздвигал столько вилл, кто в домашнем
обеде

Семь перемен поедал? Теперь же на самом пороге
Ставит подачку, — ее расхищает толпа, что одета в тоги...

(Сатира I, 80. Перевод Д. Недовича и
Ф. Петровского).

Многие стихи Ювенала однозначно стоят на позициях старой критики падения нравов и снова восхваляют *добродетель* и *благородство*, но сарказм женоненавистника направлен также против представления об идеальной женщине и против ее вызывающей аристократической спеси:

Ты из такой-то толпы ни одной не находишь достойной?
Пусть и красива она, и стройна, плодovита, богата,
С ликами древних предков по портикам, и целомудра.
Больше сабинки, что бой прекращает, вьасы распустивши,
Словом, редчайшая птица земли, как черная лебедь, —
Вынесешь разве жену, у которой все совершенства?
— Пусть венусинку, но лучше ее, чем Корнелию Гракхов
Мать, если она с добродетелью подлинной вносит
Высокомерную гордость, в приданом числит триумфы.
Нет, убери своего Ганцибала, Сифакса и лагерь,
Где он разбит; убирайся, прошу, ты со своим Карфагеном!

(Сатира VI, 161. Перевод Д. Недовича
и Ф. Петровского).

Хотя многое в этой полемике может показаться односторонним и эксцентричным, некоторые из лучших стихов Ювенала и выразительные риторические формулировки с ранних пор получили всеобщее признание, и даже некоторые его изречения вошли в поговорку: «*хлеба и зрелищ*», «*в здоровом теле дух здоровый*» или «*трудно не писать сатир*», которые навеки связали имя Ювенала с сатирой.

Плиний Младший (61—112 гг. н. э.) принадлежал, по

мнению В. Отто, к людям, «которые подчиняются и покоряются, если им кажется, что они достигнут этим выгоды и безопасности, и только мертвому льву выказывают свое мужество и дают ему пинки, чтобы скрыть свое жалкое поведение» («История жизни Плиния Младшего», 1919 г.). Хотя Плиний Младший благодаря расположению Домициана сделал блестящую карьеру, он сумел от нее дистанцироваться и добиться дружбы и доверия Траяна. Он не был ни оригинальным, ни глубоким мыслителем, но как представитель посредственности сумел широко разрекламировать официозную стилизацию нового принципатата в своем панегирике Траяну 100 г. н. э. «Это истинная забота *принцепса* и даже бога мирить ревнивые города, усмирять протестующие народы и не столько царственным приказом, сколько разумом, принимать решительные меры против несправедливости чиновников, делать непроизшедшим то, что не должно было произойти, наконец, быстрее, чем самая быстрая звезда, все видеть, все слышать и, как бог, сразу же приходить на помощь, отвечая на призывы, раздающиеся со всех сторон! Так я представляю себе задачи, которые отец всего мира улаживает своим указанием, если опустит свой взор на землю и заинтересуется судьбами людей и причислит их к своим божественным обязанностям!»

Свою благодарность за предоставление ему права трех детей оставшийся бездетным Плиний сформулировал так: «Какую радость ты мне доставил, мой господин, я не могу выразить словами... Я достиг высочайшей цели моих желаний: в начале своего благословенного правления ты доказал мне, что хочешь ввести меня в круг твоей особой милости. И тем больше теперь желаю я детей, которых хотел в печальные дни прошлого: мои два брака дают тебе доказательство этого. Только боги распорядились лучше: они оставили твое добросердечие. И я хочу быть отцом

лишь тогда, когда мог жить с чувством уверенности и безмятежного счастья» (Письма, 10, 2).

Какими бы проникновенными ни казались современному читателю подобные отрывки его писем, как исторические источники «Панегирики» и десять книг «Писем», среди которых находится переписка с Траяном и его ответы, представляют большое значение. Так как письма знакомят не только с проблемами римского высшего слоя, но и с проблемами провинции.

Именно запросы Траяну, которые посылал Плиний, будучи *легатом Августа с консульской властью в провинциях Вифиния и Понт*, освещают слабости и финансовые заботы городов этого региона. Чтобы их утратить, Плиний с его опытом по руководству больших касс был безусловно подходящим человеком, и, несмотря на его ограниченность, неуверенность и несамостоятельность, он всегда оставался усердным, преданным и корректным. Как показывает письмо об обращении с христианами, которое будет подробнее обсуждено позже, он заботился о соблюдении справедливости, насколько это было возможно в рамках законов, а также о корректном и разумном обращении с обвиняемыми.

В переписке Плиния Младшего встречается и Тацит (65—120 гг. н. э.), величайший историк Рима. В сжатой форме введения к своей «Истории» он свидетельствует о том, что «начало моему восхождению по пути почестей положил Веспасиан, Тит умножил их, а Домициан возвысил меня еще больше...» Как и Плиний Младший, он сделал карьеру при Домициане, потом в апологетической форме при «плохом» *принце* защищал послушание и сдержанность, тем не менее убедительно дискредитировал Домициана. Принципаты Нервы и Траяна Тацит встретил с большим ожиданием, потом, однако, познакомился с имманентными структурами политической системы.

Тацит тоже успешно выступал как оратор. В 97 г. н. э.

он произнес речь, посвященную памяти Вергиния Руфа, три года спустя участвовал в большом процессе по взяткам против Мария Приска. Высшими точками его карьеры были должность консула-суффета в 97 г. н. э. и наместничество в Азии в 112/113 гг. н. э.

В 98 г. н. э. Тацит опубликовал «Агриколу», своеобразное *похвальное слово* своему тестю, которого он представил примерным наместником и настоящим завоевателем Британии, но и не в последнюю очередь жертвой тирании Домициана. Тацит надеялся, что его маленькое произведение, «задуманное как воздаяние должного памяти моего тестя Агриколы, будет принято с одобрением или во всяком случае снисходительно; ведь оно — дань сыновней любви» (Тацит. Санкт-Петербург: «Наука», 1993, с. 314). Разумеется, он достиг того, что утверждал в конце своего похвального слова:

«Все, что мы любили в Агриколе, чем восхищались в нем, остается и останется в душах людей, в вечном круговращении времени, в славе его деяний; много выдающихся людей древности поглотило забвение, как если бы они были бесславными и неизвестными; но Агрикола, чей образ обрисован и запечатлен для потомства, пребудет всегда живым» (Там же, с. 137).

Как в «Агриколе» Тацит дополнил свое *похвальное слово* длинным экскурсом о Британии и ее оккупации и сопроводил обзором политического и духовного климата ужасного правления Домициана, так и в появившейся в том же году «Германии» он не ограничился голым изложением доступного ему этнографического материала. И здесь произведение носит личный отпечаток; Домициан снова дискредитирован, германцы идеализированы, чтобы показать приходящим в упадок римлянам достойные подражания формы жизни:

«Так ограждается их (женщин) целомудрие, и они живут, не зная порождаемых зрелищами соблазнов, не

развращаемые обольщениями пиров. Тайна письма равно неведома и мужчинам, и женщинам. У столь многолюдного народа прелюбодеяния крайне редки; показывать их дозволяется незамедлительно и самим мужьям: обрезав изменнице волосы и раздев донага, муж в присутствии родственников выбрасывает ее из своего дома и, настегивая бичом, гонит по всей деревне; и сколь бы красивой, молодой и богатой она ни была, ей больше не найти нового мужа. Ибо пороки там не смешны, и развращать и быть развращенным у них не называется идти в ногу с веком. Но еще лучше обстоит с этим у тех племен, где берут замуж лишь девственниц и где, дав обет супружеской верности, они утрачивают надежду на возможность вступления в новый брак... Ограничивать число детей или умерщвлять кого-либо из родившихся после смерти отца считается среди них постыдным, и добрые нравы имеют там большую силу, чем хорошие законы где-либо в другом месте» (Там же, с. 345).

Временная атрибуция уже упомянутых *«Диалогов об ораторах»* спорна.

В своей частично сохранившейся «Истории», законченной около 110 г. н. э. и отображающей промежуток времени между 69 и 96 гг. н. э., Тацит обращается к традиционной анналистической форме римской историографии. Содержание этого труда и его основные акцепты сам Тацит изложил следующим образом: «Я приступаю к рассказу о временах, исполненных несчастий, изобилующих битвами, смутами и распрями, о временах свирепых даже в мирную пору. Четыре принцепса заколоты; три гражданские войны, множество внешних и еще больше таких, что были одновременно и гражданскими и внешними, владыки на Востоке и беды на Западе — *Иллирия* объята волнением, колеблются провинции Галлии, Британия покорена и тут же утрачена, племена сарматов и свебов объединяются против нас, растет слава даков, ударом отвеча-

ющих Риму на каждый удар, и даже парфяне, следующие за шумом, надевшим личину Нерона, готовы взяться за оружие. На Италию обрушиваются беды, каких она не знала никогда или не видела с незапамятных времен: цветущие побережья Кампании, где затоплены морем, где погублены под лавой и пеплом; Рим опустошают пожары, в которых гибнут древние храмы, горит Капитолий, подожженный руками римских граждан. Поруганные древние обряды, оскверненные брачные узы; море покрыто кораблями, увозящими в изгнание осужденных, утесы красны от крови убитых. Еще яростнее бушует злоба в самом Риме, — все вменяется в преступление: знатность, богатство, почетные должности, которые человек занимал или от которых отказался, наградой добродетели — неминуемая гибель. Плата доносчикам вызывает не меньше негодований, чем их преступления. Некоторые из них за свои подвиги получают греческие и консульские должности, другие управляют провинциями императора и вершат дела во дворце. Они распоряжаются по своему произволу, внушая каждому ужас и ненависть. Рабов подкупами и угрозами восстанавливают против хозяев, отпущенников — против патронов. У кого нет врагов, того губят друзья.

Время это, однако, не вовсе было лишено людей добродетельных и оставило нам также и хорошие примеры. Были матери, которые сопровождали детей, вынужденных бежать из Рима; жены, следовавшие за мужьями; друзья и близкие, не отступившиеся от опальных; зятья, сохранившие верность попавшему в беду тестю; рабы, чью преданность не могли сломить даже пытки; благородные мужи, достойно сносившие несчастья, стойко встречавшие смерть подобно прославленным героям древности. Мало того, что на людей обрушились бесчисленные бедствия: небо и земля полны были чудесных явлений: веющая судьбу, сверкали молнии, и знамения — радостные и

печальные, смутные и явные — предрекали будущее. Словом, никогда еще боги не давали римскому народу более ясных и более ужасных свидетельств, что дело их — не заботиться о нас, а карать» (там же, с. 385—386).

Законченное в раннеадриановское время произведение «*Анналы о кончине божественного Августа*» Тацит обосновал так: «...По о древних делах народа римского, счастливых и несчастливых, писали прославленные историки; не было недостатка в блестящих дарованиях и для повествования о времени Августа, пока их не отвратило от этого все возрастающее пресмыкательство перед ними. Деяния Тиберия и Гая, а также Клавдия и Нерона, покуда они были всесильны; из страха перед ними были излагаемы лживо, а когда их не стало — под воздействием оставленной ими по себе свежей ненависти. Вот почему я намерен, в немногих словах рассказав о событиях под конец жизни Августа, повести в дальнейшем рассказ о принцепате Тиберия и его преемников, без гнева и пристрастия, причины которых от меня далеки» (Там же, с. 7).

Римская историография, включая сенаторскую историографию Тацита, носила отпечаток традиционных категорий и норм римского ведущего слоя. Даже она была инструментом общественной и политической легитимизации; моральные и политические принципы всегда были тесно переплетены. Не случайно первая фраза «Агриколы» указывает на задачу «сообщить потомкам о деяниях и правах знаменитых людей». Эти связи, с одной стороны, привели к силе инерции и преемственности образцового поведения, к изолированию и обязательности классических *примеров*, с другой же стороны — к поляризации исторического приговора на крайности — честь и презрение. В обожествлении «хорошего» и в *предании проклятью памяти* «плохого» принцепса эта тенденция при *принципате* получила свой последний взлет.

Ориентирующие действия в настоящем на великие *при-*

меры прошлого, а также на приговор будущего были традиционными. Тацит, однако, в оценках своей историографии гораздо более решительно и последовательно принимает во внимание силу и воздействие разных временных измерений. Правда, и для него классическая Римская Республика представляла не только фон деяний, нравов и поведения, но и фон самой историографии («Диалоги об ораторах»). Однако одновременно он сознавал, что условия политического и морального бытия, как и историография, определяются настоящим. Он отчетливо видел, что нормы и нравы могут устаревать, и поэтому для историка очень важно понимать условия своего времени:

«Я понимаю, что многое из того, о чем я сообщил и сообщаю, представляется, возможно, слишком значительным и недостойным упоминания; но пусть не сравнивают наши анналы с трудами писателей, излагавших деяния римского народа в былые дни. Они повествовали о величайших войнах и взятии городов, о разгроме и пленении царей, а если обращались к внутренним делам, то ничто не мешало им говорить обо всем, о чем бы они не пожелали: о раздорах между консулами и трибунами, о земельных и хлебных законах, о борьбе плебса с оптиматами; а наш труд замкнут в тесных границах и поэтому неблагодарен: нерушимый и едва колеблемый мир, горестные обстоятельства в Риме и *принцепс*, не понимавший о расширении пределов империи. И все же будет бесполезно всмотреться в эти незначительные с первого взгляда события, из которых нередко возникают важные изменения в государстве.

Всеми государствами и народами правит или народ, или знатнейшие, или самодержавные властители; наилучший образ правления, который сочетал бы и то, и другое, и третье, легче превозносить на словах, чем осуществить на деле, а если он и встречается, то не может быть долговечным. Итак, подобно тому как некогда при всесиили

иллебса требовалось знать его природу и уметь с ним обращаться или как при власти патрициев наиболее искусными в ведении государственных дел и сведущими считались те, кто тщательно изучил образ мыслей сената и оптиматов, так и после государственного переворота, когда Римское государство управляется не иначе, чем если бы над ним стоял самодержец, будет полезным собрать и рассмотреть все особенности этого времени, потому что мало кто благодаря собственной проницательности отличает честное от дурного и полезное от губительного, а большинство учится этому на чужих судьбах.

Впрочем, сколько бы подобный рассказ ни был полезен, он способен доставить лишь самое ничтожное удовольствие, ибо внимание читающих поддерживается и восстанавливается описанием образа жизни народов, превратностью битв, славной гибели полководцев; у нас же идут чередой свирепые приказания, бесконечные обвинения, лицемерная дружба, истребление ничем не повинных и судебные разбирательства с одним и тем же неизбежным исходом — все, утомляющее своим однообразием. У древних писателей редко когда отыскивается хулитель, потому что никого не волнует, восхищаются ли они пуническими или римскими боевыми порядками; но потомки многих, подвергнутых при власти Тиберия казни или обесчещению, здравствуют и поныне. А если их род и угас, все равно найдутся такие, которые из-за сходства в нравах сочтут, что чужие злодеяния ставятся им в упрек, даже к славе и доблести ныне относятся неприязненно, потому что при ближайшем знакомстве с ними они воспринимаются как осуждение противоположного им» (Там же, с. 123—124).

В непосредственной связи с этим экскурсом Тацит рассказывает о событии с Кремуцием Кордом в 25 г. н. э. Именно ему Тацит вложил в уста программные слова: «Потомство воздаст каждому по заслугам, и не будет не-

достатка в таких, которые, если на меня обрушится кара, помянут не только Кассия с Брутом, но и меня» (Там же, с. 125). И потом, прямо-таки торжествуя, Тацит продолжает: «Сенаторы обязали эдипов сжечь его сочинения, но они уцелели, так как списки были тайно сохранены и впоследствии обнародованы. Тем больше оснований посмеяться над недомыслием тех, кто, располагая властью в настоящем, рассчитывают, что можно отнять память даже у будущих поколений. Напротив, обаяние подвергшихся дарований лишь возрастает».

Кроме необходимых для историка качеств Тацита не только красноречие, искренность и непредубежденность, но и дифференцированное осознание времени, врожденное историческое понимание существования самого историка. С формальной точки зрения Тацит был блестящим стилистом, автором, который точно схватывал характеры, сгущал сцены и атмосферу в незабываемые образы, вставляя речи, некрологи, а также слухи и инсинуации, чтобы полностью завладеть вниманием читателя.

То, что его прежде всего отличало, было рациональное понимание новой политической системы. Он не впадал в судьбу отдельных *принципов*, но видел структуры принципата вместе взятые, его легитимизацию через гражданские войны, процесс образования и утверждения власти, внутреннюю неправду, принуждение к притворству и лицемерию, несоответствие между стилизацией и действительностью. Именно потому, что сам Тацит был убежден в необходимости принципата, он мог понять и обнажить его специфическую структуру власти, показать споры системы, осветить роль *дома принципса* и не в последнюю очередь женщин и вольноотпущенников. Он неоднократно констатировал последствия нового порядка в психической, общественной и духовной реальности: оппортунизм и приспособленчество, доносительство и процессы об оскорблении величества, ущемление духовной

свободы. Ему важны были не детали, а *понимание* логики и *причин* симитомов. Таким способом он описывал принципат и его идеологию.

Если Тацит привел к наивысшей точке традиционную анналистическую форму римской историографии, то в лице Гая Светония Транквилла (70—140 гг. н. э.) возторжествовал биографический жанр. Большой успех, чем частично сохранившееся произведение «*О знаменитых мужах*», приобрел сборник биографий от Цезаря до Домициана — «*Жизни двадцати Цезарей*». Биографии Светония построены по единой схеме, описывается происхождение, рождение, биография в хронологическом порядке, потом особенности личности и характер, политические и военные успехи, частная жизнь и в конце смерть и погребение. Иррациональная сфера предзнаменований и чудес излагается так же подробно, как анекдотические и интимные элементы. Эти биографии ни в коем случае не были деликатными, они давали многочисленную информацию и излагали неизвестные до сих пор первоисточники, например, содержание писем Августа, к которым Светоний имел доступ благодаря своей *должности секретаря* у Адриана.

Биографии Светония не достигли духовных вершин греческих и эллинистических предшественников, не соответствуют нормам современной психологической биографии. Тем не менее они содержат самостоятельные суждения, как в случае с Домицианом, и эта новая форма удовлетворяла ожидания и потребности широкого круга читателей. Они создали школы, нашли подражателя в лице Мариа Максима в его «*Истории Августа*», а также в лице Эйнхарда.

Подобное же сильное воздействие оказал другой исторический труд эпохи Адриана, эпитомы Флора. Он дает в двух книгах очерк истории войн римского народа до времени Августа. Таким же примечательным, как под-

робности концентрированного, сильно отмеченного риторикой изложения, является тот факт, что произведение по примеру Сенеки Старшего различает как бы периоды римской истории. До Гракхов, по мнению Флора, был подъем, после них же прогрессирующий, прерываемый только замедленным развитием упадок военного могущества Рима.

Остается спорным, является ли автор этой эпитомы идентичным с поэтом Флором, который по «*Истории Августа*» обменивался с Адрианом стихами в псевдонародной манере:

Не хочу я играть в Цезаря,
Блуждая таскаться по Британии,
Прятаться в лесах,
Страдать от холода в Скифии.
Не хочу я играть во Флора,
Блуждая таскаться по тавернам,
Прятаться в кухнях,
Страдать от укуса круглой долгоножки.

Фронтон (105—175 гг. н. э.), учитель Марка Аврелия и Луция Вера, уже упоминался. Его ученик Авл Геллий известен своим большим сборником «*Аттические ночи*», смешения выписок и коротких эссе, которые в совершенно случайной манере соединяют друг с другом мозаичные камешки из различных литературных жанров. Мифологические, юридические, естествоведческие, историографические элементы встречаются здесь наряду с элементами из области истории литературы, грамматики и этимологии. Проза проста, в соответствии со вкусом времени слегка архаизирована.

Как Фронтон, Светоний и Флор, Апулей был родом из Северной Африки (125—180 гг. н. э.). Его написанный по греческим образцам роман «*Метаморфозы, или Золотой осел*» рассказывает о приключениях превратившегося

в осла юности, который в конце концов был освобожден с помощью Изиды. Это основное повествование прерывается многочисленными вставками, экскурсами, баснями, короткими историями и пародиями, а также известной и любимой сказкой об Амуре и Психее.

С покорением Египта, интеграции малоазиатских царств и созданием клиентельного царства в Армении, римские *принцепсы* присвоили себе почти все, что оставалось от эллинистического наследства на Востоке. Принципат для греко-эллинистической части империи означал период отказа и пользы одновременно. Отказаться нужно было от свободы, политической независимости и по меньшей мере частично от само собой разумеющейся тождественности полиса и государства как такового.

Полностью это никогда не было забыто. Павсаний, как и многие его современники, видел в римской оккупации Греции причину гибели духовной продуктивности, а александрийцы долго боролись за свой городской совет. Тем не менее с римским господством смирились и потому, что эллинистические государства уже изменили свои прежние политические структуры или по крайней мере ослабили их.

Однако этому отказу противостояло мировое влияние эллинизма, которому содействовала империя. Греческо-эллинистическое пространство давало не только большие духовные побуждения, как философия стоиков, не только строителей и архитекторов, как Аполлодор, но и духовный фермент оппозиции. Греческие силы были столь влиятельны в империи не столько благодаря числу сенаторов и государственных служащих, которых поставляли Греция и греческий Восток, сколько из-за духовных импульсов.

Решающим при этом всегда было отношение отдельных *принцепсов*. От упоения Нерона всем греческим выиграла прежде всего сама Греция, но уже при Веспасиане были отобраны новые и старые привилегии греческих го-

родов. Апогеем поощрения всего греческого была эра Антонинов. Адриан и Марк Аврелий писали по-гречески и в большей мере думали по-гречески. Греческая литература, греческие идеи и греческие произведения искусства снова рассматривались как образцовые. Культурный обмен достиг тогда своего зенита.

Особенно тесно связаны с Римом были греческие великие ораторы 2 в. н. э. Дион Хризостом (40—112 гг. н. э.), Ирод Аттик (101—177 гг. н. э.) и Элий Аристид (129—189 гг. н. э.). Родом из Прузы в Вифинии, Дион Хризостом уже упоминался в связи с развитием идеологии аполитивной империи. Когда-то ожесточенный противник Домициана, при Нерве и Траяне он приобрел большое влияние и теперь старался подвигнуть жителей городов греческого Востока к улаживанию их конфликтов и к признанию реальности империи в своих многочисленных речах. Если в своем знаменитом *«Евбейце»* он ценил счастье простой жизни, то в своей призывной речи к Родосу без иллюзий выявляет те возможности, которые остались для Греции его времени: «Ваша задача другая, чем была у предков. Они могли разносторонне развивать свои способности, стремиться к правлению, помогать угнетенным, приобретать союзников, основывать города, воевать и побеждать; из всего этого вы больше ничего не можете. Вам остается ведение домашнего хозяйства, управление городом, предоставление почестей и наград, заседание в совете и суде и проведение праздников; во всем этом вы можете отличиться от других городов. Приличное поведение, уход за волосами и бородой, солидная походка на улице, пристойная одежда, если даже это может показаться смешным, тонкая и узкая пурпурная подшивка, спокойствие в театре, умеренность в аплодисментах: все это делает честь Вашему городу и больше, чем в ваших гаванях и стенах и доках, проявляется здесь хороший древний греческий характер, и даже варвар, не знающий названия

города, признает, что он находится в Греции, а не в Сирии или Киликии».

Тогда как до нас дошла только одна речь Ирода Аттика, щедрого мецената Афин, «*Об устройстве государства*», то уроженца Мезии Элия Аристида известны 55 больших речей, среди них часто цитируемый «Панегирик Риму». «Софисты» в узком смысле слова являли собой тех блестящих ораторов, выступления которых собирали в греческих городах большую аудиторию. Их смелые импровизации или отточенные художественные речи ориентировались на аттицизм классического греческого красноречия. По своей субстанции они часто исходили от традиционных формулировок и образов; формальное мастерство преобладало над глубиной содержания. Темами часто были великие события греческой истории 5—4 вв. до н. э., и слушатели наслаждались подобными историческими реминисценциями. Они были готовы заплатить за эти полностью анахронические представления искусственного красноречия.

«Жизнь софистов» Филострата знакомит с не всегда радостным миром этих образов, определяющих духовную атмосферу. Антоний Полемон из Лаодикеи (68—144 гг. н. э.), например, всегда находил свою аудиторию, говорил ли он о Никейском мире 421 г. до н. э., о положении в конце Пелопоннесской войны (404 г. до н. э.) или об упреке во взятке Демосфену. Если Полемон и некоторые другие из этого круга предлагали хотя бы формальное наслаждение, то большинство софистов пользовалось только конъюнктурой этой профессии. Они все были тем более самонадеянными и много о себе мнящими, чем скромнее были их способности и ум, и, само собой разумеется, среди них царили враждебность и соперничество; превзойти конкурентов по рангу и полемизировать с ними было частью их существования.

Более широкий резонанс, чем существующие группы

последователей перипатетиков, скептиков и Эпикура, получили при принципате представители стоиков. Наряду с Ареем Дидимом из Александрии, другом Мецената, Луцием Аннеем Корнутом, который оказал влияние на Лукона и Персия, Сенекой и всадником Гаем Музонием Руфом, важнейшую посредническую роль сыграл Эпиктет. Разбитый параличом раб из Гиераполя в Фригии после своего изгнания из Рима при Домициане продолжил преподавательскую деятельность в Эпире. Учение Эпиктета, особенно в области этики, производило большое впечатление, однако оно известно только по изданию Арриана. Его учебник по морали «*Encheiridion*», особенно в поздней античности и в раннем новом времени, стал одним из важнейших утешающих и назидательных произведений.

Во введении к своему учебнику Эпиктет развил некоторые из своих основополагающих учений: «Из всех вещей одни находятся в нашей власти, другие — нет. В нашей власти находятся: наше мнение, наши действия, наши желания и воздержания — короче, вся наша деятельность, которая исходит от нас. В нашей власти не находятся: наше тело, наша собственность, авторитет и положение — одним словом: все, что не является нашей деятельностью. То, что находится в нашей власти, по природе свободно, ему ничто не может воспрепятствовать или помешать, то же, что не находится в нашей власти, является слабым, несвободным, ему можно воспрепятствовать, и оно находится под влиянием других, Итак, уясни: если ты по природе несвободное считаешь свободным, чужое считаешь своим, тогда у тебя будут только неприятности, ты будешь сетовать, волноваться, враждовать с богом и миром; если же ты считаешь своим то, что действительно твое, а чужое, наоборот, чужим, тогда ни один человек не сможет оказывать на тебя давление, никто не положит тебе что-то на пути, ты не будешь никого упрекать, никого обвинять, никто не сможет тебе повредить, у тебя не

будет врагов, и ты вообще не будешь претерпевать никакого ущерба».

Эта этика соотношения страдания и горя, самопримирения с низменным бытом столь убедительна потому, что она была идентична с философским преодолением Эпиктета своей собственной судьбы. Трогает также и его скромность: «Никогда не называй себя философом, не говори среди людей много о философских воззрениях, но действуй в соответствии с ними».

Среди пишущих на греческом языке историков при принципате особое место занимает Иосиф Флавий. Родившийся в 37/38 г. н. э., принадлежащий к еврейской жреческой знати человек, он с юных лет занимался активной деятельностью на стороне фарисеев. Во время Иудейской войны руководил обороной Йотапаты, однако капитулировал и предсказал Веспасиану принципат. Впредь убежденный защитник иудейско-римского равенства и активный приверженец Флавиев, Иосиф зашел так далеко, что перенес на Веспасиана мессианские представления иудаизма. Переселившись в Рим, он описал в своей «Иудейской войне» события между Антиохом IV и Масадом; потом в «Древностях» — время от сотворения мира до Нерона. Здесь и в других небольших произведениях значительно усилились апологетические тенденции.

Аппиан (95—165 гг. н. э.) по-другому показал связь исторической ветви развития с властью Рима — урожденный александриец, который тоже переселился в Рим и там подружился с Фронтоном, получил не только римское и гражданское право, но и поднялся до всаднической должности *прокуратора Августа*. Его содержание 24 тома. Труд «Римская история» описывает историю отдельных районов средиземноморского мира вплоть до их покорения Римом. Главная магистральную линию представляет италийско-римская история, в рамках которой 13—17 книги описывают гражданские войны от Гракхов до 36 г. до н. э.

Из этой части особенно важнее тот раздел, где дается подробное описание событий между 133 и 79 гг. до н. э.

Родившийся в Никомедии в Вифинии Арриан (95—175 гг. н. э.) совмещал административную и военную деятельность на службе империи с литературным творчеством. Поднявшийся до *консула суффекта* друг Адриана после 130 г. н. э. служил несколько лет наместником Каппадокии. Он выпустил не только произведения Эпиктета, но и написал «*Путешествие по Понту Эвксинскому*», важнейший источник для античной географии черноморского региона, и другие маленькие теоретические и практические труды, прежде всего «*Походы Александра*», причем он опирался на лучшие античные источники.

Плутарх (50—120 гг. н. э.) родился в маленьком городе Хайронея в Беотии. После математического и риторического образования в Афинах и для него, как и для Апулея и Павсания, были типичны большие путешествия, которые привели Плутарха в Малую Азию, Александрию и Италию. Однако для него гораздо важнее была тесная связь с родным маленьким беотийским городом: «Я живу в маленьком городе, и чтобы он не был еще меньше, я остаюсь в нем и храню ему верность», — писал он о себе в «Жизни Демосфена». И в «Политических советах»: «Иноземцы смеются, когда приезжают в Хайронею и видят, что я занимаюсь отводом сточных вод и вывозом навоза. Но я согласен с Эпаминондом, который говорил, что не место красит человека, а человек — место, и много, чего бы я не делал для себя, я охотно делаю на службе моему городу».

Плутарх объединял в себе знание мира с верностью родине, для греческого мира он был одним из лучших примеров классического городского духа, и к нему относятся прекрасные слова Моммзена, что есть много «достаточно мощных талантов и глубоких натур, но трудно найти второго писателя, который, как он, сумел бы положить на свои

произведения печать душевного покоя и жизненного счастья» («Римская история». Берлин, 1885, с. 232).

Несмотря на свое уважение к классической греческой культуре — Плутарх был приверженцем академии Платона, он не строил никаких иллюзий по поводу возможностей греческого мира. Так гласит один из его политических советов: «Отдавай себе отчет в слабости эллинского мира! Росчерк пера проконсула достаточен, чтобы отнять у тебя твою должность. Если ты, как должностное лицо твоего города, надеваешь венок, не забывай, что над твоей головой висит башмак римского наместника!»

Наряду с *«Моралиями»*, самым значительным из произведений Плутарха являются *«Параллельные жизнеописания»*, собрание биографий, где сравнивается один великий грек с римлянином. В них в соответствии с теорией перипатетиков речь идет о корреляции добродетелей с действиями. В форме изложения преобладает изобилие анекдотического. Сознательно Плутарх к этому стремился, потому что полагал, что в подобных ситуациях лучше распознаются типичные черты характера.

Так, в введении к сравнению Александра Великого с Цезарем он пишет: «Я пишу не историю, а жизнеописание, и не в блестящих деяниях проявляются достоинства и недостатки человека, но часто незначительный поступок, слово или шутка проливают более яркий свет на характер, чем битвы с бесчисленными погибшими, столкновения огромных войск и осадные войны за большие города. Как художник добивается сходства портрета с чертами лица оригинала, в которых проявляется характер, и мало обращает внимания на остальные части тела, так и мне пусть будет позволено больше погружаться в признаки духовного, чтобы с их помощью создать жизнеописание, а великие деяния и битвы оставить другим» («Александр», 1, 2).

На сегодняшний день сохранились 22 пары биографий

и к ним еще четыре отдельных жизнеописания. Конечно, в этом зеркальном сопоставлении великих греков и римлян можно увидеть греческий ответ на духовную двойственность империи, даже если некоторые сравнения часто малоубедительны, как в случае параллелей между Периклом и Фабием Максимом. Другие сравнения попадают в яблочко, как, например, противопоставления Александра Великого и Цезаря, Деметрия и Антония. Типичными для общего комплекса являются не только сопоставления греков и римлян, но и классицистическая позиция для выбора Плутарха. Из 23 жизней греков только пять относятся к эпохе эллинизма. Наконец, типичной является морально-педагогическая постановка целей и его вера в воодушевляющую силу исторических примеров для подражания, как это оговаривалось в начале биографии Эмилия: «Благодаря изучению истории и постоянными писаниями о ней мы готовимся к тому, чтобы вобрать в наши души память о благороднейших и испытаннейших мужах, и, если неизбежное общение с нашим окружением познакомит нас с чем-нибудь плохим, злым или неблагородным, оттолкнуть это и отвергнуть тем, что спокойно и неуклонно направить наш разум на благороднейшие образцы для подражания» («Эмилий Павел», 1, 5).

Очень мало античных авторов, творчество которых оказывало бы такое большое и продолжительное влияние, как творчество Плутарха. Он наряду с Ливием заложил важнейший фундамент для основания римско-республиканской традиции Европы. Со времени переводов 16 века, прежде всего Жака Амьё (1559 г.), он завораживал почти всех классиков национальных европейских литератур: Шекспира, Корнея, Драйдена, Шиллера, Гете, Келлера и Гауптманна. Европейская историческая картина в большой мере определялась Плутархом, им была заложена основа героизации античных политиков и полководцев.

Родившийся предположительно в Магнезии в Лидии, Павсаний (род. около 115 г. н. э.) долгое время привлекал всего лишь небольшое внимание и вплоть до настоящего времени в большой степени недооценивался. В десяти книгах своего «Описания Греции» (приблизительно между 155 и 180 гг. н. э.) Павсаний написал не только предназначенный для практических целей путеводитель по Греции, но и произведение, удовлетворяющее также и литературные вкусы и включающее описания отдельных политиков, достопримечательностей, городов и земель. Среди культурной эпохи, озаренной риторическим сиянием, этот дотошный и здравомыслящий автор описал все многообразие греческой земли, даже маленькие поселения, святыни, храмы и праздники, саги, мифы и необходимые для понимания исторические связи.

При этом личность автора отходит на задний план, поэтому его можно причислить не к таким асам литературной критики типа Виламовича, а к таким трезвым экспертам надписей, памятников и краеведения, как Эрнст Мейер и Кристиан Габихт. Глава из восьмой книги Павсания позволяет ощутить его мотивацию: «Мегаполис, основание которого было осуществлено аркадцами с живейшим энтузиазмом и рассматривалось с величайшими надеждами греками, лежит теперь почти весь в развалинах, лишенный всего своего украшения и своего прежнего процветания. Я этому не удивлюсь, потому что знаю, что боги хотят постоянных перемен и что все вещи, сильные и слабые, подвержены росту и распаду, переменчивости счастья. Микены, которые возглавили греков в Троянской войне, и Ниневия, где был царский дворец ассирийцев, и беотийские Фивы, когда-то удостоившиеся гегемонии над Грецией, — что от них осталось? Первые два полностью безлюдны, название Фив сократилось до акрополя и горстки жителей. Места, которые раньше по богатству превосходили мир, египетские Фивы и мимий-

ский Орхомен, теперь менее богаты, чем человек со скромным состоянием, а Делос, когда-то общий рынок греков, больше не имеет ни одного жителя. В Вавилоне есть еще храм Ваала, но от Вавилона, который был самым большим городом из всех, освещаемых солнцем, не осталось ничего, кроме городской стены. Но город Александра в Египте и Селевка в Оронте, основанные совсем недавно, достигли такого величия и процветания, потому что им улыбается Тихе... Так преходящи творения рук человеческих» (VIII, 33).

Среди мира, наполненного формальным блеском, экспромтными и искусственными речами софистов, философов низкого ранга, шарлатанами и чудотворцами всякого рода, Павсаний должен был показаться человеком, державшимся особняком. Другую форму дистанцирования выбрал родившийся около 120 г. н. э. в Самосате на Евфрате Лукиан. Правда, долгое время он пробовал свои силы как оратор, предпринял много путешествий, которые привели его в Галлию, потом он снова вернулся в свой родной город. Вершиной его более позднего творчества являются сатирические диалоги богов и гетер, многочисленные мениппейские сатиры и пародии. Оценка Лукиана всегда была спорной. Хр. М. Виланд, который переводил его, однажды констатировал: «На самом деле я не знаю, какого из древних писателей можно сравнить с ним по гению, по объединению всех видов жанров, по шутке, настроению, вкусу и элегантности, по дару придавать самым обычным и известным видам изящество и новизну, по связи всех этих средств со здравым пониманием, с разнообразнейшими знаниями, и которые может иметь только счастливая любимая музами натура» (Лукиан. «Собрание сочинений». Берлин, 1922). Для Якоба Буркхардта он был, наоборот, «последний подлинный просветитель и совершенный безбожник, не признающий ни одной религии, что является совершенным бессердечием,

а лично ядовитый субъект с безграничным самомнением» («Исторические фрагменты», 20). Каждое более короткое обобщающее описание развития и достижений искусств Римской империи сталкивается с трудностями из-за того, что нужно привести к общему знаменателю большое разнообразие различнейших жанров и сфер влияния. Ни одно описание такого рода не может претендовать на отражение всех особенностей состояния памятников.

После апогея августовской эпохи импульсы имперского господства Рима лучше всего отражались в области архитектуры. Еще Ветрувий в предисловии к *«Об архитектуре»* установил связь между новыми общественными постройками и *величием империи*: «Когда я заметил, что твоя (Августа) забота направлена не только на общее благо и на обустройство государства, но и на сооружение служащих для общих нужд общественных зданий, я подумал, что нужно написать об этом эти книги с посвящением тебе» (I, 1, 2).

К характерным чертам репрезентативных построек при принципе особенно относится подчинение отдельных строительных элементов и архитектурных звеньев главному общему комплексу, архитектурной идее и постановке задач, которые нашли свое отражение в формуле Траяна, императорских термах, в планомерном строительстве новых городов и лагерей. Некоторые типичные конкретные точки зрения августовского времени встречаются у Ветрувия, который, например, дает советы для выбора места для форума и храмов: «После того как будут распределены боковые улицы и проложена главная улица, горожане должны обсудить выбор мест для священных зданий, форума и других служащих общественным целям мест, учитывая удобное положение и общее пользование. И если городские стены проходят вдоль моря, место, на котором должен быть сооружен форум, выбирается очень близко от гавани, если же они проходят на местности,

удаленной от моря, тогда — в центре города. Для священных зданий богов, под покровительством которых находятся горожане, для Юпитера, Юноны и Минервы места для строительства должны быть отведены на самом высоком месте, с которого видна большая часть города, Меркурию же — на рынке, или, например, Изиде и Серапису — у складов гавани. Для Аполлона — у театра. Для Геракла в городах, где нет гимнасиев и амфитеатров, у цирка: для Марса — вне города, Венере — у гавани» («Об архитектуре», I, VIII).

3. Другими основными принципами в области архитектуры были соблюдение осевой симметрии, подчеркивание фронтальности, однозначное определение пределов архитектурных сооружений и не в последнюю очередь стремление к монументальности. Якоб Буркхардт считал эту цель свойственной не только поражающим своими размерами памятникам имперской архитектуры, но и для всех римских построек: «Самые простые бытовые постройки под римскими руками приобретают, если и не художественный, то монументальный характер. Принцип с самого начала строить по возможности хорошо и прочно указывает на мысль о долговечности, которой не может похвастаться наше время с его колоссальными бытовыми зданиями». Для объяснения этого феномена Буркхардт мог только констатировать, «что мировая история должна однажды иметь такой народ, который на все, что он делал, пытался наложить печать вечности... Городские стены, дороги, мосты римлян, даже если они просты по форме, отличаются тем же типом бессмертия. Понадобился тысячелетний разрушительный процесс, чтобы превратить и эти постройки в руины, которые мы сейчас перед собой видим» («Сочинения». Штутгарт, 1993).

Стремление к монументальности наблюдается также в надгробных памятниках и памятных местах. Наблюдаемое уже ранее стремление к монументализации надгроб-

ных памятников получило дальнейший импульс после сооружения мавзолея Августа. Причем именно в этом секторе преобладало разнообразие впечатляющих архитектурных форм. Они засвидетельствованы не только сооружениями вдоль *Аппиевой дороги* или в Помпеях, но и памятниками Сен-Реми-ан Прованс и Майнца.

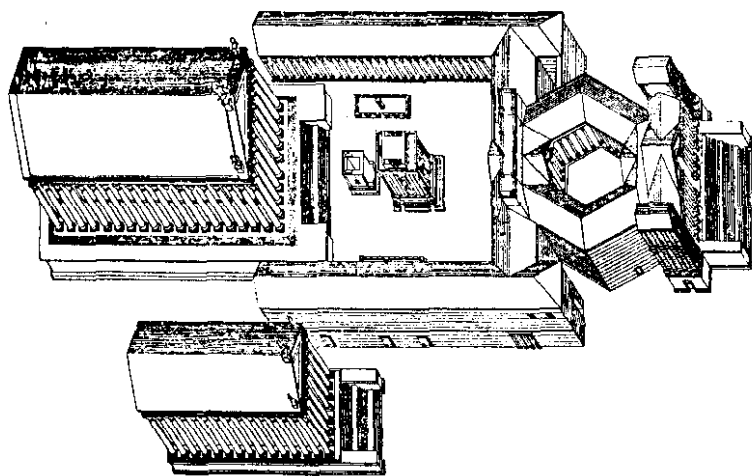

Рис. 42. Баальбек, храм (реконструкция)

Римское присутствие в провинциях еще сегодня подтверждается прежде всего в архитектуре, и не только в храмах, административных центрах, военных сооружениях, памятниках победы, триумфальных арках, кенотафах и других памятниках религиозного, политического и воинского характера, но и в множестве бытовых построек всех видов, в гаванях и рынках, водопроводах и мостах, форумах и криптопортиках (подземные складские и торговые помещения), крытых рынках и судебных зданиях, термах и амфитеатрах. Двадцатитрехметровые колонны воздвигнутого в 60 г. н. э. храма Юпитеру Гелиополитанскому в

Баальбеке напоминают о римском господстве не менее впечатляюще, чем акведук Сеговии, принадлежащий к первой четверти 2 в. н. э. длиной в 730 м и высотой в 29 м, сооруженный из гранитных квадров без строительного раствора. Специфически римские арочные конструкции наложили отпечаток на городские ворота, триумфальные арки, фасады театров и водопроводы.

Для того, кто хочет получить общее впечатление об архитектурном ансамбле римского города, лучшим объектом являются разрушенные в 79 г. н. э. города Везувия, которые сейчас большей частью откопаны. Когда Гете вместе с Тишбайном в 1787 г. посетил Помпеи, он сказал следующее: «Помпеи вызывают удивление из-за своей тесноты и малой величины. Узкие улицы, хотя прямые и снабженные по краям тротуарами, маленькие домики без окон, комнаты, освещаемые только через двери. Даже общественные здания, банк у ворот, храм, вилла неподалеку являются скорее моделью кукольного шкафа, чем зданиями. Эти комнаты, галереи и проходы весело разрисованы, поверхности стен однообразны, по краям легкие, со вкусом арабески, на которых изображены дети и нимфы, в другом месте — окруженные венками из цветов дикие и ручные животные. Теперешнее запущенное состояние города, покрытого когда-то дождем из камня и пепла и разграбленного гробокопателями, указывает на влечение к живописи и искусству целого народа» («Путешествие по Италии». Неаполь, 1787).

Со времени продвижения раскопок «запущенное состояние» было устранено, а «теснота и малая величина» стала относительной. Образованная в 80 г. н. э. колония *Венеры Корнелии Помпейской* была построена на тогда еще судоходной реке Сарно, до этого это место находилось под переменным греческим, оскским, этрусским и самнитским влиянием. У подножия Везувия город с одной стороны располагал плодородными землями, а с другой —

благоприятной связью с Неапольским заливом, таким образом пересекались сельское хозяйство и морская торговля. Вино из окрестностей Помпей имело хороший сбыт; амфоры этого происхождения были найдены в Северной Италии и в Галлии. Из почти 20 000 жителей, которые жили ко времени гибели Помпей, лишь небольшая часть принадлежала к богатым семьям, городские виллы их свидетельствуют о необычайно высоком уровне жизни. Пресобладающая часть населения принадлежала к средним и низшим слоям.

Город, занимающий около 66 га населенной площади и который может считаться репрезентативным для процветающего средней величины города, имел все архитектурные элементы. В нем был обычный форум на месте старой агоры. На северной стороне располагался Капитолий, на котором возвышался храм Юпитеру и Минерве, по другим сторонам были большие общественные здания, храм Аполлону, продовольственный рынок, залы для судебных заседаний, портик для торговли текстилем, служебные помещения, евмахия, лавки и термы. В Помпеях были также два театра, один амфитеатр, гладиаторские баракы с большой, окруженной колоннами площадью для упражнений.

В августовское время произошло характерное изменение в типах постройки: преобладали критерии надежности, которые выражались в глухих внешних стенах без окон и в крепких воротах. Тогда как большая часть населения Помпей проживала в тесных жилищах, которые произвели такое впечатление на Гете, богатые семьи владели городскими домами типа атрия. Для них характерны два основных элемента: во-первых, открытый сверху зал атрия, вокруг которого были сгруппированы различные помещения входных частей дома, и, во-вторых, перистильный ансамбль в задней части здания. Речь шла об окру-

женном колоннами саде, к которому примыкали столовая, кухня, спальни, иногда также маленькая ванна.

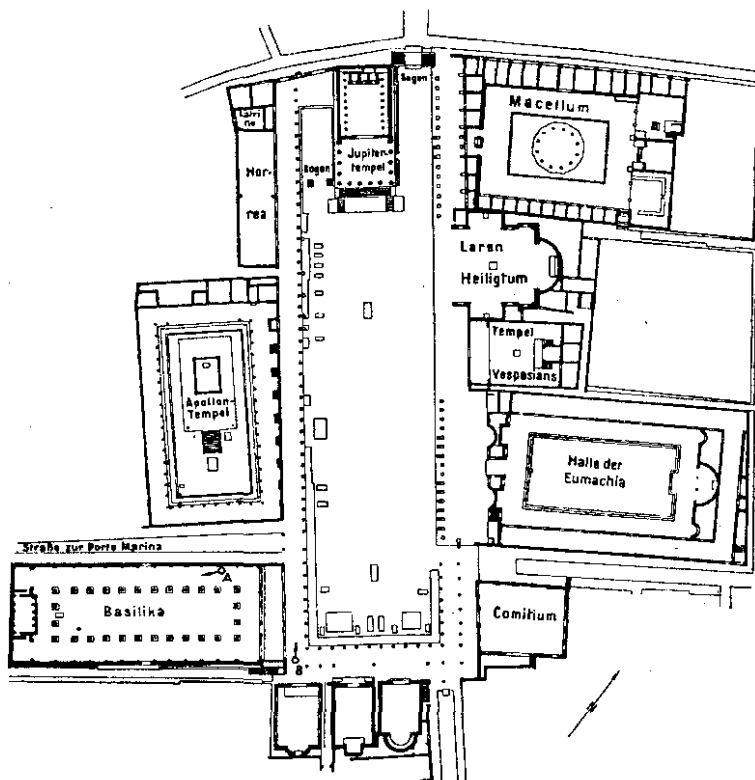

Рис. 43. Форум Помпей, горизонтальная проекция

Дома этого типа обеспечивали частную, замкнутую жизненную сферу в приятном окружении. Скромные фасады не препятствовали тому, чтобы атрий — первоначально центр дома — освещался ярким светом. Садовые постройки перистилем были роскошно украшены статуями, фонтанами, произведениями искусства всех видов. Ко всему этому добавлялся эффект настенной живописи, ко-

торая процветала именно в Помпеях. И без того специфическая проблема представления о римской архитектуре заключается в том, что сохранившиеся руины большей частью похожи на архитектурные скелеты. У больших терм в большой степени отсутствуют цветные мраморные части, у большинства других репрезентативных зданий — определяющие когда-то элементы лепки, мозаики и инкрустации, настенная живопись и барельефы.

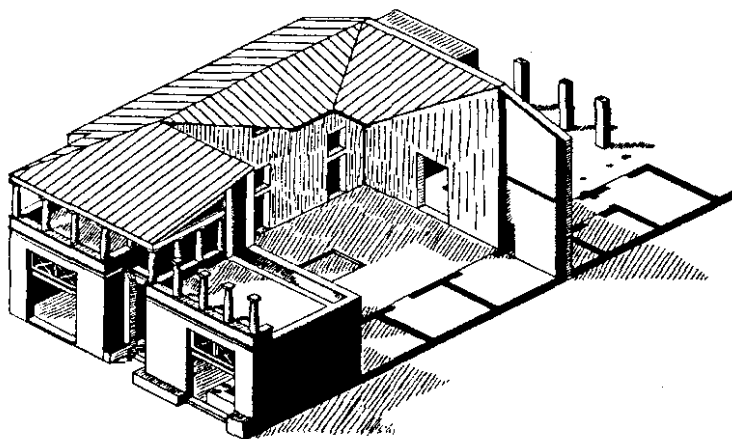

Рис. 44. Дом в Помпее, штриховой рисунок

Герхард Роденвальдт считал искусство времени между Нероном и Траяном «классическим стилем» римского искусства. С этой точки зрения Колизей, арка Тита и Траяна из Беневента привели к апогею римскую идею строительства. При Адриане, даже в самом Риме, последовал синтез греческих и римских традиций, который воплотился в Пантеоне: «В круглом здании Пантеона Траян оставил после себя одно из величайших творений мировой архитектуры. Он представляет единение римской конструкции и греческой декорации. Система конструкции... состоит в том, что окруженный арками контрфорс купола поддер-

живается восемью огромными колоннами. Мы не чувствуем ничего от движения этой кирпичной конструкции, когда заходим во внутреннее помещение. Равномерной выпуклостью окружает нас пространство, целостность которого не нарушается нишами нижней части. Над ним возвышается, как будто сделанное из абстрактного материала, чудо единого купольного пространства, которое кассеты лишили всякой тяжести. Из центрального отверстия проникает свет, равномерно заполняющий пространство, и ни один луч не преломляется. Бродящего по помещению охватывает впечатление классического покоя и совершенства. Простота порождает ббольшую монументальность, когда она соответствует абсолютным пропорциям» (Г. Роденвальдт «Искусство античности». Берлин, 1927).

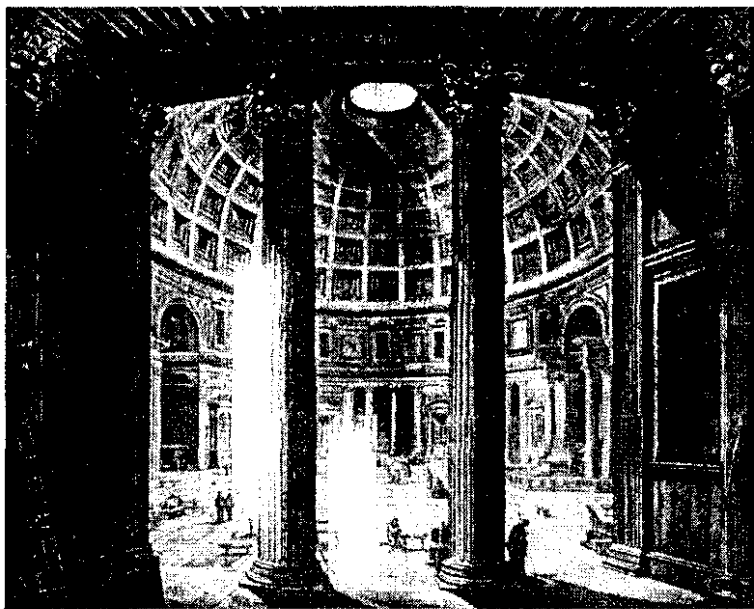

Рис. 45. Пантеон, Рим, гравюра на меди

Эпоха принципата тождественна, кроме того, расцвету скульптуры всех видов. Города империи, а не только сам Рим были украшены множеством статуй. Не прекращалась потребность в изображениях правителей и членов *дома принцепса*. Политико-исторические рельефы высочайшего качества были необходимы для римских триумфальных арок и монументов, тем более для длиною в сотни метров изображений на колоннах Траяна, Антонина и Марка и, хотя и в более скромных размерах, для репрезентативных зданий и памятников городов Италии и провинций.

Тысячи надгробных памятников и плит, которые скапливались на кладбищах каждого города империи, требовали, хотя и простого, типизированного скульптурного украшения. Местные традиции стиля, границы ремесленных возможностей и образцы эллино-римских мотивов определяли оформление рейнских надгробий, особенно широко распространенные, начиная с времени Флавиев, «рельефы трапезы мертвых». Гораздо более высокие запросы удовлетворяли рельефы саркофагов, которые с начала 2 в. н. э. изготовлялись для представителей римского правящего слоя. Тогда как у них преобладала классическая стилизация, со времени Антонинов обнаруживается влияние так называемого народного искусства. Долгое время обычной тематикой были сцены из греческой мифологии, например, Медея, Левкиппиды, Эндимион, которые должны были свидетельствовать о высоком образовании покойного или заказчика, а также о надежде на вечную жизнь. Однако наряду с этим с ранних пор появились саркофаги с изображением битв и экземпляры специальных тематических групп.

Смена соответствующих стилевых направлений, воздействие традиционных тенденций и форм в эпоху Юлиев — Клавдиев и Траяна, а также индивидуальных признаков при Нероне, Домициане и Адриане и, наконец, раз-

витие новой техники при обработке волос и лица отражали не только изменения личных вкусов различных *принцевов*, но и равным образом созданную ими стилизацию власти.

Для понимания римской скульптуры существенным является то, что ее нельзя соответствующим образом постичь изолированно и как бы автономно. Она предполагает, как правило, принятие во внимание соответствующих архитектурных рамок, и также функциональные связи и постановки цели.

Для портретного искусства, о котором подробнее будет сказано далее, Буркхардт напомнил о других элементарных предпосылках: «Бюст и статуя имеют большое преимущество по долговечности перед нарисованными картинами, на которых нынешнее занятое человечество думает предстать перед потомками. Но и в бюстах и статуях есть так мало лестного, что римское искусство упрекали в слишком грубом и трезвом изображении действительного... Какими бы ни были оформление и одежда, остается факт, что лучшие римские портреты беспощадно и с большим жизнеощущением выражают характер и черты портретируемого» («Сочинения». Штутгарт, 1933).

Население *Римской империи* было зафиксировано на индивидуальности соответствующего *принцепса*. В отличие от мира поздней античности всеобщий интерес был сосредоточен не на абстрактном изображении правителя, а на его личности, которая в своей индивидуальности господствовала на лицевой части монет. Как показывают августовские монеты, при всем сохранении общих властных структур сказывалось и личное влияние последующих *принцевов*. Августовская стилизация портрета *принцепса* не была догматическим решением. Во время кризиса первого года четырех императоров и при Флавиях преобладал часто вызывающий индивидуализм именно потому, что личности новых правителей должны были неос-

лабно производить впечатление. Во 2 в. н. э., во время адоптивной империи, снова взяла верх основательная идеализация. Интересующиеся философией правители, такие, как Адриан и Марк Аврелий, так же мало избежали этого течения, как и квиетический Антонин. Только с Каракаллой те застывшие формы взорвала жизненная сила, которая восторжествовала особенно в эпоху солдатских императоров.

Несколько примеров могли бы доказать эти линии развития. Вариации оформлений и стилизаций особенно велики именно в портретах *принцевсов*. Ни мраморный портрет Тиберия из коллекции Ни Калсберга в Копенгагене, ни портрет Калигулы из замка Фазанри не позволяют представить характерные черты обоих правителей, которые знакомы по литературе, настолько преобладает в обоих случаях при всем реализме тенденция к идеализации. Совсем другая ситуация была при Нероне. Его поздние изображения соответствуют совершенно новому стилю и отражают новые приоритеты: лицо правителя больше не стилизовано по классическим идеалам августовской эпохи. Оно не подавляет типичную физиогномику ожирелого молодого человека, однако обрамляет ее искусно завитой короной волос, как это соответствовало желаниям монарха, который настолько превозносил свое существование, как художника, что считал его близким к Аполлону и Гелиосу.

Реалистический портрет Веспасиана, наоборот, кажется программой, последствия которой становятся понятными, лишь если сравнить его с рафинированной стилизацией Нерона. Вместо эксцентричного *артиста* Нерона, в Веспасиане виден волевой, опытный представитель итальянской буржуазии, который добился власти своими достижениями и доверием армии, человек без иллюзий, но без самонадеянности. Напряженные черты, глубокие морщины и широкий череп не скрывают происхождение но-

вого правителя. Однако его портрет представляет одновременно человека, в котором есть твердость, необходимая для преодоления хаоса в государстве и обществе.

Если портреты адоптивных императоров соответствуют тем представлениям, которые близки к литературным сведениям, то разница между описаниями личности и портретом Коммода поразительна. Если там *принципс* предстает проявляющейся во всей полноте, прямо-таки геркулесовой личностью, как убийца диких животных и гладиатор, то на портретах видна в совершенно антониновских традициях идеализированная личность. Обрамленное тщательно завитыми волосами и широкой бородой лицо со стилизованными чертами даже отдаленно не позволяет представить звериную натуру этого человека.

От когда-то обильной римской живописи сохранилась только небольшая часть, преимущественно в городах Везувия. По ее состоянию и по обзору Витрувия можно по крайней мере догадаться о ее развитии. Судя по всему, сначала стены были расписаны разноцветными под мрамор поверхностями, карнизами, прямоугольниками, клиновидными полосами, позже появились здания, пейзажи, боги, сцены из мифологии. Еще с августовских времен появились новые тенденции: «Все то, что было позаимствовано как воспроизведение реальных вещей, теперь вследствие испорченного вкуса отвергается; ибо на штукатурке рисуют охотнее всякие чудовищности, чем натуральное воспроизведение совершенно определенных вещей. Вместо колонн ставят трубы с каннелюрами, вместо фронтонов — украшения с загнутыми листьями и завитками, кроме того, подставки для ламп держат на себе подобие маленького храма, над щипцом которого возвышаются нежные цветы с завитками, на которых бессмысленно сидят маленькие фигуры, на стеблях растений расположены полуфигуры, одни имеют голову человека, а дру-

гие — животного. Такого не существует, не может существовать и не существовало» (Витрувий «Об архитектуре», VII, 5).

Так называемый четвертый стиль привел эту живопись к ее высшей точке: «Между закрытыми частями стен открываются проспекты с фантастической архитектурой, которая ведет в сумеречные дали. Колышутся занавеси, разлетаются сверкающие огни, мерцающее волнение оживляет все вплоть до движения мельчайших усиков. Дрожащая нервная подвижность наполняет фигурки и сказочные существа, которые введены как украшающие элементы в причудливые архитектурные сооружения. Очаровательны фигурки и сцены, которые чисто декоративно рассеяны по стенам. Амуры и Психеи, кентавры и нимфы, танцовщицы и акробаты. Созданные легкими мазками кисти фантазии мгновенья, они сияют на черном или красном фоне полные грации, причудливости и юмора» (Г. Роденвальдт «Искусство античности». Берлин, 1927).

Но наряду с этим в Помпеях утверждались и большие фигуры, как, например, созданная незадолго до 79 г. н. э. Венера на раковине садового перистыля в *Каза ди Венере*, или патетическая последовательность сцен так называемого фриза мистерий из *Вилла ден Мистери*, которые изображают ритуал торжественного открытия мистерий.

Также и мозаика при принципате достигла своего художественного совершенства. Если сначала преобладали мозаики на белом фоне с простыми черными рисунками, которые изображали наряду с мифологическими сценами и морем также и повседневные мотивы, то со 2 в. н. э. появились многоцветные пейзажи, как, например, на *вилле Адриана* в Тиволи. Явные центры мозаичного искусства находились в Сирии и в Северной Африке. В Сирии Антония с давних пор была оживленным местом по изготовлению продукции, стиль которой носил отпечаток эллинистических традиций и отличался ярко выраженным на-

турализмом изображений. Мозаика была очень распространена на виллах североафриканских крупных землевладельцев, которые украшали свои хоромы не только сценами из классической мифологии, но и живыми картинками охоты, рыбной ловли или полевых работ. Мозаика выкладывалась теперь в городах и виллах западных провинций, она встречалась на Рейне и в Британии, но своей высшей точки достигла только в репрезентативных зданиях и церквях поздней античности.

Наряду с этими основными видами искусства в *Римской империи* существовало обширное производство произведений искусства малых форм и художественного ремесла. Разумеется, область распространения отдельных форм была узко ограничена. Шедевры глиптики, такие, как венская *гемма Августа*, большая парижская камея, клавдиевская камея с рогом изобилия или ряд государственных камей, портреты *принцев* и символические фигуры на многослойном сардониксе всегда оставались ограниченными *домом принцепса* и верхушками общества. Обычные геммы, наоборот, получили гораздо более широкое распространение.

Подобная дифференциация имелась и в художественном ремесле в самом широком смысле. Если представители ведущих слоев пользовались дорогой серебряной посудой и драгоценными бокалами, то средние слои — продукцией мастерских по художественной *обработке глины*, бронзовыми статуэтками, канделябрами и предметами украшения. Среди низших слоев, наоборот, были обнаружены скромные изображения богов, терракотовые фигурки, глиняные лампы и простейшая посуда из местных мастерских для широкого употребления.

Религиозное развитие

Почитание традиционных римских государственных богов, а также всего греко-римского пантеона достигло при принципате высшей точки своего распространения и интенсивности. Граждане и провинциалы, даже вольноотпущенники, соревновались в жертвоприношениях и посвящениях, военные формирования — в сооружении алтарей и памятников, города — в постройке храмов и освященных районов. Религиозные праздники проводились роскошно, соблюдались ритуалы, давались обеты. Однако нельзя не увидеть совершенно новое развитие, религиозный мир империи не был статичным, именно в этой сфере формы проявления складывались все более многообразно и противоречиво.

Так, сначала продвинулась вперед специализация и дифференциация древних крупных богов. Почиталась не просто Юнона, а Юнона Регина, Юнона Капротина (богиня зачатия) или Юнона Ковелла (богиня месяцев), Юнона Луцина (богиня родов), не просто Юпитер, Марс, лары или гении вообще, а специальные божества, специальные гении отдельных лиц и мест.

Характерным было общее почитание целых групп богов или покровительствующих сил. Это относилось не только к древней капитолийской триаде Юпитер, Юнона и Минерва, но и, например, к четырем, семи или двенадцати богам в германских провинциях. Завершали эти тен-

денции посвящения, такие, как посвящение алтаря богиням четырех дорог из Каннштатта, которое подписал бенефициарий в 230 г. н. э.: «В честь божественного дома государя. Богиням четырех дорог, Юпитеру и всем богам и богиням...»

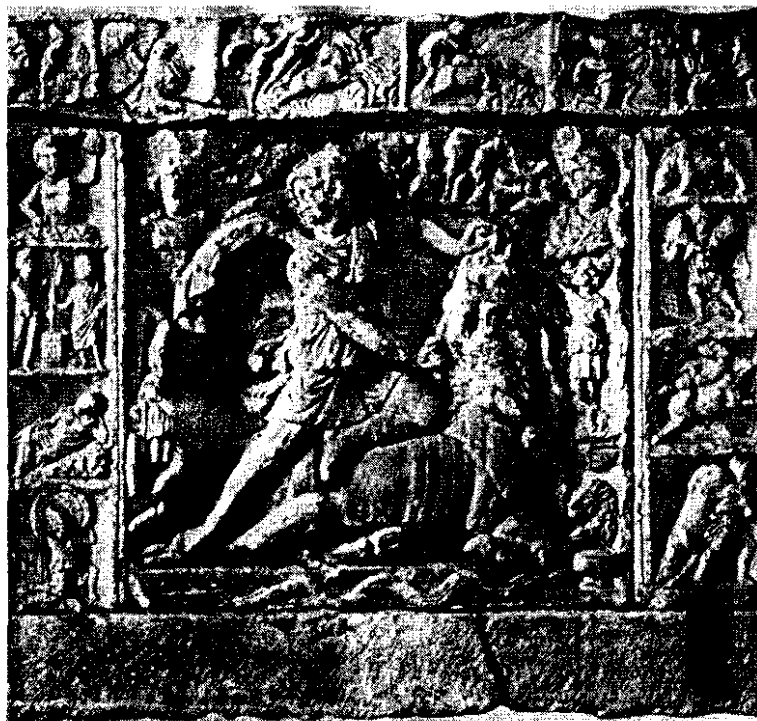

Рис. 46. Митра, алтарь из Гейдельберг-Нейенгейма

(Надписи и памятники подобного рода еще с ранних пор посвящались не только отдельным крупным божествам, но, как правило, *принцесу*, его дому, *гению места* или гению какого-нибудь военного подразделения.) Они были одновременно свидетельствами религиозного рвения и политической лояльности. Как следствие тесных

традиционных связей между римской политикой и религией произошло расширение и усиление этих отношений в рамках всей империи.

Новые исследования (К. Латте) оценивают преимущественно критически «лояльную религию» при принципате: полностью отрицается «религиозное чувство участвующих». Разумеется, многое в тысячах надписей и посвящений памятников шаблонно и является только выставленным напоказ *почитанием* богов государства, религиозных сил соответствующей религии и не в последнюю очередь *дома принцепса*. Однако в других формах, в жертвоприношениях *Фортуне Возвращающей* или *Лару-путеводителю*, богиням перекрестков, рек и горных перевалов, как, например, бронзовая табличка *Юпитеру Пенинскому* на Большом Сенбернарском перевале, нельзя отрицать личного участия посвящающих. Фортуна, охраняющая сила Тутела, гений, представляли, как показывает частота посвящений, живые силы и охраняющих духов, которых нужно было уважать и ублажать.

(В центре римской государственной религии стояло почитание капитолийской триады.) Для принципов «лояльной религии» при принципате характерно, что концепция *Капитолия* была заимствована многими городами империи. У них преобладала тесная религиозная связь с городом Римом и его древними центральными богами.

Число жертвоприношений и благодарственных праздников, которые проводились в честь *принцепсов* и членов его дома, быстро росло, по свидетельствам различных праздничных календарей. Естественно, были приняты во всей империи праздничные жертвоприношения *принцепсу* в день рождения, в день империи и к началу года.) К этому добавлялись особые события отдельного принципата, из которых многие были занесены в праздничный календарь. Это же относится и к числу обетов, приносившихся в промежутке от пяти до десяти лет.)

Можно иметь различные мнения об успехе и значении проведенной Августом религиозной реставрации, общественное оживление древних жреческих коллегий ему удалось. Маленькая выдержка из актов высокопоставленного арвального братства позволяет понять, в чем состояли во 2-й праздничный день 118 г. н. э. его действия в честь богини плодородия Деа Диа: «В роще Деа Диа старшина М. Валерий Требиций Дециан принес на алтарь две свиньи как искупительную жертву для подрезки деревьев и совершения работ. Кроме того, он принес на жертвенный очаг Деа Диа белую корову как добровольную почетную жертву. Потом жрецы сели в зале и приняли трапезу из жертвенных животных. После того как были надеты претексты и венки из колосьев с повязками, они поднялись в рощу Деа Диа и через старшину М. Валерия Требиция Дециана и фламينا Тиберия Юлия Кандида принесли в жертву тучную овцу. После исполнения жертвоприношения все они пожертвовали ладан и вино. Потом были внесены венки и смазаны елеем изображения богов. Затем они назначили старшиной Тиберия Юлия Кандида Цецилия Симплика от этих сатурналий до следующих сатурналий, спустились в зал и трапезничали у старшины Требиция Дециана. После трапезы старшина Требиций Дециан, облаченный в пурпурный плащ и сандалии, с венком из роз на голове направился к ограде и подал знак возникшим и вольтижировщикам. Под председательством Юлия Кандида и Антония Альба он дал победителям пальмы и серебряные венки как почетные награды. Присутствовали те же члены коллегии, что и в первый день».

Религиозная жизнь в провинциях не была нивелирована Римом. Прежде всего на Востоке Империи старые культы не только сохранились, но и были восприняты в Италии и на латинском Западе. Именно на эллинистическом Востоке тоже существовала «лояльная религия»; стать центром императорского культа для городов Малой Азии

было честью. Совсем иначе развивались религиозные отношения в провинциях дунайского региона и Запада. Как показывают посвящения и номенклатура почитаемых богов и сообщенные Цезарем и Тацитом имена богов, местным богам были даны или по крайней мере прибавлялись римские имена (Тацит «Германия», 43, 4). Главный бог галлов обозначается Цезарем, как Меркурий, Геракл и Марс появляются у Тацита как германские боги (Тацит, «Германия», 9, 1). Во множестве случаев приравнивание проявлялось в двойных именах, например, Марс Коцидий или Сильван Коцидий в Британии, Марс Катурик или Меркурий Визуций в Галлии, Марс Виниций или Виниций Поллукс в Лигурии. Другую категорию этих точек соприкосновения образуют регионально фиксированные приравнивания и спецификации, например, Диана Абноба, покровительница Шварцвальда, Аполлон Гранн, почитаемое у священников источников божество, что засвидетельствовано особенно в районе Верхнего Дуная, или Лен Марс в Трире.

Тогда как религиозные связи с традиционными римскими богами среди широких кругов населения становились слабее, набирала силу вера в предзнаменования, волшебство и чудеса. Заклинательные таблички, волшебные папирусы, литературные сведения свидетельствуют о распространении таких представлений, и не только среди низших слоев. Рука об руку с этим шло не только возрастающее влияние гадателей, толкователей снов, астрологов, но возобновилось внимание к оракулам, чудотворцам и пророкам. Александр Абонутехейский является известнейшим примером таких «пророков», пользовавшихся легковерностью масс. Этот Александр изображал из себя представителей бога Гликона, «нового Асклепия», который выступал в образе змеи. Для него были устроены оракул и мистерии, город Абонутех переименован в Ионополь. Все это не было местным явлением; в религи-

озно накаленной атмосфере второй половины 2 в. н. э. культ был распространен в Малой Азии, во Фракии и в Риме. Он просуществовал до 3 в. н. э., хотя Александр нашел в лице Лукиана злейшего критика.

Ювенал впечатляюще описал весь этот мир толкователей снов, предсказателей, астрологов и ясновидцев:

Вот из Армении иль Коммагенье гадатель посмотрит
В легкие теплой голубки — и милого друга сулит ей,
Смерть богача холостого и крупные деньги в наследство;
Перекопает он груди у кур и нутро собачонки,
Даже иной раз младенца — и сам же доносит на жертвы.
Большая вера халдеям: чего ни наскажет астролог —
Жены поверят, что это вещает источник Аммона,
Раз уж Дельфийский оракул умолк, а роду людскому
Лестно в грядущую тьму заглянуть, насколько возможно.
Выше всех ценится тот, кого несколько раз высылали,
Чье дружелюбие и чей гороскоп погубили недавно
Славную жизнь гражданина, внушавшего ужас Отону.
Верят искусству его, хотя б кандалами гремел он
Справа и слева, хотя б сидел он в остроге военном.
Неосужденный астролог совсем не имеет успеха:
Гений лишь тот, кто едва не погиб, попав на Циклады
В ссылку, кто, наконец, избегнул Серифа.
Спросит его о медленной смерти желтушной мамыши
И о тебе Танаквила твоя, да скоро ли сестры
Дяди помрут, да любовник ее — проживет ли он дольше,
Чем Танаквила сама; чего еще боги даруют?
Впрочем, иные не знают, чем мрачный Сатурн угрожает
Или в каком сочетании звезд благосклонна Венера,
Месяц к убытку какой, какое к прибыли время.
Не забывай избегать даже встречи с женщиной, если
Виден в руках у нее календарь, что лоснится, будто
Жирный янтарь: уж она у других не попросит совета,
Спросят ее самое; она не пойдет с своим мужем
В лагерь, домой: не пускают ее вычисленья Трасилла...
Тем, что богаты, тем авгур фригийский дает разъясненья
Или индус нанятой, что сведущ в небе и звездах,

Или этрусский старик, что молнии в Риме хоронит.
Жребий плеебек сокрыт на окраинах города, в цирке:
Женщины эти, надев золотую цепочку на шею,
Возле столбов цирковых и колонн с дельфинами гадают,
Бросить кабатчика ль, да пойти за старьевщика замуж.

(Ювенал «Сатиры», VI, 549. Перевод
Д. Недовича и Ф. Петровского).

К важнейшим и характернейшим явлениям религиозного развития при принципате принадлежит растущее значение синкретизма, теоркразии или смешения богов. Якоб Буркхардт, посвятивший блестящий отрывок именно этой сфере в своем «Времени Константина Великого», указал на то, что смешение богов является причиной не только сознательного политического признания римлянами чужих богов, но и «перепутывание богов». Чужие боги распространялись не только наряду с местными, но они не подменяли их по внутреннему родству (Мюнхен, 1982).

Явления при принципате имеют длинную историю; лучше всего они прослеживаются на примере Изиды. Древняя египетская богиня, мать царей и богов одновременно, в мире была неразрывно связана с Озирисом. Геродот сравнил ее однажды с Деметрой, Озирис пришел позже в введенном Птолемеями Сараписе. С такими ассоциациями распространенный в форме мистерий культ Изиды нашел радушный прием в Греции и на Западе империи. В Италии Изида часто приближалась к Венере и изображалась в классическом образе Афродиты, при этом отличительным признаком служил ее характерный головной убор и специфическая изидова трещотка (систр).

С какими представлениями была связана Изида с тысячью имен, показывают аретологии Изиды, из которых одна приведена у Апулея:

«Святая неутомимая спасительница рода человеческого»

го, ты всегда милосердна к смертным; с ласковой нежностью матери простираешь ты руки над их страданиями. Ни один день, ни одна ночь, ни одно короткое мгновение не проходит без твоих благодеяний, ты защищаешь людей на суше и на воде, усмиряешь жизненные бури и протягиваешь свою готовую помочь руку, ты рассеиваешь стихии судьбы и препятствуешь вредоносному движению звезд. Тебя почитают небожители, уважают подземные боги, ты вращаешь небосвод, заставляешь светить солнце, управляешь миром и попираешь Тартар своими ногами. Тебе отвечают созвездия, к тебе возвращаются столетия, тебе радуются боги и служат стихии. По твоему кивку дуют ветры, рассеиваются облака, пускают ростки семена, растут зародыши. Перед твоим всесилием дрожит стая птиц, которая скользит над землей, дичь, которая блуждает в горах, змеи, которые прячутся в земле, животные, которые плавают в морях. Я слаб духом, чтобы воспеть тебе похвалу, и слишком беден, чтобы принести тебе жертвы. Мне не хватает слов, чтобы сказать, что я думаю о твоем величии. Но что может набожный человек и бедняк, я хочу постараться достичь. Твой божественный лик и твое священное величие я вечно буду хранить в глубине сердца и держать перед глазами» («Метаморфозы», XI, 2).

С культом Изиды соприкасается область тех религиозных таинств, которые несомненно были самыми живучими и одновременно чуждыми для древнеримских представлений культурами. Имеются в виду особенно культы Изиды, Кибелы, или *Великой Матери*, Митры и некоторые другие первоначально восточные религии, которые частично распространились в Риме и на латинском Западе еще со времени поздней Римской Республики. Их формы правления и влияние на римскую повседневную жизнь неприукрашенно описал Ювенал:

Иступленной Белоны,
Хор приглашает она иль Кибелы, — приходит огромный
Полумужик, что в почете у меньшей брата бесстыдной,
С давних времен оскотивший себя черепком заостренным;
Хриплая свита дает ему путь, отступают тимпаны.
Толстые щеки его — под завязкой фригийской тиары,
Важно кричит он, велит сентября опасаться и Австра,
Если она не пожертвует сотню яиц в очишенье
И самому не отдаст багряниц поношенных, дабы
Все, что внезапной и тяжкой опасностью ей угрожает,
В эти одежды ушло, принося искупление за год.
Ради того и зимой через лед нырнет она в реку,
Трижды по утру в Тибр окунется, на самых стремнинах
Голову вымоет в страхе — и голая, с дрожью в коленях,
В кровь исцарапанных, переползет все Марсово поле
(Гордого поля царя); прикажет ей белая Ио —
Вплоть до Египта пойдет и воду, от знойной Мерои
Взяв, принесет, чтобы ей окропить богини Изиды
Храм, — возвышается он по соседству с древней овчарней:
Верит она, что богиня сама насылает внушенья;
Будто с ее-то душой и умом не беседуют боги!

(Ювенал. Сатира VI, 512. Перевод
Д. Недовича и Ф. Петровского)

Ввиду многообразия проявлявшихся в мистерийных религиях традиций и представлений, разумеется, проблематично выявить общие черты этих культов и привести их к общему знаменателю. Тем не менее некоторые связующие их элементы не вызывают сомнений. Так, основным убеждением приверженцев этих религий было то, что с помощью активного участия в соответствующем культе они добиваются внутреннего очищения, а после смерти получают новую жизнь и прежде всего спасение. Чтобы пластически передать эти представления, культы пользовались впечатляющим ритуалом приема и скрупулезно зафиксированными литургиями, которые в рамках небольшой об-

щины верующих давали интенсивные, подавляющие все чувства религиозные переживания. Насколько известны подробности мира представлений, приверженцы культов добивались мистического единения со своим богом и снова переживали его смерть и воскрешение.

На основе описанных главных течений в области синкретизма становится понятным, что здесь присутствовало заимствование ритуалов одного культа другим культом. Например, *тавроболий*, глубоко волнующее очищение опрыскиванием кровью ритуально убитого животного, было принято сначала в культе Кибелы. Позже этот ритуал использовался приверженцами Атаргатис и Митры.

Если для традиционного культа греко-римского пантеона и древнеримской религиозной практики, как правило, формами были опосредованное, не прямое, часто формальное, механически совершаемое религиозное действие, которое иногда оставляло непричастными отдельных лиц, к тому же усиленное социальными рамками, то мистерийные религии диаметрально от этого отличались. Они предлагали каждому чувство защищенности, непосредственное культовое переживание высочайшей интенсивности. Эти религии предлагали одновременно прямой призыв к совести и рассудку, активизировали отдельного человека, серьезно относились к нему, как к личности и партнеру богов, и одновременно приобщали его к охватывающему природу и космос представлению о мире.

Наглядный пример форм и мира представлений мистерийных религий дает описание церемонии посвящения в культ Изиды у Апулея: «Я дошел до границы смерти, стоял на краю могилы, ведомый стихиями вернулся назад, в глубокой ночи увидел сверкающее солнце, пришел к богам и воздал им молитву в непосредственной близости. Итак, я сообщил тебе то, что ты слышал, но не можешь понять. Я хочу рассказать то, что может быть дове-

рено только безгреховному разуму. Было утро, и после исполнения священных действий я вышел в торжественной процессии; многие были там и смотрели на нее. Потом я был призван вступить на деревянный помост среди храма перед изображением богини. Я был в льняном, но ярко вышитом одеянии. С моих плеч со спины до пят свисала дорогая мантия. Я был украшен вышитыми разноцветными животными, индийскими драконами и гиперборейскими грифами, пернатыми птицами, которых порождает другой мир. Посвященные называют это небесным одеянием. В правой руке я держал пылающий факел, голову украшал венки, из которого белые пальмовые листья возвышались, как лучи. Когда я по подобию солнца был украшен и, как статуя, поставлен, внезапно был отдернут занавес, и устремился народ, чтобы увидеть меня» («Метаморфозы», XI, 23).

Из малоазиатских богов далеко на Запад распространился прежде всего культ Кибелы, Великой Матери, и ее сына Аттиса. О его происхождении сообщает Евсевий: «Фрикийцы рассказывают, что Меон, царь Фригии, имел дочь по имени Кибела, которая первой изобрела флейту и была названа богиней гор. И Марсиас, который питал к ней дружбу, был первым, кто делал флейты, и он прожил в целомудрии до конца своей жизни. Но Кибела жила с Аттисом и забеременела, и когда это обнаружилось, ее отец убил Аттиса и кормилицу; Кибела обезумела, убежала, вечно кричала и била в барабан. Ее сопровождал Марсиас, который вступил в музыкальное соревнование с Аполлоном и был побежден, и Аполлон при живом теле содрал с него кожу. И Аполлон воспылал любовью к Кибеле и сопровождал ее в ее странствиях до гиперборея, и приказал, чтобы тело Аттиса было похоронено, а Кибела почиталась как богиня. Поэтому фригийцы сохранили этот обычай до сегодняшнего дня, оплакивают смерть юноши и воздвигают алтари и почитают Аттиса и Кибелу жерт-

воприношениями. Позже они построили в Пессине во Фригии великолепный храм и устраивали там священные жертвенные службы» («Евангелическое приготовление», II, II, 41).

Этот культ пришел в Рим уже в эллинистической форме во время Второй Пунической войны в 205/204 гг. до н. э. Оттуда он распространился на Запад; круг его приверженцев состоял преимущественно из женщин.

Из сирийского региона происходил культ *богини Сириш*, как это звучало по латыни, почитаемая в Гиераполе в Сирии богиня Атаргатис получила распространение и на Западе. Позже, в нероновское время, через Делос этот культ достиг и Рима. Апулей и Лукиан во 2 в. н. э. сообщали о сенсационных процессиях этой сирийской богини, приверженцы которой впадали в дикий экстаз. Герой «Золотого осла» Апулея рассказывает о жрецах *богини Сириш* так: «На следующий день они вышли, ярко разодетые, с накрашенными лицами и обведенными черными глазами, с повязками на голове, в одеяниях шафранового цвета из батиста или шелка, у некоторых была белая нижняя одежда, расшитая пурпурной вышивкой копьевидной формы. На ногах у них были желтые башмаки. Богиню в шелковой мантии они предложили нести мне, они обнажили ее руки до плеч, подняли большие мечи и топоры и под возбуждающие звуки флейты и крики начали одержимый танец. После того, как они прошли по хижинам, они добрались до виллы богатого собственника. Тотчас же, завывая, как безумные, они устремились туда, ужасными движениями вращая опущенной головой с развевающимися кругами волосами. Порою они свирепствовали против своей собственной плоти, резали острым железом, которое принесли с собой, свои собственные руки. Тем временем буйствовал один среди них более сильный, он делал глубокий выдох, как будто его наполнил дух божества и притворялся сумасшедшим... Когда они, нако-

нец, утомились или, по крайней мере, насытились самоистязанием и прервали резню, они получили подарки, медные монеты и серебро и спрятали все в складках своих одежд; кружку вина, молоко, сыр, пшеничную муку и ячмень, которые некоторые подарили несущему богиню, они жадно отняли, засунули в мешки, которые были приготовлены для этой наживы, и погрузили это мне на спину» («Метаморфозы», VIII, 27).

У совсем другого круга лиц вызвали расположение мужские восточные боги, особенно семитский Ваал, городские боги, которые были распространены преимущественно в связи с *Юпитером Далихейским*, первоначально богом города Далихе в Коммагене, который предположительно пришел на Запад империи посредством образованных Веспасианом *Коммагенских когорт*. Вооруженный пучком молний и двойным топором *Юпитер Далихейский* часто носил фригийский колпак. Он появлялся в большинстве случаев на быке, нередко в сопровождении какой-нибудь богини.

Далихейский храм (30,5 × 8,6 м) располагался вне Зальбурга, недалеко от крепостей Цугманталь и Пфюнци. Надпись на здании из Висбадена сообщает, однако, что храмом Юпитеру Далихейскому пользовались также общины пограничной зоны: «В честь божественного правящего дома горожане Висбадена поставили Юпитеру Далихейскому храм, который из-за своего алтаря стал ветхим, и под досмотром Церея Сатурниана и Пинария Вера был восстановлен. В год консульства императора Септима Севера и Альбина» (194 г. н. э.).

Большое значение из всех мистериальных религий получил культ Митры. Эрнст Ренан однажды подчеркнул этот факт часто цитируемыми словами: «Если бы христианство было задержано в своем развитии смертельной болезнью, мир стал бы митраическим» (Э. Ренан «*Марк Аврелий и конец античного мира*». Париж, 1923). Этот тезис, правда, очень

маловероятен, так как культ Митры исключал женщин, намеренно развивался в маленьких общинах, никогда не стремился стать массовой религией и не располагал структурами имперской или мировой церкви.

Роль культа Митры для религиозного развития при принципате была значительной, и как бы усердно ни занималась современная наука изучением мира именно этого культа, остаются неясными многие детали ритуала и представлений. Ни интерпретация многочисленных памятников этого культа, особенно культовый рельеф и настенная живопись из Капуи; ни граффити митрайона Санта Приска в Риме, или немногочисленные литературные тексты, папирусы и надписи не давали до сих пор возможности для полной реконструкции.

Неясна и связь между культовыми формами митраического культа в 1 и 2 в. н. э., когда его мистерии, литургии и структура небольших общин были относительно единообразно установлены, и более древним богом Митрой из индо-иранского пространства. Полное приравнивание кажется проблематичным, во всяком случае промежуточные звенья неизвестны. Если даже в последнее время подчеркивалось (Р. Меркельбах) греческое и особенно платоновское влияние на процесс изменений, все равно это остается только гипотезой.

Римляне соприкоснулись с культом в первый раз во время пиратской войны Помпея; потом при принципате он быстро распространился не только в Риме и Италии, но и в преобразованных в военную зону приграничных областях Дуная, Рейна и в Британии, Испании и Северной Африке. Так, в Риме к настоящему времени обнаружены 100 маленьких митрайонов, в Остии — 16, в Карнунте — 7, в Геддернгейме — 4, во Фридбурге — 3. Носителями и распространителями культа были, с одной стороны, солдаты и чиновники *принцепсов*, а с другой — купцы и торговцы. Культ засвидетельствован не только в погранич-

ных крепостях и гарнизонах и в соседних с ними гражданских поселениях, но и в портовых городах и перевалочных пунктах, в Остии, ПUTEОЛИ, Аквилее, Карфагене и Лондоне. Во всяком случае, он не был исключительно военным.

Для митраического культа характерно, что сооружались маленькие культовые помещения в форме грота или пещеры, что в соответствии с космическим отношением религии символизировало небосвод. Как правило, на западе располагалась ниша для освещенного лампой культового изображения. Характерными архитектурными элементами помещения были две разделенные коридорами скамьи. Культовое помещение делало возможной впечатляющую смену света и темноты; оно создавало атмосферу, которая имела особый смысл для дуалистического культа. Оно одновременно объединяло архитектурные — и это было полным контрастом с греко-римскими храмовыми сооружениями верующих с изображениями бога и местами литургий. Когда было возможно, культовые места стремились располагать вблизи источников или, по крайней мере, проточной воды или колодцев.

Культовые изображения на *Западе* империи состояли из больших, часто отдельных сцен и элементов, расположенных на рельефе, окружающем главное изображение. В центре чаще всего изображалась битва Митры с мировым зверем, воплощением зла как такового. Это убийство зверя, которое разворачивалось в гроте (тавроктония), на рельефах германских провинций, например, в Дибурге и в Гейдельберг — Нейнгейме, было окружено полными фантазии изображениями борьбы или другими сценами из жизни и деяний Митры. Изображалось рождение бога из скалы, причем на Безиггеймерском рельефе появляется восточный пастух как свидетель происходящего. Митра часто связан с трудно интерпретируемыми деяниями и чудесами, прежде всего с солнцем, своим союзником или

помощником, с которым его можно увидеть за трапезой. Митра и солнце возлежат на шкуре убитого зверя, подкрепляются его мясом и кровью — событие, о котором напоминала совместная трапеза митраитов при вкушении хлеба и вина. Ланденбургский рельеф адриановского времени изображает эту общую трапезу в особенно мягкой, явно заимствованной у греческих образцов форме.

Изображалось совместное «вознесение» Митры и солнца на небо, эти центральные сцены обрамлялись разнообразным персоналом и многозначительными символами. Там появляются Кавт и Кавтопат, типичные спутники Митры, во фригийских колпаках с поднятым или опущенным факелом, символом утра и вечера, появляется квадрига солнца и двойная упряжка луны, возникают из пролитой крови мирового зверя символические знаки новой жизни, главные сцены обрамляются знаками зодиака. Главные рельефы иногда вращаются и показывают на передней и задней стороне различные этапы пути Митры. В соответствии с ходом литургии или с особым характером культового акта или праздника они позволяли эффектно менять изображения.

Насколько малы были группы верующих в Митру, настолько сильно они были дифференцированы. Каждый претендент проходил церемонию приема, скрепленного торжественной клятвой. Флорентийский папирус передает форму этой клятвы: «Во имя бога, который отделил землю от неба, свет от тьмы, день от ночи, мир от хаоса, жизнь от смерти, настоящее от прошлого, я клянусь честно, по совести хранить в тайне мистерии, которые мне доверены нашим богобоязненным братом Серапионом, достопочтенным и святым Герольдом Камерионом и моими верными братьями. Верный своей клятве, я надеюсь, что мне это удастся; но я клянусь также, что, если я стану предателем, пусть меня постигнет жестокая кара» (М. Вермазерн «Митра». Штуттгарт, 1965).

Для посвященных в культ существовало семь ступеней в нарастающем порядке: *ворон, жених, воин, лев, перс, бегущий по солнцу, отец*. Ступени характеризовались различными символами и были подчинены различным богам — покровителям и планетам: Меркурию, Венере, Марсу, Юпитеру, Луне, Солнцу и Сатурну. Но насколько многообразен был культовый мир, настолько и многочисленны пересечения с другими богами и культурами, которые подтверждены находками памятников других религий в митрайонах, настолько преобладающей была дуалистическая основная концепция: митраит призывался к борьбе между добром и злом, светом и мраком. Но в Митре он имел также непобедимого бога — покровителя, который помогал ему достичь в жизни новых ступеней чистоты и истины, а после смерти — бессмертия.

В форме, в которой распространялся культ Митры в империи, он активизировал своих приверженцев таким способом, который также можно обозначить, как «лояльную религию» (Р. Меркельбах). К этому добавлялась его совместимость с другими культурами, поэтому его притягательность не может удивлять. Многочисленные соприкосновения с типичными элементами христианской веры и христианской литургии совершенно очевидны (крещение, обеты, совместная трапеза, сопоставление бога с солнцем, вознесение и т. д.). Сегодня они оцениваются чаще всего как воздействие общих для обеих религий исторических и культовых форм мира и реже рассматриваются как прямая зависимость или копии. Антогонизм между обеими религиями обострился, тем не менее, очень рано. Он в конце 4 в. н. э. привел к систематическому разрушению митрайонов фанатичными христианами.

Если рассматривать в целом, то религиозные представления в *Римской империи* в течение 1 и 2 вв. н. э. значительно различались. В зависимости от образования, социального положения, а также от духовной религиозной сре-

ды они принимали разнообразнейшие формы. Древние культы частично были только традиционными реликтами. Правда, они, как и раньше, совершались с обычными ритуалами, однако подлинная идентификация происходила редко. Такая идентификация, наоборот, в значительном объеме происходила у приверженцев восточных культов, особенно в мистерийных религиях. Там примечательным было материальное участие большого числа верующих: многочисленные митрайоны, как правило, строились и обслуживались очень маленькими сообществами.

У философски образованных людей было распространено тогда неопределенное, в конечном счете монотеистическое, понятие бога, если вообще не скептицизм и агностицизм. Для представителей низших слоев характерным являлось почитание большого числа безликих сил, вера в духов — покровителей, как Тутела, Гений, Фортуна. Какой бы ослабленной ни казалась сила многочисленных древних богов среди этих пестрых явлений, определяющим было чувство зависимости людей от трансцендентных сил. Возникло своеобразное противоречие между осознанием ограниченности человеческого существования и разнообразными попытками не только узнать судьбу отдельных людей, но и также повлиять на нее призывами и жертвоприношениями «компетентным» богам и покровительствующим силам.

Ввиду многообразия, неоднородности и даже противоречивости религиозного мира империи совершенно бессмысленной является попытка привести его к общему знаменателю или втиснуть в единую тенденцию. В любом случае, однако, остается, наоборот, констатировать утрату прежней общности объединяющего всех римлян религиозного мира. Философски обоснованные представления о боге интеллектуалами и представителями высших и средних слоев так же мало достигли такого общего признания, как и новые культы или различные формы усмире-

ния местных сил, не говоря уж о явлениях суеверия, об астрологии и магии,

Религиозные позиции людей империи тесно соприкасались с их жизнеощущением, которое выражается не только в литературных текстах и произведениях искусства, но также и в эпитафиях. Определяющим остается сознание неизбежности смерти, неизбежности, причиной которой служат фатум, парки или Фортуна. В кругу суеверных людей преобладало понимание смерти, как непреклонного конца жизни. Протесты были тщетны; смерть в любом случае казалась приемлемой, потому что речь шла об общечеловеческом жребии, который одному выпадал слишком рано, другому слишком поздно. В I и 2 вв. н. э. умножились негативные и пессимистические представления. Бессмысленность жизни связывалась с завистью, злонамеренностью и безжалостностью божественных сил. С такой точки зрения смерть могла оказаться только как освобождение, как конец трудов и забот, наконец, как вечный покой.

И при принципате традиционные нормы римского государства оставались толерантными в отношении чужих культов и религий. В соответствии с принципиально политической позицией, которая к тому же облегчалась явлениями синкретизма, государственная толерантность в этой широкой сфере была очень большой. Только там, где оказывалось отрицательное влияние на римские обычаи или традиции, ими нарушался общественный порядок, дело доходило до государственного вмешательства, которое, как правило, было направлено не против религиозных убеждений, а против вызвавших беспорядок представителей чужого культа.

Правда, хватало и недоразумений, ложных обвинений и дискриминации: тайные собрания считались подозрительными, культовые обеты могли истолковаться как политический заговор, вербовка новых приверженцев в чу-

жие культы оценивалась, как выражение оппозиции. Все магические действия навлекали подозрение в колдовстве. Но решающим критерием для оценки всех чужих религий оставалась всегда возможность их совместимости с традиционными римскими государственными культурами.

Активную религиозную политику в той систематической форме, в которой она когда-то проводилась Августом, его преемники никогда больше не практиковали. Разумеется, и они ставили свои акценты в религиозной сфере: Тиберий — чрезвычайной сдержанностью по отношению к культу правителя, Калигула и Флавий — поощрением культа Изиды, Клавдий — своими действиями против религии друидов, Домициан — личным почитанием Минервы, Траян и Антонин Пий — усилением древних религиозных представлений на латинском Западе, Адриан — покровительством культурам греческого мира. Но ни в одном из этих случаев религиозные убеждения *принцев* не возводились в абсолют.

Религиозно-политические конфликты в *Римской империи* были заложены там, где чужая религия связывалась с враждебными Риму или по крайней мере с исключаящими интеграцию в империю этническими традициями, а также там, где религиозная критика, атеизм или полная пассивность вели к асоциальному или угрожающему государству поведению, и не в последнюю очередь там, где успешная миссия чужих культов казалась угрозой религиозным, нравственным и политическим основам империи. Таким оценкам особенно было подвержено христианство и еврейство.

Иудейство и христианство в Римской империи

Для большого числа жителей *Римской империи* христиане и евреи долгое время были носителями одних и тех же признаков, в отношении их существовали одни и те же оценки и предубеждения. В политическом, толерантном и религиозном мире империи религии евреев и христиан должны были казаться провоцирующим чужеродным элементом. Абсолютные, строго монотеистические позиции, последовательное отвержение государственных богов Рима и особенно культового почитания правителей, дистанцирование от всех традиционных для римского общества форм жизни неизбежно приводили их к новым сдвигам и конфликтам с обществом и государством.

Общими являлись еще два аспекта: во-первых, в обоих случаях речь шла о ярко выраженном феномене ориентации на низшие слои, о религиозных убеждениях социально презираемых маргинальных групп, чувство превосходства которых, основанное на глубокой вере и непонятное для римлян, должно было выглядеть вызывающим. Во-вторых, даже у образованных представителей высшего слоя долгое время не было информации об основных представлениях и нормах обеих религий, не говоря уж о понимании их религиозного и этического содержания.

Волнения, которые провоцировали как евреи, так и христиане, не ограничивались Ближним Востоком. Еврей-

ский вопрос существовал в самом Риме еще со 2 в. до н. э., столкновения с христианами — с середины 1 в. н. э. Проблемы, которые вызывали обе религии и которые в конце концов вылились в крупные еврейские восстания (66—73, 115—117, 132—135 гг. н. э.) и в преследования христиан, распространились и на другие части империи, они волновали римскую провинциальную администрацию в Малой Азии, как и в Греции; в Галлии — как и Северной Африке.

Наличие евреев в самом Риме однозначно засвидетельствовано для 2 в. до н. э., а также тот факт, что их религиозная активность в 139 г. до н. э. вынудила *претора* Гнея Корнелия Гиспала принять против них решительные меры. Поводом для изгнания евреев из Рима часто считался еврейский прозелитизм. Однако таким же важным является общественный и духовный общий контекст: осознание глубоких социальных, нравственных и религиозных изменений во 2 в. до н. э., которые понимались влиятельной частью ведущего слоя как «падение нравов», привело к мобилизации *«обычаев предков»*.

Резкий поворот против эксцессов чужих культов, который в 186 г. до н. э. разразился судебными процессами по вакханалии, положил начало целому ряду подобных атак, которые в конце концов коснулись и еврейства. Не случайно, что действия римских властей против евреев в 139 г. до н. э. связаны с действием против халдеев, при Тиберии — с последовательной традиционалистической религиозной политикой, при Клавдии, наконец, — с действиями против приверженцев Изиды.

На общую оценку евреев в городе Риме и на их родине после нападения Помпея на Иерусалим проливает свет речь Цицерона *«В защиту Флакка»* в 59 г. до н. э. Из нее следует, что евреи еще тогда имели привилегию переправлять в Иерусалим ежегодно «храмовые» налоги из всей империи, которые должен был платить каждый еврей-

ский мужчина в возрасте от 20 до 50 лет в размере двух деннариев каждый. Так как подзащитный Цицерона Луций Валерий Флакк как наместник провинции *Азия* прикарманил эти деньги, Цицерон приложил немалые усилия, чтобы унижить всех евреев.

Так, он полемизировал против городской римской группы евреев, которая твердо стояла друг за друга и якобы была против него направлена. Он называл их религию «варварским суеверием», прославлял Помпея, который после взятия Иерусалима сохранил храм, говорил о подотригательной и стремящейся всех оскорбить общине и противопоставлял претензиям избранного народа историческую реальность: «Каждый народ имеет свою религию... как мы нашу. Еще перед взятием Иерусалима, когда евреи жили с нами в мире, исповедование их религии плохо считалось с блеском этого государства, с величием нашего имени; теперь же этот народ силой оружия заявил, что он думает о нашем господстве; и это показало, что представляет ценность для бессмертных богов: он побежден, порабощен, обложен податями» (Цицерон *«Речь в защиту В. Флакка»*, 69).

Высказанные образованным римлянином оценки должны были соответствовать широко распространенным суждениям. Эти суждения продолжали существовать, хотя по крайней мере Варрон, а позже Гален занимались еврейской религией и этикой. Когда Тацит через полтора столетия после Цицерона описывал взятие Иерусалима Титом, в своем экскурсе о евреях оценил народ не более позитивно: «Моисей дал им новую религию, враждебную всем другим, которые исповедуют остальные смертные. Иудеи считают богопротивным то, что для нас священо, и, наоборот, то, что у нас запрещено, ибо безнравственно и преступно, у них разрешается... Но каково бы ни было происхождение всех описанных обычаев, они сильны своей глубокой древностью; прочие же установления, мерзкие

и гнусные, стоят на нечестии, которое царит у иудеев: самые низкие негодяи, презрев веру отцов, платили им подати, жертвовали деньги и оттого возросло могущество этого народа; возросло оно еще и от того, что иудеи охотно помогают друг другу, зато ко всем прочим смертным враждебны и ненавидят их. Ни с кем не делят они ни пищу, ни ложе, избегают чужих женщин, хотя преданы разврату до крайности и со всеми творят любые непотребства; они и обрезание ввели, чтобы отличаться от всех прочих. Те, что по своей воле перешли к ним, тоже соблюдают все эти законы, но считаются принятыми в число иудеев лишь после того, как исполнятся презрения к своим богам, отрекутся от родины, отрекутся от родителей, детей, братьев ... они считают безумцами всех, кто делает себе богов из тлена, по человеческому образу и подобию. Поэтому ни в городах, ни тем более в храмах нет никаких кумиров, и они не ставят статуй ни в угоду царям, ни во славу цезарей» (К. Тацит «История». С.-Петербург, 1993, V, 4, с. 549—550).

Подробного письменного свидетельства о развитии города Рима с еврейской стороны нет. Современные реконструкции основываются на находках еврейских катакомб и на интерпретации еврейских надписей Рима. Они составлены частично на арамейском или древнееврейском языке, частично на латинском, а большая часть на греческом и очень ограничены по своим высказываниям. Тем не менее ясно, что евреи Рима, несмотря на постоянное увеличение их численности, жили изолированно в жилом квартале Трастевере. Известны по названию 15 синагог, четыре из этих названий проблематичны. Наоборот, общеврейское учреждение в городе Риме не засвидетельствовано.

К основополагающей преюбужденности негативной оценки евреев добавлялось к тому же вплетение еврейства в историю империи. Однозначно оно было привилеги-

рованно при Цезаре и Августе. Исповедование еврейской веры в полном объеме гарантировалось, охранялось соблюдение субботних заветов, по римскому праву еврейским общинам полагалась, хотя и ограниченная, гражданская юриспруденция для круга их представителей, более того, евреи были освобождены от военной службы, бедные евреи, обладающие римским гражданским правом, допускались к бесплатному распределению зерна.

Евреи, вне сомнений, извлекли пользу из благодарности Цезаря, который во время своего египетского похода в особенно критической ситуации получил поддержку от своих еврейских друзей Гиркана II и Антипатра. Они извлекли еще бóльшую пользу из дипломатического искусства Ирода Великого, который умел ладить с римскими властями и как клиентельный царь пользовался полным доверием Августа и Агриппы. Пусть евреи ненавидели и боялись жесткого и тиранического Ирода, для Рима он был незаменим как гарант спокойствия и порядка в Палестине.

Подобного надежного еврейского партнера *принцепсы* после Августа больше не нашли. Римские наместники видели хаотическую с их точки зрения борьбу различных религиозных групп, быстро меняющихся политических лидеров с ограниченным авторитетом. Ни представители династии Ирода, ни верховный жрец, ни Синедрион, совет старейшин Иерусалима, не могли гарантировать во время быстро следующих друг за другом кризисов сохранения договоренностей с Римом. Ни одна из еврейских группировок, ни фарисеи, которые считали себя хранителями существующих религиозных норм, ни саддукеи, которые приобрели большое влияние после смерти Ирода Великого, ни радикальные зелоты, собравшие в борьбе против Рима большое число приверженцев, ни изолированные группы не могли быть привлечены римской стороной в качестве поддержки господства. Если не считать

небольшого количества отдельных людей, которые из-за материальных интересов или оппортунизма перешли на сторону Рима, местникам не удалось найти основу для конструктивного сотрудничества и полностью интегрировать евреев в империю.

Кроме сумбурных событий в самом Иерусалиме, еврейско-римские отношения осложнились хроническими смутами в Александрии. Для Рима Египет и особенно Александрия из-за их основного значения для обеспечения столицы были особенно важными зонами системы господства. Обострение столкновений между греками и евреями в Александрии было вызвано не столько экономическим соперничеством, сколько постоянным приростом еврейского населения в городе. Во всяком случае ожесточенные битвы 38—41 гг. н. э. стояли в начале длинной цепи частично латентных, частично открытых напряженных отношений между греками и евреями, которые между 115 и 117 гг. н. э. вылились в уже упомянутую резню и еврейские погромы. Римские префекты часто одобряли позицию греков; и здесь евреи казались хроническими подстрекателями беспорядков.

Сам Клавдий, которого связывала личная дружба с внуком Ирода Великого Иродом Агриппой, вдоволь нагерпелся от тяжелых беспорядков между греками и евреями и от посольств александрийцев и евреев. Знаменитый «Лондонский папирус» содержит письмо, в котором идет речь о тех событиях в городе: «Что касается вопроса, кто из вас несет ответственность за восстание и вражду, я не склонен вынести определенный приговор, хотя ваши послы, особенно Дионисий, сын Феона, усердно защищали наше дело перед лицом ваших противников, и я должен сохранить свой неумолимый гнев против любой стороны, которая возобновит вражду. Но я говорю Вам, если вы не прекратите эту твердолобую постоянную вражду друг с другом, я буду вынужден показать, что может стать с

благожелательным принцепсом, если справедливый гнев охватит его душу. Поэтому я заклинаю еще раз вас, александрийцев, вести себя дружелюбно и мирно с евреями, которые много лет жили в этом городе, не оскорблять их при исполнении их религиозных обязанностей, а разрешить им соблюдение их обычаев, как это было во времена божественного Августа, и эти обычаи я подтверждаю после слушания обеих сторон.

Евреев же я прошу не стремиться к тому, что выходит за рамки того, что они до сих пор имели, и не посылать, как будто они живут в двух разных городах, две делегации, чего никогда раньше не случалось, а еще не вмешиваться в военно-спортивные игры гимназиархов и косметов (годовые чиновники, отвечавшие за образование юношей и проведение игр), но сделать полезным то, чем они владеют, и в городе, который не является их собственностью, наслаждаться изобилием благосостояния; также не приводить и не приглашать евреев, которые приплывают из Сирии и Египта; в противном случае я применю против них все средства, как против людей, которые будоражат весь мир. Если вы с обеих сторон прекратите такое поведение и будете готовы жить в обоюдном дружестве и терпимости, я со своей стороны хочу проявить заботу о городе, который издавна был связан дружескими узами с моим домом» (Перевод из книги Х. И. Белла «Евреи и греки в Римской Александрии». Лейпциг, 1926).

Решающим переломным моментом не только для истории Палестины, но еще больше для истории иудейской религии были разрушение храма и падение Иерусалима в 70 г. н. э. Тяжелые последствия имела не столько реорганизация провинции *Иудея* или положение Веспасианом «храмового налога», который, с одной стороны, распространялся на большой круг лиц, а с другой — сдавался храму Юпитера Капитолийского, сколько ликвидация религиозного центра Иерусалима.

Евреи Палестины в своих молитвах хранили память об историческом центре иудейской религии и после падения Иерусалима. Еще в конце 1 в. н. э. это звучало в 14-м благословении восемнадцатой молитвы, которая произносилась три раза в день: «Сжался, Яхве, наш бог, в твоём великом милосердии над Израилем, над твоим народом и Иерусалимом, твоим городом, и над Сионом, обителью твоего величия, и над твоим храмом, и над царством дома Давида, мессии твоей справедливости. Хвала тебе, Яхве, бог Давида, который построил Иерусалим» (Г. Л. Штрах — П. Биллербех «Комментарии к Новому Завету из Талмуда, 1928). Так как религиозный центр иудейской религии систематически разрушался и стали невозможными жертвоприношения и жреческие функции прежним способом, религиозная деятельность фактически переместилась в диаспоры.

Богослужениям в синагоге, как правило, не препятствовали. Для внутреннего же развития самой религии определяющим было то, что выжившие из иерусалимских культовых общин собрались в городе Ябне, южнее Яффы, и создали там новый верховный совет из 72 фарисейских книжников, «старейшин». В отличие от старого иерусалимского синедриона этот совет был полностью деполитизирован. Он занимался вопросами толкования и применения закона и приобрел быстро растущий авторитет. Благодаря таким раввинам, как Иоханан бен Саккан и Гамалиел II, его влияние все время увеличивалось. Установление и сохранность канона синагоги, создание новых греческих переводов и прежде всего не заканчивающееся толкование закона были основными задачами раввинов. Только они делали возможным утверждение иудейской религии в Римской империи и за ее пределами.

С такой точки зрения последствия взятия Иерусалима Титом были важнее последствий иудейских восстаний при Траяне и Адриане. Подробности введенного при Адриане

и вновь отмененного при Антонине Пие запрета на обрезание остаются неясными и поэтому оцениваются по-разному. Вполне вероятно, что запрещение Адриана было связано с его принципиальным непризнанием кастрации, которое он разделял с Домицианом и что его соответствующий запрет не был первично задуман как репрессивные меры против евреев. Однако здесь, как и в случае с планом постройки на месте Иерусалима нового города *Элия Капитолия*, не была учтена реакция еврейского населения.

Восстание Бар-Кохбы (132—135 гг. н. э.) привело, правда, к «освобождению Иерусалима» и к «освобождению Израиля», однако оно было потоплено в крови. По сравнению с многочисленными жертвами и с обращением в рабство большей части выживших, выглядело скорее символическим актом, что в ареале древнего Иерусалима была построена колония *Элия Капитолия* с храмом Юпитера Капитолийского и Венеры, с административными и репрезентативными зданиями, что евреям был запрещен доступ в город и что провинция в будущем стала называться *Палестина*. Завоевание высокомерных было исполнено здесь в устрашающей форме, однако иудейская религия не была искоренена.

Римско-иудейские столкновения с самого начала страдали недоразумениями, недостаточной информацией и особыми трудностями для принципиально политического государства понять сущность еврейской религии и еврейского менталитета. Глубоко укоренившаяся в Риме ненависть к евреям, их фанатизму и радикализму при ретроспективном взгляде так же понятна, как и озлобление римлян, которые именно с этим униженным со времен Тита народом не смогли найти *способа для мирного сосуществования*. Для безысходности римской политики по отношению к евреям характерно, что даже такой *принцепс*,

как Адриан, в конце концов смирился и предоставил событиям идти своим чередом.

После падения Иерусалима евреи внесли старые традиционные элементы в новые перспективы. Так, автор апокалипсиса Ездри связал с картиной Даниила о четырех мировых царствах, соотнес четвертое с Римом, который он идентифицировал с огромным орлом, против которого выступает в образе льва мессия: «Слушай, я говорю с тобой! Всевышний обращается к тебе; не ты ли остался из четырех зверей, которых я создал и через которых придет конец моему времени? Ты пришел четвертым и победил всех; поработил мир великим страхом, земной шар злым насилием; долгое время ты хитростью управлял вселенной, наводнил землю несправедливостью, мучил кротких и угнетал тихих, ненавидел честных и любил лжецов; разрушил города создателей и снес стены беззащитных. И поднялось к Всевышнему твое оскорбление и твое высокомерие. Поэтому ты должен исчезнуть, ты, орел... и вся земля найдет покой, и мир облегченно вздохнет от твоего насилия и будет ждать милосердного приговора своего творца» (Г. Фукс «Духовное сопротивление против Рима в античном мире». Берлин, 1938).

Другие картины выбрал в конце 1 в. н. э. один египетский еврей, который в 5-й книге «Сибиллинских пророчеств» вылил свою ненависть против Рима:

«С неба упадет в солнечный поток огромная звезда и сожжет глубокое море и сам Вавилон (Рим), и италийскую землю, из-за этого будут уничтожены многие чистые верующие евреи и правдивый народ. Плохое претерпишь ты среди плохих людей, но ты на все времена останешься покинутым... ненавидя свою землю, потому что ты стремишься к колдовству. Прелюбодеяния у тебя и запретное общение с мальчиками, ты, злой город, самый злополучный из всех. Горе тебе, нечестивый город латинской земли, ты, неистовый, змеиное отродье, как вдова ты будешь

сидеть на берегу, и течение Тибра будет тебя оплакивать, супругу, у которой кровожадное сердце и безбожный разум, ничто ты не признаешь, что создает бог, когда говоришь: «Я единственный, и ничто меня не разрушит». Однако тебя и всех твоих разрушит предвечный бог, и не останется от тебя больше никакого следа. Оставайся, беззаконный, один и, смешанный с пылающим огнем, отправляйся в Тартар, Гадеса».

Тогда как *Римский империи* удалось на других территориях, таких, как регион кельтско-лигурийского культа или религии друидов, разрушить по их пониманию бесчеловечные или политически опасные религиозные центры и интегрировать население в империю, то в Иудее все эти усилия потерпели крах. Они потерпели крах, потому что такая интеграция означала бы для еврейства самоотречение. Однако, несмотря на всю враждебность, презрение и недоверие со стороны римлян, иудейские синагоги смогли утвердиться в империи, пока снова не были подвержены гонениям Северов.

Этапы жизни Иисуса Христа в светской истории с самого начала подняли едва ли разрешимую проблему. Из известного отрывка из Евангелия: «В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле. Эта перепись была первая в правлении Квирина Сириею» (Ев. от Луки, 2, 1). Нельзя точно установить дату рождения Христа так же, как и из устных неточных и отрывочных сообщений о годе распятия. В любом случае достоверно, год рождения Иисуса и начало христианской эры не совпадают, так же достоверно, что казнь произошла при Понтии Пилате в 30 г. н. э.

Эти трудности возникают прежде всего из своеобразия христианской традиции. Датированные только 70 г. н. э. Евангелия апостолов Марка, Матфея и Луки и позже добавленное Евангелие от Иоанна ссылаются на более старые предания; они не ставили цель дать истори-

ческую биографию Христа. Для них было важным передать религиозную традицию и особенно перевести слова и иносказания Иисуса с аравийского, на котором он говорил, на греческий язык. И круги, для которых писали евангелисты, интересовались в первую очередь словами Господа, его чудесами и его муками, а не подробностями современной истории. Приверженцы Иисуса, жившие с сознанием относительно близкого возвращения их господина и относительно близкого конца света, внутренне давно оторвались от светской истории.

Работа плотника Иисуса из Назарета охватывала сначала только пограничные территории иерусалимской общины, области у озера Генезарет и на севере древних израильских поселений, а также район Тира. Деятельность Иисуса приобрела во всех отношениях новые размеры только со времени его триумфального вхождения в Иерусалим, когда восторженные массы увидели в нем предсказанного мессию. Однако Синедрион иерусалимской религиозной общины решительно выступил против него; он видел в нем опасного обманщика и нарушителя спокойствия. Поэтому Иисуса приговорили к смерти за богохульство.

На римского наместника Понтия Пилата было оказано большое давление, пока он не утвердил смертный приговор, и его привели в исполнение римские солдаты. Как бы сильно события вокруг Иисуса ни оживляли несколько дней Иерусалим и *Иудею*, Мартин Нот совершенно справедливо заметил: «Мировая история тогда не обратила на него никакого внимания» («История Израиля». Геттинген, 1959).

Это изменилось лишь тогда, когда раннехристианская община, несмотря на все преследования, стала твердо придерживаться веры в Иисуса в соответствии с его словами: «Если Меня гнали, будут гнать и вас; если Мое слово соблюдали, будут соблюдать и ваше» (Ев. от Иоанна, 15,

20). Первый мученик Стефан был убит не римлянами, а иудеями. Ситуация изменилась, когда римский гражданин Павел начал успешную миссионерскую деятельность среди иудеев, причем он не принуждал их ни к обрезанию, ни к соблюдению закона Моисея. На «Апостольском соборе» 48 года н. э. были устранены трения между так называемыми языческими и еврейскими миссионерскими организациями; христианская религия охватила после этого широкие круги.

Около 48 г. н. э. Павел совершил свое первое большое миссионерское путешествие на Кипр, в Памфилию, Писидию и Ликаонию. Между 50 и 52 гг. н. э. радиус его деятельности протянулся дальше: тогда он посетил Сирию, Киликию, Фригию, Галатию, Македонию и Грецию. Во время третьего миссионерского путешествия Павел через провинции *Азия* и *Македония* продвинулся до *Иллирика* и мог сказать о себе: «Силою знамений и чудес, силою Духа Божия, так что благовествование Христово распространено мною от Иерусалима и окрестности до Иллирика» (Послание к Римлянам, 15, 19). Павел полагал, что христианская вера должна быть возведена во всем мире; показательно, что он нашел свою смерть в столице империи.

По преданиям Павел являлся самым известным проповедником раннего христианства и вообще символом проповедничества. Но он был не единственным среди ранних проповедников, которые способствовали быстрому распространению христианства. Павел воспользовался не только своим римским гражданским правом, но и духовными столкновениями между фарисеями Иерусалима. Он использовал также свое ремесленническое умение палаточного мастера и в отличие от шарлатанов, странствующих проповедников и чудотворцев жил своим трудом, гордился тем, что не был обузой общине.

Как следствие миссионерской деятельности, центры тяжести христианской религии быстро переместились в

греко-сирийский и греко-малоазиатский регионы. Центрами стали Антония и Эфес. В насчитывающей около 800 000 жителей Антиохии с 32 г. н. э. существовала христианская община, в которой в соответствии со структурой населения преобладало «языческое христианство». В лице Игнатия, третьего епископа города, который называл себя епископом Сирии, община приобрела первого крупного предводителя, и в Антиохии получили от римлян название «христиане», как обозначение приверженцев Христа.

Из Антиохии были освоены периферийные районы Сирии: около 100 г. н. э. христиане уже были в Эдессе и Пальмире. Вплоть до 6 в. н. э. сохранилось значение города как цитадели христианской веры и проповедничества. Развитие христианства в Эфесе сначала было теснейшим образом связано тоже с деятельностью Павла, который жил там в 52 и в 54—57 гг. н. э. и рассылал оттуда свои послания к провинциям и общинам, а также христианам Галатии и Коринфа. Однако настоящий расцвет для этой общины наступил только с Иоанном. В Эфесе возникла самостоятельная и влиятельная христианская школа. Сам город в течение первых трех столетий являлся исходным пунктом и оплотом христианского миссионерства Малой Азии, однако его влияние распространялось вплоть до Запада империи. Так, в 177 г. н. э. религиозные общины в Лионе и Вьенне считали своей главной общину в Эфесе, а годом позже христиане Лиона выбрали своим епископом Иренея Эфесского, который писал по-гречески и проповедовал по-кельтски.

К югу от Палестины важнейшим центром христианства стала Александрия; с начала 2 в. н. э. в большом количестве появляются христианские папирусы. Александрия давала возможность для соприкосновения христианства с греческой философией и образованием, это наложило отпечаток на Клементя Александрийского и Оригена. На Востоке также христианство с ранних пор

распространилось за пределы границ империи, особенно в Абиадене. К началу 3 в. н. э. в районе Тигра известны около 20 епископств. Наоборот, проблематичной стала миссия апостола Фомы в Индию. Христиане в Индии засвидетельствованы только сообщением Индикоплевста Кузьмы около 530 г. н. э.

Совсем иначе протекало развитие на Западе империи. В самом Риме при Клавдии дело дошло до беспорядков, которые были вызваны проповеднической деятельностью еврейских христиан в синагогах. Как сообщает Светоний, этот *принципс* «иудеев, постоянно волнуемых Христом» (sic!), изгнал из Рима (Светоний «Клавдий», 25, 4. М.: «Наука», 1964). Тяжелее ударило по римской христианской общине преследование Нерона в 64 г. н. э. Подробности мученичества Петра и Павла в Риме спорны; первое письмо Клементя конца 1 в. н. э. тем не менее ясно показывает, с одной стороны, как глубоко было уважение к апостолам в Риме, а с другой, дает понять, что римская община претендовала на особый ранг. Памятник апостолам подтверждает их авторитет, правда, он был установлен гораздо позже.

Ранние христианские общины существовали в целом ряде италийских городов, на юге Прованса, на востоке и юго-востоке Испании, куда хотел отправиться еще Павел. Значительно плотнее была сеть раннехристианских общин в провинциях *Африка* и *Нумидия*, где быстро развилась христианская литература высокого класса. Для христиан вдохновляющим источником силы являлось распространение их веры. Евсевий позже писал: «... когда я гляжу на силу слова и на завершение трудов и на то, как много мириад убедили апостолы и как церкви собирают мириады людей и не в тайных, неизвестных местах, а в больших городах — я подразумеваю царственный Рим, Александрию, Антиохию и весь Египет, и Ливию, Европу и Азию, я вынужден признать, что это могло осуществить-

ся только с помощью божественной силы» (Евсевий «*Теофания*», V, 49).

Параллельно с расширением радиуса христианских проповеднических миссий изменился социальный состав христианских общин. Вне сомнений, среди приверженцев Иисуса в Палестине преобладали представители низших слоев: мелкие крестьяне, рыбаки, ремесленники, поденщики. Еще Павел писал в Послании к Коринфянам: «Посмотрите, братья, кто вы призванные: не много ли из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных. Но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильнее; и незнатных мира и ничего не знающих избрал Бог, чтобы упразднить значащее, — для того, чтобы никакая плоть не хвалилась перед Богом» (1, 26—29).

Как уже было упомянуто ранее, противники христиан не переставали клеймить социальную неполноценность приверженцев новой религии, чтобы дискредитировать их с этой стороны. В рядах ранних христиан основу общин действительно составляли женщины и мужчины из низших слоев, а также рабы и вольноотпущенники. Но скоро к общинам присоединились торговцы и представители средних слоев, как это было в случае с продавщицей пурпура Лидией из Филипп, весь ее дом с прислугой. Приблизительно с середины 2 в. н. э. к христианству принадлежали представители греческой и латинской образованной буржуазии, тогда как представители верхних слоев империи в доконстантиновское время встречались очень редко.

Ранняя община жила в ожидании дня Страшного Суда, исключительно углубившись в свою веру. Только во второй фазе ее истории, в фазе интеграции, проблемы церковной организации приобрели относительное, но всегда подчиненное значение. Тогда не существовало единой общинной структуры; она зависела, как правило, от мест-

ных предпосылок. Во главе отдельных общин стояла сначала коллегия старейшин, пресвитеров, из которых позже стал выбираться *епископ*. Активная забота о спасении души доверялась дьяконам, однако сначала любой верующий христианин мог выполнить священническую функцию. Только со 2 в. н. э. более старые структуры вытеснило более строгое монархическое руководство. 2 в. н. э. принес тогда первые попытки упорядочения общин, а также новые импульсы к унификации религиозного вероисповедания.

Как и еврейство, христианство долгое время сталкивалось с серьезными предубеждениями, недоразумениями и клеветой. Уже приблизительно в 200 г. н. э. Муниций Феликс в своем диалоге «Октавий» вложил в уста своего собеседника Цецилия следующие суждения, которые очевидно соответствовали широко распространенным взглядам на христианство: «Из самых низших подонков собрались там невежды и легковверные женщины, которые из-за подверженности чужому влиянию, свойственной их полу, и без того попадают на любую удочку; они образуют общую банду заговорщиков, которая братается не только при празднествах с постом и недостойной человека пищи, но и в преступлениях; подозрительное, светобоязненное общество, немое на людях и болтливое по углам; они пренебрегают храмами, как будто они могильщики, плюют перед изображениями богов, высмеивают священные жертвоприношения; глядят свысока — можно ли вообще об этом упоминать? — и с сожалением на наших жрецов; сами полуголые, они презирают должности и звания. О, эта невообразимая глупость, о, эта безграничная наглость! Они считают нынешние пытки ничем, потому что боятся неизвестных будущих; потому что боятся умереть после смерти, а сейчас умереть не боятся. Ложная надежда на воскрешение утешает их и лишает всякого страха.

И так как зло всегда особенно пышно произрастает, день ото дня распространяется это бесчинство по всей земле, множатся отвратительные культовые места этой богопротивной секты.

По тайным знакам и признакам они узнают друг друга и любят друг друга, прежде чем познакомятся. Все без исключения совершают они род ритуала любви; они называют друг друга братьями и сестрами, так что у них обычный разврат благодаря употреблению этого святого слова становится инцестом. Так их бессмысленное и бессодержательное суеверие хвастается своими преступлениями» (М. Минуций Феликс *«Октавий»*, 8, 4—9, 2).

Ввиду тесного переплетения римской политики и религии был, правда, еще и другой козырь, разыгранный против христианства староверческой стороной. Боги римского Пантеона проявили свою превосходящую силу не в последнюю очередь в том, что они дали римлянам господство над столь многочисленными народами.

Этот критерий успеха использовал во 2 в. н. э. платоник Цельс в своей известной благодаря Оригену полемике против христиан: «Не будете же вы ждать, что римляне в угоду вашей вере отрекутся от своих религиозных и политических традиций и будут умолять вашего бога, Всевышнего, или как там вы его называете, чтобы он спустился с неба и боролся за них, как будто они не нуждаются в другой помощи. Ведь тот же самый бог, как вы сами говорите, еще раньше пообещал своим верующим то же самое и даже еще большее. Теперь вы видите, какую услугу он оказал евреям и вам: евреи вместо ожидаемой мировой империи не имеют даже горстки земли и очага; и некоторые из вас слоняются еще вокруг, но их схватят и поведут на смерть» (Ориген *«Речь против Цельса»*, 8, 69).

Если христианские авторы поздней античности ретроспективно рассматривали отношения между *Римской им-*

перией и христианством, то для них исторический процесс до Константина определялся цепью гонений. Начиная с Евсевия и Иеронима, возник канон десяти гонений, которые отождествлялись с десятью египетскими муками, канон, который на долгое время формировал христианское понимание истории. Причем местным преследованиям отдельных христиан (при Домициане) придавалось такое же значение, как и большим систематическим гонениям (во времена Деция и Диоклетиана), исторические связи разрывались, неопределенное и часто только предполагаемое возводилось в ранг очевидных фактов. Прежде всего поведение римского государства персонифицировалось и считалось следствием решений различных *принцепсов*.

На самом же деле столкновения между *Римской империей* и христианством происходили на трех разных уровнях администрации: сначала на уровне городов и их самоуправления, потом на уровне наместников в провинциях, которые вмещивались только тогда, когда имелось обвинение, и наконец, на уровне самого *принцепса*. На низшем уровне, по свидетельству истории апостолов, еще миссионерская деятельность Павла вызывала целую цепь беспорядков в греческих городах, в римских колониях и, наконец, в Иерусалиме. Еще тогда было понятно, что городские власти по требованию еврейских и нееврейских горожан принимали решительные меры против христианских миссионеров, которые являлись угрозой для общественного порядка. Тем не менее здесь прослеживается достаточно много попыток успокоения натравленных народных масс со стороны чиновников, как и сдержанность наместника *Ахаи*, который отказался в Коринфе принять жалобу тамошних евреев, потому что считал, что речь шла о чисто внутриврейских вопросах веры.

Хотя и существовало много предубеждений против христиан, как правило, ни городские магистраты, ни про-

винциальные наместники не настаивали на проведении многочисленных процессов против христиан. К тому же их постоянно донимали заявлениями и обоснованными жалобами, они достаточно часто шарахались от вмешательства в незнакомый для них культ, вместо этого старались успокоить и дать возможность обвиняемым оправдаться. Большая опасность угрожала христианам не из-за религиозных убеждений, а потому, что принадлежность к христианству сама по себе — из-за политизированности и казни основателя религии со времен Нерона — при публичном признании обвиняемого или при его однозначном изболтывании каралась смертной казнью.

Проблема, возникающая на практике перед римской администрацией из-за заявлений на христиан, известна прежде всего из переписки Плиния Младшего с Траяном. Во время своей деятельности в Вифинии и *Понте* Плиний в 3 в. н. э. столкнулся с христианским вопросом. Так как до этого он никогда не участвовал в судебных следствиях против христиан, то был не в курсе, за что и в каком объеме нужно наказывать. Поэтому обратился к Траяну («*Письма*», X, 96), чтобы получить от него недвусмысленные указания. Особенно Плиний был не уверен, нужно ли обращать внимание на возраст обвиняемых, учитывается ли при помиловании раскаяние, наконец, «...человеку, который был христианином, отречение не поможет, и следует наказывать само имя, даже при отсутствии преступления, или же преступления, связанные с именем» (т. е. ритуальные. — X, 96).

Прежде всего Плиний был против тех, кто доносил ему на христиан за их веру:

«Я спрашивал их, христиане ли они. Если они признавались в этом, я спрашивал еще раз и в третий раз и угрожал смертью; если они упорствовали, я приказывал отвести их на казнь. Так как я не сомневался, что в любом случае они должны быть наказаны за свое упорство и свое

несгибаемое упрямство». Римских граждан этой категории отсылали в Рим.

Бóльшие трудности возникали перед Плинием, когда он занимался анонимными доносами, так как некоторые из обвиняемых отрицали, что они вообще были христианами, другие признавались, что были ими в прошлом, и подчеркивали, что давно отреклись. Плиний их отпускал, «если они по моему требованию взывали к богам и твоему изображению, которое я приказал внести вместе со статуями богов, совершали жертвоприношения с ладаном и вином и чернили Христа, то есть ко всем вещам, к которым никто не может принудить того, кто настоящий христианин».

В связи с этими расследованиями Плиний был информирован об отрекшихся христианах и о форме и деятельности христианских общин. Он считал эту информацию настолько важной, что сообщал ее Траяну. «Вина» или заблуждение тех бывших христиан состояла в том, что «они собирались обычно в определенный день перед восходом солнца, пели хвалу Христу, как своему богу, и связывали себя клятвой не совершать воровства, разбоя, прелюбодеяния, не злоупотреблять доверием, не отказываться отдавать по требованию доверенное имущество. После исполнения этих действий у них принято расходиться и снова собираться на трапезу, совершенно обычную и безобидную; даже это они по моему указу прекратили, когда я в соответствии с твоим распоряжением запретил существование гетер».

Эти познания показали Плинию столь важными, что он проверил правдивость показаний двух дьяконисс, вырванных под пыткой. Он констатировал: «Я ничего не нашел, кроме безгранично пагубного ложного убеждения». обстоятельное обсуждение всех обстоятельств казалось ему необходимым прежде всего по причине большого числа подвергающихся опасности: «Много людей любого

возраста, любого сословия, даже обоих полов подвергались подобным расследованиям или будут еще подвержены. Не только в городах, но и в деревни проникла эта заразная ложная вера; однако кажется, что это можно сдерживать и привести в порядок. По меньшей мере ясно, что они посещают снова ранее опустевшие храмы, приносят правильные жертвоприношения, которые долгое время не приносились, что повсюду продается мясо жертвенных животных, на которое, правда, редко находится покупатель. Судя по этому, легко можно представить, сколько людей может быть приведено на путь истинный, если оставить им возможность к раскаянию и исправлению».

Траян на это ответил: «Расследование, мой дорогой Плиний, которое ты провел при проверке заявлений против христиан, производит хорошее впечатление. Их не нужно разыскивать; если же на них заявили или поймали на месте преступления, они должны быть наказаны, однако если кто-то отрицает, что он христианин и доказывает это делом, то есть жертвоприношением нашим богам показывает свое раскаяние и исправление, он должен быть вне подозрений. Анонимные заявления при любом обвинении не могут приниматься во внимание. Так как это был бы пагубный пример и недостойный нашему времени».

Как доказывает запрос Плиния и ответ Траяна, оба ни в коем случае не думали о систематическом подавлении христианства. Для обоих первоочередной целью была реинтеграция христиан в римское общество. С другой же стороны, жертвоприношения богам превратились в доказательство религиозной и политической солидарности. В этом проявилась непоследовательность политики римского государства по отношению к христианам: преступление, которое по заявлению должно было караться смертью, вообще активно не преследовалось, и можно было очиститься от этого преступления несколькими жертвоприно-

шениями. К тому же такая практика предполагала отклонение от древней религиозной терпимости, когда жертвы фактически принуждались. Христианская апологетика без устали указывала на эти противоречия, и поэтому понятно, что даже сам Траян в рамках исторической интерпретации христианства получил очень неоднородную оценку. Переписка с Плинием приводилась как вещественное доказательство преследования христиан, а он сам, например, у Евсевия, считался преследователем. С другой стороны, церковь не забыла *да не судимы будете*, и так в середине века родилась легенда, что Траян при посредничестве папы Григория I (590—604 гг.) без крещения вознесся на небо, легенда, которую упоминает Данте, и по поводу которой Фома Аквинский предпринял теологическое оправдание.

То, что траяновскими директивами фактически были предвосхищены основные черты римского поведения, показывает Евсевий в церковной истории, где передает рескрипт Адриана наместнику провинции Азия. Адриан в определенном смысле уточняет нормативы Траяна тем, что общим обвинениям в сумбурной форме не нужно давать ход и что процесс против подозреваемого в принадлежности к христианству может быть открыт только тогда, когда обвинитель по всей форме перед открытым судом выдвинет свои обвинения. При ложных заявлениях доносчик подлежит наказанию. Рескрипт Адриана одновременно указывает то направление, в котором заложены основы для неоднородности римских действий: это была оглядка на настроение староверческих масс.

Тяжелый кризис империи при Марке Аврелии показал это особенно наглядно: тогда как отдельные мученичества, такие, как старого епископа Поликарпа из Смирны, приходились на начальную стадию этого принципата, ситуация для христиан драматически обострилась во время второй половины правления. Снова внешняя опас-

ность, войны, политические неудачи, чума и другие катастрофы этого времени считались причинным следствием пренебрежения к старой религии и, не в последнюю, деятельности христиан. Так, в 177 г. н. э. в Лугдуне население потребовало казни христиан. Когда некоторые обвиняемые под пытками признались в приписываемых христианам жестокости и бесчеловечности, таких, как детоубийство и пожирание человеческого мяса, ожесточение масс достигло предела. Обвиненные галльские христиане нашли смерть в застенках и на арене.

Ввиду значения, которое имели мученичество и почитание мучеников для утверждения и распространения христианства, нужно вспомнить о том, что еще Тертуллиан в своем написанном в 197 г. н. э. «Апологетике» правильно оценивал воздействие мученичества и торжествующе закончил свое произведение: «Вы, добрые заместники, кажетесь намного лучше народу, если приносите ему в жертву христиан; распинайте, пытайте, осуждайте нас, уничтожайте — ваша несправедливость есть доказательство нашей невиновности! Бог позволяет, чтобы мы все это претерпели. Совсем недавно, когда вы христианку предпочли отправить в бордель, а не на арену, вы ответили, что потеря девственности для нас ужаснее, чем любое наказание и смерть. Однако ваша изощренная жестокость не помогает: она скорее приманка для нашей общины. Мы только будем многочисленнее от того, что вы будете нас уничтожать: семена — это кровь христиан. Много есть среди вас тех, кто призывает к стойкому перенесению боли и смерти, как когда-то Цицерон в Тускуланских беседах, как Сенека в произведении о случайностях, как Диоген, Пиррон, Каливик; однако их слова нашли не столько учеников, как христиане, которые учат поступками. То упорство, в котором вы нас упрекаете, и есть урок. Ибо кто при его виде не попытается выяснить, в чем заключается суть дела? Если это выяснено, кто не присоединится к

нему, не захочет страдать, чтобы заслужить Божию милость, чтобы получить от него прощение ценой собственной крови? Ибо все грехи прощаются за этот поступок. Поэтому мы здесь, на этом месте, благодарим за ваш приговор. Вражда отделяет божественное от человеческого; если вы нас осудите, мы будем оправданы Богом».

Представление о мученике в современном понимании как об убитом за веру страдальце, стремление к мученичеству и, наконец, особое положение мученика и его почитание, не были распространены в начале раннего христианства. С понятием «мученик» в Новом Завете не было прямо связано мученичество как таковое; у Павла акцент поставлен не на одноразовую искупительную жертву за веру, а на постоянную неутомимую работу всей жизни. Свидетельством истинной веры всегда являлась готовность пострадать за веру. С середины 2 в. н. э. к этому присоединилось желание приравнять собственное страдание к поведению и смерти Христа, как это видно в сообщении о мученичестве Поликарпа.

Теологическое понимание мученичества в ранней христианской церкви было многогранным. Тем не менее все эти позиции по своему значению не достигли силы христианского поверья. Для него мученичество было кровавым крещением, которое влекло за собой не только прощение всех грехов, но и обеспечивало как бы привилегированное место на небе, представление, которое вызвало стремление к мученичеству.

Самые ранние признаки почитания мучеников, как это доказывает мученичество Поликарпа, возникли спонтанно. Члены общины собрали его останки; было решено отмечать ежегодно день его смерти, как его небесный день рождения. Этим и другие мученики также укоренились в христианской литургии, уже в 3 в. н. э. в годовщину мученика читалась история его страданий, *страсти*. У могил мучеников в конце концов начали совершаться служ-

бы в их память и поминальные трапезы, останки укладывались в алтари.

Сообщения о мучениках скоро начали появляться в различнейших литературных формах. Наряду с эпистолярной формой, как, например, в письмах церкви Смирны к церкви Филомелиона о мученичестве Поликарпа или в письме общин Лиона и Вьенны к общинам Эфеса о гонении 177 г. н. э., существовали так называемые мученические акты, *страсти*, которые представляли собой сообщения современников или очевидцев. В более позднее время к ним добавились легенды, в основе которых лежало часто скудное, а иногда и вообще никакое подлинное историческое содержание.

Значение мученичества для истории раннего христианства подчеркнул особенно Якоб Буркхардт: «Христианство среди всех религий является, возможно, той религией, которая наиболее сильно сохранила в памяти свое собственное распространение благодаря культу, который она посвящала своим приверженцам и мученикам. Буддизм почитает только реликвии самого Будды и не хранит воспоминания о своих отдельных распространителях, потому что там все индивидуальное несущественно. Христианство, наоборот, серьезно воспринимает сохранение памяти об отдельных индивидах, прославляет своих посланцев и переносит на их реликвии и могилы большую часть своего культа и своей божественной идеи... Христианство в значительной степени живет тем, кто умер за его вероисповедание: оно полностью превратилось в религию мучеников в отличие от религий древности, которые вокруг своих приверженцев не поднимают никакого шума, а своих первоначальных распространителей рассматривают только мифологически... Гонения императоров сделали так, что христианство во всей империи имело «классическую почву» под ногами» («Исторические фрагменты»).

Несмотря на казнь Христа римлянами и несмотря на

мучеников, отношение раннего христианства к Римской империи было очень неоднородным, как и отношение еврейства. В доконстантиновское время резко противостояли друг другу позитивные и негативные взгляды. При этом неправильно или, по крайней мере сомнительно, из отдельных фраз Нового Завета или из других раннехристианских источников делать выводы о единой и принципиальной линии. Это относится также к знаменитой формулировке Павла в его «Послании к Римлянам»: «Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены» (13, 1).

По большей части с империей примирились и признали ее ниспосланные провидением функции для распространения христианства: «В дни Иисуса зародились справедливость и мир: они начались с его рождением. Бог обогатил народы своим учением и сделал так, что языческий император правит всем миром; не должно быть многочисленных империй, иначе все народы были бы чужими друг другу, и исполнение поручения Христа, которое он дал апостолам: «Идите и учите народы», стало бы труднее» (Ориген *«Речь против Цельса»*, II, 30).

К позитивной оценке Римской империи присоединилась параллелизация римской истории и христианства, которая исходила из одновременности рождения Христа и правления Августа. В связи с такими представлениями Мелитон Сардский описал для Марка Аврелия достижения и значение христианства для империи следующими словами: «Эта наша философия — так обозначает Мелитон христианскую религию по сравнению со стоическими философами — была сначала заимствована у чужого народа. Когда после этого при могущественном правлении твоего предшественника Августа начала цвести в провинциях твоей империи, она принесла твоей империи богатое благословение. Так как с этого времени Римская Империя

усилила свое величие и блеск... Убедительным доказательством того, что наша религия расцвела одновременно со счастливо начавшейся монархией ей во благо, служит то обстоятельство, что ее со времени правления Августа не коснулись никакие несчастья, а наоборот, по всеобщему желанию преумножила свой блеск и славу» (Мелитон в «Истории церкви» Евсения, IV, 26).

К этим голосам добавился тот факт, что в христианских церквях с ранних пор молились за правителя. Одна из старинных молитв передана в 1-м письме Клементя: «Дай нам, Боже, чтобы мы были послушны твоему всемогущему имени; а также нашим правителям и начальникам на земле! Господи, ты дал им неописанную и возвышенную власть, чтобы мы признали данное им тобой величие и поднялись к ним. Дай им, Господи, здоровья, мира, согласия, постоянства, чтобы они безупречно осуществляли данное им тобой владычество. Ведь ты, небесный царь, даешь детям человеческим величие, честь и силу над тем, что есть на земле; ты направляешь их волю на то, что хорошо и благосклонно перед тобой, чтобы они в мире и милосердии исполняли данную им тобой власть и стали сопричастными с твоей милостью».

Однако бок о бок с этими позитивными настроениями с ранних пор проявились и другие. Наряду с Откровениями Иоанна к началу 3 в. н. э. обозначился противоположный полюс у Ипполита, который изобразил империю как плагиат Церкви: «В 12 г. Господь родился при императоре Августе, от которого развилась империя римлян, Господь же через апостолов всех наций и языков создал верующий народ христиан, народ Божий и народ тех, кто носит в сердцах новое имя — так империя, в которой царил «сила сатаны» начала подражать этому и собрала из всех народов самых благородных и подготовила их к ссоре, назвав римлянами. И поэтому, когда родился в Вифлееме Господь, была первая перепись, чтобы люди этого

мира, приписанные к земному царю, назывались римлянами, которые ненавидели верующих в небесного царя христиан, носящих на челе знак победы над смертью» («Против Даниила», IV, 9).

Хотя конструкция Ипполита стоит изолированно, она тем не менее показывает, что отношение христиан к Римской империи не было однозначным. На рубеже 2 и 3 вв. н. э. с обеих сторон были возможны как компромиссы, так и категорическая враждебность. Становилось понятным, что политика реинтеграции Плиния и Траяна потерпела крах, а тем самым и прежняя политика империи в отношении христиан.

Кризис империи

3 в. н. э.

Римская империя при Северах (193—235 гг. н. э.)

Как показывает ход более поздних событий, в конце правления Коммода образовались различные очаги восстания. Дворцовый заговор, жертвой которого пал *принцепс* 31 декабря 192 г. н. э., опережал в своей основе другие планы с такой же целью. Заговорщики после успеха своего покушения ночью склонили городского префекта П. Гельвия Пертинакса принять принципат, причем очень сомнительно, что они отдавали себе отчет о последствиях этого назначения. Пертинакс быстро добился признания от двух региональных сил Рима — преторианцев и сената. Преторианцев потому, что они были застигнуты врасплох событиями и не могли выдвинуть собственного кандидата и сначала были подкуплены подарком в 12 000 сестерциев на каждого. Между тем скоро выяснилось, что новый правитель не собирается идти на уступки гвардии. Гвардейцев совсем не обрадовал девиз шестидесятишестилетнего принцепса «*Будем же служить!*»

Гораздо раньше с новым принцепсом, личность и карьера которого давали надежду на корректную и честную политику в духе Антонинов, смирился сенат. Пертинакс, происходивший из италийской семьи, после военной службы и всаднической карьеры был принят в сенат, и в тяжелейших ситуациях твердой рукой усмирил бунты в Британии и Африке. К тому же Пертинакс был

полностью предан сенату, он даже, видимо, подумывал передать власть самому уважаемому сенатору Ацилию Глабриону. По своему поведению и строгости Пертинакс напоминал Гальбу, представителя консервативных сил первого года четырех императоров. Но как тогда, так и теперь компромиссный дисциплинирующий курс был обречен на неудачу.

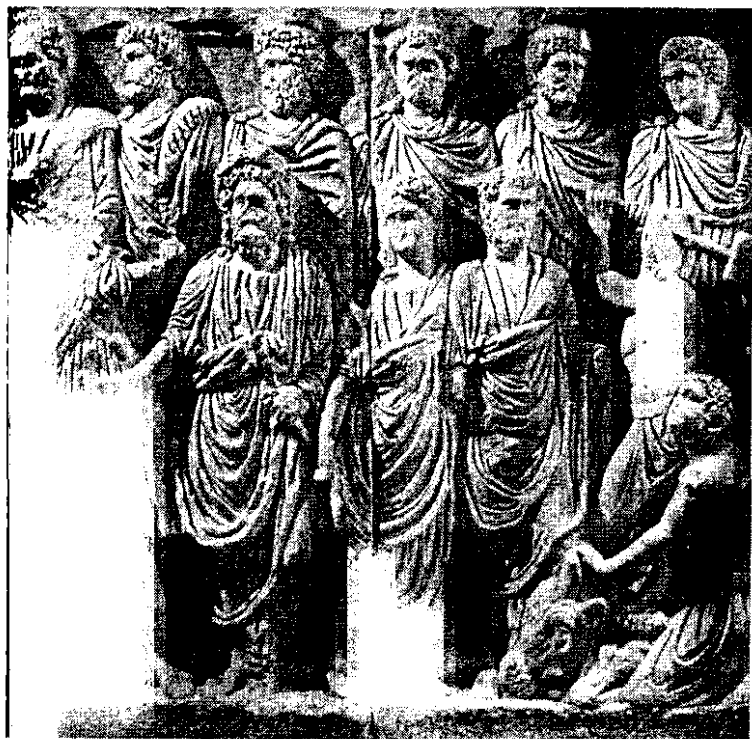

Рис. 48. Арка Северов (фрагмент), Лепта Магна

Из короткого времени его правления известно мало конкретных мер. Они позволяют понять, что новый правитель решил устранить экономический кризис решитель-

ным вмешательством. Прежде всего кажется, что он задумал интенсификацию внутренней колонизации и льготные условия для торговли, но эффективными его планы стать не могли. Именно тесная связь со старым и по существу пережившим себя авторитетом сената была смертельной ошибкой Пертинакса. Единственная реальная власть в Риме, преторианум, чувствовала, что *принцепс* бросил ей вызов; коррумпированной шайке новый повелитель быстро наскучил. 28 марта его убили, видимо, в аффекте, потому что и на этот раз гвардия никого не предназначила в наследники.

Дело дошло до одной из отвратительнейших сцен, которые когда-либо видел город, к продаже с аукциона принципата тому из двух претендентов, который предложит наивысшую цену. За 25 000 сестерциев на каждого, то есть в два раза больше, чем три месяца тому назад заплатил Пертинакс, богатый сенатор смог купить и титул, и дворец. Своим предложением наивысшей цены он смог победить соперника, нового городского префекта Флавия Сульпициана и получить покорное согласие сената, но больше ничего. Римский плебс повел себя сдержанно и с отвращением.

Теперь не были заодно и пограничные войска, которые и на этот раз снова были политически переиграны. Одна за другой три большие войсковые группировки в Сирии, на Дунае и в Британии выдвинули своих кандидатов, сирийская армия Песценния Нигра, дунайская Септимия Севера, легионы в Британии Клодия Альбина. Базы тех силовых групп возникли не случайно, не случайно они были идентичны большим территориям восстания 68 г. н. э., когда Вителлий опирался на рейнскую армию, Веспасиан — на сирийское и дунайское войско, и не случайно они были отправными точками многих узурпаций 3 в. и последующего времени. В них вырисовывались три исто-

рические и географические единицы, окружающие Империю: кельтско-римская на Западе, иллирийско-фракийская на Дунае и эллинистическая на Востоке.

При всех сравнениях с положением в 68 г. н. э. нужно учитывать, однако, некоторую разницу и новое развитие. Важнейшие изменения с соотношением сил затронули Дунайское войско со времени Маркоманнских войн. Оно стояло на первом месте не только по численности (12 легионов), но и по рангу и значению. К этому нужно добавить, что оно по причине преобладающего регионального набора в легион было тесно связано с провинциями у себя в тылу. Наоборот, рейнская армия между тем стала армией второстепенных военных действий. Четыре легиона се обеих провинций вели себя сначала выжидательно. Инициативу на севере Империи взяла на себя британская группа войск. В отличие от относительного спокойствия на всем рейнском фронте, битвы на севере Британии никогда не прекращались, и само войско в последнее десятилетие вызывало о себе неприятные воспоминания из-за неоднократных бунтов. Оно было не только испытанным в сражениях, но и полным решимости отстаивать свои собственные интересы.

Нельзя недооценивать, наконец, силы Востока. Блок малоазиатских, сирийских провинций и Египта имел девять легионов и практически неограниченные вспомогательные средства. В лице Песценция Нигра, вышедшего из италийского всаднического сословия, сирийская армия выставяла кандидата, который пользовался симпатией в Риме. По своему происхождению он не был представителем объединенных в его группе войск сил, так же как и Септимий Север — в дунайском войске.

Однако уже в начальной стадии проявилось политическое превосходство Септимия Севера. Он понимал, что имя Пертинакса было сейчас сигналом двойного значе-

ния. Для Рима он воплощал надежду на как бы конституционное и прогрессивное правление, для дунайской армии был мотивом для мести за убийство человека, который оставил о себе добрую память у дунайских легионов. Септимий Север очень ловко привлек иллирийские силы на свою сторону.

Прежде чем Дидий Юлиан в Риме получил надежные сведения, Север в середине апреля выступил из Карнунта. В его быстром, стремительном продвижении, казалось, повторились наступления флавиевского полководца Антония Прима в 69 г. н. э. Во главе своих войск в форсированном темпе Север шел на Рим. Через Эмону и Аквилею, не столкнувшись с сопротивлением, он достиг Равенны. Там к нему перешел флот. Между тем Дидий Юлиан в столице довольствовался бессмысленными оборонительными распоряжениями, которые к тому же выполнялись с большой неохотой. Перед дворцом на Палантине воздвигли баррикады и одновременно объявили Септимия Севера врагом государства.

Тогда как Дидий Юлиан тщетно старался спасти то, что нельзя было спасти, Септимий Север решил избежать негирского кровопролития. Учитывая продвигающуюся армию Севера, сенат и преторианцы откололись от Дидия Юлиана. Сенат приговорил его к смерти и признал Севера *принцепсом*, ловким шахматным ходом была выведена из игры гвардия. Север сначала пообещал ей прощение, в случае, если она выдаст убийцу Пертинакса; когда это произошло, новый правитель вызвал преторианцев в парадной форме за ворота города, приказал их там разоружить и расформировал это войсковое соединение. Одновременно их лагерь, настоящая цитадель Рима того времени, был занят передовыми отрядами дунайского войска. В начале июня 193 г. н. э. Север вошел в Рим, Дидий Юлиан еще до этого был убит.

В лице Септимия Севера Африка получила своего первого правителя. Какую чудовищность означала африканская пуническая династия для римского восприятия, можно понять. Столкновения с пуническими силами, с Карфагеном, когда-то довели Римскую Республику до грани уничтожения, и Рим ответил на это уничтожением противника, полным разрушением города в 146 г. до н. э. и торжественными проклятиями его земли. К возникшей потом провинции *Африка* относятся знаменитые слова Моммечена, что римляне водворились там «не для того, чтобы пробудить новую жизнь, а чтобы стеречь трупы» («*Римская история*». Берлин, 1885, 623). Несмотря на сражения Югуртинской и гражданской войны и на успешные восстания при раннем принципате, которые были связаны с именем Такфарината, африканский регион в политике Империи отошел на задний план по сравнению с Германией, дунайскими провинциями и Сирией. До Севера единственным правителем, посетившим Африку, был Адриан.

Но среди этого политического затишья римская Северная Африка пережила стремительный экономический подъем и стала житницей и масляным резервуаром Империи. Параллельно с этим возросло влияние провинции и на другие регионы. В лице Фронтона, воспитателя Марка Аврелия, и Апулея, одного из крупнейших литературных дарований 2 в. н. э., начался расцвет африканской литературы, которая развивалась еще два столетия, дав такие имена, как Тертуллиан, Минуций Феликс, Лактанций и Августин.

Семья Северов происходила из Лепты Магны, одной из больших пунийских факторий на триполитанском побережье. Она была из тех состоятельных купеческих семей, которые сколотили себе состояние, торгуя с соседскими племенами, и наилучшим образом воспользовались

экономическим процветанием принципата. Лепта Магна была возведена Траяном в ранг колонии, но Северам еще до этого удалось подняться до римского всаднического сословия. Уже в начале 2 в. н. э. член семьи был в Риме авторитетным адвокатом, и за два поколения до Септимия Севера другие представители семьи получили консульство.

Луций Септимий Север, родившийся 11.4.145 г. н. э. в Лепте Магне, рос сначала в своем родном городе. В возрасте 20 лет он прибыл в Рим, где при протекции своих родственников быстро сделал карьеру. Сначала он был квестором в *Бетике* и на Сардинии, в 175 г. н. э. в качестве легата проконсула провинции *Африка* он вернулся на родину. Как большинство его честолюбивых товарищей по сословию из провинции, Септимий Север изо всех сил старался стать полноценным римлянином и жить, как римлянин. Для этого едва ли какая сцена является более типичной, чем тот эпизод, который сообщает «Жизнеописание Севера» по случаю его официального возвращения в Африку. Когда его обнял простой земляк, принадлежащий только к *плебсу*, Септимий Север приказал его высечь и запретил плебеям подобную фамильярность.

После своей административной службы в Северной Африке Север исполнял должность легата легиона; после смерти Марка Аврелия в его карьере наступил перерыв. Только в 187—188 гг. н. э. он стал наместником Лугдуна, с 191 г. н. э. командовал как легат Верхней Паннонией дислоцированными там тремя легионами и с этого места начал борьбу за власть.

После свержения Дидия Юлиана Септимий Север летом 193 г. н. э. провел в Риме только один месяц. Пертинакс был обожествлен, и ему устроили пышные похороны. Играми и подарками новый правитель выразил свою благодарность римскому народу. Так же и по отно-

шению к сенату он попытался сохранить правила приличия, хотя не строил никаких иллюзий по поводу того, что большая часть сенаторов отвергала его или относилась сдержанно. В политическом заявлении по основным вопросам Септимий Север подтвердил руководящие принципы Пертинакса и Марка Аврелия и возобновил прежнюю привилегию сената, по которой ни один сенатор не мог быть приговорен к смерти, прежде чем сам сенат не рассмотрит это дело.

Очень тяжелые последствия имела другая мера, которую предпринял тогда Север. Он распустил после разоружения преторианскую гвардию, которая состояла почти полностью из италиков и небольшой части римских граждан из Испании, Македонии и *Норила*, и заменил ее новым формированием, численностью вдвое больше, то есть в 15 000 человек. Эта новая гвардия была вновь сформирована не из личного состава всего войска, как сообщает Кассий Дион, а из представителей дунайской армии. И здесь не были приняты во внимание последствия этой реорганизации. Внешне иллирийские войска занимали ключевые позиции власти в Риме, а на самом деле — гораздо больше. Так как их функции ограничивались рамками римского войска, преторианская гвардия одновременно была своего рода военной школой римской армии. Из нее вышли центурионы и штабные офицеры, иллирийские генералы и императоры 3 в. н. э.

Несмотря на быструю победу над Дидием Юлианом, Септимию Северу предстояли решающие столкновения. Во Фракии и на морских границах начались тяжелые сражения против сторонников Песцения Нигра, которому симпатизировали многие даже в Риме. Северу нужно было обезопасить африканские провинции, и он попытался нейтрализовать по крайней мере Египет, чтобы не подвергать риску обеспечение Италии зерном. Наконец, ему нуж-

но было вывести из игры британского соперника Клодия Альбина, конкурента, который, что характерно, тоже происходил из Северной Африки, из Гадрумета; он располагал, правда, только тремя боеспособными легионами, но, с другой стороны, и многочисленными вспомогательными войсками. Быстро и уверенно Септимий Север взял в свои руки инициативу во всех этих зонах опасности. Большим успехом было то, что он сумел успокоить Клодия Альбина, произведя его в Цезари.

Важнейшие решения тем временем нужно было принимать в районе морских границ и в Малой Азии. Римские военные соединения дунайской армии заблаговременно продвинулись на юго-восток, сам Септимий Север после одномесячного пребывания в Риме направился на Восток, перед Перинфом наступление легатов Нигра захлебнулось, Византий был окружен войсками дунайской армии, однако взять они его не смогли. После тяжелых сражений у Кизика и Никеи разгромленные войска Нигра оставили Малую Азию, а уже весной 194 г. н. э. армия Септимия Севера стояла у ворот Киликии. У Иссы, в районе поля битвы Александра Великого и Дария, и на этот раз произошло решающее сражение. Войска Нигра снова были разбиты, а сам он погиб при бегстве.

Только последний бастион побежденной армии Византия, оказывал безнадежное сопротивление. Только в конце 195 г. н. э. изголодавшийся город капитулировал. Он был разграблен, стены разрушены. Но какое-то время его область была присоединена к Перинфу. На Востоке Септимий Север не встретил больше никакого сопротивления. Относительно короткая, но катастрофическая для некоторых городов гражданская война закончилась. На общины, поддерживавшие Нигра, была наложена тяжелая контрибуция, с другой стороны, Лаодикее, которая после выступления Септимия Севера была разграблена и разру-

шена кавалерией Нигра, было оказано покровительство. Город получил не только большое денежное пособие, *италийское право* и название *Септимия*; сама Антиохия, столица провинции и последний центр Нигра, была подчинена ему.

Эта расплата должна была неизбежно привести к новым сражениям на севере Месопотамии. Так как, с одной стороны, арабские соседние племена сначала были заодно с Нигером, однако тогда была занята римская территория и осажден Нисибин, с другой стороны, приверженцы Нигра в большом количестве бежали через Евфрат. Поэтому весной 195 г. н. э. войска Септимия Севера перешли Евфрат, сняли блокаду с Нисибина и продвинулись до Тигра и земель Адиабены. Так как парфянский царь не смог предоставить достойной упоминания поддержки, его вассалы были разбиты; Септимий Север отметил этот успех принятием победных имен *Аравийский* и *Адиабенский*. К этому добавились новые императорские провозглашения и присвоение титула *мать лагерей* императрице Юлии Домне (о личности второй жены Септимия Севера подробнее будет рассказано далее). Тогда как в Риме и на Западе ожидали продолжения этого успешного наступления в стиле Траяна, Север удивил Империю резкой сменой курса.

Если сначала Септимий Север тесно примыкал к Пертинаксу, теперь он объявил себя «сыном божественного Марка» и дал своему семилетнему сыну Бассиану (Каракалла) имя Марк Аврелий Антонин. Это привело прежде всего к разрыву с Клодием Альбином. Хронология событий тех месяцев недостоверна, взаимодействие акций и реакций однозначно реконструировать невозможно. Известно только, что Клодий Альбин стал тем временем сборным пунктом оппозиции против Севера и носителем ее надежд, предположительно он начал также подготовку

к вторжению в Галлию, когда Септимий Север прервал поход и весной 196 г. н. э. повел свою армию против соперника. В Виминации Каракалла был возвышен до Цезаря; совершенно очевидным явилось последовательное установление новой династии.

Когда войска Севера направились на Запад, Альбин со всеми своими войсками пересек Ла-Манш и этим вынудил войско Запада выступить на его стороне. К нему прикнули *Таррацинская* провинция с одним легионом, гарнизон Лугдуна, где он основал свою штаб-квартиру, и вспомогательные галльские группы, но не рейнская армия. Теперь и Запад был втянут в гражданскую войну. Альбин сумел разбить наместника Нижней Германии. Трир же взять не смог. Надпись, сделанная в честь Септимия Севера, Каракаллы и майнцкого XXII легиона, который тогда защищал Трир, напоминает о тех событиях.

В новых исследованиях частично оспариваются военные способности Септимия Севера. Распоряжения, которые он сделал в конце 196 г. н. э., говорят совсем о другом. Тогда как основное ядро его войска севернее Альп двинулось через *Норик* и Рецию в Галлию, Север послал передовые отряды к западным альпийским перевалам, которые взяли под контроль все коммуникации между Галлией и Италией. Сам он какое-то время зимой оставался в Риме, чтобы там своим присутствием в зародыше задуть все оппозиционные планы. 19 февраля 197 г. н. э. у Лугдуна состоялось решающее сражение, ожесточенная с переменным успехом и с большими потерями с обеих сторон битва, в которой Север лично подвергся большой опасности. Когда Кассий Дион оценивает силы обеих сторон в 150 000 человек каждая, это число, безусловно, сильно преувеличено. Оно только доказывает, что в этой битве была задействована большая часть воинских соединений Запада и дунайской армии. После атаки севе-

ровской кавалерии части Альбина обратились в бегство, сам он лишил себя жизни. Лугдун был разграблен и частично сожжен, многочисленные сторонники Альбина казнены.

Во время своего короткого пребывания в Риме, которое в первую очередь служило нейтрализации сторонников Альбина, Септимий Север распорядился обожествить теперь и Коммода. Антисенаторская тенденция была очевидной. Уже в 197 г. н. э. Север начал подготовку к новому наступлению на восточную границу. Там парфянский царь Вологезес IV не упустил своих шансов. Парфянские и арабские отряды снова напали на Месопотамию и осадили Нисибин. Но нападавшие недооценили реакцию Севера. В форсированном марше с использованием морского транспорта римские войска были брошены на Восток, уже летом 197 г. н. э. большая римская армия скоцентрировалась у Евфрата. Вологезес под ее атаками отступил по всему фронту. С Нисибина была снята осада, и на этот раз Север продвинулся дальше на юго-восток. 28 января 198 г. н. э., когда исполнился столетний юбилей прихода Траяна к власти, Север взял древнюю парфянскую столицу Ктесифон.

Тогда Септимий Север находился на вершине своих внешнеполитических успехов. Он принял победный титул *Парфянский*, Каракалла был возвышен до «Августа», на год младше его Гета был произведен в Цезари. Правда, на блестящие победы сразу же упала тень, когда потерпели неудачу две попытки взять старую крепость Гарта, тот город в пустыне, который когда-то дал отпор Траяну. Тем не менее защита границы провинции *Месопотамия* была окончательно стабилизирована, и римский престиж в этом регионе значительно увеличился. В 199 и 200 г. н. э. Север пребывал в Египте, где он занимался не только администрацией и юриспруденцией, но и удовлет-

ворил свой интерес к древностям и религиозным традициям этой страны. Потом он вернулся в Сирию, где 1.1.202 г. н. э. в Антиохии он вместе с Каракаллой вступил в должность консула.

Возвращение в Рим ознаменовало начало юбилейных торжеств по случаю десятилетия правления. Населению и гвардии было выплачено по 10 червонцев на каждого, самый большой подарок, который знал город. Среди шумного веселья по поводу этой расточительной щедрости состоялась свадьба Каракаллы и Плавтины, дочери преторианского префекта Плавциана, который тогда был в зените своего влияния. Годом позже, в 203 г. н. э., Север и его семья посетили Северную Африку, это посещение оставило следы в виде новых зданий и посвящений, прежде всего это арка Северов в Лепте Магне, которая была поставлена на перекрестке главных улиц города. Она напоминает своим мраморным рельефом о триумфальном вхождении правителя и его сына в родной город. В отдельных элементах стилистического изображения, в значительности фигур, различии по размеру, в фронтальном способе изображения и принципе расположения угадывается признак типично позднеантичного мира форм. Карфагену, Утике и Лепте Магне было пожаловано *италийское право*, родной город сверх того был оформлен многочисленными зданиями, новым форумом, базиликой, большим храмом Вакху и Гераклу. Другие здания Лепты Магны были отреставрированы или расширены, улучшено водоснабжение и увеличен цирк. Летом 203 г. н. э. Север возвратился в Рим.

204 г. н. э. отмечен блеском секулярных игр в Риме, которые были организованы по августовскому образцу. В этих играх принимала активное участие Юлия Домна в окружении избранных римских матрон. Если путешествие прошлого года в Африку было почитанием родного

города и африканских традиций, то большие секулярные игры явились данью уважения к традициям Рима и одновременно появлением новой династии, которая начало своего правления снова отождествляла с наступлением счастливого мирного века. Однако уже в следующем году дали о себе знать тяжелые конфликты внутри режима. События, которые в 205 г. н. э. привели к падению префекта гвардии Плавциана, в деталях неизвестны. Известно только, что Плавциан долго занимал положение, намного превосходившее положение Сеяна. Наконец, дело дошло не только до трений Септимия Севера с Юлией Домной, но и особенно с подросшим и жаждущим власти Каракаллой, который, очевидно, сыграл важную роль в падении своего тестя. Какой бы укрепленной ни казалась Империя в тот момент, в качестве последствий гражданской войны оставалось немало очагов беспорядков. В Италии большое недовольство вызвали действия Буллы Феликса. Этот вожак нескольких сотен деклассированных элементов долгое время занимался хорошо организованным разбоем на дорогах и ускользал от всех преследований. Наконец, была проведена широкая военная акция, в результате которой он погиб.

Конец правления Септимия Севера ознаменовался его британским походом. Когда Клодий Альбин в 196 г. н. э. собрал все войска и мобильные вспомогательные группы британской провинции, чтобы с их помощью добиться власти, никогда полностью не покоренные племена на севере острова не упустили эту возможность. Они проникли глубоко в провинцию вплоть до Йорка. Почти все крепости на севере страны пали жертвами этого нападения и позже их пришлось восстанавливать. Клодий Альбин не был освобожден от ответственности за эту катастрофу.

Север на Востоке сделал радикальные выводы после

поражения Нигра. Концентрация римских сил в сирийском пространстве была отправным пунктом его соперника, и этот базис он окончательно уничтожил. Большая провинция Сирия была разделена на две меньшие: на *Сирию Полую*, которая включала северную Сирию и земли Коммагены, и на *Сирию Финикийскую*. При необходимости эти две провинции, из которых *Сирия Полая* имела два легиона, а *Сирия Финикийская* только один, могли быть использованы друг против друга. Тот же принцип, который определял и другие меры правителя, Север применил в Британии. Там большая провинция, три легиона которой поддерживали узурпацию Клодия Альбина, была разбита на две: *Верхняя Британия* включала запад страны, нынешний Уэльс с двумя легионерскими лагерями в Карлеоне и Честере, *Нижняя Британия*, наоборот, восток острова с одним легионом в Йорке.

Параллельно с этим административным делением последовало восстановление разрушенных крепостей на вале Адриана, а также других передовых укреплений. В 207 г. н. э., казалось, планомерно готовится новое наступление; в 208 г. н. э. весь двор переехал в Йорк. Английские археологи в прошлые десятилетия обнаружили ряд маршевых лагерей, которые были построены в связи с военными операциями Септимия Севера. Какой бы проблематичной ни была оценка многочисленных мест находок, в целом они говорят о том, что Септимий Север в тех операциях хотел достичь большего, чем только восстановление вала Адриана. Прежде всего большая военная база Карпоу на южном берегу реки Ферт-оф-Форт, которая была найдена в 1961 году Р. Берли, подтверждает радиус массированного применения войск.

Отсюда римские наступательные клины в 208 г. н. э. продвинулись на север и покорили каледонские племена внутренней части Шотландии. Север достиг тогда боль-

шего, чем любой римский полководец до него. Уже следующей зимой снова восстали племена меатов и каледонцев. Сначала этими сражениями руководил лично Север и, несмотря на тяжелый приступ подагры, приказал носить себя на носилках. С 209 г. н. э. он оставался в Йорке и передал главнокомандование Каракалле; 4 февраля 211 г. н. э. умер в Йорке.

Британский поход Септимия Севера в современных исследованиях оценивался по-разному. Если его целью было якобы полное покорение Шотландии и установление прямого римского правления, то фактически она потерпела неудачу, и с этой точки зрения от мести Севера и войны на уничтожение меатов и каледонцев спасла только смерть правителя. Если учитывать развитие событий в последующее время, то возникают совсем другие перспективы. Каракалла после смерти отца не сразу вернулся в Рим, а начал заниматься организацией защиты границы. Он отозвал римские военные формирования из Шотландии и ограничился укреплением форпостов севернее вала Адриана. Эти крепости теперь были не только гарнизонами боеспособных и подвижных подразделений, но и штабквартирой формирований пограничной службы. Район севернее вала Адриана таким образом был под военным контролем. Что эта система себя оправдала, следует из того, что Британия больше, чем на полстолетия, обрела покой и что стычки 3 в. н. э. исходили совсем от другого противника.

Насколько глубоким был перелом, который представляло для *Империи* правление Септимия Севера, лучше всего показывает изменение социальной структуры. «Будьте едины, обогащайте солдат, пренебрегайте всем другим!» — если Септимий Север на смертном одре сказал своим сыновьям эти слова, то он безусловно следовал им сам, даже если эти слова не являются историческими.

Фактически жизненные условия римской армии никогда раньше не были улучшены так, как при Севере. Годовое жалование легионера почти удвоилось по сравнению с Домицианом. К этому нужно добавить натуральные повинности для продовольственного снабжения, а также разрешение даже для простого солдата жить вместе с женой в законном браке. Центурионом *принципалам* было выдано золотое кольцо всадников. В лагерях чаще, чем раньше, организовывались общества (*школы, коллегии*), которые в большинстве случаев были организованы согласно военной иерархии. Профессиональные солдаты, с одной стороны, могли теперь получить влиятельные государственные должности и даже подняться до всаднической карьеры, а с другой — после демобилизации в своих городских общинах освобождались от всех трудовых повинностей. Поэтому в большинстве случаев привилегированная служба в армии была фактически наследственной.

Наряду с реорганизацией гвардейских формирований, армия значительно усилилась образованием трех новых легионов, которые получили название *парфянских*. Ими был построен лагерь недалеко от Рима, в Альбане. Это совершенно противоречило августовскому принципу не держать легионы даже в Италии; правитель располагал теперь в городе военным соединением численностью около 30 000 человек, которое было так дифференцировано, что узурпация крайне затруднялась. Для эры Северов, кроме того, характерно, что легионами больше командовали не сенаторы, а всадники.

Реформы в подразделениях пограничной охраны производят, наоборот, противоречивое впечатление. Если и у них последствия девальвации покрывались не только повышением жалования, но и наделением землей, то такие меры, правда, повышали ответственность войск за дан-

ные им территории, но, с другой стороны, снижали их мобильность.

Вторым решающим фактором в общественной сфере было увеличивающееся значение всаднического сословия. Причем это сословие все больше и больше изменялось по своему составу. Начиная от Северов, оно не было больше тождественно прежнему преобладающему слою романизированных землевладельцев, деловых людей и финансистов и других социальных выдвиженцев, то есть особенно активно занимающейся экономической деятельностью и культурно полностью ассимилированной группой населения. Отныне всадническое сословие приобрело новую специфику благодаря высокому числу поднявшихся до него профессиональных солдат, которые в большинстве случаев вышли из пограничных районов Империи. Решающие изменения произошли не только в количественном составе, не только с точки зрения происхождения, но прежде всего с точки зрения менталитета и квалификации.

Конечно, еще при Адриане повысилось число римских граждан из Северной Африки, которые поднялись до сенаторов и всадников, однако большая доля людей этого происхождения на ведущих должностях сильно возросла. Возросшая потребность в лояльных функционерах требовала привлечения всех способных и квалифицированных сил, однако число всаднических прокураторских должностей при Септимии Севере возросло только до сорока по сравнению с временем Марка Аврелия. Решающим для всего 3 в. н. э. был подъем жизнеспособных групп, подъем представителей средних слоев и военных из пограничных зон Империи, тогда как значение старой аристократической элиты, особенно италийской, все больше и больше уменьшалось.

Преторийская префектура продолжала оставаться вли-

ятельнейшим военным постом Империи. При Плавциане ее компетенции значительно увеличились. Плавциан взял на себя *военную аннону* и тем самым обеспечил себе контроль над важными ветвями снабжения и подвоза, при этом были значительно расширены юридические компетенции его должности. Преторианскому префекту теперь подчинялось судопроизводство не только в италийском регионе, но в его компетенции было также принятие решений по апелляционным жалобам из провинций. Юридическая деятельность обладателя этого поста тем самым настолько увеличилась, что при поддержке Плавциана один из двух префектов, между которыми была разделена эта должность, являлся профессиональным юристом. Первым из них был Папиниан, один из ведущих юристов того времени. Его коллеги-юристы Павел и Ульпиан тоже имели большое влияние в государственном совете.

За политические и общественные изменения при Септимии Севере в первую очередь расплатился сенат. Новый правитель с самого начала не собирался возвращать сенату политические компетенции, которыми тот раньше обладал, еще меньше он хотел хотя бы для видимости подчинить себя ему. Само собой разумеется, и Септимий Север тоже зависел от участия и сотрудничества большей части сенаторов. Однако сенаторы, которые приняли Севера как сильного человека, потому что были убеждены в необходимости стабилизации Империи, не доказали этим признание всем сословием личности и стиля правления Септимия Севера.

Не может быть и речи, чтобы Септимий Север ненавидел и преследовал весь сенат, и наоборот, что весь сенат отвергал нового правителя. Скорее нужно исходить из того, что римский сенат в фазе гражданской войны 193—197 гг. н. э. функционировал не как цельное единство и что его враждебность была следствием того факта, что

руководство политикой уже давно ускользнуло из его рук. Насколько не единодушно действовали сенаторы, видно уже по тому, что значительная часть сенаторов или происходящих из Африки, или тесно с нею связанных, были не на стороне Септимия Севера, а на стороне Клодия Альбина. Именно этот раскол сенаторских интересов в значительной мере способствовал уменьшению значения всей корпорации.

Внутренняя политика Септимия Севера характеризовалась его связью с новыми силами. Подчеркнутое соблюдение права низших слоев и специальная забота об этой категории населения составляли целостное единство, и их можно понять только в рамках новой государственной структуры. Этим объясняется и то, что теперь притесняемые крестьяне и арендаторы в случае необходимости для вручения ходатайств принцепсу выбирали посредниками не сенаторов своих провинций, как раньше, а часто представителей своих слоев, чиновников и офицеров, считая, что правитель относится к ним благожелательно.

Отношение Септимия Севера к городам трудно привести к общему знаменателю. В предпочитаемых им районах, особенно на всем Востоке и в Африке, он присвоил свободные привилегированные городские права, дал почетный титул *колония* Пальмире, Елеезе, Сингаре, Эдессе, Нисибину и другим городам. Александрия получила от правителя городской совет, за который боролась почти два века, египетским центрам племенных округов полагалась теперь также городская форма организации. Однако эти меры совсем не означали, что речь шла о сознательном укреплении городских сил. Интенсификация городской администрации при Септимии Севере скорее преследовала цель укрепить влияние городов. Теперь частная благотворительность в процессе развития уступила место личной ответственности городского совета за все

платежи и налоги города, вместо автономного самоуправления возник груз ответственности за все возрастающие требования Империи. Этот груз ответственности сказывался не только на государственных чиновниках, для которых он стал нормой, но распространился также и на широкие круги населения. От того, что маленькие, но важные и работоспособные группы налоговых арендаторов, мелких арендаторов императорской собственности, все ветераны и члены некоторых торговых и хозяйственных корпораций были освобождены от муниципальных налогов, повинности всех остальных социальных групп становились только больше.

Новой одновременно была беспощадность, с которой теперь вымогались у города все подати и налоги, стиль, который, однако, можно понять, если вспомнить о структуре и карьере милитаризованного чиновничества. Ужесточение государственного вмешательства предполагало лучший полицейский аппарат, чем тот, который до сих пор был необходим для Рима. Различные отряды, *солдаты пограничной службы и интенданты по продовольствию*, императорские жандармы на пари охотились за своими жертвами: и эти решительные действия предприимчивой полиции дополнили картину того времени. Ненависть правителя к своим политическим противникам, совершенство обвинительных ведомств и активность карательных инстанций довели систематику преследований до высшей точки. На представителей политической оппозиции накладывали клеймо врагов государства, и с этим клеймом пострадавшие были вне закона. Однако Север посягал не только на жизнь своих жертв, но и на их имущество. Здесь был исходный пункт прироста личной императорской собственности; этой статьёй дохода заведовал *прокуратор имущества осужденных*. Пострадавшие же, как беглецы, бродили по Империи, и банды,

такие, как банда Буллы Феликса, набирались из их рядов.

Тем не менее это не значит, что такая политика возникла из сознательной, общей агрессивности против старого ведущего слоя и против городов. Суровость уголовного права в отношении сенаторской фронды и городов Антиохия, Византий и Лугдун объясняется конкретными вызовами. Север никогда никого не преследовал из принципа. Если не учитывать политическую сферу, то правление отнимало у него много времени для создания безупречного законодательства. Император половину своего рабочего дня посвящал юрисдикции, и еще Аврелий Виктор проповедывал его справедливость.

Правительство Септимия Севера, которое решило безжалостно выжимать средства для больших задач Империи, не останавливалось и перед вмешательством в экономическую жизнь. Лучше всего это демонстрирует распространение *военной анноны*, натурального налога, который взимался с отдельных городов в случае необходимости. Он стал тяжелейшим государственным бременем как для коммун, так и для отдельных горожан, потому что оно распространялось вплоть до производственных сфер, в которых государственные арендаторы взяли на себя выплату этих натуральных налогов.

Гражданская война показала, в какой высокой степени правительство зависело от функционирования торговли и транспорта, особенно морского. Здесь Север тоже сделал определенные выводы и установил декретом для водных коллегий, корпораций моряков и торговцев продовольствием принудительное выполнение государственных требований, которые и здесь были ответственны за их исполнение. Наряду с объединением городских чиновничьих мест в отдельные общины возникало объединение по профессиям. И в течение 3 в. н. э. из-за фикса-

ции определенных групп специалистов развилась регламентация экономической жизни.

Не решена была и проблема с валютой. Кризис сохранился: динарий имел чистое содержание около 50%, и только на короткое время удалось избежать обострения этой инфляции. В отдельных городах появился черный рынок, на котором золотой червонец стоил больше, чем нормальное валютное соотношение — 25 динариев, несомненное доказательство недоверия к нормальному денежному номиналу и типичного для таких кризисов бегства к золоту. Правда, это не позволяет сделать выводы, насколько можно обобщать эти единичные явления. Нужно еще упомянуть, римскому народу, кроме традиционной бесплатной раздачи зерна, выдавалось теперь и масло, мера, от которой получили выгоду в первую очередь триполитанские производители, которые должны поставлять это масло, то есть определенные круги с родины Севера. Результаты такой энергичной финансовой и налоговой политики не замедлили сказаться, жизнеописание правителя сообщает, что он после своей смерти оставил зерновой запас, обеспечивший Рим на семь лет, и запас масла, который покрывал потребности всей Италии на пять лет.

С Северами по всей Империи начинается период новой строительной деятельности. В Риме его открывает большая триумфальная арка на склоне Капитолия и фасад дворцовых зданий на Палатине, на котором изображены семь планет и дневные боги.

В процессе крупных передвижений войск этого правления в провинциях появились многочисленные дороги. Центр тяжести императорских инициатив и здесь приходится на Африку. Постройки в Лепте Магне уже упоминались. Карфаген тоже испытывал особую заботу правителя. Монеты прославляют милость *императора* к Карфагену. Их изображения показывают богиню города на

льве и текущую из скалы воду, как символ восстановления водопровода.

В процессе разнообразных реформ Италия потеряла основные привилегии своего особого положения, тогда как провинции извлекли пользу из смещения центра тяжести. Примечательной была перемена в языковой политике. Местным языкам предоставили равноправие в суде и административных инстанциях, это новшество ограничивалось не только пунийским в Африке, но распространялось и на кельтский в Галлии и в рейнских землях. Там теперь на межевых камнях, кроме римской мили, появилась древняя кельтская мера длины, левга, которая соответствовала 2,3 км.

В религиозной сфере решающее значение имело почитание североафриканских богов. В процессе религиозного развития эпохи императоров древние пунийские божества Танит и Ваал-Аммон давно превратились в *Деа Целеста* (Небесная Богиня) и Сатурна. Поэтому понятно, что почитание *Целесты* и Сатурна достигло максимальных размеров и что сама императрица почиталась приближенной к *Целесте*. Однако официально культ *Целесты* в Риме при Северах введен не был. Кульминационного пункта почитание Танит в Римской Империи достигло при Элагабале, и то на короткое время. Когда сирийский жрец-император приказал перевезти в Рим черный каменный цилиндр бога своей родины, он связал с ним Минерву как вторую богиню Целесту, т. е. Танит. Однако наряду с этим мало просуществовавшим триумфом новой триады империи поклонение *небесной деве* распространилось до века Адриана, где Танит в характерной для того времени синкретической форме прославлялась таким образом: тождественная дева матери богов, богине Мира, богине Отваги, Церере, сирийской богине с весами, взвешивающей жизнь и право.

В понимании Септимия Севера своей власти и в его идеологии пересекались традиционные и новые элементы. В общей сложности обращение римской Империи к новым формам несомненно. Со времени отказа Марка Аврелия от адаптивной системы изменились и представления римского «императора». Правление Северов не имело ничего общего со стилизацией власти *принцепса* Августа. Прежде всего новое отношение императора к армии, с одной стороны, утверждение новой династии и начинающееся отмежевание правителя от общечеловеческой сферы — с другой, расставили теперь решающие акценты.

Правда, здесь нужна тщательная дифференциация. Хотя Септимий Север в тронном зале сидел между статуями Геракла и Диониса, он не позволил поклоняться себе, как богу. Для него стало типичным обращение *господин*, и при случае императоры дома Северов приветствовались как *священнейшие Августы* или *священнейшие императоры*. Золотая монета 201 г. н. э., на которой Септимий Север изображен как Солнце, а Юлия Домна как Луна, стоит изолированно и не доказывает обожествления живого правителя, но принадлежит к кругу символики *вечности*. Солнце и Луна являются здесь выражением вечности Империи.

Божественный дом, весь императорский дом, династия, были призваны на их место волей богов. Этот дом божественен не потому, что, как в эллинистическое время, император и императрица были явлениями и представителями богов, а потому что боги предназначали этому дому судьбоносную задачу. С этим связана примечательная зависимость Септимия Севера от астрологии, как пути заручения волей богов. Не может быть никаких сомнений, что для него расположение звезд и предзнаменования являлись доказательствами его призвания. В соответ-

ствии с представлениями времени он перенес это призвание на весь дом, который гарантировал тем самым вечность Империи.

Эта династия снова и снова изображалась, как единство, например, на известной Берлинской станковой картине, которая написана в традиции египетских изображений мумий, или на монетах, которые прославляют объединенный портрет дома, как *благоденствие времени*. И так казалось, что преемственность власти фактически гарантирована на долгое время. Однако демонстративные призывы *к согласию* доказывают, что единство династии в дни Севера было уже под угрозой. Стареющий император, однако, не строил никаких иллюзий по поводу опасностей, грозящих его дому.

Всплывали другие элементы легитимации власти. Функция мстителя за Пертинакса была только временной программой; на долгий же срок, однако, правитель на три месяца Пертинакс едва ли подходил в качестве легитимационной инстанции. Поворот к Марку Аврелию, наоборот, был тождествен с узурпацией уже идеализированных и просветленных правителей. Так как родной отец Септимия Севера, П. Септимий Гета, был незначительным и неизвестным человеком, один сенатор иронически поздравил Септимия Севера после объявления его усыновления Марком Аврелием с тем фактом, что он «теперь нашел отца». Но пусть другие посмеивались над этим шагом, официальные родственные отношения Септимия Севера были возведены до Нервы (CIL VI 954. 1032). Фиктивное усыновление Марком Аврелием одновременно связывалось с конкретными материальными интересами. Как уже было сказано, Антонин Пий исключил *личное имущество принцепса* из прежнего общего состояния, *патримония*. Это *личное имущество* значительно возросло прежде всего потому, что Коммод увеличил его большими конфис-

кациями, прежде всего землевладений своих внутривулканических жертв. Еще при нем в надписях засвидетельствован *прокуратор личного имущества*. После осуществления своего якобы усыновления Марком Аврелием Септимий Север мог теперь вполне законно распоряжаться *личным имуществом* Антонинов.

Гораздо проще оказалась демонстрация тесной связи с армией, например, с помощью выпуска новой легионерской серии монет и новых акцептов победной идеологии. При Септимии Севере само собой напрашивалось затушевывать события гражданских войн военными успехами на границах. Наряду с конкретными победными именами на монетах появились теперь формулировки, как, например, *Вечная победа* или *Всегда побеждающий*. Рука об руку с этим шло настойчивое внушение *благоденствия времен, радости времен и вечности империи*: пропаганда нового счастливого века и претензии на вечную жизнь Империи.

Для истории *Римской Империи* правление Септимия Севера и его дома приобрело исключительное значение. После хаоса гражданской войны, размер которой равнялся битвам времен триумвиров и года четырех императоров, Септимий Север добился не только достижения и консолидации власти во всей Империи, но и одновременно реорганизации структур Империи, которая соответствовала изменившимся политическим и общественным условиям. Как и в случае с Августом, для Септимия Севера историческая релевантность власти заключалась не в том, что выполнялось, но и в том, что подготавливалось и предпринималось для будущего обустройства Империи.

Как при Августе и Веспасиане, при Септимии Севере стали неразрывными связи между политикой и личностью. Его внешний вид в биографии *«Истории Августа»* описан так: «У него было красивое лицо и длинная борода. Волосы были седые и вьющиеся, выражение лица — уважи-

тельное, речь благозвучная, но с африканским акцентом, который он никогда не утратил» (19, 9). Официальные изображения подчеркивали густые, часто включенные бороду и волосы, но в этом акцентировании, в спадающих на лоб четырех завитках и разделенной на две или более пряди бороде нашел свое выражение патетический стиль времени.

Другие черты портретов подчеркивают преемственность антониновских форм, воздвигнутая около 200 г. н. э. колоссальная маастрихтская статуя является, наоборот, впечатляющим примером монументальной стилизации власти.

В античных сообщениях и в некоторых современных изображениях подчеркиваются прежде всего отрицательные черты характера Севера: его деспотизм, вероломство, корыстолюбие и смертельная ненависть, черты, которые в новое время нередко объяснялись его африканским, пунийско-семитским происхождением или неполноценностью так называемого метиса. Мало известно римских правителей, образ которых был бы так же искажен предубеждениями и принадлежащими настоящему категориями, как в случае Септимия Севера. При этом часто полностью не осознавались предпосылки его действий.

Но Север пришел к власти не в безмятежные годы мира, а во время жестокой гражданской войны, когда со всех сторон его окружали недоверие, обман и предательство. Только с помощью хитрости и лукавства, в которых его часто упрекают, Север вряд ли смог бы утвердиться. Для этого были необходимы не только жестокость и решительность, но и прозорливость. Единственный из трех узурпаторов 193 г. н. э., он в своих действиях объединял извешенную и дальновидную стратегию с едва ли преувеличенной быстротой и последовательностью в выполнении. Разумеется, все важные битвы были выиграны его

полководцами, но там, где речь шла о решениях, Север всегда был на месте лично, у Лугдуна так же, как и у Ктесифона, и когда старый, больной подагрой правитель распорядился носить себя на носилках в горах Северной Шотландии.

Септимия Севера всегда притягивало таинственное: древние египетские культы, усыпальница Александра и всякого рода предзнаменования. Но прежде всего, как и многие из его современников, он верил во влияние звезд на человеческие судьбы. Расположение звезд своего часа рождения он поэтому окружил непроницаемой тайной, чтобы оно не могло быть использовано против него самого. Вполне правдоподобно, что он при выборе второй жены Юлии Домны был укреплен в своем намерении, когда узнал, что астролог предсказал этой женщине брак с правителем.

Иначе, чем когда-то Нерва и Траян, Септимий Север вынужден был подчеркивать преэминентность своей власти, будь то в случае с Пертинаксом или Марком Аврелием и Антонинами. Правда, на самом деле его решительная реорганизация Империи была прочной только потому, что он, как Веспасиан, беззастенчиво и без колебаний проводил в жизнь необходимые меры. Ремилитаризация Италии, открытие гвардии, расчленение больших старых провинциальных административных единиц, жесткий курс по отношению к сенату, предпочтение представителей всаднического сословия и офицерского корпуса при замещении новых постов в администрации, материальное содействие армии, многочисленные юридические решения в пользу представителей низших слоев — все это противоречило старым традициям. Однако в основе речь шла в большинстве случаев об исполнении давно назревших изменений. Государственный застой для *Римской Империи* на рубеже 2 и 3 вв. н. э. был так же невоз-

можен, как и реставрация структур эпохи Антонинов или Августа.

Выдающимся достижением стало то, что Септимий Север предотвратил раскол единства Империи, что он как внутри, так и извне добился консолидации Империи. После больших потерь в гражданской войне дальнейшее напряжение всех сил, разумеется, проходило негладко. Если на Востоке он одержал успех, то в Британии добился только длительной стабилизации положения на границах Империи, большего не достигли и его предшественники.

Все же император в последние годы не обманывался по поводу сомнительности своего дела. То, что ему стало подозрительным его личное достижение, обладание высочайшей властью, видно из его разочарованных слов: *«Я был всем, и ничего не улажено»*. Какой бы обусловленной временем ни была его реорганизация, Септимий Север не нашел симпатий у потомков, и к нему относятся слова Монтескье: «Он обладал большими способностями, однако у него не было мягкости, этой важнейшей добродетели государей».

После смерти Септимия Севера в 211 г. н. э. власть перешла к обоим сыновьям покойного. Из них двадцатичетырехлетний Каракалла с 198 г. н. э. носил пурпурные одежды, тогда как его брат Гета, младше его на год, был возвышен до Августа только в 209 г. н. э. Это совместное правление двух императоров может показаться искусственным и надуманным, но оно не было необычным, прошлое поколение видело совместное правление Марка Аврелия и Луция Вера, и Филострат, принадлежавший к ученым из окружения императрицы Юлии Домны, в своей «Жизни Аполлония Тианского» публично обсуждал возможность разделения Империи. Но здесь речь шла не о теоретически возможном разделении Империи, а в первую очередь о людях и характерах. Располагающий ко-

роткое время всей властью дом Северов был устранен не извне, а погубил себя сам.

Твердое стремление к *согласию* и единству Империи имела только императрица Юлия Домна. Эта женщина происходила из дома жреческих царей, из рода, мужские представители которого возводили свое имя «Бассиан» к древнему восточному жреческому титулу «бас». Тем не менее семья была знаменита не только благодаря своему жреческому положению, но и богатству. Кроме благоприятного гороскопа, существовали и материальные причины, которые способствовали выбору ее второй женой Септимия Севера. Шестидесятисантиметровое мраморное изображение Юлии Домны в Мюнхенской глипотеке, один из самых впечатляющих римских женских портретов вообще, передает сущность этой замечательной женщины. Этот портрет живет контрастом между пышной копной волос и мягкими, задумчивыми чертами лица.

Политическое влияние Домны оценить трудно, хотя она как *мать отечества, мать сената и войск* пользовалась поклонением, как ни одна женщина раньше. В первой фазе правления ее мужа власть ее тем не менее была едва ли очень большой. Императрицу тогда вывел из игры преторианский префект Плавциан, которого она люто ненавидела. После его краха ее влияние, вероятно, увеличилось. Во всяком случае она в последние годы почти всегда находилась рядом с мужем, даже в Британии.

Известное еще до этого соперничество обоих братьев Каракаллы и Геты после смерти отца переросло в открытую вражду. Когда они в 211 г. н. э. прибыли в Рим, чтобы торжественно похоронить прах отца в столице, общественное мнение быстро расколосось на две партии, и в театре, цирке, при дворе, а также в армии сторонники Каракаллы и Геты противостояли друг другу. Геродиан сообщает, что уже обговаривались планы разделить Империю

и передавались слова Юлии Домны в этой связи, что пусть сначала ее убьют, а потом уж делят. В феврале 212 г. н. э. Каракалла заманил своего брата на совместную беседу с матерью. Он приказал центурионам проникнуть в помещение и убить молодого императора, хотя тот спрятался в коленях у матери. При этом покушении была ранена и сама императрица. После убийства Каракалла, в соответствии с известным советом Нерона, распространил объяснение, что Гета запланировал покушение на его, Каракаллы, убийство. Преторианцы и легион на Альбане были какое-то время в нерешительности: и на этот раз деньги усмирили их чувства. Потом Каракалла дал волю своей ненависти. Папиниан, преторианский префект и крупный юрист, который не одобрил злодеяние и открыто высказывал свое мнение, был казнен, как и другие друзья и сторонники брата. Дион называет число 20 000; в самом Риме тоже царил неопиcуемый террор.

Уже в начале единоличного правления Каракалла издал свой знаменитейший эдикт, оговоренный ранее — *эдикт Антонина*. Точная хронология издания этого эдикта — 212/213 г. н. э., правда, все еще спорна, вопрос, имеется ли связь с якобы покушением Геты или с другим «спасением», тоже остается неясным. При ретроспективном взгляде, однако, значение закона, который всем жителям Империи, кроме *дедитициев*, предоставлял *римское гражданское право*, является очень большим. Если современники уделили небольшое внимание этой мере, это может быть связано с тем тривиальным объяснением, которое дает Кассий Дион. По его мнению, эдикт служил прежде всего распространению налогов, которым подлежали только римские граждане, на все население. С политической точки зрения эдикт едва ли что изменил в имеющихся структурах.

В области внешней политики Каракалла развил неос-

поримую активность в горячих точках римских наступлений, которые начали намечаться при его правлении. К 213 г. н. э. Кассий Дион упоминает о новом противнике на верхнегерманском и ретийском отрезке границы, аламанах. Уже в августе этого года он перешел ретийскую границу на севере и одержал там победу, которую отметил принятием победного имени «Германик». Этот успех принес передышку почти на два столетия на опасных отрезках границы. Тем не менее с римской стороны, казалось, оценили величину опасности. В Ретии прежние пограничные заграждения были заменены каменной стеной около 2,5 м высотой, а на верхнегерманском участке — валом и рвом.

Следующий 214 г. н. э. император был на Дунае, где одержал победу над дакскими племенами, однако сразу же отправился дальше в плену того комплекса Александра, который отметил весь следующий год. Так как этот «авзонский зверь», как его однажды назвал Кассий Дион, этот человек, который далеко превзошел опасные задатки и качества своего отца, не скрывавший больше свою жестокость, коварство и внутреннюю неустойчивость, который страдал нервной болезнью и по каждому поводу реагировал чрезмерно и раздражительно, личным для себя образцом наряду с Суллой и Ганнибалом избрал Александра Великого. При этом он не только наклонял голову, как Александр Великий, не только приказал изготовить двойной портрет, где одна половина имела его собственные черты, а другая — Александра, но и сформировал для своей запланированной парфянской войны македонскую фалангу в 16 000 человек в исторической униформе и с историческим оружием.

Открытие парфянского похода в 215 г. н. э. Каракалла поручил своему вольноотпущеннику Феокриту, армянская экспедиция которого быстро потерпела крах. Тогда

император сам отправился в Александрию, где распорядился вырезать, как говорят, тысячи людей. Причины этой кровавой бойни неизвестны; возможно, из-за растущего сопротивления в городе Каракалла хотел показать профилактический пример. Зимой 215/216 г. н. э. он провел в Антиохии и оттуда попытался претворить в жизнь свои грезы об Александре: он потребовал в жены дочь нового парфянского царя Артабана V.

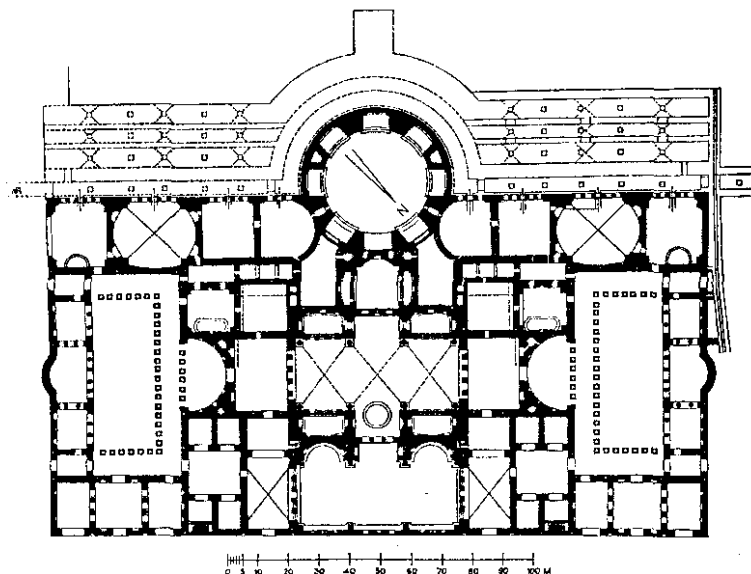

Рис. 49. Термы Каракаллы.
Рим (горизонтальная проекция)

С этим брачным проектом Каракалла включился в тот ряд западных претендентов на руку дочери персидского царя, который начался с тщетного предложения спартамца Павсания в 478 г. н. э. Она была уведена Александром Великим, который на так называемой массовой свадьбе в 324 г. н. э. в Сузе женился еще и на Барсинне, дочери Да-

рия. Сватовство Каракаллы, наоборот, потерпело неудачу. В 216 г. н. э. он пошел на парфян, продвинулся до Арбелы, где приказал вскрыть усыпальницы царей Адиабены, разграбить их и рассеять по ветру останки. Этим уже был достигнут конечный пункт наступления, так как когда Каракалла весной 217 г. н. э. во время подготовки к новым наступлениям захотел посетить вблизи Карр один храм, он был совершенно неожиданно зарублен человеком из своего эскорта.

Из внутривосточных мер этого короткого правления, кроме *эдикта Антониана*, нужно выделить денежную реформу 214/215 г. н. э. Тогда был введен новый номинал серебряной валюты Империи, так называемый антониниан. Эта монета изготовлялась из обычного серебряного сплава весом 5,18 г, несмотря на свой маленький вес, она соответствовала трем динариям. Чтобы ее можно было отличить от немного меньшего динария, император на антонинианах всегда был в короне, на динариях — в лавровом венке, и на антонинианах изображение императрицы было подчеркнуто серпом луны. Уже упоминалось, что в основе обоих различных атрибутов лежали элементы «вечности». Антониниан впредь стал самой распространенной монетой третьего столетия нашей эры. Однако около 270 г. н. э. он представлял собой только медную монету с похожим на серебро покрытием.

Введение антониниана мало что изменило в валютном кризисе, оно внесло только еще один фактор неуверенности. Обилие кладов этого времени показывает, что старые деньги скупались. И по частоте находок литейных форм для изготовления динария, которые принадлежат к последующим годам и которые были обнаружены по всей Империи, можно судить о том, что старый номинал динарий изготовлялся в небольших количествах в децентрализованном производстве. Крах этого средства должен был

только усилить общую тенденцию к взысканию натуральных налогов.

Также и у Каракаллы мегаломания выражалась в огромных строительных проектах. В центре стояли начатые еще Септимием Севером колоссальные термы Каракаллы на *Аппиевой дороге* перед южными воротами Рима, первые из тех огромных терм, которые стали привычными для Рима в 3 в. н. э. В провинциях стимулировалось, как и при отце, строительство дорог, в связи с этим была создана большая карта дорог Империи этого времени, которая содержит сеть дорог длиной около 53 000 миль. Сохранились ее позже неоднократно переработанные остатки. Наконец, к кругу этих нововведений принадлежит также высеченный на мраморной плите, установленный на Капитолии, план города Рима.

В античных сообщениях брат Каракаллы Гета изображается его жертвой, Гета по их описаниям симпатичен, но мягок, полностью отдавался радостям жизни, праздникам и веселью своего двора в окружении свиты из музыкантов, актеров и художников. Каракалла, наоборот, чудовище, «дикая карикатура отца», как назвал его Моммзен, был груб и обладал невероятной силой воли. Он был на короткой ноге со своей личной охраной, состоявшей преимущественно из германцев и скифов, и импонировал простому человеку своим участием в инженерно-саперных работах. Это содружество было подкреплено богатыми подарками, на которые практически растратилось все, что накопил отец. Каракалла не остановился на повышении жалованья легионера с 500 до 750 динариев, к этому добавились многочисленные денежные подарки войскам. Правда, при этом нужно учитывать, что потеря денежной платежеспособности многое поглощала, однако в отличие от следующего правления Севера Александра, Каракалла щедро поделился своими богатствами с войсками. Здесь

также в анекдотических и приписываемых изречениях сгущается историческая правда, как, например, в переданных Дионом словах императора: «Ни один человек, кроме меня, не нуждается в деньгах, а я нуждаюсь в них, чтобы иметь возможность подарить их солдатам».

Его интересы составляли охота и скачки; к искусству он был совершенно равнодушен. Но нужно признать, что Каракалла редко скрывал свою истинную сущность и не делал никаких усилий приукрасить свое лицо. Так, монеты его правления со всей остротой сохранили его животное лицо с низким лбом и грубой жестокостью черт. На портретах стрижка волос и бороды соответствует военным нормам; лоб и брови намеренно нахмурены и придают лицу терроризирующее, дрожащее от ярости выражение. Это изображение императора должно было вызывать страх и окружалось аурой насилия; целый мир отделял его от идеализированной стилизации августовской и антониновской эпохи. Нельзя было не предвидеть, что такая монолитная автократия будет свергнута.

И она действительно была свергнута в неожиданном акте самозащиты. Преторианский префект Каракаллы Марк Опеллий Марцин был только тем, что называют порядочным человеком. Он родился в Цезарее в Мавритании, был таким образом романизированным бербером, который после чисто гражданской юридической карьеры всадника поднялся до такого высочайшего положения, возможно, именно потому, что не казался никому опасным. Но тогда стало известным пророчество, что Марцин якобы будет императором. Сообщение было передано в штаб-квартиру и по чистой случайности не самому императору. Поскольку Марцин имел все основания опасаться самого худшего, его инициативу устранить с дороги Каракаллу можно рассматривать как самооборону.

Таким образом Марцин стал первым всадником и пер-

вым мавританцем, восшедшим на трон. Армия была застигнута врасплох этими событиями и, несмотря на преданность Каракалле и династии Северов, сначала смирилась. Реакция офицерского корпуса понятна. Так как за приятельскими отношениями Каракаллы с простыми солдатами нельзя было не заметить опасностей для Империи, которые рано или поздно должны были возникнуть из-за его болезненного поведения, римский сенат нашел в Марциане более послушного партнера, чем был Каракалла.

Первая задача нового императора состояла в том, чтобы так или иначе закончить парфянскую войну. После поражения при Низибине Марциан вступил в переговоры с Артабаном V и заключил с парфянами мир в обмен на значительное возмещение военных издержек. Армия была не только недовольна этим бесславным договором; она прежде всего боялась за свое высокое жалованье, которое Марциан уже начал сокращать, хотя сначала только у новых формирований. Чем больше падал престиж нового правителя в войсках, тем более просветленным становилось воспоминание о блеске династии Северов. Тем временем Юлия Домна добровольно умерла голодной смертью, однако ее родственникам удалось обеспечить для себя ее наследство.

Тогда как Юлия Домна была сильно романтизирована, через ее деспотическую сестру Юлию Мезу и ее потомков в Рим пришел мир ее родины, мир Эмесы и ее бога Солнца, и оказал там всемирно-историческое воздействие. Юлия Меза, свояченица Септимия Севера, была движущей силой этого политического процесса. Ко времени убийства Каракаллы она жила в родном городе Эмесе. Обе дочери Мезы, Юлия Созмия и Юлия Мамея, были замужем за богатыми сирийцами. У обеих было по сыну, оба позже стали императорами — Элагабалом и Севером

Александром, которые выросли в Эмесе и приняли на себя практически наследственные в семье жреческие должности бога Солнца.

Этот бог Солнца был арабского происхождения и носил имя Элагабал, бог горы или хозяин гор. Его первоначальное арабское имя звучало как *илах ха габол* и у римских историков благодаря случайному совпадению с «гелиос» (солнце) был назван Гелиогабалом. Храм этого бога находился на горе Эмесы, на юго-западе города. Там почитался необыкновенно большой ионический черный метеорит, вид которого известен по римским монетам. По арабско-сирийским представлениям региона камень не был богом, но бог вошел в него, и поэтому он получил божественные почести. Первоначально считался чисто местным божеством, с ним, как и с большинством семитских богов, были связаны универсальные притязания. И только благодаря им понятны события следующих лет.

Во время парфянского похода недалеко от Эмесы у Рафаней был размещен 3-й галльский легион. Солдаты часто бывали в Эмесе и особенно восхищались красотой юного Элагабала, который там был жрецом. Как только Юлия Меза узнала о враждебном настроении солдат в отношении Марцина, она стала привлекать их симпатии в пользу Элагабала. Был распространен слух, что на самом деле Элагабал сын Каракаллы. Последние сомнения рассеяли деньги. Элагабал был доставлен в легионерский лагерь и там 16 мая 218 г. н. э. был провозглашен императором.

Марцин сначала полностью недооценил значение этого события. Его преторианский префект, которому он поручил ликвидацию восстания, был убит, войска перевернулись на другую сторону. Имя прежней династии было сигналом для восставших. Его значение можно оценить по тому, что Марцин сам преклонялся перед ним, дав сво-

ему девятилетнему сыну Диадумениану второе имя Антонин, кроме того он вплоть до бороды и походки подражал Марку Аврелию, который между тем уже превратился в идола. Однако эксперимент потерпел неудачу, непосредственные северовские традиции оказались сильнее.

Восставшие поставили на карту все и двинулись на Антиохию. В 22 км от города произошла битва. Сначала верх одержала с неохотой сражающаяся армия Марцина, преторианцы отбросили войска Элагабала. Тогда Юлия Меза и Юлия Мамея бросились навстречу отступающим рядам своих сторонников и восстановили порядок. Марцин отступил и бежал. Вскоре он был схвачен и убит вместе с сыном.

Теперь путь на Рим стал свободен. Зимой 218 г. н. э. Элагабал провел в Вифинии, где еще тогда проявился нетерпимый дух фанатичного правителя. Когда его воспитатель Гамнис посоветовал ему умерить вызывающее поведение, то расплатился за это жизнью. После неторопливого путешествия через дунайские провинции император поздним летом 219 г. н. э. вступил в Рим. Большой конический метеорит из Эмесы сопровождал нового правителя, или, скорее наоборот, император сопровождал своего бога. Только исходя из этого восточного божества можно понять странные представления Элагабала. В первую очередь император считал себя жрецом и орудием своего бога. В его официальных титулах появились слова: *верховный жрец непобедимого бога Солнца Элагабала* и традиционный римский элемент: *верховный понтифик*.

Камень, то есть Ваал или Элагабал, к его храму везла запряженная шестью белыми лошадьми повозка, император возглавлял процессию, но шел по посыпанному золотой пылью пути спиной вперед, чтобы не терять из виду своего бога, а стража прокладывала ему дорогу и охраняла. Вскоре на Палатине недалеко от императорского двор-

ца возвысился храм нового бога, который был торжественно обвенчан с Минервой и Карфагенской богиней неба. Храм Ваала из Эмесы стал новым центром государственного богопочитания в Риме. Камень *Великой Матери*, галльский щит и очаг Весты, траянский Палладион, как олицетворение и залог господства Рима, священнейшие символы римской религии были перенесены в этот храм.

С песнями и танцами, с грандиозными жертвоприношениями почитал император своего бога в соответствии с обычаями своей родины, которые для Рима были совершенно немыслимы. Когда он танцевал вокруг алтаря под пение сирийских женщин и ритм цимбал и литавр, ему ассистировали высшие должностные лица в белых полотняных одеждах сирийского покроя, при этом присутствовали сенаторы и всадники. И они видели римского императора, одетого в китайский шелк и окрашенного, увешанного ожерельями, в восточном пурпурном с золотом одеянии, в необычных для Рима длинных брюках и с богатой диадемой. К тому же четырнадцатилетний император почти каждый год брал себе новую жену, за знатной римлянкой Юлией Паулой последовала, возможно, по религиозным мотивам, весталка Аквилия Севера, за ней Анния Фауста и снова бывшая весталка. В народе рассказывали о жертвоприношениях детей, о сакральной проституции императора и говорили, что нет ничего, чего бы нельзя было ожидать от Элагабала.

Само собой разумеется, оставалось не очень много времени для государственных дел. Это правление во всех своих безумствах похоже на правление Коммода. Высочайшие должности государственной администрации этот император, как и Коммод, отдал своим креатурам; танцор стал преторианским префектом, парикмахер — префектом по обеспечению зерном. Оба ведомства были полностью реорганизованы преемником.

За кулисами событий стояла Юлия Меза, бабка Элагабала. Она была достаточно умна, чтобы предположить, что такой вызов римским традициям и общественному миснию не останется безнаказанным. Чтобы сохранить власть своей семьи, она поспешила использовать в этих целях своего внука, сына Юлии Мамеи. Поэтому она уговорила Элагабала возвысить его двоюродного брата до Цезаря. Это произошло, как обычно, путем усыновления, и Цезарь принял имя Север Александр. Он был на четыре года младше Элагабала. Семейное согласие при этих обстоятельствах просуществовало недолго. Правда, Элагабал попытался сместить Цезаря и устранить его, но солдаты ему не повиновались. В феврале 222 г. н. э. случилась катастрофа. И на этот раз Юлия Созмия стала на сторону своего сына. Но так как она вызвала ненависть своей необузданностью, то не смогла изменить ход событий. Положение разрешилось, когда римский гарнизон отвернулся от Созмии и ее сына и когда последний ночной призыв к преторианцам не имел успеха. Мать и сын были убиты.

Франц Кумонт однажды заметил по поводу этого принцепата, что Империя, казалось, на какое-то время превратилась в калифат. Религиозное начинание императора Элагабала тоже потерпело крах, камень был отправлен назад в Эмесу, храм преобразовали. Однако уже в романе Гелиодора «Эфиопика» пропагандировался очищенный от местных традиций бог Солнца, и в другой форме Солнце полвека спустя при Аврелиане вернулось, как государственный бог.

Убийством Элагабала и Юлии Созмии эпоха северовосточного дома или сирийских императриц тем не менее не закончилась. Для Юлии Мамеи, матери Севера Александра, которая теперь вышла на передний план, судьба сестры и племянника послужила уроком. Сначала мать им-

ператора Севера Александра воспитывала сына в греко-римском духе. Мамея оставалась правительницей не только в его молодые годы, но и позже. Как обе женщины, Созмия и Мамея, различались по своему характеру, так же и отличались друг от друга оба правления. Если тогда было правление беззаботного сумасброда, то теперь при Мамее и Александре наступило время осмотрительной сдержанности. Как только могла, Мамея приспособлялась к обстоятельствам, и ее деловитость нельзя отрицать. Задаче Мамеи, безусловно, содействовал мягкий, часто прихварывающий сын, который хотел расположить к себе в первую очередь покладистостью, добросердечием и спокойствием. Приятного характера, рано созревший и высокообразованный Север Александр был скорее натурой размышляющей, чем активной. Из-за преданности матери он по существу никогда не обрел полной независимости. Прежде всего Север Александр являлся человеком, которому не хватало как раз тех качеств, которые требовались во время его правления: твердости и настойчивости. У писателей истории Августов его жизнь, может быть, поэтому так сильно идеализирована, что в нем хотели отразить Юлиана Отступника. И потомки не отказали в сострадании этому молодому человеку. Так, у Гиббона его правление оценивается позитивно и оптимистически; Якоб Буркхардт назвал его даже «настоящим Людовиком Святым античности».

Во время первой фазы правления, кроме Мамеи, важнейшей личностью нового режима был юрист Ульпиан. В 222 г. н. э. его назначили преторианским префектом. Но даже он не мог выполнить задачу держать в кулаке наглую иллирийскую гвардию, которая помогла Северу Александру взойти на трон, и одновременно стабилизировать законность. Формально за еще несовершеннолетнего императора правил регентский совет, состоявший

из 16 избранных сенаторов. Совещательную функцию исполнял расширенный *государственный совет*, включавший 20 профессиональных юристов из всаднического сословия и 70 сенаторов. Эти меры интерпретировали в связи с реставрационными тенденциями в отношении сената, но толкование зашло слишком далеко. Больше нельзя было и думать о коренном возрождении сенаторского сословия.

О сильных юридических компонентах администрации уже было упомянуто. При этом особое значение имеют два сформулированных тогда основных правовых принципа. Так, Ульпиан высказал сохранившийся в «Дигестах» принцип *господин изъят из действия закона*, который стал основополагающим для европейского абсолютизма, однако и это является решающим не как общий принцип, а в конкретной связи с *законом Юлия и Папия*, одного из августовских законов о браке. То, что правовые взгляды императорской власти в действительности были совсем другими, следует из руководящего принципа *Кодекса Юстиниана*: «Даже если закон Империи освободил императора от формальных прав, для императорской власти нет ничего более свойственного, чем жить по законам» (6, 23, 3).

Представители бюрократии и римской юриспруденции, безусловно, старались сохранить интересы и компетенции императорской администрации. Просвещенные и социальные черты правления очевидны. Так, были возрождены алиментарные учреждения для *мальчиков* и *девочек*, начали осуществляться большие строительные планы: на Марсовом поле расширили *Александрианские термы* Нерона, дополнили термы Каракалла, обновили *амфитеатр Флавия*; все эти меры пошли на пользу римскому народу. И в провинциях возводились многочисленные светские здания и строились дороги. Там также была продолжена

северовская тенденция к укреплению пограничных поселений.

Однако, несмотря на эти позитивные начинания и небольшие достижения, внутренний порядок укрепить не удалось. Например, в Риме в течение трех дней царила полная анархия. Преторианцы и римский *плебс* дрались на улицах, и войска грозили поджечь весь город. Если нужен еще один пример, чтобы показать, что гвардия полностью вышла из-под контроля, то им является убийство Ульпиана в 228 г. н. э. Его зарубили в императорском дворце, и даже император был не в состоянии его защитить.

Здесь закончилось также и влияние Мамаи, каким бы негармоничным оно ни было. В 225 г. н. э. молодого Севера Александра женили на Орбиане, римлянке из сенаторской семьи. Но Мамаея не потерпела никакого ущемления своего положения. Тесть императора, которого возвели в сан Цезаря, был устранен, молодая императрица выслана в ссылку в Африку. Титулы матери императора все время разрастались. В конце они звучали так: *мать Августа и лагерей, и сената, а также отечества и всего рода человеческого*.

Тщетно ссылался Север Александр на легитимное наследство северовской династии, но смог только лавировать от одного кризиса к другому. Где ему помогали верные и энергичные помощники, такие, как консуляр и историк Кассий Дион, который блестяще проявил себя как наместник и восстановил дисциплину, там император избежал всех трений. Он посоветовал своему коллеге по консульству покинуть Рим. Последняя катастрофа была неминуема.

Большим счастьем для этого правления являлось то, что вначале оно не было отягощено достойными внимания внешними опасностями. Но начиная с тридцатых го-

дов положение изменилось. И как раз в тот момент, когда у верхушки Империи не было никакого военного авторитета, когда метались от одного компромисса к другому, почти одновременно перешли в наступление два могучих противника — персы и аламанны. Программой нового персидского царского дома сасанидов было снова сделать границей персидского царства Стримон во Фракии, и Ардашир, первый сасанидский повелитель, начал осуществлять эту цель с едва ли воображимой энергией и стремительностью. В 230 г. н. э. он вторгся в Месопотамию, римская армия была полностью разгромлена, Ниинбин осажден, и в этом же году персидская конница неслась по Каппадокии.

Север Александр начал обстоятельную подготовку. Он взял на себя главнокомандование восточным фронтом и сначала попытался выиграть время с помощью переговоров. Одновременно в Италии и в провинциях было собрано подкрепление, боевой отряд *вексиллиариев*, все имеющиеся в наличии легионы выступили в поход. Надписи на монетах *верность войска* и *верность воинов* были первыми сигналами тревоги, так как теперь, в этот час опасности, обнаружилось во всем своем убожестве состояние армии. Месопотамские легионы убили своего наместника, египетские подразделения бунтовали, в Эдессе появился узурпатор Ураний Антонин. Овладеть такой ситуацией было тяжело.

Север Александр с 231 г. н. э. находился в Антиохии. Только с февраля 232 г. н. э. римское войско, наконец, перешло в контрнаступление. Из трех римских войсковых групп северная продвинулась через Армению, средняя с императором пошла из Северной Месопотамии на восток, южная — вдоль Евфрата. На эту южную армию всей своей мощью напал Ардашир и уничтожил ее. После сообщения об этой катастрофе император приказал отсту-

пить другим двум армиям. Это отступление принесло этим армиям много потерь и тягот, однако Ардашир не сумел использовать свой успех. Наоборот, в следующие четыре года он не предпринял ни одного нового наступления.

Но Север Александр был больше не в состоянии еще раз начать борьбу. Сообщения о германских набегах на рейнский и дунайский фронт имели следствием, что выведенные оттуда подразделения вернулись назад и упрекали императора в ослаблении границы, будучи лично заинтересованными в ней из-за своей собственности. Персидский поход был прерван, император сначала направился в Рим, чтобы там во всем великолепии отпраздновать триумф над *парфянами* и *персами*. Одновременно на Верхнем Рейне были сконцентрированы крупные военные силы. И на этот раз переговоры и прежде всего контрибуции прекратили военные столкновения. Когда это стало известно, войска взбунтовались. Несолдатского императора они ненавидели так же, как и скаредную Мамею, которая накопила богатства и сокровища, не поделившись с избалованным войском, а наоборот, казалось, была готова скорее заплатить варварам, чем армии. В марте 235 г. н. э. Мамея и Север Александр были убиты недалеко от Бретзенгейма у Майнца. Восставшие войска, в первую очередь рекрутские подразделения из Ланнонии, провозгласили императором человека, который был душой этого бунта — шестидесятилетнего Максимиана Тракса, полуварварского фракийца (*«История Августов»*), сына аланки и гота.

Так пала династия Северов. Ретроспективно четыре десятилетия ее правления, несмотря на эксцессы Каракаллы и Элагабала, на фоне грядущих пятидесяти лет, полных внешних катастроф и внутренних раздоров, кажутся последней большой попыткой консолидации. Однако по своему характеру и происхождению представители этой

династии не смогли включить войско, нового политического хозяина Империи, в реликты старого государства. Перед этой неудачей отступают на задний план все достижения этого дома, его забота о восточных и африканских провинциях, его строительство, законы и инициативы в государственном управлении. Общее развитие не лишено последовательности, потому что династия, которая пришла к власти благодаря зависимости от армии, как ни одна другая до нее, именно от этой зависимости пала.

К особенностям этой династии относится тот факт, что ее женщины взяли на себя совершенно новую роль. Функции и положение «сирийских императриц» становятся ясными при ретроспективном взгляде: каким бы большим ни было влияние Ливии при Августе, характерно, что она действовала за кулисами событий и только после смерти мужа была возвышена до «Августы» и почести, как *матери отечества*, в фазе возникновения принципата казались немыслимыми. Разумеется, еще в доме Юлиев—Клавдиев были влиятельные женщины, такие, как, например, обе Агриппины, но такое поведение привело к сильнейшим конфликтам.

В случае с Флавиями Веспасиан с самого начала подчеркивал целостность новой династии. Тем не менее положение жен *принцепсов* было второстепенным, отказ Тита от брака с Береникой показывает, наоборот, какими сильными были традиционные нормы, династия Флавиев являлась почти исключительно мужским институтом. Ко времени адоптивных императоров значительно увеличились внешние почести женам *принцепсов*, но их влияние осталось преимущественно закулисным, причем, правда, иногда с тяжелыми последствиями, как при усыновлении Адриана.

При Северах, наоборот, пали все ограничения, и стало правилом прямое политическое вмешательство женщин.

Династия смогла утвердиться только благодаря их чрезвычайной активности. Во втором и третьем поколениях северовского дома катастрофы произошли не из-за недостаточного вмешательства женщин, а из-за непригодности мужских представителей династии. Отнюдь не совпадение, что восстановление власти Северов удалось благодаря инициативе женщин на Западе.

При всем этом происходящих с Востока женщин северовского дома особенно легко было очернить. В античности, как и в новое время, они довольно часто демонизированы и описаны как необузданные, корыстолюбивые и властолюбивые восточные натуры. Только в настоящее время начинает преобладать трезвое и непредвзятое мнение, которое помогает понять женских представительниц северовского дома, исходя из их социальных и религиозных традиций.

В лице Северов династия еще раз проявила себя гарантом преемственности власти. После событий в доме Юлиев — Клавдиев, Флавиев и Антонинов и в ней проявились преимущества и недостатки власти одной семьи. Однако при быстро сменяющихся преемниках Северов, при солдатских императорах не прекращались попытки основать новую династию. Надолго это удалось сделать, правда, только Константину после того, как абстрактная модель тетрархии Диоклетиана потерпела неудачу, подобную неудаче адоптивной власти во 2 в. н. э. Долгое время политическая формация *Римской Империи* обходилась без опоры династии.

Окружение Римской Империи в 3 в. н.э.

Возникновение и структура Сасанидского государства

Параллельно с наметившимися при Северах структурными изменениями внутри Империи за ее пределами развивались не менее тяжелые по своим последствиям новые события. Если до сих пор развитие определяли в основном римские наступления и римская экспансия, то в 3 в. н. э. Империя на всех границах стояла в обороне. В Средней Европе и на Ближнем Востоке место старых противников заняли новые динамические силы. На Рейне и Дунае возникли нероманизированные соседи — племена франков, аламаннов, вандалов, готов и гермундуфов. Почти одновременно на Востоке на месте значительно эллинизированной Парфянской Империи возникла Империя Сасанидов, то есть Империя, которая с самого начала признавала себя наследницей Ахеменидов и которая постоянно продвигала бронированные клины своей конницы на римский Восток.

Дом Ахеменидов когда-то из *Персии*, части южно-иранских окраинных гор вокруг современного Шираза, создал ту великую мировую Империю, фаза экспансии которой связана с именами Кира, Камбиза и Дария. Во время похода Александра эта Империя пала; ее место заняли эллинистические царства. В это новообразование древней

персидской сферы приблизительно с 250 г. н. э. с северо-востока вторглись под предводительством рода Аршакидов парфяне, первоначально полукочевой народ конников. В течение непрерывной экспансии они образовали новую Империю, которая утратила в 3 в. н. э. свою первоначальную стабильность из-за своей сильно раздробленной феодальной структуры, культурной и религиозной толерантности и не в последнюю очередь вследствие хронических внутренних раздоров и неоднократных военных поражений.

Рис. 50. Триумф Шапура I. Накш-и-Рустам

Падение Аршакидов вызвало в *персидском* регионе политическую и религиозную реакцию огромного значения.

которая была представлена домом Сасанидов. Этот дом вел свое происхождение от Сасана, который в начале 3 в. н. э. был верховным жрецом храма Анахиты в Стакре, маленьком городе западнее Персеполиса. Жреческими городскими царями там издавна исповедовался культ Агурамазда в традициях Заратустры, в форме, для которой было прежде всего характерно огнепоклонничество, после того как Папак, сын Сасана, завладел независимым княжеством в той местности, внук Сасана Ардашир целеустремленно продолжил укрепление власти новой династии. 28 апреля 224 г. н. э. Арсакид Артабан V был наголову разбит на равнине Хормиздаган и убит, предположительно самим Ардаширом; два года спустя последний короновался на царство.

По всем сторонам света Ардашир распространил свою власть, на Западе до Армении и Азербайджана, на Востоке до Бактрии. Почти через 20 лет после падения Археменидов иранские силы отвоевали власть над всей территорией древней Великой Империи, и эта новоперсидская или сасанидская Империя просуществовала вплоть до победы ислама в 642 г. н. э. Эта Империя была отмечена ахеменидскими традициями, а также возрождением древнеиранской религии.

Сасаниды смогли добиться поразительных военных успехов только потому, что им удалось воспользоваться традиционным видом парфянского вооружения — бронированной конницей. Предположительно возникшую у народов Средней Азии бронированную конницу парфян усовершенствовали. Они применили пластинчатый панцирь, которым были защищены не только всадники, но и кони. Детали вооружения и оснащения этих войск известны не только по сасанидским наскальным рельефам, граффити и археологическим раскопкам, но и из точного описания Гелиодора в его романе «*Эфиопика*» в середине 3 в. н. э.

После точного описания пластинчатого панциря Гели-

одор продолжает: «Одетый в доспехи и как бы упакованный всадник садится на коня, но из-за веса он не может сделать этого самостоятельно, и его поднимают другие. Когда дело доходит до сражения, он отпускает коню уздечку, дает ему шпоры и бросается на врага, как человек из железа или живая железная дребезжащая статуя, копьё направлено по горизонтали и держится кольцом на шее лошади. Конец древка висит на петле на шенкеле и при ударе не отходит назад, а поддерживает руку всадника, которому нужно только отразить удар. Если он ложится на копьё и всем весом нажимает на него, то пронзает все, что попадается ему на пути, и одним ударом порой поднимает двух человек» (IX, 15).

Тяжелая кавалерия этого рода была ядром сасанидского войска, но кроме нее существовали не менее опасные легкие кавалерийские соединения, глубокие рейды которых сбивали с толку любого противника и препятствовали сплошной обороне пограничных зон Империи. С этими соединениями легкой и тяжелой кавалерии были скоординированы подразделения лучников, под градом стрел которых постоянно несли потери римские легионы и вспомогательные формирования. Хотя и с римской стороны со 2 в. н. э. начали брать на службу восточных лучников и бронированных всадников, все равно сасаниды всегда превосходили в этом виде оружия. Ничего не изменил даже тот факт, что римские полководцы начали применять североафриканские кавалерийские соединения с метательными копьями и, наконец, что во второй половине 3 в. н. э. у Милана был поставлен мощный кавалерийский корпус в качестве мобильного резерва быстрого реагирования.

В лице Ардашира I (224—241 гг. н. э.) и Шапура I (241—272 гг. н. э.) сасанидское войско имело государей, способных увлечь за собой других, которые участвовали во всех решающих сражениях. Одной из важнейших дви-

жущих сил Империи сасанидов стала возрожденная религия Заратустры. Очевидно, уже Ардашир кодифицировал и распространил «Авесту», изложенное в 16 пророческих гимнах «*Гатах*» откровение бога Заратустры. Внешним проявлением религиозной активности стало широкое распространение огненных алтарей, которые были изображены на обратной стороне сасанидских монет.

Обнаруженная в 1939 году у Персеполя надпись верховного жреца Кардера, который во второй половине 3 в. н. э. от простого жреческого учителя поднялся до верховного мага, свидетельствует не только об успехах этого человека, но и о силе религиозных импульсов: «Мною укреплена зороастрическая религия, и мудрые люди возвысились в Империи в славе и власти. Еретики и колеблющиеся среди магов, которые не следовали предписаниям, были мною наказаны; они вернулись на путь истины и были прощены. Мною основаны многочисленные священные очаги и поставлены для их поддержания маги; и все это осуществилось по повелению богов, царя и меня самого».

Последовательно и скрупулезно обеспечивали Сасаниды распространение возрожденной ими религии. С толерантностью Аршакидов было покончено; христиане, иудеи манихеи, брамины, буддийские монахи подверглись гонениям. Связь между религией и политикой становилась все теснее.

Возрождение древнеперсидской религии и сознательное восстановление традиций Ахеменидов отразились на сасанидском искусстве той эпохи. В нем также проявилось влияние древнеперсидских форм и представлений. На больших наскальных рельефах это видно по выбору тем, изображению преклонений, триумфов, жертвоприношений и изобразительным средствам. По ним можно понять постановку целей, самосознание и религиозные убеждения новой династии.

Инtronизация Ардашира изображена на двух монументальных наскальных рельефах. Рельеф из Накш-и-Рустам у Персеполя, у знаменитой гробницы Ахеменидов, изображает Агурамазда на коне в тот момент, когда он тоже сидящему на коне Ардаширу передает кольцо правителя. Рельеф из Фирузабада изображает, наоборот, побежденного Артабана V, которого это ставит на одну ступень с Ахриманом, противником Агурамазда. Религиозная легитимация власти Ардашира таким впечатляющим способом была выставлена на всеобщее обозрение.

Это же относится и к городской политике Сасанидов. Здесь не ограничивались только переименованиями, как в случае с Гором неподалеку от Персеполя, который был тогда переименован в Ардашер-Кваррех (Слава Ардашира), но прежде всего в пограничных зонах было построено много новых поселений. В 3 в. н. э. это относилось к лагерям римских военнопленных и принудительному привлечению к трудовой повинности индийских врачей. Известнейшим примером этой концепции является Эйван-и-Керха, построенный Шафуром II на месте разрушенной Сузы. Новый город являлся укрепленным местом для мощного гарнизона, царских мануфактур, а также для римских пленных. Эта политика сопровождалась интенсивной культивацией земли и связанным с этим строительством оросительных сооружений.

Тогда как названные ранее элементы новой политической формации однозначно засвидетельствованы, до сих пор не удалось окончательно исследовать внутренние структуры сасанидской Империи. Строительный процесс образования власти вынуждал сначала во всем объеме сохранить существенные административные ячейки, имея в виду, что власть имущие аристократы отвергали новую систему. Всегда было соблазнительным переносить категории европейского феодализма и чисто средневековый рыцарско-ленный образ жизни на мир Сасанидов. Тем не

менее крайне невероятно, что основополагающие этические и правовые нормы были тождественны.

По крайней мере в начальной фазе этого нового властного образования речь шла о единоличной власти, которая в отличие от последних аршакидских царей имела сильное централизованное ядро. Именно об этих бурных десятилетиях 3 в. н. э. с их часто резкой сменой театра военных действий и больших наступлений известные до сих пор исторические источники дают недостаточно сведений, чтобы свести в общую картину конкретные особенности управления и организации Империи.

Подобные же оговорки относятся и ко всем попыткам понять общественную структуру сасанидской Империи как целого. Традиционные модели, которые в большинстве случаев исходят из деления на сословия, подразделяя их на сословия жрецов, воинов, чиновников, народа, крестьян и ремесленников, неудовлетворительны уже потому, что не учитывают значительных региональных различий.

Само собой разумеется, точно известен широкий базис большей части населения. Его составляло большое число мелких свободных крестьян, пастухов, ремесленников, торговцев и мещан. Затем следует существенно меньший слой «свободных людей», мелких землевладельцев и низшего дворянства, лиц, которые частично работали налоговыми чиновниками или бургомистрами и занимали промежуточное положение между слоями мелких крестьян и мещан, с одной стороны, и аристократией — с другой.

На следующей ступени «великих и могущественных» стояли представители семи древних, особо привилегированных семей. В их руках находились традиционные, передающиеся по наследству компетенции и обязанности, например командование конницей или руководство внешнеполитическими связями. Как показывает анализ имен, среди них были древние парфянские аристократические

семьи, обязанные своим положением Сасанидам. На вершине аристократии Империи, непосредственно ниже правящей династии, стояла небольшая группа высшей знати, которую составляли вассальные цари и побочные линии Сасанидов. Особое положение вне этой общественной пирамиды занимали представители армии и жрецы. Для обеих групп предоставлялись особые привилегии, но приоритеты у них были различными.

Многое из этой внутренней структуры персидского государства оставалось скрытым для пограничных соседей. Римские историки этой эпохи, такие, как Кассий Дион и Геродиан, не знали того, что происходило по ту сторону Евфрата, хотя вообще они были хорошо информированы о событиях на Востоке. Для Рима решающим стало то, что Сасаниды в отличие от парфян не признавали римское влияние на Ближнем Востоке и перешли к широким военным наступлениям. Тот факт, что инициативы первого сасанидского царя были направлены не только против Запада, объясняется тем, что и без того катастрофическое положение римлян было ослаблено. Уже Ардашир на востоке своей сферы власти отбросил среднеазиатские племена, которые поселились на территории восточных сатрапий Империи Ахеменидов. Его наступления распространились до Аральского моря и современного Пакистана, а его преемник Шапур I, назвавший себя царем царей Ирана и не-Ирана, распространил сасанидское влияние до устья Инда.

Германцы в 3 в. н. э.

Коренные изменения на соседних территориях по ту сторону римской границы на Рейне и Дунае в 3 в. н. э. становятся явными уже по названиям важнейших германских противников Империи. Вместо известных по тацитовскому описанию этнических единиц на первый план выдвинулись теперь названия новых динамичных больших объединений. В этих изменениях отражаются широкое переселение народов, наступления и нападения на Империю, которые были тогда сконцентрированы в трех больших горячих точках: на территории Верхнего Рейна и Верхнего Дуная, на Нижнем Рейне и во всем балканском и черноморском регионе. Во всех этих регионах инициатива почти исключительно находилась в руках германской стороны.

Название «аламанны», как уже было упомянуто, встречается в античных сообщениях первый раз у Кассия Диона в связи с описанием событий 213 г. н. э. Однако он говорит не о новом германском племени, а скорее о союзе старых этнических групп. Этот союз с большой долей вероятности был образован прежде всего из свевов, а кроме того включал в себя группы тюрингов и гермундулов. Другая связь существует также и с миграцией семионов, которые когда-то жили восточнее Верхней Эльбы, а после 174 г. н. э. больше не упоминались. Еще в античности

это новое понятие *аламанны* интерпретировали, как «сообщество мужчин».

Но решающим моментом этого нового образования является не сам факт слияния старых сил, а ударная сила их передвижений. Еще в резюме Аврелия Виктора о первых сражениях с ними говорится о «многочисленном племени, которое удивительно сражается на лошадях». Для будущего положения на верхнегерманской и ретийской укрепленной границе характерно, что это аламаннское объединение заняло место ассимилированных и частично полуроманизированных пограничных соседей. Передвижения этого объединения так часто возобновлялись потому, что они распространяли дальше обширные перегруппировки среднеевропейских групп населения.

После первых сражений в 213 г. н. э. в 233 г. н. э. последовало новое наступление аламаннов. Хотя за это время были значительно усилены пограничные сооружения, им удался глубокий прорыв. Размеры его опасности известны не только по античным сообщениям, но еще больше по археологическим находкам. Так, тогда была разрушена построенная только в 213 г. н. э. крепость Гольцгаузен, а в крепостях Каперсбург, Зальцбург, Фельдбург и Цугмантель под угрозой новых опасностей, усилилась деятельность по строительству укреплений.

Потрясения этого рода оказали воздействие также и на тыл укрепленной границы, что видно по частоте находок кладов монет. Для 233 г. н. э. клады прослеживаются вплоть до предгорья Альп, на юго-западе Германии прежде всего в долине Некара и в Верхней Швабии. Если такое распространение кладов и не доказывает прямо глубину аламаннских наступлений, оно безоговорочно свидетельствует о зонах беспокойства и нарушения порядка.

233 г. н. э. стал переломным для всего юго-востока Германии. Хотя аламаннское нашествие в конце концов было приостановлено и позже нейтрализовано контрнас-

туплениями Максимиана Тракса, десятинные земли между границей, Рейном и Дунаем превратились теперь в опасный район боевых действий. С экономической точки зрения вторжение аламаннов означало для юго-восточного германского региона начало упадка римского владычества. На нем лежит основной акцент длящегося еще три десятилетия тяжелого времени вплоть до окончательного отказа от этой территории.

Широкие горизонты кладов и катастроф для верхнегерманского региона засвидетельствованы на 254 и 259/260 гг. н. э. Теперь не было в распоряжении достаточных военных сил для ответных действий. Распределение и объемы находок римских монет свидетельствуют, что с римской стороны события предоставили их собственному течению. Граница планомерно не укреплялась, не было и преемственности в поселении римских пограничных войск. Цепь аламаннских вторжений послужила скорее началом длящегося десятилетия процесса паралича, который где быстрее, а где медленнее привел к затуханию римского образа жизни. Он отразился в резком сокращении до отдельных островков пространств денежного хозяйства. Своими собственными силами регион римских *десятинных полей* был не в состоянии сохранить старые нормы хозяйствования и цивилизации, и средства Империи, которые их когда-то создали, начали теперь иссякать.

С точки зрения Рима, захват земель между Рейном и укрепленными границами казался второстепенным. Ни военные, ни экономические причины не вынуждали здесь к борьбе любой ценой. Правда, к концу 3 в. н. э. при Шробе и Диоклетиане были еще раз сделаны попытки отвоевать потерянное, но настоящим вопросом существования занятие аламаннами десятинных земель никогда не считалось. Даже когда в 4 в. н. э. были предприняты туда римские наступления, они в первую очередь пре-

следовали цель ослабить и оттеснить нового сильного противника.

Это римское представление об аламаннах станет понятным в том случае, если учесть, что радиус их вторжений не ограничивался землей между Рейном и укрепленными границами. Так, в 260 г. н. э. они продвинулись до Италии, где у Милана были побеждены Галлиеном. Вторжения в Италию и Галлию повторились, хотя их ход в деталях точно реконструировать невозможно.

Наоборот, известны последствия на римской стороне. В качестве важнейшего нужно назвать образование в 260 г. н. э. отдельной галльской Империи, когда стала очевидной неудовлетворительность римской обороны на этой границе, и армия и население Галлии взяли свою судьбу в собственные руки. Также и на юге десятичных полей, на территории современной Швейцарии, аламаннские наступления велись с большой активностью. На 260 г. н. э. доказано присутствие римских войск, в Виндониссе были усилены крепости, в верховье Рейна построены наблюдательные башни и убежища для населения. Благодаря местным инициативам и центральным указаниям в этом районе возникла оборонительная система, носящая новые черты. Она не состояла, как в прежние времена, из больших лагерей и крепостей, а только из большого количества башен и маленьких укреплений.

То, что особенно сильно отразилось на земле Швейцарии и особенно хорошо исследовано, относится и ко всему пограничному пространству Империи: Империю теперь окружал оборонительный пояс с целой сетью опорных пунктов и защитных сооружений. В этих сооружениях защищали не только прежние военные позиции, но в первую очередь свои семьи и имущество. Интенсификация обороны в процессе аламаннских нашествий понуждала к новым подразделениям. Велением времени для армии, для укреплений, а также и для областей подчинения были

маленькие единицы. Теперь для поселений стали характерными защитные сооружения на горах, полуостровах и возвышенностях.

Те же самые предпосылки, что и у аламаннов, относятся к франкам. И у них сначала речь шла не о цельной племенной единице, а о динамичном объединении более древних племен; прежде всего бруктеров, хамавов и салических франков. В тридцатые годы 3 в. н. э. там также произошли первые беспорядки; в середине века вызванные франками волнения распространились до среднего Рейна. Только усиление римской обороны в этом пространстве галльской Империи переместило активность франков опять в нижнерейнский сектор. В 260 г. н. э. был разрушен Траехт (Утрехт), франкские поселенцы твердо стали на ноги уже на левом берегу Рейна; через поколение франки завладели также древней землей батаверов.

Битвы против франков продолжались до времен Константина. С безжалостной жестокостью вел против них войну молодой император, и при нем появились на мечах олицетворения их грозных противников на рейнском фронте — *Франции* и *Аламаннии*, как окончательно побежденных. Это были последние конкретные покорения, которые прославляла императорская монетная эмиссия, однако и этим успехам не суждено было долго держаться.

Промежуточный итог для рейнского фронта показывает, что территориальные потери в результате вторжений аламаннов и франков были значительно меньше, чем экономические потери в галло-германских провинциях и в самой Италии. В отличие от отказа от Дакии потерю *десятичных полей*, по римским критериям земли без больших городов и без особых экономических функций, можно было перенести. Однако продолжающееся десятилетия стремление к разрушению, которое охватило тогда всю Галлию, опустошало эту процветающую землю. Многие

разрушенные храмы и форумы городов, многие памятники не были восстановлены. Нет более красноречивого доказательства, чем тот факт, что из их развалин были построены городские стены.

Ситуация в 3 в. н. э. изменилась также и в районе среднего и нижнего Дуная. При Галлиене напомнили о себе маркоманны, когда они в 254 г. н. э. напали на лишенную тогда войск Паннонию и продвинулись до района Равенны. Однако были оттуда отброшены и удовлетворились уступкой земли вблизи верхнегерманской границы. Договор был санкционирован еще и тем, что Галлиен взял в жены дочь маркоманнского царя. Такой же была роль квадов, вандалов и бастарнов. Все эти племена участвовали в нападениях на Римскую Империю, которые обрушились во второй половине 3 в. н. э. прежде всего на Дунайские провинции; но решающей движущей силой развития они тем не менее не были.

Гораздо более активными и опасными проявили себя не покоренные Римом, но бежавшие из Дакии группы так называемых дакских свободных племен, прежде всего карпов. Со времени Каракаллы они постоянно нападали на Дакию и Мезию; высшей точки их вторжения достигли в середине столетия. Хотя немало римских императоров украшало себя победным именем *Карпийский*, как Филипп Араб или Карпийский Великий, как Аврелиан или Дакский Великий, как Каракалла, Максимин Фракиец, Деций или Галлиен; эти набеги закончились только в тот момент, когда Аврелиан в начале семидесятых годов 3 в. н. э. поселил большую часть этой группы южнее Дуная.

Совсем другие исторические размеры приобрели походы готов. Их авангард еще в 120 г. до н. э. образовывали кимбры и тевтоны. Второй волной за ними последовали еще в 1 в. до н. э. вандалы. Параллели между археологическими находками в Силезии, принадлежащими к этому времени, и более древними в Северной Ютландии при-

близительно очерчивают радиус походов вандалов. То есть это дает возможность с большей долей вероятности предполагать, что вандалы из своего первоначального места проживания в Северной Ютландии продвинулись в область устья Одера и Вислы, откуда позже были изгнаны готами. В конце концов, они надолго осели на территории Верхней Силезии.

Третьим звеном этой цепи были бургунды и ругии, которые сначала жили в землях северо-восточнее от вандалов на побережье Балтийского моря. Четвертую волну этого большого потока вне всяких сомнений представляют походы готов. Вызваны ли они, как и все остальные, изменением климата, связанного с оседанием берегов, как это принято считать в настоящее время, однозначно доказать нельзя.

Современные попытки реконструкции готских походов опираются в большинстве своем на фрагментарно сохранившиеся и, как правило, неподробные письменные сообщения, а также на анализ археологических находок. В центре литературных источников стоят те выдержки, которые собрал в 551 г. н. э. Иордан из двенадцатитомной истории готов Кассиодора, канцлера Теодерика. Понимание и оценка археологических находок не менее проблематичны, чем интерпретация частично идеализированных, по крайней мере, односторонних письменных сообщений. Тем не менее сравнение керамики из района устья Вислы и нижнепомеранского побережья с керамикой из страны вестготов дает основание для определения пути первой фазы готского похода на рубеже новой эры. Дальнейшие его пути даже с помощью комбинаций археологических доказательств и данных Иордана остаются только гипотезами.

С некоторой долей вероятности поход проследовал сначала вдоль течения Вислы на юго-восток. После перехода болот Ракитно он достиг названной у Иордана области Оций, которая идентифицируется с украинским черно-

землем. Иордан дальше сообщает о катастрофе на мосту, которая якобы привела к разделению готов. Проследовали поход вдоль Днепра, не столь достоверно, как это часто представляют; в 3 в. н. э. не Днепр, а Днестр разделил остготов от вестготов. Во всяком случае вестготы тогда владели территорией между Днестром, Карпатами, Валахией и нижним Дунаем, остготы — по обеим сторонам Днепра до Азовского моря и Дона на востоке. Радиус, по которому передвигались отдельные готы, был гораздо шире: в буддийском храме, расположенном в 120 км севернее Бомбея сохранились две надписи середины 2 в. н. э., в которых в качестве жертвователей упомянуты готы Ирила и Кита.

К вестготам и остготам в течение 3 в. н. э. присоединились другие германские группы. Около 250 г. н. э. на Крымском полуострове было основано поселение так называемых крымских готов, которые внутри готского сообщества сохранили относительную самостоятельность. Около 267 г. н. э. в качестве жителей Приазовья появились герулы. Они долгое время были совершенно независимыми и только при Эрманарике интегрировались в Остготскую Империю. У подножия Карпат, особенно в Северной Трансильвании, то есть севернее от вестготов, в середине 3 в. н. э. осели гепиды. Они, как и готы, некоторое время проживали на Нижней Висле, так как еще в 6 в. н. э. острова в дельте Вислы назывались Гепидскими островами.

В своих новых местах проживания готы соприкоснулись с сарматскими группами населения, наряду с уже упомянутыми язигами, особенно с аланами к востоку от Дона. Этот кочевой народ значительно повлиял на вооружение и способ ведения войны готов. Теперь образовалась мощная готская конница, которая переняла у аланов копьё, длинные мечи и частично кольчуги. Благодаря это-

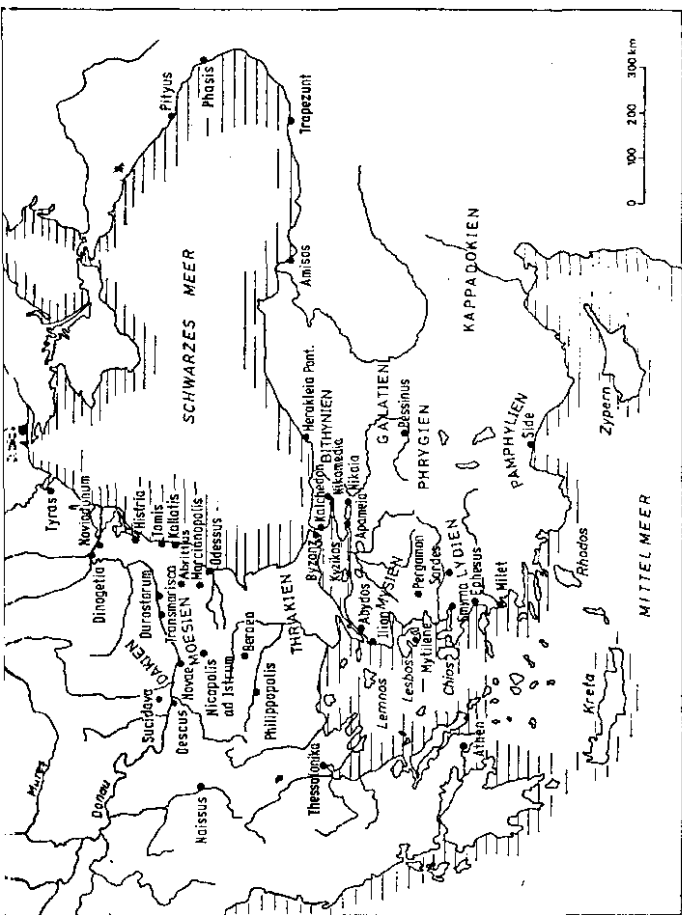

Рис. 51. Нашествия готов

му, а также благодаря многократной смене колесниц готские атаки приобрели динамичность и мобильность.

Иордан так описывает ситуацию перед серединой 3 в. н. э.: «Этот народ чудесным образом проявил себя на земле, где он жил, то есть на берегах Черного моря в Скифии; он неоспоримо удерживал такие огромные земли, так много морских бухт, так много рек: под его кулаком часто лежал на земле вандал, на продажу выставались пленные маркоманны, обращались в рабство квады. При правлении... Филиппа (Араба, 244—249 г. н. э.) над римлянами... готы из друзей превратились во врагов, потому что их лишили их дани. Когда они при своих царях жили раздельно, они являлись союзниками Римской Империи и ежегодно принимали налоги. Короче, Острогота перешел тогда со своими земляками Дунай и разграбил Мезию и Фракию» («Гетика», XVI, 89).

Нашествия готов и союзных с ними групп с короткими перерывами продолжались десятилетиями. После середины столетия они многократно являлись главным театром боевых действий Империи, который, правда, довольно часто был одним из многих фронтов, так как она была перегружена особенно войной с Сасанидами и с узурпаторами внутри самой Империи. Век спустя Аммиан Марцеллин так описал те походы: «Полчища скифских народов (готы и союзные с ними племена Причерноморья) с 2 000 кораблей переправились через Босфор и Геллеспонт и причинили после своей переправы тяжелое несчастье на воде и на земле, но, когда они возвращались домой, то потеряли много своих людей. Пали в борьбе с варварами императоры Деции, отец и сын. Были осаждены города Памфилии, опустошены многие острова, пожаром сожжена вся Македония. Долго враги осаждали Фессалонику и Кизикос. Ими был завоеван Анхиал и почти в то же самое время Никополь, город, который когда-то основал император Траян в память о своей по-

Рис. 52. Портрет императора из Нидербибера (Гордиан III?)

беде над даками. После многочисленных кровавых поражений с обеих сторон ими был разрушен Филиппопель, после того как внутри его стен были убиты 100 000 (?) человек, если анналы сообщают правду. Без стеснения прошли враги через Эпир, Фессалию и всю Грецию; но после того как император Клавдий (Готик) вступил на трон, проявил себя победоносным полководцем и слишком рано умер почетной смертью, они были изгнаны Аврелианом, энергичным человеком и неумолимым мстителем за все зло, и долго сидели тихо, и только позже их разбойничьи банды вторгались иногда в пограничный район империи» (31, 6, 15).

Уже этот первый очерк готских вторжений показывает размер опасности, которую они представляли для всего римского Востока. К катастрофам и потерям, которые, конечно, были не легче, чем на Западе, нужно добавить, что римская власть на Востоке Империи больше не справлялась со своими задачами. Выплаты субсидий предполагаемым союзникам, отказ от дакского внешнего бастиона и расселение германцев в пограничных областях были уступками внешнему давлению, которые давали лишь временную передышку. Правда, все еще удавалось удерживать римское господство на Нижнем Дунае, но уже чувствовалось, что динамичные соседние племена однажды преодолеют все преграды, потому что здесь, в отличие от аламаннов и франков, появились гораздо большие группы населения.

Из многочисленных реакций на постоянную угрозу со стороны пограничных соседей и переселения народов, которые оказали влияние на все сферы римской жизни, в качестве примера назовем одну — изменение способа поселений и картины городов. Тогда как при принцепате для городов была правилом почти неограниченная протяженность, процесс роста без учета соображений обороны, теперь нормой стала концентрация поселений в местах

максимально благоприятных для защиты. На Западе этот процесс особенно четко проявился в случае со Страсбургом. Там римский город вернулся теперь к той территории, с которой он начал свое развитие, к ареалу легионерского лагеря на острове Иль. В константиновское время там, наконец, сделали выводы и пожертвовали территорию внутренней городской черты в пользу монументального городского укрепления.

В самом Риме тоже уже при Деции началась постройка городского укрепления. При Аврелиане была сооружена частично сохранившаяся до сих пор стена с типичными четырехугольными кирпичными башнями. Не только в особенно подверженной нападениям готам Греции, но и в Италии были тогда укреплены многочисленные города. Едва ли другой признак более красноречиво указывает на конец долгой эры мира, как этот конец свободных поселений, который предвещал жизнь в охраняемых ячейках позднеантичных городов.

Римская империя при солдатских императорах (235—284 гг. н. э.)

*От Максимина Фракийца до Траяна Деция
(235—251 гг. н. э.)*

Максимин Фракиец, который после убийства Севера Александра и Мамеи в 235 г. н. э. был провозглашен императором войсками, сконцентрированными в Майнце для похода против аламаннов, был первым солдатским императором в узком смысле слова и одновременно типичным представителем этого нового вида римского правителя. Происхождение этого сына фракийского пастуха позже по совершенно прозрачным причинам было еще больше варваризировано; по «*Истории августов*» он якобы был сыном бога и одной аланки. В наше время это свидетельство привело к тому, что в Максимине Фракийце стали видеть римского императора германской крови. Об этом не может быть и речи.

Правда, этот опытный воин обладал невероятной физической силой; портрет на монетах показывает жесткость беспощадного человека, который во всех отношениях казался полной противоположностью своего изнеженного предшественника. Новый правитель, служа кавалеристом, ступень за ступенью поднимался по служебной лестнице и, наконец, на пути к всадническому сословию достиг высочайших должностей. Сначала префект Месопотамии,

в 234 г. н. э. он получил поручение сформировать в Паннонии и Иллирии войска для войны с германцами. Несмотря на свою суровость, был любим в армии, настолько был чужд сенату и столице. Как император он никогда не вошел в Рим.

Рис. 53. Деций, бюст. Рим

Первой задачей, которую поставил себе новый император, была война с аламаннами, которой хотели избежать Север Александр и Мамея. По сообщению Геродиана, войско перешло Рейн недалеко от Майнца и продолжило продвижение предположительно в юго-восточном направлении. Применение крупных контингентов восточных и североафриканских вспомогательных групп, особенно лучников, копьёметателей и кавалерии, значительно способствовало удаче римских наступлений. Когда германцы отошли в леса и болота, римляне сожгли поселения, уничтожили урожай и забили скот. Где только было возможно, император разрешал грабить. Однако, с другой стороны, Геродиан прославляет отвагу императорских профессиональных солдат, которые бесстрашно бросались на германцев. Максимиин приказал изобразить эти битвы на огромных картинах и выставить их в Риме перед курией. То, что он принял теперь *победное имя Германик*, говорит не столько о масштабах его успеха, сколько о том, что ему удалось почти на два десятилетия консолидировать положение в Верхней Германии.

Уже в 235 г. н. э. Максимиин Фракиец возвел своего сына Максима в Цезари; свой зимний лагерь он расположил в Сирмии и оттуда в следующие два года провел успешные сражения против сарматов и даков, правда, в деталях ход этих сражений неизвестен. Насколько внушительными были военные акции, настолько драматически развивались события внутри Империи. Так как Максимиин Фракиец в начале своего правления удвоил жалованье и любым способом старался материально обеспечить армию, он беспощадно взимал по всей Империи налоги и особые подати. Чтобы добраться до денег, он предоставил свободу действий доносчикам и совершенно распоясался, когда случился первый заговор.

Современник Геродиан описал тогдашнее положение так: «Ежедневно можно было видеть, как люди, которые

еще вчера принадлежали к богатейшим слоям, сегодня просили милостыню; таким большим было корыстолюбие тирании, которая в качестве предлога пользовалась необходимостью содержать солдат... Когда Максимин, сделав бедными большинство благородных семей, пришел к убеждению, что добыча слишком мала и недостаточна для его целей, он принялся за общественную ответственность, и все деньги, которые города накопили для благотворительных целей и для распределения между горожанами или которые были предназначены для театров и праздников, отнял, как и дары по обету в храмы и изображения богов, и памятные подарки героям; и все убранство общественных зданий и все, что служило для украшения городов, и металл, из которого чеканились монеты — все перешло в тигель. Это поведение крайне ожесточило городское население... И солдаты не были с этим согласны, так как их родственники и друзья упрекали их, потому что Максимин поступал так ради них» (7, 3).

Даже если Геродиан слишком обобщает и преувеличивает, бесспорно, что правление Максимиана Фракийца отличало сильнейшее внутреннее давление. Например, большой Кельнский клад монет показывает, что тогда храмовые сокровища, а также частное имущество в значительном количестве закапывалось, потому что его хотели сохранить от конфискации. Император явно перегнул палку. Под давлением вымогательств началось сопротивление в провинции *Африка*. Когда там прокуратор поднял и без того высокий фискальный налог, арендаторы императорских доменов, колонны и более молодые и энергичные собственники города Фисдра решили оказать сопротивление. В марте 238 г. н. э. они провозгласили императором *проконсула* провинции *Африка* Гордиана I, восьмидесятилетнего старика из знатной римской семьи. Это был один из редких случаев в 3 в. н. э., когда узурпация

была проведена не войском. Претендент сразу же объявил своего сына Гордиана II августом.

Движение Гордианов распространилось очень быстро, это было лучшим доказательством того, как сильно ненавидели жестокое правление Фракийца. Посольству Гордиана удалось добраться до Рима, сенат примкнул к нему. Городской префект и присутствующий преторианский префект, наместник Максимиана Фракийца в столице, были убиты, а с ними много сторонников солдатского императора. Даже провинции на Востоке Империи стали на сторону узурпаторов. Однако в самой *Африке* обстоятельства между тем изменились. Наместник соседней Нумидии во главе гарнизонов в его провинции легиона и грозной мавританской кавалерии вторгся в провинцию *Африка*. Хорошо вооруженные регулярные войска быстро преодолели сопротивление плохо вооруженных инсургентов. Гордиан II пал в сражении, его отцу оставалась только добровольная смерть.

Но в Италии сенат зашел слишком далеко, чтобы вернуться к Максимиану Фракийцу. Еще при жизни Гордианов I и II была создана комиссия из 20 консуляров, нечто вроде исполнительного комитета, который должен был организовать восстание против Максимиана Фракийца и прежде всего руководить сопротивлением против ожидаемого наступления его армии. После сообщения о смерти Гордианов императорами были провозглашены два видных члена комитета — Пупиен и Бальбин. Пупиен при этом не был типичным представителем римской аристократии, но он был опытным офицером и толковым административным чиновником. Его коллега Бальбин, наоборот, происходил из знатной и влиятельной семьи. Однако после провозглашения этих двух новых правителей римский народ настоял на передаче цезарского достоинства еще и внуку Гордиана I Гордиану III.

Оба императора, Пупиен и Бальбин, первый раз в рим-

ской истории получили одинаковые полномочия и почести. Естественно, что они демонстративно подчеркивали свою преданность *отцам-сенаторам* и сохранили комиссию двадцати. Кроме того, в надписях на монетах они патетически уверяли в *своей взаимной любви и взаимном согласии*, но на деле этого согласия не существовало. Правда, сначала военные и организаторские задачи перекрыли все противоречия. С военной точки зрения, положение составших казалось безнадежным, но Максимин Фракиец щедрым денежным подарком снова обеспечил преданность войска. Преисполненная ненависти к метрополии, армия, усиленная германской кавалерией, повернула от Дуная на запад. Казалось, что события в Африке теперь повторились в Италии.

Однако появились силы, о мощи которых никто не подозревал. Города и общины, то есть прежде всего ведущие слои муниципальной аристократии, знали, чего им ждать от приближающегося войска. Во главе с комиссарами сенатских императоров они были готовы на любые жертвы и лишения. Все продовольственные запасы припрятывались или уничтожались, армия Максимиана Фракийца при продвижении обнаружила пустынную, покинутую землю. Эмона (Лайбах), первый большой город, который она встретила на своем пути, был эвакуирован; в войске Максимиана во время этого неподготовленного похода появились первые трудности. Первоначальное воодушевление уже прошло после всех этих мытарств, когда армия подошла к Аквилее.

Аквилея была готова к обороне и полна решимости бороться до конца. Все, что могло быть использовано осаждающим войском, уничтожили; из-за сильных весенних дождей вздулась река Изондо; погода и лишения ухудшали положение войска Фракийца, и настроение совсем упало, когда закончился неудачей первый штурм и были отклонены требования о сдаче. Максимин Фракиец сделал

все, чтобы приблизить катастрофу, свалив вину за все неудачи на своих подчиненных. Перед решительным сопротивлением города Аквилея поник дух этого закаленного в сражениях войска. Максимин Фракиец и его сын Максим были убиты, армия принесла присягу сенатским императорам.

Начиная с Михаила Ростовцева, его положения «об антагонизме между городом и страной» как об «основной движущей силе социальных революций 3 века» («Общество и экономика Римской Империи». Лейпциг, 1931, 205), события 238 г. н. э. подробно изучались в многочисленных исследованиях. Какими бы эпизодическими на первый взгляд ни казались эти события, они соответствуют «геологоразведке», то есть обнажению социальных и политических наслоений и их тектоническому смещению. В этой функции они требуют более подробного рассмотрения.

Восстания 238 г. н. э. были поддержаны разнообразными оппозиционными силами. Но самым ожесточенным по понятным причинам было сопротивление имущих слоев, которые при терроре нового правления боялись за свою собственность, привилегии, социальное положение. При этом характерно, что общность интересов имущих слоев не выходила за рамки старых сословий, сенат и муниципальная аристократия стали важнейшими оппозиционными группами, причем поведение муниципальной аристократии в Северной Африке не отличалось от поведения в Верхней Италии.

Мотивы тех сенаторов, которые выступали против солдатского императора, точно определить нельзя. Разумеется, отдельным из них новый режим испортил карьеру, они потеряли ключевые посты в армии, администрации, влияние и власть, принадлежали ли они к *совету принцепса* Севера Александра или нет. Однако гораздо более серьезной была угроза существованию этого слоя, экономичес-

кий базис которого теперь был в опасности. Солдатский же император, который должен был собирать огромные суммы, чтобы удовлетворить свой единственный оплот — армию, с его точки зрения не имел другого выбора, кроме как выкачивать деньги у богатых.

Правда, прошло некоторое время, пока был осознан весь масштаб этой политики. Представители муниципальной аристократии в городах отреагировали так же, как и сенат. В Северной Африке и Италии им удалось мобилизовать всех от них зависящих против нового режима, против «тирана» и его приспешников. Ненависть восставших сосредоточилась не только на Максимине Фракийце, но и на всех даже случайно находящихся в этой части империи чиновниках, командирах и судьях, даже на простых солдатах и низших чинах, которые, конечно же, не могли нести ответственность за эксцессы нового курса. При этом североафриканские арендаторы играли сначала в восстании такую же важную роль, как и организованная молодежь из городской буржуазии.

Однако и низшие слои городов и страны тоже примкнули к восстанию, и они видели угрозу в императоре и его военном аппарате. *Городской плебс* Рима, правда, уже давно шел своим собственным путем и не был безвольным инструментом в руках сената. На первом месте для него стояло продовольственное снабжение, которое мог гарантировать только богатый император. Поэтому приходит мысль, что *плебс* Рима выступил по материальным мотивам за молодого Гордиана III, который слыл необыкновенно богатым и от которого он в самом скором времени мог ждать удовлетворения своих потребностей.

Какой бы маленькой ни была собственность *городского и деревенского плебса*, но ее они тоже могли потерять, так как армия обеспечивала себя за счет земли, по которой она продвигалась. Без этого широкого базиса города Северной Италии никогда бы не смогли оказать сущес-

твенного сопротивления. Их успешная оборона свидетельствует, какими живучими были местные силы, если речь шла о сохранении их имущества. События 238 г. н. э. являются яркой иллюстрацией ожесточения, с которым широкие массы населения защищали свою собственность от возрастающих требований армии и императора. Они определяют также и границы солдатской императорской власти, которые она не смогла соблюсти, очевидно, опираясь только на армию. Крах Максимиана Фракийца показывает, что консолидация власти солдатского императора может осуществляться только тогда, когда он сумеет обеспечить себе широкий базис или создать государственный аппарат в соответствии с его интересами. Это удалось только Диоклетиану.

После падения Максимиана Фракийца Пупиен, который принял капитуляцию войска перед Аквилеей, вместе со своим соправителем Бальбином и Гордианом III торжественно вошел в Рим. Однако там императоры допустили ошибку, оставив в городе иллирийскую гвардию; сразу же начались интриги. Преторианцы проявили свою прежнюю заносчивость, на улицах города дрались с народом и подожгли часть Рима. Наконец, изловили Пупиена и Бальбина и убили их в своем лагере.

Из правителей остался только Гордиан III, который, будучи *августом*, мог править единолично, но сейчас уже нельзя узнать, кто за него фактически осуществлял власть. Как показывают замещения должностей в империи, влияние сената сохранилось. Одним из важнейших полководцев тогда был Менофил, который руководил обороной Аквилеи и теперь как наместник Нижней Мезии отражал набеги карпов и готов. На ключевых позициях появляются и другие члены сенаторского исполнительного комитета.

Тогда как внутри государства административная машина функционировала бесперебойно, в пограничных

районах очень быстро обозначились очаги опасности. Гордиан III расформировал в Северной Африке легион, который подавил восстание обоих Гордианов. Но этот вполне понятный акт возмездия оказался опасным. Когда в 240 г. н. э. в Карфагене восстал узурпатор Сабиниан, было невозможно применить против него боеспособные войска; вспомогательные формирования, которые заняли место легиона, располагали небольшой ударной силой. Прошло много времени, пока был подавлен этот африканский мятеж.

Очаг опасности на Нижнем Дунае Менофил смог удержать под контролем. Самым тяжелым было положение на Ближнем Востоке, где Шапур I уже в год своего вступления на престол, в 241 г. н. э., развернул новые наступления, требовавшие принятия немедленных контрмер. Ими руководил Тимесифей (Гай Фурий Сабин Аквила Тимесифей), который начал с командования над вспомогательной группой и в типичной для всадника последовательности должностей в провинциальной администрации и на императорской службе поднялся до преторианского префекта.

Тимесифей проявил себя не только на военной и административной службе, он был прежде всего предан Гордиану III, который женился на дочери Тимесифея. Получив большие воинские соединения, которые во время своего марша на Ближний Восток в 242 г. н. э. отбросили напавших на Фракию карпов, Тимесифей в 243 г. н. э. начал контрнаступление. В Сирии стабилизировалось римское господство, Карры снова взяты, сасанидское войско разбито у Ресаины в верхнем течении Хабора. После взятия Низибиса и Сингары уже начался новый прорыв на Ктесифон, когда Тимесифей умер.

В качестве преторианского префекта, а фактически главнокомандующего, на его место заступил арабский шейх из Гаурана Марк Юлий Филипп. В отличие от Тимесифея

он не довольствовался ролью второго. Трудности со снабжением, возможно, созданные специально, были непосильным бременем для молодого императора. Армия роптала и после недостойного спектакля, когда Гордиан пытался по крайней мере спасти свою жизнь, в феврале 244 г. н. э. император был убит у Заифы. Филипп Араб вступил в наследство.

На трон снова взошел человек с Востока. В отличие от дома Юлии Домны он происходил не из городского центра древней цивилизации, а из скудной и мрачной гористой местности. Он всегда демонстрировал приверженность своей родине и семье. Так, он свою родную общину севернее от Босны возвысил в ранг колонии и дал ей имя Филиппополь. Совершенно в стиле столицы он оборудовал его термами, театром и двором, но прежде всего монументальным храмом богу Марину, которым сделал своего покойного отца.

Как и у Северов, для Филиппа Араба было характерным явное династическое мышление. Для него было само собой разумеющимся, что он сразу же сделал Августой свою жену Отацидию Северу и несколько лет спустя почтил ее тем же титулом, который был введен для сирийских императриц: *мать Августа и сената, и лагерей, и отечества*. Семилетний сын Филиппа, тоже Филипп, сразу же после прихода к власти отца стал Цезарем, а в 247 г. н. э. Августом и, наконец, верховным жрецом. В управлении Империей Филипп Араб, возможно из недоверия, тоже опирался в первую очередь на родственников. Он назначил своего брата главным наместником восточных провинций, зятя — наместником дунайского региона. Вне сомнений, это вызывающее предпочтение родственникам позже спровоцировало решительное противодействие.

Сам император стремился различными способами получить признание сената; он придавал большое значение

взаимному согласию с сенатом. А вот в продолжении войны с Сасанидами не был заинтересован. Он заключил компромиссный мир, который обеспечил империи владение Малой Арменией и Месопотамией. Уже в июле 244 г. н. э. Филипп был в Риме, где от него ожидали многого, но принимали его частично и с неудовольствием.

Как и советник Гордиана III, Филипп Араб пытался стабилизировать положение внутри Империи. Он объявил общую амнистию всем ссыльным, упорядочил императорское апелляционное судопроизводство и препятствовал злоупотреблениям фиска. Однако в целом тяжелое бремя налогов и податей сохранилось по всей Империи. То, что Филиппу Арабу не удалось устранить злоупотребления военных и чиновников, показывает известная жалоба императорских мелких арендаторов из фригийской деревни Араг. Затравленные люди обратились к императору и его сыну со следующими словами: «В благословенные времена вашего правления, добродетельнейшие и благороднейшие из всех императоров, которые когда-либо были, все остальные радуются спокойной и мирной жизни, так как все зло и угнетение прекратились, одни мы терпим бедствия, которые не подобают счастливым временам; поэтому направляем вам следующую просьбу: мы, жители одного из ваших владений, святейшие императоры, моля о помощи, отдаемся под покровительство ваших величеств. Нас неслыханным образом мучают и сосут нашу кровь те, долгом которых является защищать народ... Эти люди, офицеры, солдаты, государственные магистраты и их чиновники, приходят в нашу деревню и мешают нам работать, реквизируя у нас волов. Они у нас отбирают то, что к ним не относится, вот так мы страдаем от больших притеснений и тягот» (CILIII 14191).

Дальше следует просьба к обоим императорам оказать им помощь, и, очевидно, это произошло. Надпись по конкретному поводу чрезвычайно показательна. Она выражает

наивную надежду на справедливость в непосредственном призыве к императорам. Кроме того, она использует официальную пропаганду о *счастливых временах*. То, что с этими временами было не все благополучно, показывают узурпации, которые были бы немислимы без недовольства провинциалов.

Кульминацией правления Араба был с пышностью отмеченный праздник тысячелетия Рима в апреле 248 г. н. э. Вычисленный Варроном юбилей города сначала отметить не смогли, потому что император руководил сражениями на Нижнем Дунае. Теперь же этот праздничный юбилей провели с традиционными церемониями. Монеты прославляли *вечность Августов*, а также *безопасность земного шара*, и оба императора не скупилась на расходы, на великолепные праздничные игры и щедрые подарки римскому населению. Однако этот впечатляющий праздник не смог скрыть дисгармонию внутри Империи и опасность на ее границах.

Во время всего правления Филиппа Араба настоящий мир так и не наступил. С 244 по 247 г. н. э. продолжались набеги карпов, сам император находился в Дакии, чтобы руководить обороной. В 248 г. н. э. последовал глубокий прорыв готов. К этим угрозам на границах добавилась целая серия узурпаций: Иопациана в каппадокско-сирийском регионе и Пакациана в Паннонии. Против него Филипп послал своего городского префекта Деция. Там события скоро приняли драматический оборот. Когда Деций прибыл на Дунай, Пакациан был уже убит. Деций одержал несколько побед над готами. Легионы восторженно приветствовали нового полководца, человека, который был им гораздо ближе, чем Араб на троне. Летом 249 г. н. э. они заставили его принять корону. Деций предложил Филиппу Арабу компромисс, который, правда, не удался. В сентябре 249 г. н. э. у Вероны войска столкну-

лись друг с другом; Филипп пал в битве, его сын немного позже был убит в Риме преторианцами.

Победоносный Деций сразу же направился в Рим, где сенат присвоил ему почетное имя «Траяна», таким образом теперь его официальное имя было Гай Мессий Квинт Траян Деций. Новый император родился на рубеже двух веков в деревне Будалия у Сирмия в Нижней Паннонии. В его имени, в имени его жены Гереннии Купрессины Этрускиллы и в именах его двух сыновей Герения Этруска и Валента Гостилиана преобладали италийско-этруские элементы с иллирийским ядром, и эта связь двух линий определила общую политику этого императора. В отличие от Филиппа Араба правитель, которого посадило на трон иллирийское войско, происходил из очень богатой senatorской семьи, мог похвастаться респектабельной senatorской карьерой. Однако он сразу же оказался под сильнейшим давлением легитимации, армии, сената и оживившихся реставрационных сил.

После быстрой смены событий 238—249 гг. н. э., после целого ряда узурпаций и феномена восточной династии празднование тысячелетнего юбилея воодушевило традиционные силы и побудило их к действию. Как бы доброжелательно и заинтересованно ни действовал Филипп Араб, он был слишком чужеродным, чтобы удержаться в тот момент на троне, с другой же стороны, недостаточно жесток и хладнокровен, чтобы опираться на террор. Поэтому он и потерпел крах.

Деций же с самого начала проводил реставрационную политику. Широкие круги населения, а особенно верхние слои, как и он, считали, что катастрофы и кризисы были вызваны отказом от древних римских обычаев и ценностей и не в последнюю очередь отказом от старой религии. Убеждения такого рода немногим ранее Кассий Дион вложил в уста Мецената: «Если ты на самом деле хочешь быть бессмертным, почитай богов по обычаю отцов и при-

нуждай других их почитать. Если они от этого уклоняются, возненавидь их и карай и не только ради богов, но и потому, что люди, которые на их место ставят новые божественные существа, создают себе свои собственные законы, из чего возникают заговоры и тайные союзы, что вредно для монархии. Поэтому нетерпимо относись к безбожниками и фокусникам!» (52, 36, 1).

Деций, по-видимому, разделял такое понимание. Его систематическая реставрация и укрепление древнеримских традиций нашли свое выражение в эдикте лета 250 г. н. э., который требовал от всех жителей Империи публичных жертвоприношений официальным богам Римского государства, причем эти жертвоприношения впервые в истории Империи проходили под наблюдением. Они должны были совершаться в присутствии властей или комиссии, об участии в них составлялся документ за подписью двух свидетелей. В форме ходатайства о подтверждении он направлялся в местную жертвенную комиссию, которая подтверждала участие. Такие документы известны прежде всего в Египте, в большинстве случаев в Фаюме, где были переданы свыше сорока таких ходатайств между июнем и июлем 250 г. н. э.

Формулировка таких документов звучала так: «Жертвенной комиссии Аврелии Харис из деревни Феадельфия. В вашем присутствии я постоянно приносил жертвы в соответствии с эдиктом и ел жертвенное мясо, и я прошу вас засвидетельствовать это подписью. Будьте здоровы!» (Первый почерк): «В первый год императора Цезаря Гая Мессия Квинта Траяна Деция Пия Феликса Августа 22 паяна» (16. 6. 250 г. н. э), (второй почерк): «Мы, Аврелий Серен и Герм, видели, как ты приносил жертву», (третий почерк): «Я, Герм, подписал» (*Гамбургские папирусы*, 1, 6). Аналогично составленный документ для жрицы египетского бога Петесоуха доказывает, что эдикт Деция касался всех без исключения.

Жертвенный эдикт Деция нужно понимать в первую очередь как религиозно-политическую меру, а не как инструмент целенаправленного преследования христиан. По причине неразрывной связи религии и государства этот эдикт выдержан в традициях римских *молебствий*, которые были приняты еще во времена Республики и совершались во время бедствий или больших побед. При этом речь шла о приношении в праздничных одеяниях общих жертв, акт, который при принципате из-за включения *благополучия Августа* превратился одновременно в акт политической лояльности по отношению к правителю. Какое значение придавалось декретированным Децием жертвоприношениям, следует из того, что в Риме неоднократно присутствовал на религиозных церемониях император, а в Карфагене — проконсул. На основе налоговых регистров население вызывалось на жертвенную или надзорную комиссию. Тот, кто не повиновался первому вызову, получал второй срок для явки; если он опять не появлялся, его ожидали тюрьма, потеря состояния, ссылка, иногда даже пытка, а в отдельных случаях смертная казнь.

Активное участие в жертвоприношениях стало тестом на религиозные убеждения и в соответствии с древнеримскими представлениями тестом на политическую лояльность. Одобренные Траяном методы Плиния Младшего распространялись на всех жителей Империи. Тот, кто уклонялся от жертвоприношений, будь то философ, агностик, неверующий или христианин, ставил себя вне религии и вне политического сообщества Империи. Христиане в любом случае являлись самой большой группой отказников и поэтому были дискредитированы одновременно и политически. Таким образом, жертвенный эдикт Деция неизбежно спровоцировал гонения на христиан.

250 г. н. э. принес одновременно обострения боев на Нижнем Дунае. В Рим пришли роковые известия, что кар-

пы напали на Дакию, а готы на Мезию. Деций отправился в район боевых действий и одержал победу над готами Книвы у *Никополя на Истре*. Но он не смог воспользоваться этим успехом и отправился на север, чтобы отбросить карпов из Дакии. Судя по всему, это решение вызвало последующие катастрофы. Книва между тем продвинулся на юг и перешел Балканы. Правда, Деций последовал за ним форсированным маршем через Шипку, однако у Береи он был внезапно атакован и разбит. С тяжелейшими потерями римское войско отошло на север.

Поражение Деция у Береи имело еще и другие тяжелые последствия. Город Филиппополь (Пловдив) уже долгое время был осажден готами. Отрезанные там римские войска под командованием наместника Юлия Приска после катастрофы у Береи оказались в безвыходном положении. Сначала Приск был провозглашен императором, потом город капитулировал в надежде на сносную участь. Но были убиты тысячи жителей и солдат, остальных взяли в плен, сам Приск погиб в столкновениях.

Насколько тяжелым было поражение римлян у Береи, видно уже из того, что прошло полгода, прежде чем римская оборона снова приобрела форму. Рассеянные группы римских соединений собрались в районе Эска на Дунае, но готы оставались бесспорными хозяевами Балкан. Только в июне 251 г. н. э. Деций еще раз провел сражение у Абритта в Добрудже, причем скорее всего он попал в готскую западню, потому что добровольно вряд ли бы решился выбрать для битвы болотистую местность. Этот день стал одной из тяжелейших катастроф Империи. Деций пал в сражении после своего сына Геренция Этруска, которого император за несколько дней до этого сделал Августом.

Крушение римской власти на Нижнем Дунае было полным. Не было больше войска, способного удержать готов. Вообще нечего было и думать о единодушном сопро-

тивлении. Правда, императором провозгласили Галла, легата Нижней Мезии, но настоящей власти у него не было. Он вынужден был наблюдать, как готы по-прежнему грабили и опустошали, а потом с добычей и пленными уходили за Дунай. В придачу им была обещана ежегодная высокая дань, чтобы они не соблазнялись новыми набегами.

Правление Деция кончилось полной катастрофой. На портрете императора в Капитолийском музее изображено лицо, на котором до крайности усилены напряжение и тяготы правителя. В нем поразительным образом отражены заботы, сознание кризиса и беды, кажется, что даже предугадано само крушение. Традиционные заклинания о «вечном Риме» на монетах, признания иллирийского геня и геня иллирийского войска, демонстративных изображений Паннонии и Дакии на монетах, все призывы и попытки реставрации оказались безуспешными.

Империя между Требонианом Галлом и Диоклетианом (251—284 гг. н. э.)

После смерти Деция отношения на вершине Империи складывались бурно. В Риме при сообщении о гибели правителя его второй сын Гостилиан был утвержден сенатом Августом, однако решающей фигурой стал возведенный на трон дунайской армией Требониан Галл. Он сразу же сделал своего сына Волузианна сначала Цезарем, а потом Августом, но, с другой стороны, усыновил Гостилиана, он вообще стремился оказать все почести Децию и его семье. До возможного соперничества дело не дошло, потому что вскоре Гостилиан умер от чумы.

Вместе с сыном Требониан Галл поспешил в Рим, чтобы и там укрепить свою власть. Решение проблемы на Нижнем Дунае он поручил выходцу из Мавритании Эмилиану, как оказалось, совсем неплохое, но очень опасное решение. Эмилиан в течение 252 г. н. э. сумел не только прогнать готов, но в рамках карательной операции преследовал их за Дунай. Войско, приведенное от катастрофы к победе, ответило провозглашением своего командира императором. Он начал поход на Италию, чем застал Требониана Галла врасплох. Поднятые им соединения, прежде всего части рейнской армии, еще не выступили, когда Эмилиан уже стоял в Умбрии. Перед массовой атакой дунайских легионов уступающие им подразде-

Рис. 54. Галлиен, портрет. Рим

ления Галла разбежались у Интерамны. Требониан и Во-
лузианн нашли там смерть весной 253 г. н. э.

Однако приверженцы Требониана Галла смогли отпраздновать его посмертный триумф. Когда поднятая на ноги Галлом и собравшаяся в Реции группа рейнской армии узнала о катастрофе, она встала на сторону своего командира Луциния Валериана, который тут же был провозглашен императором и отважился на вторжение в Италию. То, что этот поход большей части рейнской армии развязал новые разбойничьи нападения аламаннов, нико-го не волновало. Войска Эмилиана потерпели поражение, сам он был убит, в конце лета 253 г. н. э. Валериан вошел в Рим.

Происходящий из знатной семьи Валериан был уважаемым пожилым человеком в возрасте 63 лет, сыгравшим выдающуюся роль в администрации при Деции. Можно было ожидать, что он и дальше проявит себя как хороший администратор. Однако ему для этого не представилось удобного случая. Со времени похода Эмилиана из дунайского региона на всем Востоке драматически ухудшились с таким трудом стабилизированные отношения. На Нижнем Дунае, в Малой Азии и на всем Ближнем Востоке Рим терпел катастрофические поражения. Тогда как сарматские вторжения и уже упомянутые готские набеги и разбойничьи походы терроризировали обширную часть Греции и Малой Азии, с 252 г. н. э. сасанидские войска нападали на Месопотамию и Сирию. В 253 г. н. э. они взяли Антиохию, разграбили и почти беспрепятственно ушли за Евфрат с добычей и пленными.

Ввиду этого положения Валериан был вынужден взять лично на себя командование на Востоке. Его уже возвы-
шенный в Августы тридцатипятилетний сын Галлиен по-лучил Запад Империи. Валериан расположил в 254 г. н. э. штаб-квартиру в Самосате, но ему долгое время не хвата-

Рис. 55. Пальмира, аэрофотосъёмка

ло сил для большой военной ответной акции. В 256 г. н. э. он потерял Дура-Европос, одну из важных римских оборонительных позиций на Среднем Евфрате. Дура, таково было первоначальное название поселения, была преобразована в крепость Европос Селевком Никатором до 280 г. до н. э., около 100 г. до н. э. она попала в руки парфян, а в 165 г. до н. э. в руки римлян. Вероятно, со времен Севера Александра она являлась резиденцией командующего римской пограничной обороны этого района.

Американские ученые при участии М. Ростовцева провели раскопки, которые обнаружили не только военный центр, но и жилые кварталы, многочисленные храмы и культовые здания, среди них украшенная фресками из Нового Завета синагога и преобразованный в церковь жилой дом, который находился за башней городской стены. Находки в Дура-Европос свидетельствуют о наслоении восточных, эллинистических, иудейских и христианских элементов, удивительно сильна и преемственность арабских и пальмирских форм.

Как показывают раскопки, в 256 г. н. э. за крепость велось ожесточенное сражение. Сасанидам и на этот раз удалось взять город. Даже если отдельные наступления сасанидов терпели неудачу, а некоторые римские контрудары удавались, что отметила римская монетная эмиссия *Парфянская победа*, кризис достиг своей высшей точки, когда Шапур I в 260 г. н. э. открыл новое наступление по широкому фронту, приведшее к тяжелейшей катастрофе из всех, которые римляне потерпели на Ближнем Востоке. Тогда как с римской стороны имеются недостаточные сведения, официальное сасанидское изображение событий известно благодаря памятникам Накши Рустама.

На отвесных скалах севернее Персеполя находится монументальный наскальный рельеф, который изображает

разбитого Шапуром I Валериана, причем римский император стоит на коленях в плаще полководца перед сидящим на коне сасанидским повелителем. Важнейший исторический источник, написанная на трех языках надпись о так называемых *деяниях Шапура I*, была обнаружена только в тридцатых годах нашего века. Эта надпись содержит полный перечень титулов Шапура: «Я, почитатель Мазды, бог Шапур, царь царей иранцев и неиранцев, из рода богов, сын почитателя Мазды, бога Ардашира, царя царей иранцев, из рода богов, внук царя Папака, я — господин Иранской Империи» Дальше идет описание размеров Империи и исчерпывающий отчет о трех больших войнах против римлян. Этот отчет начинается с битв против Гордиана III и кончается триумфом над Валерианом. Под вторым заглавием идет описание религиозной деятельности, о постройке храмов и жертвоприношениях. Наконец, Шапур I подчеркивает свою роль как исполнителя божественной воли и ставит себя в пример потомкам.

В середине надписи находится гордое описание событий 260 г. н. э.: «Во время третьего похода, когда мы атаковали Карры и Эдессу, Карру и Эдессу осадили, император Валериан выступил против нас. С ним были (войска) из Германии, Ретии, *Норика*, Дакии, Паннонии, Мизии, Истрии, Испании, Мавритании, Фракии, Вифинии, Азии, Памфилии, Изаврии, Ликаонии, Галатии, Ликии, Киликии, Каппадокии, Фригии, Сирии, Феникеи, *Иудеи*, Аравии, Лидии, Осрены, Месопотамии: всего 70 000 человек. И по ту сторону Карр и Эдессы у нас была большая битва с императором Валерианом. И императора Валериана мы взяли в плен собственноручно, и *префекта*, сенаторов и офицеров, которые командовали той армией, — всех мы взяли в плен и угнали в *Персию*. И Сирию, Киликию, Каппадокию мы разграбили, опустошили и разрушили».

Дальше идет список взятых городов и результат: «И

МК:

людей, которых мы пленили на римской земле среди не-иранцев, мы депортировали. И поселили их в нашей Империи, в *Персии*, в Парфии, в *Сузиане* и в Ассирии, и в других частях Империи, в которых мы, наш отец и наши предки имели земли».

После поражения Валериана сасаниды продвинулись дальше на запад, пересекли Сирию, снова заняли и разрушили Антиохию. Их войска глубоко проникли в Малую Азию. Но среди этого распада сохранились островки римского сопротивления. Прежде всего Оденаф, правитель Пальмиры, Марциан, который успешно защищал Эдессу, и Каллист, римский главнокомандующий в Малой Азии, стояли во главе сопротивления. Конец Валериана неизвестен, император пропал в сасанидской тюрьме.

Падение Валериана привело на Востоке Империи к попытке узурпации Марциана и Каллиста, к восстанию, которое охватило Египет и часть дунайских легионов. Однако Авреол, командующий центрального римского кавалерийского корпуса, наголову разбил восставших зимой 261 г. н. э. На Востоке Оденаф Пальмирский занял их посты и тем самым стал ключевой фигурой на всем Востоке Империи.

Парадоксальное развитие на Ближнем Востоке, которое в конце концов привело к образованию отдельной Империи Пальмира, становится понятным только в том случае, если учитывать функцию богатого торгового и караванного города на сирийском побережье. Из сохранившегося таможенного и налогового тарифа 137 г. н. э. известно многообразие торговой продукции, которая тогда перегружалась в этом городе: пурпурные ткани транзитного сообщения между Финикией и Персией, благовония, оливковое масло, зерно, мех, сушеные фрукты, бронзовые статуэтки и рабы. На этой торговле основывалось огромное богатство города, о котором свидетельствуют

развалины монументального храма Ваала, коринфские колонны, триумфальные арки, огромная рыночная площадь, один из самых больших театров на Востоке и башни высотой до 37 м.

Существование города зависело от караванной торговли по Евфрату. Когда сасаниды парализовали эту торговлю, они вызвали враждебность Пальмиры. Оденаф не только предоставил надежное убежище аршакидским эмигрантам, он всеми силами вооружился и примкнул к римской центральной власти. Его положение еще больше укрепилось, когда он боролся с узурпаторами, исполняя *долг верности* по отношению к Галлиену. Он был назначен наместником всего Востока. Галлиен предоставил ему полную свободу действий. Уже в 262 г. н. э. Оденаф вернул Карры и Низибис, в том же году продвинулся до Ктесифона и обеспечил своему родному городу торговлю по Евфрату. Здесь наиболее ярко проявилось совпадение пальмирских интересов с интересами Империи.

В разгар этих успешных мероприятий Оденаф в 267 г. н. э. был убит вместе с сыном. Его вдова Зенобия ни на минуту не отдала власть в чужие руки. От имени своего сына Вабаллафа она последовательно продолжала политику мужа. В ее лице на передний план еще раз выдвинулась одна из тех женщин сирийско-арабского региона, которые сыграли такую большую роль в истории 3 в. н. э. Так как силы римского центрального управления еще долгое время были сосредоточены на Западе и на Дунае, Зенобия воспользовалась необычайно благоприятной политической и военной обстановкой.

Пальмирские войска заняли тогда Египет и большую часть Малой Азии. Влияние Зенобии достигло даже Боспора. На короткое время власть Пальмиры выросла до того всемирно-исторического масштаба, как до этого у Карфагена, а позже Венеции. Однако город дорого за-

платил за то, что не захотел действовать по римским указаниям, более того — осмелился создать на Ближнем Востоке самостоятельную сферу власти. Как только у римской центральной власти освободились руки и как только Аврелиан (270—275 гг. н. э.), способный воин, смог настоять на римских требованиях, Пальмирская Империя рухнула так же быстро, как и была образована. Как только Зенобия и Вабаллаф не смогли больше опираться на римский авторитет, египетские, сирийские и малоазиатские города не пожелали признавать главенство Пальмиры. Традиционное многообразие политических и культурных сил помешало принять региональную власть.

В двух походах 271 и 272 гг. н. э. Аврелиан в тяжелых битвах победил восставших. О последних годах жизни Зенобии исторические сведения очень противоречивы. По сведениям «Истории Августов», ее вели в золотых цепях в большом триумфе Аврелиана в 274 г. н. э., и она в конце концов умерла в ссылке в Италии. Разоренная войсками Аврелиана Пальмира не оправилась от понесенных потерь. Характерные для нее надгробные башни и подземные склепы богатых семей ограничиваются этим временем. Выжил ли вообще старый ведущий слой, больше не имело значения.

Абуль-Феда, арабский историк и географ 14 в., сообщил о Пальмире следующее: «Тадмор (Пальмира) — маленький город в провинции Эмеза... Там находятся великолепные памятники, принадлежащие великому прошлому. Рассказывают, что город основала женщина и что она пленницей умерла в Риме». Полностью разрушенный землетрясением город был неизвестен в Европе до 17 в. Только английские купцы из Алеппо обнаружили его к концу 17 в., и только с начала нашего столетия было начато систематическое археологическое исследование, прежде всего ан-

глийскими и польскими учеными. Пальмира снова вернулась для науки и туристов.

Валериан оставил своему сыну и соправителю отнюдь не мирную часть Империи. В 4 в. н. э. Аврелий Виктор так описывает ту ситуацию: «Готы, не найдя сопротивления, продвинулись до Фракии, заняли Македонию, Ахаю и соседние районы Азии, парфяне — Месопотамию, Восток был в руках разбойников или под властью женщины (Зенобии). Власть аламаннов распространилась на Италию, франкские племена разорили Галлию и прочно осели в Испании, где они опустошили город Таррако (Тарагона) и почти полностью разграбили; часть из них на кораблях, которые они захватили, прошла до Африки; было потеряно все, что Траян завоевал по ту сторону Дуная. Как бурей, бушующей на всем земном шаре, было опрокинуто все, малое и большое, низшее и высшее. К тому же в Риме началась чума» («О Цезарях», 33, 3).

Какими бы хаотичными ни были события в пятидесятых годах, кризис достиг кульминации в 260 г. н. э., в год пленения Валериана. Этой катастрофой был подорван также и престиж Галлиена. Как грибы, выростали теперь антиимператоры; эпоха тридцати тиранов, как называется «История Августов», достигла своего зенита. Как это всегда случается при узурпациях, во всей Империи царил полная анархия.

В дунайских областях в 260 г. н. э. императором был провозглашен Ингенуй, наместник Паннонии, который быстро склонил на свою сторону Мезию. Но прежде чем он сумел консолидировать свою власть, кавалерийский корпус Галлиена под командованием Авреола разбил соединения Ингенуя у Мурсы в нижнем течении реки Драу. Но едва здесь было потушено пламя восстания, как оно разгорелось снова в Верхней Паннонии. В Карнунте нациг был поднят Регалиан, выпустивший монеты в свою

честь и в честь своей жены Дриантиллы, редкость которых свидетельствует о краткости его правления. Несколько недель спустя и эта узурпация потерпела крах.

Даже на рейнском фронте, на том театре военных действий, которому Галлиен уделял особое внимание, внезапно рухнула его власть. Чтобы стабилизировать положение, Галлиен еще в 257 г. н. э. перевел монетный двор из Виминация в Кёльн и вскоре после этого дал своему сыну Салонину номинальное командование, тогда как фактически обороной руководил лояльный полководец Сильван. Из-за вопроса, принадлежит ли добыча от победы над германцами разделенным войскам или главному командованию, возник конфликт между Сильваном и Салонином, с одной стороны, и между верхнегерманским наместником и полководцем Постумом, с другой. Постум окружил Кёльн, город сдался, Сильван и сын императора были убиты. Постум не замедлил установить галльскую отдельную Империю.

В отличие от многочисленных локальных узурпаций, эта отдельная Империя во время своего существования, то есть полтора десятилетия, приняла на себя те же региональные оборонительные функции, какие выполняла Пальмирская Империя при Оденафе. Очевидно, что Постуму удалось привлечь на свою сторону различные социальные группы: долгое время эту власть поддерживало не только пограничное войско и его офицеры, но и региональный ведущий слой, богатое галльское дворянство, муниципальная аристократия, массы населения городов и сел.

Его власть в основном зависела от отражения германских набегов. Однако, хотя он и мобилизовал общие интересы и традиции региона, однозначно придерживался римских форм власти. Трир и Кёльн служили резиденциями и имели даже монетные дворы, художественное ка-

чество монет которых превосходило монету Галлиена. На лицевой стороне правитель был изображен в короне, а на обратной стороне довольно часто прославлялась *победа над германцами*, а император чествовался как *спаситель Галлии*. Авторитет Постума рос, со временем ему подчинились испанские провинции и Британия.

Так как у Галлиена сначала были связаны руки сражениями на Балканском полуострове и в Египте и Постум не посягал на саму Италию, столкновения с галльской Империей начались только после 263 г. н. э. Они продолжались много лет и достигли высшей точки, когда командующий кавалерией Авреол в Милане открыто примкнул к Постуму и даже начал выпускать монеты в его честь. Во время осады Милана (268 г. н. э.) Галлиен стал жертвой заговора своих командиров, но Авреол тоже погиб после капитуляции города. Вскоре у Майнца был убит и Постум, после того как отдал на разграбление своим войскам отвоеванный у узурпатора Лелиана город.

За несколько лет пала, казалось, такая консолидированная галльская империя. Последним правителям Викториану (268—270 гг. н. э.) и Тетрику (270—273 гг. н. э.) их задачи были не по плечу. В решающем сражении при Шалоне Аврелиан подвел черту под региональными властными образованиями, причем галльская империя парадоксальным образом закончила существование из-за предательства своего императора Тетрика, который завершил жизнь в высокой гражданской должности администрации Италии — в должности *наместника Лукании*.

Галлиен не дождал до этого триумфа, как и до окончательной консолидации Империи. Когда он умер, итог его внешней политики был достаточно мрачным. Однако именно этот император в административной и военной политике принимал меры, которые были реалистичными и сохранились в будущем. Хотя он сам происходил из

высшего общественного слоя, его правление принесло дальнейшее исключение сенаторов из руководства администрации и ведущих военных постов. До Галлиена *легатами легионов* были, как правило, сенаторы. В будущем место сенаторского легата легиона занял префект из всаднического сословия. И в провинциальной администрации сенаторы впоследствии не управляли теми провинциями, где стояли войска. Профессиональные солдаты, верхушка которых принадлежала к всадническому сословию, приобрели поэтому большое влияние.

Исключение сенаторов из военной и административной сферы имело для представителей этого сословия и положительные стороны. Они могли теперь сосредоточиться в первую очередь на управлении своими латифундиями и частично спасти их во время кризисов 3 в. н. э. Среди них небольшая группа занялась литературой и искусством. Когда в 4 в. н. э. в кругу Симмаха еще раз произошло возрождение традиционной римской литературы, то предпосылки для этого были созданы именно тогда.

В военной области, наоборот, образование нового кавалерийского корпуса оказалось чревато тяжелейшими последствиями. Этот вновь созданный, мобильный и очень боеспособный резерв в большинстве случаев применялся для блокирования противника, проводил контрнаступления или устранял узурпации. Однако эта военная концентрация одновременно открывала перед командирами корпуса те возможности, которыми когда-то обладали преторианские префекты. Не случайно, что Авреол, Аврелиан и Проб с этого поста поднялись до императорской власти.

В остальных областях внутренней политики правление Галлиена характеризовалось намеренным дистанцированием от отца, от Валериана. Как далеко зашло отчуждение до пленения Валериана, сказать трудно. Во всяком случае после пленения поведение сына оставляло

желать лучшего. Галлиен никогда не предпринял попытки вызволить отца с помощью переговоров или другими средствами. Наоборот, он всеми мыслимыми способами отделял себя от него: имя Валериан в семье больше не давалось, победы, достигнутые под ауспичиями отца, больше не перечислялись. В отношении к христианству политику отца Галлиен тоже не продолжил.

Личный стиль Галлиена в области искусства и культуры, как правило, характеризуется, как «галлиеновский ренессанс». И действительно, для духовного мира этого правителя была типичной приверженность к разнообразным элементам эллинизма. Так, между походами он посетил Афины, где был выбран архоном, и участвовал в элевсинских мистериях. Он был особенно привязан к культу Деметры Элевсинской. На монетах он изображен в образе Деметры с колосками в волосах, а в отдельных случаях с надписью «Галлиена Августа». Что бы это ни значило, Галлиен претендовал на Деметру, когда распорядился придать ей на монетах свои собственные черты.

Однако нет никаких доказательств, что Галлиен намеревался превратить элевсинские мистерии в своего рода государственный культ. Как и все остальные мистерийные религии, разумеется, элевсинские мистерии в 3 в. н. э. пользовались большой популярностью. Но речь здесь шла в первую очередь о локальном эксклюзивном культе, мир представлений и формы которого не были пригодными для того, чтобы создать массовую религию по всей Империи.

Связь Галлиена с Плотиним, а возможно, и с Порфирием тоже не следует переоценивать. Кроме общего уважения к эллинистическим формам, все это ни о чем не свидетельствует. Наиболее впечатляющие формы этого галлиеновского ренессанса искусств проявляются в портретах императора. В типичном контрасте массы вьющихся

волос с поразительно мягкими чертами, в их пластичности и акцентировании чувствительности проявляется реакция против тех направлений стиля, которые царили в поздней античности. Галлиеновский ренессанс в целом, правда, не нашел одобрения у современников. Широкие круги придерживались мнения, что во время пограничных войн и узурпаций есть более насущные проблемы, чем демонстрация эллинистической культуры.

К тому же у этого императора было много уязвимых мест. Мать Галлиена была этрусского происхождения, и с этим часто связывали любовь императора ко всякого рода играм и ярко выраженную жизнерадостность. В *«Истории Августов»* он назван *«презреннейшим из всех женщин»*, и литература 4 в. н. э. рисует подобные же черты, что привело к созданию образа изнеженного, женственного императора. В современных исследованиях оценка Галлиена разноречива: Моммзен называет его «не самой неспособной, но самой недостойной фигурой в длинном ряду императорских карикатур». Нейманн считает его «типом неврастеника», а попытки современного спасения чести А. Альдэльфи не достигли цели. Хотя Галлиен, эта противоречивая натура, принял немало позитивных мер, на его правлении лежит тень безуспешности, которую не могут развеять даже современные симпатии.

Правления императоров между Галлиеном и Диоклецианом, между 268 и 284 гг. н. э., были последней фазой эпохи солдатских императоров и привели от раздробления императорской власти к новой структуре Империи. С военной и внешнеполитической точки зрения тогда, наконец, удалось длительное утверждение власти; большие победы этих императоров на долгое время прекратили нашествия. И внутри Империи были теперь разбиты региональные обособленные организмы, и общий союз стал снова цельным. Наконец, в религиозной сфере усилились

тенденции в сторону новых культов, прежде всего к культу Непобедимого Солнца, который явился предтечей христианской религии Империи.

Низшая точка кризиса была преодолена при первом императоре из этой группы Клавдии Готике (268—270 гг. н. э.). Значение его короткого правления заключается в том, что был взят реалистический, крайне активный курс, который продолжали и следующие императоры, и что были достигнуты однозначные военные успехи. Пятидесятилетний император происходил из Иллирии и дослужился до высоких постов в армии. Он получил трон благодаря заговору командиров Галлиена в Милане. Свержение Авреола, победа над аламаннами (268 г. н. э.), создание предмостного сооружения в районе Гренобля против галльской империи были его первыми военными успехами, из них важнейшим стала победа над готами 269 г. н. э. на средней долине реки Моравы, однако еще в начале 270 г. н. э. Клавдий Готик умер от чумы в Сирмии.

После сообщения о смерти всеми уважаемого императора римский сенат на этот раз действовал без проволочек и назначил преемником Квинтиллия, брата Клавдия Готика. Но каким бы он ни был предупредительным, сдержанным и старательным, армии он не был по сердцу, а в этот момент только это решало все. Так, дунайская армия в апреле 270 г. н. э. провозгласила императором своего командира Аврелиана. Аврелиан, как и Клавдий Готик, начинал профессиональным солдатом и проявил себя прежде всего как кавалерийский командир. Сообщения о его провозглашении было достаточно, чтобы войска назначенного сенатом Квинтиллиана откололись от него и вынудили легального правителя покончить жизнь самоубийством.

Однако в последующие два года Аврелиан не успел развить свои собственные инициативы, поэтому на Импе-

рию еще раз свалились вторжения и внутренние раздоры. Сначала император был полностью занят обороной от этих набегов и утверждением власти внутри Империи. Первой волной этого прилива были ютунги, свевское племя, которое в 270 г. н. э. прошло через Ретию и напало на Италию. Ютунги располагали сильной конницей, которая делала их набеги внезапными. Первая победа над нагруженными добычей полчищами на Дунае, следующий успех при отражении сарматов и вандалов в Паннонии возыме-ли краткосрочное действие; уже в начале 271 г. н. э. ютунги и аламанны снова вторглись в Италию, и это вторжение превратилось в серьезную угрозу для всего Апеннинского полуострова.

После поражения римской армии в районе Плаценции, а также после следующих неудач ютунги прошли до Умбрии. В самом Риме начались беспорядки, в остальной части управляемой Аврелианом Империи вспыхнули восстания, например в Далмации и *Нарбонне*. Казалось, что для Аврелиана все было потеряно и ситуация безнадежна. То, что простой кавалерийский командир, которым Аврелиан оставался и будучи императором, сумел справиться с таким полным распадом и меньше, чем за три года, смог восстановить когерентность и безопасность всей Империи, является величайшим достижением, которого когда-либо добивался римский император.

В Италии Аврелиан воспользовался тем, что ютунги и аламанны разбились на небольшие отряды, чтобы грабить по всем направлениям. В трех больших сражениях при Метавре, Фаноне и Тицине Аврелиан уничтожил их банды. После этих успехов на Апеннинском полуострове германских нападений больше не было вплоть до похода Алариха в 401 г. н. э. Потом в Риме был подавлен мятеж, так называемая *монетная война*, который подняли монетные рабочие, протестуя, очевидно, против реформаторских

мер Аврелиана. В ожесточенных уличных сражениях вокруг Целиева холма, где пало около 7 000 солдат, это восстание было подавлено. Выступления сенатской оппозиции тоже потопили тогда в крови.

И другие меры Аврелиана относились к консолидации власти и безопасности столицы. Так как, с одной стороны, можно было предполагать, что император со своим войском годами будет находиться в отсутствии, с другой — все еще оставались вероятными новые нападения германцев, было дано распоряжение построить новое фортификационное сооружение. Эта крепость Рима строилась в первую очередь римскими гражданами, так как войска вскоре выступили в поход. Так, коллегии ремесленников построили большую городскую стену Аврелиана. Эта стена длиной в 18,8 км окружала город, высота ее была 6 м, а ширина 3,60 м. В нее встроено 18 городских ворот, 381 башня, в общей сложности была окружена площадь в 1372,5 га. Так как руководители региональной обороны наблюдали за отдельными италийскими регионами, одновременно и в других городах Италии началось строительство или восстановление городских стен.

После этого широкомасштабного укрепления столицы и Италии и последовавшего подавления мятежей в Далматии и на Западе, Аврелиан мог, наконец, заняться решением внутри- и внешнеполитических задач. Самым шатким снова стало положение на Дунае, где летом 271 г. н. э. готы и аланы напали на Фракию и Иллирию. Во главе всех находящихся в распоряжении сил Аврелиан осенью 271 г. н. э. разбил захватчиков и отбросил их за Дунай. Впечатляющий успех, разумеется, мог позволить Аврелиану оставить это дело, но император был твердо намерен решить проблему защиты Империи до конца.

Дакский бастион Империи уже два десятилетия являлся главным предпольем севернее Дуная. Почти каждый раз

на него нападали готы, аланы и сарматы. Ввиду непрерывного и возрастающего давления римские контратаки не могли надолго исправить положение. Страна и поселения были уже разрушены и разграблены, только в отдельных опорных пунктах и укреплениях еще стояли римские войска. Но они были слишком слабыми, чтобы обеспечить оборону дакских провинций. Поэтому Аврелиан мог подвести черту и с помощью добровольной эвакуации из старых дакских провинций спасти по крайней мере то, что можно было спасти. Правда, детали эвакуации даков и этапы ее проведения неизвестны, но язык фактов тем не менее достаточно ясен.

После победы 271 г. н. э. большая часть населения Дакии была переселена из области севернее от Дуная и оттуда выведены стоящие там легионы. По эту сторону Дуная между Верхней и Нижней Мезией Аврелиан создал две новые небольшие провинции, которые сохранили название римской Дакии: на самом Дунае возникла провинция *Дакия Береговая* с легионерскими лагерями в Рациарии и Эксе, внутри страны — *Дакия Внутренняя* со столицей Сердика на месте современной Софии. Переселение и реорганизация прошли без внешних помех.

Эвакуация даков в современной науке обсуждается очень интенсивно, проблема римской преемственности рассматривается под влиянием национальных и политических амбиций, причем прежде всего сталкиваются румынские и венгерские интересы. Как свидетельствуют археологические данные, большая часть римского и романизованного населения Дакии, то есть те слои, для которых что-то значила римская культура, покинули страну вместе с легионами. Однако, как показывают современные сведения, там остались менее ассимилированные, в первую очередь заинтересованные своей землей поселенцы. Бывшими дакскими провинциями завладели теперь

те племена, которые так долго терроризировали эту землю, в первую очередь вестготы, гепиды, вандалы и карпы.

Дунайский поход Аврелиана непосредственно перешел в столкновение с Пальмирой, причем между этими уже упомянутыми двумя походами на Нижнем Дунае были отброшены карпы. После своих первых побед в соответствии с духом времени Аврелиан был провозглашен *Германским* и *Готским*, а после победы над Зенобией — *Парфянским* и, наконец, *Карпским*. Казалось, что в официальном титуле императора объединились победы над опаснейшими внешними противниками того времени. После окончательной победы над Пальмирой ближайшая задача поджидала Аврелиана в Египте. Там Фирм, богатый купец, некоторое время смог продержаться как узурпатор. Однако войска Фирма разбежались перед атакой Аврелиана, тому ничего не оставалось, кроме добровольной смерти. Как «восстановитель Востока», как правитель, снова укрепивший римское господство на всем римском Востоке, Аврелиан мог теперь заняться Западом, и там в 273 или в начале 274 г. н. э. он устранил галльскую империю.

274 г. н. э. принес один из самых блестящих триумфов, которые Рим видел в последние десятилетия. В том триумфе были проведены пленные со всех границ Империи. С севера франки и аламанны, с Дуная готы, аланы, карпы и сарматы, возможно, Зенобия и Тетрик. Самым замечательным трофеем была запряженная четверью оленями колесница готского царя, на которой Аврелиан праздновал этот триумф. Лучшего признания его заслуг как *восстановителя мира* нельзя было и придумать.

Несколько месяцев, которые Аврелиан провел в Риме после этого триумфа, были заполнены разнообразными реформами. Антонинианы со знаками XX или XXI, зна-

чение которых до сегодняшнего дня однозначно не выяснено, свидетельствуют о реформе валюты, не удавшейся не в последнюю очередь потому, что нельзя было до конца выдержать требуемую преемственность в реорганизации денежного обращения. Другие реформы касались реорганизации государственного продовольственного снабжения и администрации. Однако уже к концу 274 г. н. э. возникли новые военные задачи. После подавления волнений в Галлии и отражения нападений германцев на венделиков Аврелиан готовил новую войну против сасанидов. Однако в походе в начале 275 г. н. э. недалеко от Перинфа он пал жертвой заговора штабных офицеров и придворных.

Снова бессмысленный произвол клики офицеров и придворных взял верх над попытками консолидации Империи. Последующее развитие показало контраст между последствиями политики Галлиена и Аврелиана. После убийства Галлиена все начинания его реставрационной эллинистической политики свелись на нет, признак того, что речь шла только о его личных инициативах. После убийства Аврелиана на вершине Империи сменились только личности, начатая политика консолидации была продолжена и в конце концов достигла цели.

Совершенную бессмысленность убийства Аврелиана показывают события после его смерти. Армия не последовала за заговорщиками; она обратилась к сенату с просьбой, чтобы он назначил императора. Сенату показалось, что самым пригодным для этого является Тацит, семидесятилетний старец с самыми лучшими намерениями, но ему эти задачи были не по плечу. Он умер в апреле 276 г. н. э. в Тиане. После сумбурных месяцев победил выставленный сирийской армией Проб, иллириец типа Аврелиана и его настоящий преемник. Он родился в Сир-

мии, и к моменту прихода к власти ему было около 45 лет.

Общее впечатление от правления Проба (276—282 гг. н. э.) на первый взгляд не очень привлекательно. Как и Аврелиан, этот император вел непрерывные войны против узурпаторов внутри Империи и против старых противников на границе. С таким трудом достигнутая стабильность и целостность Империи снова была поставлена под вопрос. Все, чего добился Аврелиан, нужно было снова восстанавливать. Центр тяжести боев находился на Западе. Аламанны снова напали на Галлию. В первые годы правления Проба пришлось вести тяжелые сражения с обоими племенами и с их союзниками.

Поэтому в 277 г. н. э. в надписях на монетах появляются новые победные имена, эпиграфически в 280 г. н. э. (CILS 597), характерная формула *«настоящий победитель готов и настоящий победитель германцев, отличившийся во всех победах»*. Эта формулировка свидетельствует о бессодержательности древних победных имен. Если они когда-то, как, например, у Сципиона Африканского во времена Римской Республики или у Траяна при принципате, прославляли решающие военные успехи, то теперь были избитыми словами. Бесперывное повторение выхолостило их содержание. Ни пятикратный победитель германцев Галлиен, ни пятикратный победитель германцев Постум не были победителями в прежнем смысле слова.

К тому же вторая часть формулировки *отличившийся во всех победах* как бы заранее предполагает будущие результаты. Здесь начинает вырисовываться та сильная универсалистская тенденция, которая отмечала больше не конкретный военный успех, а всеобъемлющее общее качество победителя позднеантичного императора. Параллельно с этим уже при Аврелиане и Пробе начинается возмеличивание правителя. Появляющееся теперь в единич-

ных случаях *господин и бог* в перечислении титулов раньше было бы немыслимо.

На самом деле власть Проба все больше ставилась под вопрос. Новому правителю нужно было утвердиться в дунайском регионе, в Малой Азии, Сирии и Египте, не говоря уж об узурпаторах на Западе. Однако деятельность Проба не исчерпывалась военной активностью. Он все время применял свои войска для воздвигания земли и, очевидно, имел другие далеко идущие намерения, правда, с фатальными последствиями. В «*Истории Августов*» утверждается, что этот император, когда «шел через *Иллирию* во время подготовки войны с персами, был коварно убит своими солдатами. Убийство имело следующие причины: сначала его решение никогда не давать солдатам бездельничать. Он заставлял солдат строить многочисленные сооружения, утверждая, что солдат не должен есть свой хлеб даром. К тому же добавилось его высказывание, которое им трудно было перенести, однако, если бы он его осуществил, это было бы благотворно для государства: скоро якобы без солдат можно будет обойтись. Какие планы вынашивает человек, делающий такие заявления? Разве он не победил все варварские народы, разве он не сделал весь мир римским? «Скоро, — сказал он, — мы больше не будем нуждаться в солдатах». Что это значит? Не будет больше римских солдат? Мир не будет больше изготавливать оружия, ни поставлять провиант; скот будут держать для плуга, лошадей — в мирных целях; не будет больше войн и военнопленных; повсюду будет царить мир, повсюду будут соблюдаться римские законы, везде будут править наши чиновники».

Естественно, видение мира Проба не может быть справедливым по отношению к нашему времени. А вот что касается Тридцатилетней войны, оно было вполне спра-

ведливым, как показывает 92-е стихотворение Фридриха Логау, изданное в 1638 г.:

Император Проб хотел сделать так,
Чтобы не было оружия.
Но где ж нам в наши дни
Найти такого императора Проба?

Провозглашенный в Ретии преемник Проба императора Кар, который был быстро признан по всей Империи, тоже принадлежал к кругу иллирийских солдатских императоров. Так как у него были два сына, Карин и Нумериан, казалось, что преемственность этой династии обеспечена; в действительности она просуществовала два года. Карин, старший сын, был назначен главнокомандующим на Западе, ему была поручена защита рейнской границы, сам Кар занимался запланированной войной с сасанидами. В 283 г. н. э. он продвинулся за Евфрат, отбросил войска Баграма II и взял Ктесифон. Но неподалеку от города он умер при таинственных обстоятельствах. Подозрение армии не без причин пало на преторианского префекта Апра, но сначала без последствий.

Сыновья Кара пришли к власти. На Востоке номинально руководил Нумериан, молодой человек, который до этого заявил о себе как оратор и поэт, фактически же Апра, который в определенном смысле положил конец битвам против сасанидов. Армия собралась в обратный путь и достигла уже района Никомедии, когда обнаружилось убийство Нумериана. По всей видимости, преторианский префект надеялся теперь занять трон, но армия стала на сторону Диокла, командира личной охраны. Он перед всеми убил Апра, но еще долго не мог получить власть. Когда войско Диокла продолжало свой марш на Запад, против этой армии выступил законный император Карин. В феврале 285 г. н. э. в районе Белграда произошло решаю-

шее сражение. Диокл был разбит, но в момент своего триумфа по личным мотивам был убит одним из своих офицеров и Карин. Оставшаяся без руководства армия Запада примкнула к Диоклу, с правлением которого началась новая эпоха.

Христианство в 3 в. н. э. — религия и духовное развитие эпохи

Несмотря на уже описанное отвержение христианства широкими кругами староверческого населения, римское государство сначала воздерживалось от репрессивных мер. От конца 2 в. н. э. до середины 3 в. н. э. положение христиан было ущемлено тремя официальными распоряжениями. Первым был приказ Марка Аврелия наместникам строже наблюдать за религиозными происками и религиозными подстрекательствами к беспорядкам. Следствием этого распоряжения явились санкции в Галлии и Малой Азии. Второе распоряжение, запрещение Септимия Севера от 202 г. н. э. переходить в христианство, спорно по своей достоверности. В третьем распоряжении этого ряда, приказе Максимиана Фракийца казнить клириков, речь шла о политически обусловленной мере, которая не исполнялась вне Рима. Она была однозначно направлена против сторонников Севера Александра, в близком окружении которого среди многочисленных выходцев с Востока, как предполагалось, находилось много христиан.

Как и Север Александр, подобное великодушие в отношении христиан проявил Филипп Араб, который тем не менее, вопреки современным слухам, не являлся христианином. И в его случае политическая реакция следующего императора была направлена на восточных представителей христианства, к которым враждебно относились

дунайские легионы. Вполне возможно, что Деций уже в начале своего правления принимал меры против высшего духовенства и против христиан, занимавших видное положение; во всяком случае, папа Фабиан еще 20.1.250 г. н. э. принял мученический венец. Но только эдикт о жертвоприношениях того же года касался всех христиан вообще.

Как воздействовал эдикт на большие христианские общины, сообщает Дионисий, епископ Александрийский, в своем письме к Фабию, епископу Антиохийскому: «Уже появился эдикт о преследованиях... Все были потрясены. Многие из достойных людей из страха появились на месте жертвоприношений. Вызываемые по имени, они приступали к нечистым и богомерзким жертвоприношениям, бледные и дрожащие, как будто не они приносили жертвы, а их самих принесут в жертву идолам. Другие шли добровольно к алтарям и заверяли, что они не были христианами... Из остальных одни следовали за этими, другие за теми. Иные бежали, а третьих арестовали... Твердые и святые столпы христианства, наоборот, были достойными восхищения свидетелями Царства Божиего, так как Господь укрепил их, и они сохранили силу и выдержку, которые соответствовали их твердой воле» (Евсевий «История церкви», 6, 41).

Испытание, которое, внезапно обрушилось на христиан после долгого периода затишья, имело глубокие последствия. Теперь только меньшинство больших христианских общин открыто признавало себя христианами. Они были названы *стойкими*, а если подвергались пыткам за веру — *мучениками*. Несравнимо большим было число тех, кто *отрекся*. Даже епископы представляли перед жертвенными комиссиями, и теперь в больших городах жертвоприношения совершали римские чиновники. Но с другой стороны, было немало и сторонников. В Северной Африке многие христиане были сожжены или забиты камнями.

ми, в Палестине, Сирии и Египте много священников и мирян отдали свою жизнь, например епископы Антиохии и Иерусалима, а также Ориген, предположительно умерший от последствий тюрьмы и пыток.

Расщепление христианского сообщества на *стойких*, *мучеников* и *отрекшихся* тяжело отразилось на дальнейшем развитии церкви. Вопрос, как относиться к отрекшимся после окончания преследований, вызвал продолжительные дискуссии. Так, Евсевий в «Истории церкви» сообщает об образовании секты ригориста Новициана, которая просуществовала до 5 в. н. э.: «Новициан, пресвитер римской церкви, надменно повел себя в отношении *отрекшихся*, как будто для них больше не существовало надежды и спасения, даже если они сделают все, что относится к истинному исправлению и покаянию. Он стал основателем новой секты тех, кто высокомерно называл себя чистыми. После этого в Риме собрался городской синод из 60 епископов и большого числа пресвитеров и дьяконов; а также в провинциях епископы различных земель посоветовались, что нужно делать. Все они вынесли решение: Новициана вместе с теми, кто присоединился к этому жестокому и бесчеловечному намерению, отлучить от церкви, поверженных же в несчастье братьев излечить покаяниями» (6, 43).

С событиями при Деции, который был одним из самых больших и опасных гонителей христиан, связаны новые мученичества: мученичество святого Дени в Париже и святого Сатурнина в Тулузе. *При Деции* было проявлено немало свидетельств веры, хронологическую принадлежность которых позже установить не удалось.

Валериан (253—260 гг. н. э.) тоже в конце своего правления принимал суровые меры против христиан. Есть много оснований, которые могли бы объяснить его действия. Во-первых, Валериан был сторонником Траяна Деция и продолжил его политику по убеждению. Во-вторых, существование этой неконформистской группы,

которая оценивалась как религиозная оппозиция, при напряжении всех консервативных сил должна была производить вызывающее впечатление.

В 257 г. н. э. Валериан начал преследование христианской церкви. Его первый эдикт требовал от руководителей и важнейших членов христианских общин, епископов, пресвитеров и дьяконов совершения жертвоприношений государственным богам и одновременно запрещал все христианские богослужения и посещение кладбищ. Для второго эдикта Валериана лета 258 г. н. э. сведения дает письмо Киприана к епископу Суссекскому. В нем говорится: «Валериан представил сенату рескрипт, в котором объявляется, что епископы, пресвитеры и дьяконы приговариваются к смертной казни; сенаторы же и римские всадники лишаются своего достоинства и собственности и в случае, если они после изъятия имущества упорствуют в своем христианстве, тоже приговариваются к смертной казни; христианские женщины при конфискации имущества изгоняются, императорские служащие, независимо от того, признали они вину или признают сейчас, наказываются конфискацией имущества и затем распределяются по различным императорским владениям, где они должны быть закованы в кандалы» («Письма», 80, 1).

В отличие от жертвенного эдикта Деция распоряжения Валериана направлены против двух групп лиц: во-первых, против клира, во-вторых, против христиан из ведущих слоев и императорской администрации. Кроме того, этот эдикт запрещает публичные религиозные богослужения и молитвы у могил. Очевидно, Валериан считал, что таким способом он нанесет более эффективный удар по христианам, чем косвенные, охватывающие большие массы населения распоряжения в стиле Деция. Этим он предъявил религиозной политике альтернативу, которая стала возможной в 3 в. н. э. только благодаря распространению христианства и установлению иерархии

христианской церкви. Одновременно эдикт 258 г. н. э. свидетельствует, что христианство уже проникло в ведущие слои Империи и в императорскую администрацию. Вне сомнений, преследование Валериана сильно ударило по христианскому клиру. Однако он был внутренне готов к подобному поведению государства еще со времен Деция и поэтому устоял. Многие епископы, Ксисст Римский, Киприан Карфагенский, Фруктуоз Тарраконский, а также большое число священников умерли смертью мучеников.

«Так же как облако проходит под лучами солнца и на какое-то время закрывает его, а когда облако проходит, солнце снова появляется и светит», — такими кажутся епископу Дионисию те мирные времена, которые наступили для христиан при Галлиене (Евсевий «История церкви», VII, 23, 2). С самого начала своего правления в 260 г. н. э. Галлиен декретом положил конец мерам против христиан и даже распорядился вернуть конфискованное имущество.

Именно в начале своего правления для Галлиена было важно избежать дальнейших внутренних нагрузок. И как бы ни интерпретировали воздействие христианской религии на историческое развитие Империи, после пленения Валериана даже староверческому фанатику стало ясно, что не существует причинной связи между внешними катастрофами и существованием христианской религии: решительный преследователь христиан Валериан, несмотря на свой крайне консервативный религиозный курс, потерпел крах. Если упростить линии развития политики римского государства в отношении христианства, то обозначаются два противоположных поведения. Консервативная религиозная политика, как в случае Деция, Валериана, а позже Диоклетиана, неизбежно вынуждала к крутым мерам против христиан. И, наоборот, примирение с христианством у Галлиена проложило путь толерантному эдикту

Галерия и в конце концов к предоставлению привилегий христианам Константином.

Параллельно описанным процессам 3 в. н. э. принес совершенно новую духовную легитимацию христианства. При этом важнейшие центры переместились из Малой Азии в египетско-сирийский регион. Центром эллинистической культуры и науки и в 3 в. н. э. оставалась Александрия. Не случайно, что именно там произошло соприкосновение христианства с греческой философией, которое внесло значительный вклад в христианскую теологию. В Александрии в конце 2 в. н. э. возникла катехизическая школа, которая стала чем-то вроде христианского университета. Около 200 г. н. э. во главе ее стал Т. Флавий Клемент, или Клемент Александрийский. Вероятно, урожденный афинянин, высокообразованный Клемент после больших путешествий осел в египетской столице. Во время правления Септимия Севера он был оттуда изгнан и умер в 215 г. н. э.

Клемент, как едва ли какой-нибудь другой христианский учитель, оценил по достоинству достижения греческой философии и подчеркнул ее значение для развития христианской религии. Содержание греческой философии стало для него предпосылкой для достижения христианского совершенства. У него нашло свое выражение требование поднять веру до знания. Его представление отражается в чистом виде в представлении логоса. Стоящий на позициях Платона и стоиков, он понимал под этим развитие разума во вселенной и вневременное откровение Бога. Сильнейшее влияние стоиков отразилось на его этических требованиях, например, в стремлении к добродетели, в призыве к укрощению страстей и в нравственной оценке всех вещей.

Эти характерные для Клемента стремления подтверждаются заглавиями его немногих, частично сохранившихся произведений. В своем «Увещании к грекам» он пы-

тается доказать превосходство христианства над представлениями греческой религии и философии. В *«Наставнике»* он развернул обширную картину христианской морали. Примерно такие же намерения отражены в посвященном специальной проблеме произведении *«Какое царство будет спасено»*. Здесь Клемент предлагает как бы золотой мост для совершенно нового слоя христианских кандидатов, когда предает проклятию богатство не целиком, но требует только его правильного применения и внутренней дистанции. Объемный труд Клемента *«Ковры»* содержит собрание высказываний по поводу отношений между греческой философией и христианством. Совершенно очевидно, что такие усилия, несмотря на апологетические элементы, производили впечатление на образованных греков и облегчали их обращение в христианство.

После Клемента руководителем катехизической школы в Александрии был Ориген, который в отличие от Клемента родился уже в христианской семье (около 185 г. н. э.). Он подвергался преследованиям при Деции, его пытали, и вскоре после этого он умер. Малопримечательный жизненный путь Оригена стоит в тени его необычайно обширного творчества. Как и Клемент, он имел теснейший контакт с греческой философией и долгое время слушал Аммония Саккоса, одного из влиятельнейших наставников того времени, учителя Плотина. Однако в центре творчества Оригена стояли филологические и научные толкования Библии, которые нашли завершение в его *«Гексапле»*, сравнении шести различных форм текста Ветхого Завета, одной на древнееврейском языке и пяти на греческом. Наряду с другими произведениями существует целый ряд толковательных сочинений, комментариев к Ветхому и Новому Заветам.

Особо следует отметить его сочинение *«Против Цельса»*, апологию христианской религии, которое было опубликовано

ликовано накануне преследований Деция. Оно так подробно передает спор с утерянным произведением Цельса, что его положения можно реконструировать почти дословно. Ориген в своей полемике довольствуется не дешевой проблематикой, а серьезно воспринимает позицию противника. Против рекомендации при принятии учения следовать только разуму и разумному руководителю Ориген возражает: «Если бы было возможно, чтобы все люди освободились от повседневных забот и посвятили все время философии, тогда нужно было бы выбирать только этот путь, а не другой. Однако, раз это невозможно из-за забот и хлопот, которые приносит жизнь, и лишь немногие посвящают себя науке, какой же другой путь может быть лучше, чем тот, который Иисус указал народам?» («Против Цельса», 1, 9).

Из новых центров христианской литературы 3 в. н. э. достижения сирийской литературы известны меньше. К историческим трудам относится прежде всего творчество Г. Юлия Африканского. Этот автор, родившийся в Иерусалиме, в своих пяти книгах «Хронографии» объединил иудейскую, христианскую и светскую историю в большую мировую историю вплоть до 221 г. н. э. Юлий Африканский высчитал, что общая продолжительность мировой истории составляет 6 000 лет, а от сотворения мира до рождения Христа прошло 5500 лет. Благодаря своему влиянию на Евсевия и позднеантичных авторов это произведение, сохранившееся фрагментарно и в чужих пересказах, представляет большую историческую ценность.

В сирийском регионе появилась евангелическая гармония Тациана, так называемый «Диатессарон», язык написания которого, греческий или сирийский, остается спорным. В соседнем иранском регионе в середине 3 в. н. э. развилось учение Мани — манихеизм. Манихеизм объединил в себе иудейско-христианские и древнеперсидские представления; он проложил, хотя и узкий, мост между Хрис-

том и Заратустрой. Причем у манихеев тоже в основе лежали два принципа: свет и мрак, добро и зло, которые находились в трех фазах — в прошлом, настоящем и будущем. После первоначального полярного разделения этих принципов настоящее оценивалось как покрытие света тьмой, которая в будущем будет преодолена.

Первоначально это учение возникло около 240 г. н. э. в сасанидской Империи. Шапур I поддерживал его, но после его смерти Мани пал жертвой ортодоксальных кругов. Тесная связь с христианством видна уже по тому, что Мани начинал свои письма словами: «Мани, апостол Иисуса Христа...» Манихеизм быстро нашел широкое распространение. Его следы прослеживаются вплоть до Китая на Востоке и Испании на Западе. Даже Августин был в молодости манихеем, и очаги этой религии сохранились до 13 в., хотя она из-за своей рациональной формы никогда не была воспринята широкими слоями населения.

О начале христианства в Северной Африке известно немного. Древнейшим литературным свидетельством являются так называемые суилитанские мартирологи 180 г. н. э. Примерно два десятилетия спустя христианская североафриканская литература достигла кульминации в лице Тертуллиана, величайшего апологета и одновременно величайшего еретика этой религии. Тертуллиан (ок. 160—225 гг. н. э.) происходил из староверческой семьи и получил хорошее риторическое образование. Предположительно, он какое-то время был адвокатом в Карфагене, пока около 195 г. н. э. не перешел в христианство. Риторический пафос, последовательная юридическая аргументация и страстная натура наложили отпечаток на убеждения, жизнь и стиль этого человека, о котором совершенно справедливо сказал Эдуард Норден: «Едва ли другой фанатик умел так ненавидеть, как он» (Римская литература. Лейпциг, 1961).

Путь Тертуллиана был предопределен его радикаль-

ностью и последовательностью требований. Даже христианская церковь долго его не удержала, ее единение показалось ему слишком непоследовательным и слабым. Так, в начале 3 в. н. э. он вступил в секту монтанистов, фанатичную группу аскетов, которая была основана фригийцем Монтаном. Но и в ней Тертуллиан не нашел удовлетворения. К концу жизни он, наконец, образовал собственное общество тертуллианистов, которое только через два столетия снова было объединено с католической церковью Августином.

В центре его творчества стоят не только вопросы веры, речь идет не только о молитвах, крещении или идолопоклонничестве, но и об образе жизни христиан. В его сочинениях *«О зрелищах»* христианам запрещалось посещение любых игр, *«О поведении женщин и об одежде девушек»* порицалось вызывающее поведение женщин в обществе. И в вопросах о военной службе христиан Тертуллиан не идет ни на какой компромисс. В труде *«Об идолопоклонничестве»* он недвусмысленно утверждает: «Теперь речь идет о вопросе, может ли быть христианин на военной службе, и можно ли военных допускать к религии. Божественная и человеческая присяга, знаки Христа и Сатаны, вместилище света и тьмы несовместимы; одна и та же душа не может служить двоим: Богу и Цезарю» (19, 1).

В отличие от Клементя и Оригена достижения греческой философии для Тертуллиана были несущественными, как доказывают его часто цитируемые слова: «Что общего у Афин и Иерусалима? Что общего у академии с церковью, у еретиков — с христианами? Наше учение происходит из «Притчей» Соломона, который учил, что Господа нужно искать в простоте сердца. Остерегайтесь тех, кто избрал стоическое, платоновское или диалектическое христианство! С появлением Иисуса мы больше не нуждаемся ни в исследованиях, ни в поисках с тех пор, как у

нас есть Евангелие. Мы верим, а кроме веры, мы ни к чему не стремимся. Наш высший символ веры: нет ничего, во что нам нужно верить, кроме веры» («О предписании еретиков», 7, 9).

Важнейшим произведением Тертуллиана является уже цитированный «Апологетик» 197 г. н. э., защитительная речь христианской веры перед наместником. Для такого оправдания христианства уже были предварительные ступени в греческом регионе, и Тертуллиан их использовал, но никогда раньше христианство не защищалось с такой страстью, столь логично и захватывающе.

Киприан, следующий представитель североафриканского христианства, как и Тертуллиан, родился в староверческой семье Карфагена и, как и он, получил хорошее риторическое образование. Возможно, он занимал даже государственную должность. В лице Киприана, который был епископом Карфагена в 248—258 гг. н. э., появился совершенно новый тип епископа, тип духовного пастыря, который понимал свои обязанности как своего рода магистратуру. В современных исследованиях Киприан рассматривается как важнейший представитель иерархизации церкви 3 в. н. э., который наметил развитие, приведшее от епископства к «князьям церкви». Если такие связи даже и преувеличены, новое выражение авторитета епископа несомненно. При этом, правда, нельзя не учитывать, что сильно выросшие христианские общины той эпохи ввиду проблем гонений и ересей требовали образования такого авторитета.

Киприан всегда подчеркивал тесную связь между христианской религией, епископством и церковью: «Есть только один епископат, в котором каждый епископ принимает солидарное участие. Есть только одна церковь, которая наполнена светом Господа и посылает его лучи всему миру, и есть только один свет, который она излучает, и единство ее тела не терпит никакого разделения; ...есть

только один источник, одна мать, богатая потомством от рода к роду: мы родились из ее чрева, вскормлены ее молоком, оживлены ее духом» (*О католической церкви*, 5).

Произведения Киприана, от которых сохранились многочисленные трактаты и письма, продолжают мысли и устремления Тертуллиана. Наряду с этим они часто интерпретируются как источник духа времени, хотя они и варьируют общие места. Это относится к часто цитируемому отрывку из «*К Деметриану*»: «Зимой больше не хватает дождя, чтобы напитать семена, и летом не стоит больше обычная жара... Меньше добывается мрамора из иссякших гор, меньше золота и серебра дают разработанные рудники... Все больше и больше слабеет и изнемогает крестьянин на полях, моряк — на море, солдат — на поле брани; исчезает бескорыстность на рынках, справедливость — в суде, согласие — в дружбе, в искусствах — сноровка, в нравах — благочестие...

Седую голову мы видим уже у детей, волосы выпадают, прежде чем им вырасти, и жизнь больше не заканчивается в преклонном возрасте, но начинается с него. Так спешит все, что рождается, всему приходит конец еще при возникновении, так вырождается все, что появляется на свет, и никто не должен удивляться, если в мире начало исчезать отдельное, после того как сам мир, как целое, охвачен распадом и гибелью» (3).

Даже этот краткий очерк может показать, что христианство в 3 в. н. э. росло не только количественно, но и было наполнено разносторонней новой жизнью и поэтому достигло притягательной силы. К тому же изменился тип ведущих людей. Теперь на первый план общин выходили не чудотворцы и одержимые, а образованные епископы, ученые и теологи. К этому добавился пример мучеников и безуспешность государственных преследований. Нельзя недооценивать также чувство защищенности и жизненного удовлетворения, которое давали христианские

общины. Само собой разумеющийся для христиан долг заботиться о слабых и сирых, вдовах и сиротах, пленных и детях, сама христианская мораль во многом содействовали укреплению и дальнейшему распространению христианства.

Каким бы значительным ни было развитие христианства в 3 в. н. э., для религиозной политики внутри Империи речь, как и раньше, шла о проблемах меньшинства, которое, правда, привлекало внимание, но относилось всего лишь к маргинальным группам общества. Даже в районах особенно сильного христианского миссионерства, по современным оценкам, всего 5 % населения были христианами. Для общества *Империи* в 3 в. н. э. было характерно другое духовное и религиозное развитие.

Прежде всего обретали почву уже упомянутые ранее религиозные силы и явления. Распространение восточных мистериальных религий способствовало обращению к магии и астрологии, утверждался и синкретизм среди всех попыток реставрации греко-римских культов. Духовный мир 3 в. н. э. был возбужден дискуссиями гнозиса и неоплатонизма.

Исследование гнозиса, или гностицизма, до конца 19 в. руководствовалось прежде всего высказываниями отцов церкви, которые от Юстина во 2 в. н. э. до Иоанна Дамаского в 8 в. н. э. в своих сообщениях о ересь и выступлениях против «язычников» дискутировали с различными сектами. В 20 в. положение изменилось. Благодаря обнаружению рукописей, особенно Турфана в Туркестане (1902—1914 гг.) и Наг Хаммади в Верхнем Египте (1945—1948 гг.), были открыты оригинальные гностические и манихейские тексты, которые открыли доступ к миру представлений этой чрезвычайно разнообразной и по своим духовным и религиозным традициям неоднородной религии.

Один из ведущих исследователей гнозиса, «религии

познания» и «знания», понимает под этим широким движением «состоящую из многих школ и направлений религию, которая стояла в подчеркнуто отстраненной позиции по отношению к миру и обществу и возвестила освобождение человека («избавление») от гнета земного существования с помощью «познания» и обещала неземное царство покоя и свободы. Ее временные и пространственные распространения в начале нашего летосчисления от Западной Азии (Сирия, Палестина, Египет, Малая Азия) до Внутренней и Восточной Азии и средневековой Европы (14-е столетие) позволяет предполагать, какая роль была ей отведена в религиозной истории, не говоря уж о том, что еще сейчас существуют ее самостоятельные ответвления в Иране и Ираке» (К. Рудольф «Гнозис». Геттинген, 1980)

К особенностям гнозиса принадлежит его многообразие. Еще Клемент Александрийский указывал на то, что его различные группы назывались именами основателей школ, как в случае Валентина, Марциона и Базимида (первая половина 2 в. н. э.), а частично по местам или этническим единицам или же по специфическому поведению, учениям и убеждениям, которые находили свое выражение в практической этике, имеющей разнообразные формы поведения от строгой аскезы до вызывающего распутства. Гностический мир представлений формировался из различных источников: отдельные элементы учения Платона, древнеиранские дуалистические представления, иудейская апокалиптика, составные части культа Митры и прежде всего христианства пронизывали гнозис столь разнообразно, а нередко и противоречиво, что трудно установить по крайней мере несколько линий этого разнородного и многогранного мира представлений.

В своих «*Выдержках из Феодота*», собрании изречений различных гностических авторов секты валентинианцев, Клемент излагает некоторые основные вопросы гно-

зиса: «Не только крещение освобождает, но и гнозис («познание»): кем мы были, чем мы стали? Где мы были, откуда произошли? Куда мы спешим, от чего мы освободились? Что такое рождение? Что такое возрождение?» (78, 2). Другое фундаментальное положение содержится в так называемом «Евангелии истины», одном из наиболее важных текстов «Кодекса» Наг-Хаммади: «Как рассеивается незнание человека, когда он узнает, а именно его незнание исчезает, как мрак, когда приходит свет, так и рассеивается недостаток в совершенстве. Внешний вид с этого момента больше не виден, он растворяется в связи с единством, ибо теперь его творения равны во времени, в котором единство завершит пространство. Благодаря единству каждый отдельный будет принят. В познании он будет очищен от множества видов и придет к единству, если уничтожит в себе материю, как огонь и тьма уничтожаются светом, а смерть — жизнью» (24, 33).

Для гнозиса типична тесная связь космогонии, сотворения мира с ситуацией людей в мире. Жизнь человека в этом мире обусловлена судьбой, отмечена рождением и смертью и находится, хотя и в слабой, но связи с божественным. Иисус выступает как спаситель, как это отражено в гимне гностической секты нассанов, символом которой была змея: «Общим законом вселенной был первожденный дух, вторым был разлитый первожденный хаос. Третий закон принял душу в тяготах. Поэтому она приняла мимолетный образ и мучается под властью смерти; скоро она получит спасение и увидит свет, скоро она заплачет, впад в горе, скоро она будет оплакана и возрадуется, скоро она заплачет и будет оправдана, скоро будет оправдана и умрет, скоро она не будет знать выхода, блуждая, она попадает в лабиринт. Так сказал Иисус: «Смотри, отче! Эта страсть к злу на земле удаляется от твоего духа. Но она старается убежать от Хаоса и не знает, как мимо него пройти. Поэтому благослови меня, отче! С пе-

чатку в руке хочу я туда спуститься, все вечности хочу пройти, все тайны хочу открыть, лики богов хочу показать и оповещу о сокровенном и святом пути, который называется гнозисом» (Ипполит «Указатель», 5, 10, 2).

Гностические произведения охватывают все литературные жанры и формы. Они содержат утонченные теоретические построения, полные тайн иносказательные картины, которые дают почву для различных толкований, и трудно понимаемые космологические описания. Особенно всесторонними являются народные произведения, к которым принадлежат гностические евангелия, апокалипсы, а также деяния Иоанна и Фомы. В текстах чувствуются сильные эмоции, как, например, в гимне так называемого «*Пистис София*», гностического произведения на коттском языке: «Я сбросил свои путы и пришел к тебе, Боже, ибо ты меня спасаешь и помогаешь мне. Ты удерживаешь моих противников так, что их больше не видно. Твой образ всегда со мной, и он спасает меня в твоём милосердии... Я защищен покровом твоего духа» («*Пистис София*», 69).

Гнозис был не в последнюю очередь вызовом раннему христианству. Он не знал ни догматизации своего учения, ни иерархизации своих общин. У него не было ни канона священных писаний, ни церкви. Если не принимать во внимание общие основные убеждения, которые, однако, ставили рамки для индивидуального мнения, эта религия давала возможность для теоретического развития. Если христианство стремилось к единому вероисповеданию, к упорядочению Священного писания и единству христианской церкви, то синкретический гнозис был противником всего этого.

Если в гнозисе наслаивались разнообразные религиозные и философские явления, то это относится также и к основанному Плотинем (ок. 204—269 гг. н. э.) философскому течению — неоплатонизму. Предположительно родившийся в Египте Плотин, как и Ориген, примкнул к плато-

нику Аммонию Саккосу. Скорее всего, чтобы ближе познакомиться с иранской и индийской философией, он участвовал в походе Гордиана III против сасанидов, потом в свите богатого покровителя и друга поселился в Риме. Он был там советником и учителем представителей высшего слоя; Галлиен и императрица Салонина тоже оказывали ему большое доверие. Плотин тогда мечтал основать Платонополь, город для философов в Кампании, но проект не был осуществлен.

Чрезвычайный авторитет Плотина основывался не только на привлекательности его философии, но и на его безупречном образе жизни, а также на том, и это не в последнюю очередь, что ему приписывали оккультные способности. Из всех учеников Плотина важнейшей фигурой стал сириец Порфирий. После смерти Плотина он опубликовал «Эннеады», философский трактат Плотина, подразделенный на девять групп. Хотя по своей структуре он очень несистематичен, затрагивал логику и психологию, физику и этику, но он передавал общую картину платоновской системы в изменившейся окружающей среде.

Система Плотина исходила из различных ступеней содержания бытия: тело и душа только участники бытия, тогда как дух — само бытие. В соответствии с этим существует следующая ступень, которая от множеств конкретного мира, тел и душ через относительное множество духа ведет к последнему большому единству, которое пождественно с наивысшим божеством.

Отрывок из его трактата против гностиков делает понятным, почему его учение привлекло тогда представителей высших слоев: «Если кто хочет порицать существование богатства и бедности и неравномерное распределение благ, тот не осознает, что мудрецу неважно равенство благ, он рассматривает богатство не как преимущество и не считает, что политически сильные предпочтительнее частных

лиц, но оставляет такое стремление другим. Он приходит к выводу, что на земле есть две жизни, одна для мудрецов, а другая для массы людей; жизнь мудреца есть наивысшее благо и направлена вверх; жизнь обычного человека двойная; грубая толпа есть, так сказать, только пособник для удовлетворения потребностей благородных» (2, 9, 76).

Христианство, гнозис и неоплатонизм сходятся в соотнесении земного, общества и государства, однако при защите собственных позиций они яростно сражаются с соперничающими взглядами. Так, Плотин и Порфирий (в 234—301/305 гг. н. э.) боролись не только с гнозисом, но, особенно Порфирий в своих 15 книгах «Опять христиане», также и с христианством. «Что такое христиане, как не враги бога? Какого снисхождения заслуживают те, кто отвернулся от всего того, что проповедовалось богами у всех, у греков и варваров, в городах и странах, в различных культах и религиях, чему учили цари, законодатели и философы, и повернулся к тому, что безбожно и нечестиво? Какое наказание будет несправедливым для тех, кто отрекся от наследия отцов, а вместо этого равняется на чужеземные, презренные выдумки евреев? Разве это не доказательство крайней подлости и легкомыслия, бездушно отклоняться от своих и примыкать к нечестивым и ненавидимым всеми людям, при этом не к почитаемому евреями богу, а создать новое изолированное безысходное учение, которое не сохранило верность ни традициям греков, ни евреев?» («Фрагменты», 1, 8).

Среди старых культов необычайно широкое распространение получил культ бога Солнца. Когда в 272 г. н. э. во время первого похода против Пальмиры положение у Эмесы долгое время оставалось критическим, пока, наконец, не закончилось полной победой римлян, Аврелиан решил, что ему послал помощь бог Солнца. Поэтому он позже не только почитал бога Солнца Эмесы, но в по-

следние годы правления признал его *богом Римской Империи*. Он был включен в официальные римские государственные культы, получил большой храм в Риме, а также собственную жреческую коллегию — *жрецы солнца*, которые впредь занимали первое место в ряду таких коллегий. 25 декабря было объявлено праздником бога Солнца; каждые четыре года должны были проводиться праздничные игры в честь бога Солнца.

Бог Солнца, которого Аврелиан велел изображать на всех монетах, был совершенно эллинистической фигурой: обнаженный юноша в развевающемся плаще, часто с поднятой правой рукой или держащий бич и земной шар. На голове у него всегда была корона с лучами. До эпохи Константина он был центральным божеством римского пантеона. Характерно, что Порфирий и этому богу посвятил отдельное, сейчас утерянное произведение. Если современная реконструкция верна, там содержится мнение, что в основе все боги тождественны Солнцу и наполнены его силой. В духе неоплатоновской системы Гелиос ставился над всеми традиционными представлениями о богах, однако не был верховным божеством. Он скорее являлся только посредником между духовным понятием бога неоплатоников и специальными богами.

Эпоха солдатских императоров. Структуры и проблематика

Солдатские императоры, правление которых наложило отпечаток на историю *Римской Империи* 3 в. н. э., воплощали в себе, как правило, новый тип правителя. Происходящие большей частью из Иллирии, Паннонии или других регионов Балканского полуострова, они достигли своего положения не по причине происхождения или связей, а прежде всего благодаря своей профессиональной военной квалификации, жестокости и пробивной силе. Первоначально часто являясь лишь представителями отдельных войсковых групп или регионов, после своего признания они должны были одновременно охранять интересы всей Империи.

Солдатские императоры не были просто крестуррами армии. Хотя и преданные ей, такие правители, как Аврелиан, Постум или Араб, не терпели нарушений дисциплины, не поддавались настроению войск, но в интересах всего общества заранее смирялись даже с непопулярностью. Солдатские императоры всегда расплачивались жизнью за такие убеждения. Если между 235 и 285 гг. н. э. из 26 римских императоров только один Тацит умер естественной смертью, то это обстоятельство свидетельствует, какой опасности подвергались римские императоры в те десятилетия. Именно эта опасность способствовала воз-

величиванию и дистанцированию позднеантичных императоров.

При солдатских императорах политические центры переместились в новые органы и новые регионы, преимущественно на периферию Империи. Важнейшие политические, административные и юридические решения принимались теперь не в императорском дворце в Риме, не в римском сенате и не в преторианском лагере. Они принимались в штаб-квартирах правителей в непосредственной близости от фронта.

Слабость солдатских императоров заключалась в отсутствии преемственности на вершине Империи. Естественно, всегда существовали попытки основать новую династию. Такие попытки были при Северах, Максимине Фракийце, Филиппе Арабе и Деции. Но, как правило, они терпели неудачу, пока Диоклетиан не выбрал совершенно новый путь к обеспечению преемственности власти.

Приоритеты солдатских императоров, во-первых, заключались в утверждении своей власти успешной обороной в пограничных районах, во-вторых, в обеспечении единства Империи подавлением узурпаций и возвращении обособившихся частей Империи, в-третьих, в широкой мобилизации римского потенциала не только в военной и финансовой области, но и в религии. Из этих трех приоритетов следует, что вмешательство солдатских императоров в структуры общества было подчинено военным требованиям и давлению армии, требовавшей подарков и обеспечения. Это отразилось в эдикте Диоклетиана о предельных ценах 301 г. н. э.

Глубокие социальные и экономические изменения эпохи солдатских императоров особенно видны при сравнении со структурами времен принципата. Самым коренным было изменение для имперского ведущего слоя, то есть для общественных групп, которые во время принципата первых двух веков обладали руководящими функциями в

рамках Империи. Влияние представителей старых высших слоев было ослаблено так же, как и влияние рабов и вольноотпущенников *семьи Цезаря*. Часто смена на вершине власти была равнозначна смене или физическому уничтожению ответственных советников. Относительную общность создавало то обстоятельство, что многие члены новых ведущих групп были одного и того же военного или регионального происхождения.

Внутри старых высших слоев реорганизация общества затронула прежде всего сенаторов. В 3 в. н. э. около трети всех сенаторов происходило из Италии, тогда как доля сенаторов из провинций, особенно из Северной Африки и греческого Востока, значительно увеличилась. Социальный престиж этой группы, как и раньше частично состоявшей из крупных землевладельцев, в общем сохранился, но сенатор больше не имел существенного политического влияния.

В столетие между Септимием Севером и Диоклетианом римский сенат только четыре раза активно участвовал в выдвижении императоров: в 193 г. н. э. в случае с Пертинаксом, в 238 г. н. э. при назначении «сенатских императоров» Пупиена и Бальбина, в 253 г. н. э. при провозглашении быстро потерпевшего крах Квинтилла и, наконец, в 275 г. н. э. в случае с Тацитом. Не случайно, что все эти императоры правили недолго. В остальном эра сенаторских непрофессионалов прошла, как прошла и эра крупных юристов из сенаторского сословия; в обоих случаях выгоду из этого развития получили всадники. Последняя важная должность, остававшаяся в руках сенаторов, кроме консулата, была должность римского *городского префекта*, которая засвидетельствована в начале 6 в. н. э.

3 в. н. э. совершенно справедливо называли «великим временем римского всаднического сословия» (Г. Альфельди). Эта оценка обоснована уже только потому, что це-

лый ряд императоров этой эпохи — Марцин, Максимин Фракиец, Филипп Араб, Клавдий Готик, Аврелиан, Проб и Кар поднялись к трону непосредственно со всаднических должностей. Также виднейшие юристы того времени Папиан, Ульпиан и Павел были всадниками. Доступ во всадническое сословие для всех выдвигенцев из военных широко открыл Септимий Север. Во всадническом сословии, которое теперь состояло из десяти тысяч человек, тоже увеличилась доля неиталиков, особенно людей из дунайского региона, Ближнего Востока и Северной Африки. Одновременно значительно увеличилось число должностей, которые могли замещать всадники в войске и администрации: из 20 должностей прокураторов при Августе в середине 3 в. н. э. стало уже более 180.

Правда, не все всадники принадлежали к военным, административным или юридическим руководящим группам. Как и раньше, большое число римских всадников имели локально или регионально ограниченное влияние, и их существование зависело от их, как правило, средних землевладений или от успеха их хозяйственной деятельности. 3 в. н. э., как и 1 в. н. э., знал обедневших всадников, прозябавших «*между капустой и свеклой*» и давно потерявших лоск своего сословия.

Что касается экономики, то античные источники 3 в. н. э. часто сами себе противоречат, особенно это относится к сельскому хозяйству. Когда речь идет об упадке производства, о задолжании собственников или об их социальном падении, о запустении земли и о сокращении ремесел и торговли, то такие утверждения в первую очередь относятся к связанному с городом вилловому хозяйству. Возрастающая нагрузка городов, как важнейших государственных административных ячеек, и происходящая из-за этого нагрузка муниципального ведущего слоя должны были привести к разорению собственников вилл.

Совсем иначе происходило развитие в самостоятель-

ных больших производствах типа так называемого *особенного поместья*. Они благодаря своему привилегированному положению смогли не только выстоять, но и округлялись и при этом поглощали опустившихся должников. В этих поместьях возникали новые центры экономической жизни, которые выиграли от массового бегства из городов и упадка вилл. Макс Вебер в конце прошлого века писал: «Большие поместья избавились от городского рынка. Масса средних и мелких городов поэтому потеряла свою экономическую питательную среду: экономический обмен с прилегающей землей. Императоры пытались бороться с бегством из города, особенно с тем, что собственники сдавали жилье, уезжали и перевозили свою мебель в имения» («Социальные причины заката античной культуры». Тюбинген, 1924)

Другим значимым фактором экономического развития 3 в. н. э. была деградация валюты по причине непрекращающейся хронической инфляции, которая в конце концов привела к полному упадку денежного хозяйства. Папирус из Оксириха в Египте является доказательством того, что в 260 г. н. э. денежные менялы отказывались принимать монеты с пониженным чистым содержанием и весом, которые чеканились в массовом производстве.

«Аврелий Птолемей, называемый также Немезианом, стратег округа Оксириха. После того как собрались чиновники и подали жалобу, что менялы закрыли свои лавки и отказались принимать священные монеты Августа, возникла необходимость обязать указом всех имеющих меняльные лавки снова открыть их и принимать все монеты и разменивать их на мелочь, за исключением подделок; это относится не только к ним, но и ко всем, кто занимается товарооборотом; они должны уяснить себе то, что в случае неповиновения указу будут подвергнуты наказанию, которое было назначено для них ранее префектом...» («Оксирихский папирус», 1411).

Разумеется, внутреннее развитие *Империи* в 3 в. н. э. нельзя обобщать. Наряду с пограничными районами, которые постоянно жили в нужде, подвергаясь набегам, восстаниям и грабежам, были и внутренние районы, только временами испытывавшие эти катастрофы, и, наконец, большие области на периферии военной и политической активности, как Северная Африка и Испания, в которых продолжали консолидироваться отношения прежних десятилетий. Правда, государственное давление, особенно налоговое бремя, увеличивалось и в таких спокойных провинциях, чтобы компенсировать потери в беспокойных зонах.

Дифференцированный способ рассмотрения приводит к выводу, что *Римская Империя* в 3 в. н. э., по крайней мере на какое-то время, потеряла важные моменты своей легитимации: она не могла продемонстрировать ни убедительные военные успехи над захватчиками, особенно над сасанидами, ни обеспечить внутреннюю стабильность и когерентность внутреннего союза, ни создать предпосылки для экономического процветания, не в последнюю очередь из-за валютной системы. По причине поражений и потрясений, высоких количественных потерь и обнищания широких кругов населения политическая формация *Империи* в целом существенно потеряла свой престиж.

Катастрофические последствия нельзя не заметить: идентификация отдельного человека с государством стала слабее, внутреннее отмежевание от политической системы возросло. Не только христиане, но и члены гностических сект и неоплатоники придавали государству и обществу условное значение. Тот феномен, который Якоб Буркхардт назвал аполитичностью, то есть сознательный отход от всех политических обязательств и обязанностей по отношению к обществу и государству, получал все большее распространение.

Кроме того, для эпохи характерен рост регионалистических тенденций. Если Империя при принципате характеризовалась уравновешенным соотношением и эффективной кооперацией местных, региональных и центральных органов, то теперь эта общность интересов была нарушена. Этому содействовали неспособность центральных органов выполнять свои задачи, а также чрезмерные требования к местным и региональным ячейкам, которым выполнение этих требований были не по плечу. Приоритет региональных интересов часто приводил к узурпациям и образованиям отдельных империй. Если эти отдельные империи не смогли добиться длительной самостоятельности и отделения от Империи, то это наилучшим образом доказывает исторически сложившуюся силу инерции, несмотря на все поражения и катастрофы. Хотя функция города Рима уже давно ослабела, как и функция его традиционных органов и ведущих слоев, идея Империи стояла посреди всех кризисов.

Эпоха солдатских императоров в целом была пробой на прочность Империи. Она смогла устоять только благодаря мобилизации новых жизненных сил, применению военщины из Дунайского региона и других пограничных зон Империи. Это захватывающее явление одновременно является успехом романизации и политической интеграции.

С другой стороны, нельзя не признать, что доминировали силы, которые бесцеремонно подчиняли своим интересам все структуры государства, администрации и общества. Они были зафиксированы на власти и могуществе, на непреклонном проведении в жизнь всех государственных требований, на использовании всех сил и средств. То, что при этом все больше ограничивалась гражданская свобода и автономия городов, а администрирование и всякого рода принуждения, наоборот, возрастали, не принималось во внимание. Между тем фатальным было то, что

эта постепенно образующаяся «чрезвычайная конституция древнего мира» (Ю. Фогт) просуществовала долгое время.

Тогда как защитники Империи взывали к древним традициям, все больше увеличивался контраст между этими реставрационными целями и политической и общественной реальностью.

Коренным образом изменившееся общее положение на границах и внутри Империи принуждало к мерам, которые были несовместимы с идеалами и нормами принципата. Полностью изменились также стиль и методы функционирования государственных органов. По мере увеличения нужды и уменьшения доступных средств возрастала жестокость и грубость войсковых соединений и милитаризованной администрации. Так, чистым вопросам власти были пожертвованы традиционные компоненты, в век катастроф, нужды и страха население было так же встревожено, как и в дни поздней Республики. Как и тогда, оно было готово принять любую власть и любое политическое решение, лишь бы они обещали стабильность и безопасность.

Тетрархия Диоклетиана

Император, известный под именем Диоклетиан, первоначально имел имя Диокл, которое часто встречалось среди рабов и вольноотпущенников. Но родовое имя Диоклетиана было Валерий. По Евтропию, он был «незнатного происхождения» и, по-видимому, поэтому мало что известно о первой половине его жизни и о первых ступенях его карьеры. Весьма вероятно, что родиной Диоклетиана была Далмация, недалеко от Салон. При Аврелиане, Пробе и Карре он накопил военный опыт и под конец занимал пост *начальника телохранителей*.

После того как летом 285 г. н. э. Диоклетиан получил единоличную власть, перед ним стояло множество военных задач: во время похода Кара на всем Западе Империи, как на границах, так и внутри, начались новые сражения и беспорядки. На Нижнем Рейне, на побережье Северного моря, в Верхней Германии и Реции, а также во внутренней Галлии перед Диоклетианом стояли задачи, которые он один разрешить не мог.

Многообразие этих обязанностей требовало разделения функций, и это объясняет, почему Диоклетиан еще в 285 г. н. э. сделал Цезарем своего старого боевого товарища Максимиана и поручил ему руководство на галло-германском театре боевых действий. Это возвышение в Цезари было превентивным методом против возможных

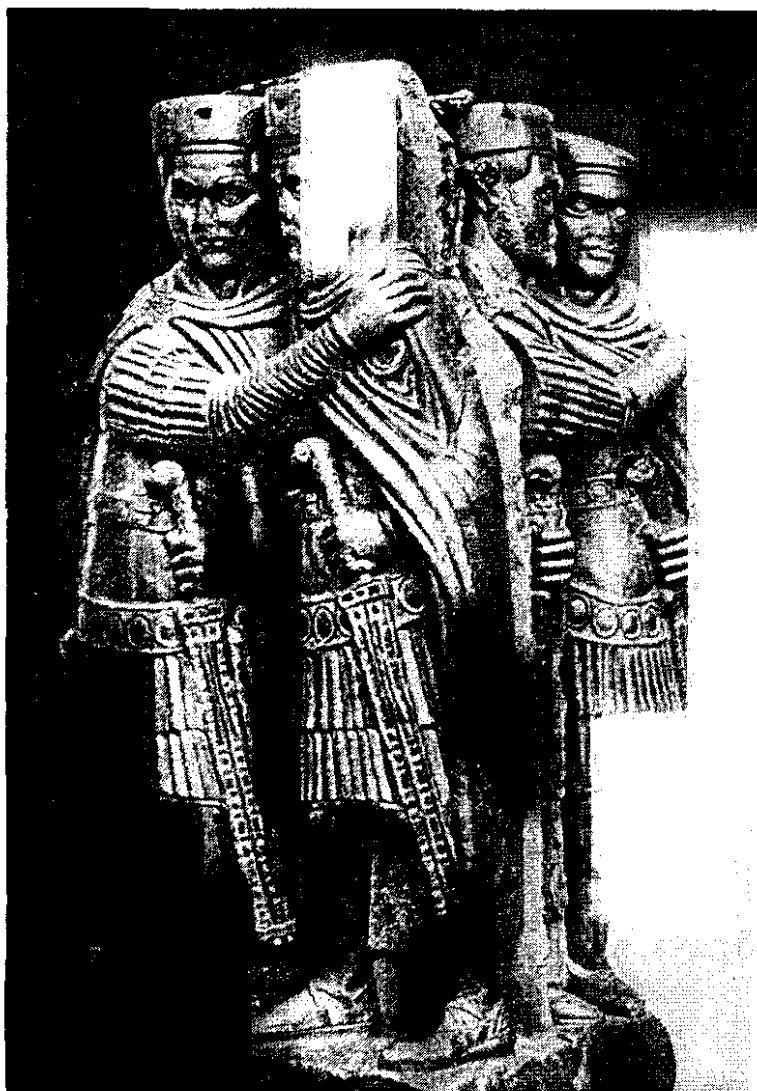

Рис. 56. Группа тетрархов. Венеция

узурпаций региональных командующих; в случае с Максимианом этот метод являлся безопасным. 1.4.286 г. н. э. Максимиан за свои успехи был возведен в Августы и стал соправителем.

В последующие годы до 1 марта 293 г. н. э. у империи снова было два императора. Теоретически они являлись «братьями», их отношения были официально определены и почти равноправны. В действительности Диоклетиан сохранил, как и раньше, самый высокий ранг и директивные компетенции по всей Империи. Особенно наглядно эта градация отражается в тех именах, которые добавили себе правители: Диоклетиан впредь звался Йовием, а Максимиан Геркулием. Эти имена говорят больше, чем связь с Юпитером и Гераклом: они являются столпами политической теологии и ярко выраженным свидетельством связи рациональности и религиозности, которая стала характерной для новой системы.

Успехи, достигнутые Диоклетианом и Максимианом в ближайшие годы, были большими, но число очагов кризисов не сокращалось. Поэтому понятно, что Диоклетиан последовательно продолжал свой курс. 1.3.293 г. н. э. он назначил двух *Цезарей*, к каждому из *Августов* было представлено по одному. У Диоклетиана был Галерий, у Максимиана на Западе — Констанций Хлор, отец Константина Великого. Одновременно *Цезари* были усыновлены своими *Августами*. Галерий был принят в семью Валериев, он получил также имя своего *Августа* — Йовий. Ценой власти стал развод с женой; как когда-то Тиберий, он должен был развестись и жениться на Валерии, дочери Диоклетиана. Констанций Хлор, Цезарь Запада, уже несколько лет был зятем Максимиана Геркулия. Он тоже расстался со своей подружкой Еленой, матерью Константина Великого.

Система тетрархии, правления четырех, объединяла в

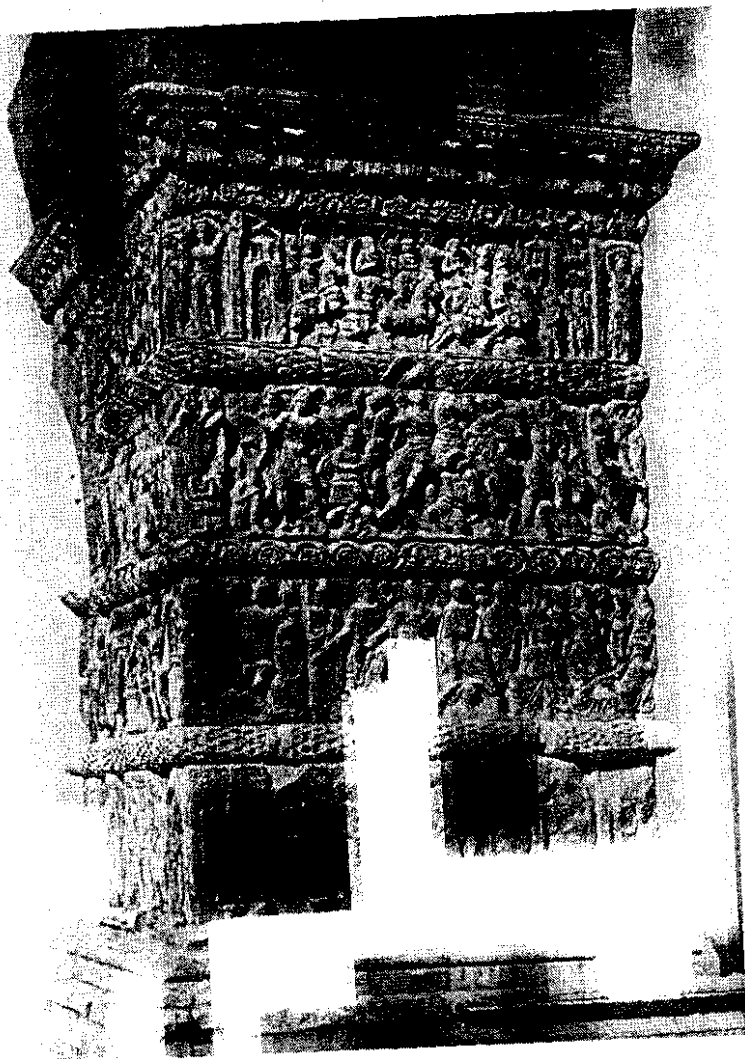

Рис. 57. Арка Галерия. Фессалоника

себе элементы рациональной конструкции и элементы династической политики. Оба *Цезаря* отныне были обладателями собственной империи, но по рангу отличались от *Августов*. В античных источниках они часто обозначались понятием *аппараторы*, что означало технический служащий. Быстро начало создаваться подразделение обязанностей: Максимиан Геркулий на Западе осуществлял контроль над Италией, Испанией и *Африкой*, Констанцию Хлору были предназначены Галлия и Британия. Сферой Диоклетиана был прежде всего Ближний Восток. Галерий занимался дунайским регионом от *Норика* до устья Дуная. Но этот раздел обязанностей не был окончательным разделом Империи, оба *Августа* неоднократно вмешивались в сферы компетенций своих *Цезарей*. Система управления могла существовать только потому, что Диоклетиан был признан центральной фигурой Максимианом и двумя Цезарями.

На первый взгляд, столь абстрактная конструкция тетрархии, с одной стороны, гарантировала фундаментальное единство Империи, с другой же, требовала присутствия обладателя высшей власти. Эта власть четырех нашла свое выражение в том, что каждый из них был признан по всей Империи, законы и указы издавались от имени их всех, при императорских жертвоприношениях ставились изображения всех четырех правителей, монеты в каждой части Империи чеканились для всех четырех.

Однако эта новая система могла сохраниться лишь в том случае, если все тетрархи безоговорочно подчиняли свои интересы нормам системы, как это представляет репрезентативное изображение той эпохи. Группа из порфира из Сан-Марино и также изготовленное из порфира изображение тетрархов Ватиканской библиотеки не отражает индивидуальные черты отдельного правителя, также и

портреты на монетах, где правители запечатлены в момент жертвоприношений. Идеологически эта власть была оторвана от общечеловеческой сферы. Можно спорить о значении нюансов в формулировках и посвящениях, но для подданных императоры, как никогда, были приближены к богам.

Одежда императоров и церемониал углубили дистанцию. Диоклетиан уже изображался с нимбом, лучистым обручем вокруг головы; скипетр и глобус принадлежали к атрибутам императора. Уже давно все, что было связано с правителем, являлось священным. Но теперь он был недоступен всем среди своих священных чертогов, от тех, кто к нему приближался, требовалось коленопреклонение с целованием края императорского облачения, расшитого драгоценными камнями одеяния, к которому Константин Великий позже добавил диадему.

Понимаемая таким образом императорская власть требовала нового оформления, новых больших зданий, как выражение системы. Теперь они украшали не только Рим, но и все резиденции: Никомедию, Фессалоники, Милан и Трир. Термы Диоклетиана, новое здание для сената на Форуме, памятники тетрархам в Риме и Трире, большая базилика и императорский дворец под куполом в Фессалониках, арка Галерия и мавзолей, в Пьяцца Армерина на Сицилии вилла с термами, раскопанная только после второй мировой войны, храм, мавзолей и спуск к морю длиной свыше 150 м, — все это является важнейшими постройками эпохи, которые еще сегодня свидетельствуют об огромной воле Диоклетиана и его соправителей.

Возникновение тетрархии Диоклетиана проходило под диктатом беспорядков на границах и в отдельных внутренних регионах. Приоритет этих задач продержался еще долгое время. Следующий обзор будет сосредоточен на деятельности Диоклетиана. После борьбы с сарматскими

и германскими племенами в 285 г. н. э. и передачи командования на Западе Максимиану Диоклетиан мог заняться реорганизацией охраны границы в Сирии и Палестине. В 287 г. н. э. были проведены переговоры с посольством сасанидского царя Баграма II, который, очевидно, боялся римских наступлений. В процессе активной римской восточной политики Тиридат III, который до этого укрывался в Империи, был возвращен на армянский трон. Обострение военной и политической обстановки на Западе потребовало в 288 г. н. э. личного присутствия Диоклетиана в верхнегерманско-ретийском регионе. В районе Верхнего Дуная он одержал победу над аламаннами; в месте, которое нельзя однозначно определить, в Аугсбурге или в Майнце, он давал новые распоряжения с Максимианом. Возможно, найденный в Лионе свинцовый медальон относится к этим событиям. На нем изображены два императора, возвышающихся над упрощенным рисунком рейнского моста между Майнцем и Кастелом в тот момент, когда они разрешают группам населения переселиться из правобережья Рейна на римскую территорию.

В 289 г. н. э. Диоклетиан снова воевал на Нижнем Дунае с сарматами. В 290 г. н. э. он из своей резиденции Сирмии отправился отражать нападение арабов в Сирии. Крупные столкновения с сасанидами сначала были отложены, в январе 291 г. н. э. Диоклетиан снова совещался с Максимианом в Милане. В этом и в следующем году на переднем плане стояла оборона границы на Нижнем Дунае.

В 293 г. н. э. неожиданно разгорелся кризисный очаг в Египте. Во время ожесточенного восстания были разрушены города Копт и Бузирид. Насколько серьезно римская сторона восприняла это событие, следует из того, что в Египет было послано 18 легионов.

Диоклетиан в этом же году познакомил своего Цезаря

Галерия с кругом его задач на Нижнем Дунае. Галерий в последующие годы неоднократно оправдывал возложенные на него надежды. В 294 г. н. э. он победил сарматов, в 295 г. н. э. — карпов. Сам Диоклетиан после длительного пребывания на Балканском полуострове отпраздновал в Никомедии деценалии, десятилетний юбилей своего правления, и в 296 г. н. э. отправился в Сирию. В Египте еще раз поднялось восстание, которое считалось давно подавленным, теперь оно охватило всю страну. Когда подкрепления римского гарнизона оставили Египет, узурпатор Л. Домиций Домициан посчитал, что пробил его час. Ему удалось укрепиться в самой Александрии и подчинить себе всю страну.

В 297 г. н. э. Диоклетиан лично поспешил туда, Александрия была окружена, но город пал только тогда, когда был отведен нильский водопровод. В самой стране, по которой император путешествовал до конца 298 г. н. э., была реорганизована общая администрация, сбор и учет налогов; монетный двор, продукция которого распространялась от Средней Европы до Индии, был закрыт. Южная граница римской области была теперь восстановлена на уровне острова Филы.

Пока длилась война и реорганизация в Египте, на севере римской восточной границы произошло нападение сасанидов. Нарзех, с 293 г. н. э. преемник Баграма III на сасанидском троне, изгнал из Армении протезе Диоклетиана Тиридата III. Снова горная страна стала яблоком раздора между двумя Империями, для которых в течение столетий было вопросом престижа посадить там на трон зависимого клиента. Диоклетиан поручил Галерию оказать сопротивление, пока не подойдет подкрепление. Однако Галерий в начале 297 г. н. э. ввязался в сражение между Каррами и Галиником, в котором понес большие потери и был наголову разбит. Война с сасанидами возоб-

новились только в феврале 298 г. н. э., после того как были подтянуты новые силы из дунайских гарнизонов. Продвигаясь через Армению, Галерий вдоль Тигра дошел до Ктесифона, а потом вернулся назад вдоль Евфрата. В феврале 299 г. н. э. он вошел с Диоклетианом в отвоеванный Низибис, тот часто оспариваемый пограничный город, который отныне в течение 65 лет до Новиана непрерывно оставался римской собственностью.

Под впечатлением этого успеха Диоклетиан и Галерий могли диктовать условия мира. Когда была восстановлена старая римская провинция *Месопотамия*, предстояли важнейшие территориальные изменения в землях севернее от нее. Здесь римская граница была продвинута до линии Арзании, восточного рукава Евфрата. Армения тоже территориально увеличилась, Низибис стал единственным местом для общего транзитного сообщения с Империей сасанидов. За принятие этих требований Нарзех получил назад плененных представителей своего рода.

В целом этот мирный договор был определен не столько империалистическими целями, сколько желанием систематически и надолго реорганизовать всю римскую восточную границу. На севере сасаниды были оттеснены от своих старых ворот для вторжения в Армению Араксесталля и вообще держались подальше от Кавказа, где теперь оставалось только римское влияние. Одновременно была еще раз укреплена римская восточная граница. В феврале 299 г. н. э. Диоклетиан и Галерий торжественно вошли в Антиохию; один из величайших римских триумфов еще сегодня засвидетельствован монументальным памятником этой победы — аркой Галерия в Фессалониках.

Для Максимиана Геркулия, *Августа* Запада, испытанием было подавление восстания багаудов (слово *багауды* кельтского происхождения, его собственное значение не установлено; в большинстве случаев оно в уничижи-

тельном смысле отождествляется с бунтовщиком или бродягой). Начало восстания относится к 283 г. н. э., его ядро составляли галльские крестьяне и пастухи, которые имели все основания для недовольства: в Галлии десятилетиями происходили разбои и грабежи, и делали это не только вторгшиеся германцы, но и войска узурпаторов и имперских освободителей. От происходящего страдали те, кто вел оседлый образ жизни, их собственность сначала отбиралась у захватчиков, а потом вымогалась правителями отдельных империй, а также центральным правительством. Эти группы населения теперь силой отражали любую власть. Предположительно, крестьяне были пехотой, а пастухи конницей; Элиан и Аманд были предводителями движения, но фактически в Галлии царил анархия.

В серии сражений с багаудами Максимиан одержал по крайней мере поверхностный успех, но восставшие продолжали борьбу в форме разбойничьих банд и партизанских отрядов. Они в течение следующих двух веков оставались латентным очагом беспорядков во всем галло-испанском регионе. Нападения германцев Максимиан тоже отразил контрударами через Рейн; опаснейшим очагом кризиса стали совсем другие события. Против постоянных набегов пиратов на побережье Северного моря в Ла-Манше был сконцентрирован сильный флот, которым в те годы командовал менапий Каравазий. Когда он был обвинен в присвоении добычи и сговоре с противником, Каравазий собрал все, что ему принадлежало, и в конце 286 г. н. э. отплыл в Британию. Он высадился на северо-западе острова, заключил соглашение с пограничными племенами и двинулся на юг. У Эбурака (Йорк) были уничтожены регулярные римские соединения, занят Лондоний (Лондон), и тем самым консолидировалась британская отдельная Империя.

Каравазий в стилизации власти и в структуре администрации придерживался традиционных римских форм. Легализацию своей власти, в которой ему отказали Диоклетиан и Максимиан, он узурпировал. Известное изображение на монете показывает его вместе с Диоклетианом и Максимианом, а внизу надпись: «*Каравазий и его братья*». Стремление к легализации, консолидации собственных сил и дальнейшее развитие британской экономики были основными позициями политики Каравазия, который при этом пользовался сплоченностью и островным положением сферы своей власти.

Максимиан не думал просто так смириться с этими событиями. Уже в течение 288 г. н. э. он приступил к интенсивному строительству и оснащению своего флота. Когда Диоклетиан в том же году находился в Ретии, войска Максимиана в боях против франков продвинулись до Северного моря. В 289 г. н. э. Максимиан решил на борьбу с британским узурпатором. Однако его плохо обученный флот был уничтожен хорошо управляемыми кораблями Каравазия, Каравазий даже смог отстоять предместное укрепление вокруг Гезориака (Булонь). У Диоклетиана и Максимиана не было другого выбора, как принять *status-quo*; Каравазий симулировал свое признание в качестве легитимного соправителя и даже выпустил монеты для своих «коллег». Его престиж возрастал, и власть была признана в большей части Северо-Западной Галлии.

Окончательное свержение британской отдельной империи удалось только Констанцию Хлору. Уже в 293 г. н. э., в год своего возвышения в *Цезари*, он взял Гезориак, вытеснил соединения Каравазия с северо-запада Галлии, а три года спустя провел успешную оккупацию Британии. Аллект, преемник убитого между тем Каравазия, был разбит. Констанций Хлор вошел в Лон-

дон как «воздаятель вечного света», как прославляет его знаменитый медальон.

В этот же промежуток времени не утихали битвы на различных отрезках рейнской границы. В 292 г. н. э. произошло разрушение территории между Верхним Рейном и Нижним Дунаем, однако до 305 г. н. э. сражения на германском фронте не прекращались, они велись Констанцием Хлором, так как Максимиан Геркулий в это время был занят беспорядками и пограничными сражениями в Северной Африке. Как и всегда, присутствие Максимиана Геркулия в Карфагене в 297—298 г. н. э. ознаменовалось активной строительной деятельностью.

С походами Максимиана Геркулия на северо-запад Империи христианские источники связывают мученичество фиванского легиона, которое ежегодно отмечается католической церковью 22 сентября. По первоисточникам об этом мученичестве рассказано в *Страстях акавненских мучеников* епископа Лионского, написанных в первой половине 5 в. н. э. *Страсти* сообщают, что Максимиан хотел истребить христиан. *Легион воинов, которые звались фиванцами*, якобы получил приказ выступить в поход, чтобы на Западе принять решительные меры против христиан. Но солдаты не повиновались, поэтому легион вблизи Октодура (Мартиньи) сначала два раза был подвергнут децимации, а потом был полностью уничтожен. Среди предводителей фиванского легиона называется некий Мавриций, в честь которого в 515 г. н. э. было построено аббатство Сен-Морис д'Агон в верхней долине Роны. *Страсти* ссылаются на Теодора, будущего епископа Октодура, который обнаружил останки солдат фиванского легиона. С того момента известно почитание чудотворных реликвий. Фиванский легион стал олицетворением стойкости христианских воинов и мучеников; в Швейцарии

рии, на Нижнем Рейне и в Италии с ним был связан целый ряд мучеников.

После критики источников в современной науке (Д. ван Берхем) на основе целого ряда анахронизмов и других нестыковок в *Страстях* оспаривается историчность этих событий. Вполне возможно, что обнаружение реликвий епископом Теодором находится в тесной связи с усилившимся почитанием реликвий, которое началось с Амброзия. Однако, как ни оценивать содержание и форму *Страстей*, для европейского средневековья мученичество фиванского легиона было правдой, которая, разумеется, в значительной степени способствовала дискредитации Максимиана Геркулия.

Итог военных операций первой тетрархии показывает, что нигде не было попыток империалистических наступлений. Даже там, где Диоклетиан собирал большие силы и развивал активные действия, как против сасанидов, на Нижнем Дунае, на границах германских провинций против аламаннов и франков, было стремление только к окончательной стабилизации границ Империи. Стабилизация всеми средствами была требованием времени, и она осуществлялась с помощью контрнаступлений, постройки крепостей, дорог, соединительных путей в пограничных зонах, усиления гарнизонов и пограничных войск.

Даже при беглом взгляде на историю военных и политических достижений тетрархии Диоклетиана заметен приоритет военного сектора. Опять армии отводилось ключевое положение в государстве, опять решающей была военная квалификация правителей, опять сама система смогла выстоять, несмотря на поражения и потери, благодаря военным успехам внутри и на границах Империи. С этой точки зрения очевидна тесная связь с эрой солдатских императоров. Если тетрархия Диоклетиана существенно отличается от той эпохи и в рамках процесса стабили-

зации занимает особое место, то это объясняется тем, что среди непрерывных военных задач проводился целый комплекс реформ.

Реформы тетрархии Диоклетиана, как и реформы Августа, охватывали почти все сферы государства и общества. Так как они долгое время осуществлялись одним человеком, личность и методы которого, правда, диаметрально отличались от Августа, они привели к внутренней целостности. Этим объясняется также и то, что реформы Диоклетиана для новой эпохи поздней античности приобрели такое же фундаментальное значение, как когда-то реформы Августа для принципата.

Реформы достигли такой необычайной плотности и охвата, что фактически осуществили полную реорганизацию общества и государства. Прежде чем они будут изложены по конкретным областям, необходимо сделать несколько предварительных замечаний: во-первых, нужно отметить, что структуры тетрархии внедрились не в одном процессе и не по единой модели государства и общества как структуры принципата. Они были скорее результатом среднесрочного процесса изменений, хронология которого ввиду неудовлетворительного положения с источниками гораздо более ненадежна, чем в случае с Августом. Даже для самых центральных сфер окончательно не выяснено, осуществлялись ли определенные меры при солдатских императорах и только позже были декретированы Диоклетианом, или же они были введены только Константином Великим.

Во-вторых, отдельные события, конкретные очаги кризисов и специальные региональные задачи приводили часто к реакциям, которые представляли существенные элементы комплекса реформ, и, таким образом, общее впечатление от реорганизации позволяет предполагать гораздо более плотную консистенцию, чем это было на самом

деле. Систематическое укрепление и реорганизация восточной границы были реакцией на вторжение арабов и сасанидов; реорганизация Египта — реакцией на внутренние восстания; преследования христиан на удивление поздно — реакцией на происшествие с Диоклетианом в Никомедии; эдикт о максимальных ценах бесспорно был реакцией на протесты и недовольство в армии. Реформы Диоклетиана в целом нельзя понимать, как одностороннее осуществление монархических концепций, скорее они являются результатом как внутренней, так и внешней диалектики этой системы.

В-третьих, неоспоримая интенсификация государственного влияния во времена тетрархии отождествляется с систематическим внутренним нивелированием. Сознательно проводимое выравнивание нагрузок на различные области, непрерывная рационализация во многих отдельных сферах, а также общая тенденция к нормированию и регламентированию, казалось, говорят в пользу этого. Однако тотального нивелирования Империи при Диоклетиане не последовало. Новые исследования скорее приводят доказательства того, что даже в области реформ налогообложения нужно считаться с региональными различиями и преемственностью региональных традиций.

При тетрархии произошло значительное увеличение войска. По сравнению с эпохой Северов армия увеличилась приблизительно на 500 000, то есть почти вдвое. Около 60 легионов имели, правда, от 1 000 до 2 000 человек, зато доля различных вспомогательных формирований все время возрастала. Пополнение регулярной армии было проблемой уже при Диоклетиане. Легионы набирались в большинстве случаев из детей солдатских семей, в которых военная служба стала наследственной, а также из рекрутов, которые в случае необходимости поставлялись землевладельцами. Большая часть населения, а так-

же специалисты и представители отдельных корпораций были, наоборот, освобождены от воинской службы. Это же относилось и к оседлым крестьянам и колонам, но не всегда соблюдалось из-за проблем с пополнением.

Наметившиеся при Галлиене основные тенденции в военном деле продолжились при Диоклетиане: во-первых, окончательное разделение гражданского и военного командования, во-вторых, структурирование армии на стационарные пограничные войска и на мобильную походную армию. В обоих случаях это структурирование окончательно завершилось только при Константине Великом. По более старым трактовкам еще при Диоклетиане в пограничных провинциях, как правило, командование двумя легионами такой провинции осуществлял один военачальник. Новейшие исследования показали, что такое решение при Диоклетиане еще не практиковалось, границы сферы командования отдельных военачальников, наоборот, распространялись через границы провинций, и военные сферы командования перекрывали компетенции гражданской администрации.

Подобным же образом складывались обстоятельства при формировании мобильной походной армии, *комитатов* константиновского времени. В сущности, это войсковое соединение было еще при Диоклетиане, но сначала оно состояло только из относительно небольшого числа кавалерийских элитных подразделений и гвардейских формирований, таких как телохранители (*протекторы*). Экспедиционный корпус для походов при солдатских императорах, наоборот, формировался от случая к случаю из *нексиллариев*, то есть прикомандированием боевых групп из различных войсковых подразделений, особенно из кавалерийских частей. Строго организованным войсковым большим соединением *комитаты* стали только при Константине Великом.

Значительные изменения внутри администрации при тетрархии произошли в администрации провинций. Тенденции к дроблению старых больших административных единиц существовали уже долгое время. Тогда как к началу правления Диоклетиана Империя насчитывала около 50 провинций, в 297 г. н. э., как известно из *«Веронского списка должностей и званий»*, их было 100. Старые исторические административные единицы раздробились в долгом процессе деления. Например, Галлия и рейнские территории были разделены на 15 новых провинций, старая провинция Азия — на семь, Фракия на четыре, *Нарбонна, Африка, Каппадокия* и Египет каждая на три, более двадцати старых провинций были разделены пополам.

Разница между императорскими и сенаторскими провинциями, традиционная фикция сенаторской администрации, исчезла; фактически Апеннинский полуостров был понижен до статуса провинции, если здесь вообще можно употребить обозначение *провинция*. Но корректоры, которые впредь управляли Италией, мало чем отличались от обычных наместников. Исключение составляли столица и территория до 100-го межевого камня, которые подчинялись *городскому префекту*.

Целью дробления прежних административных единиц было повышение интенсивности управления, но особенно сокращение правосудия и финансовой администрации, которые впредь находились в центре деятельности провинциальных наместников. Кроме этого, они должны были проводить рекрутирование и реквизиции, а также наблюдать за общественными работами. Наместники сенаторского происхождения — *проконсулы* в будущем остались в сильно уменьшенных бывших сенаторских провинциях *Азия* и *Африка*. Сенаторы могли быть *корректорами*, наместниками как бы низшего ранга, в италийском

регионе на Сицилии и в Ахае. Во всех остальных провинциях во главе администрации стояли всадники.

Дробление провинций вызвало создание новых средних инстанций, так как для центральной администрации было невозможно следить за многочисленными провинциальными властями. Так, по всей Империи было создано 12 округов, на Востоке *Ориент*, Понт и *Азиана*, на Балканском полуострове и в дунайском регионе *Фракия*, *Мезия* и *Паннония*, в центре *Италия*, на Западе *Галлия*, *Испания*, *Британия* и *Виенна*, на юге *Африка*. Эти округа управлялись заместителями преторианских префектов, *викариями*, которые для исполнения своих обязанностей располагали большим штабом. Численность этих штабов при Диоклетиане точно неизвестна, но в конце 4 в. н. э. *викарий* имел около 300, а наместник около 100 подчиненных. Кроме контроля над провинциальной администрацией своих округов, *викарии* были юридической апелляционной инстанцией. Они принадлежали к всадническому сословию, которое благодаря этому получило новые руководящие посты. Исключение представляла Италия: там *викарий Италии* управлял только территорией севернее Апеннин, а южная часть этого центрального округа контролировалась *викарием города Рима*.

Важнейшими административными властями стали штабы преторианских префектов, а сами преторианские префекты — важнейшими имперскими чиновниками. В процессе милитаризации основных ветвей управления преторианские префекты, которые уже давно были не только командирами гвардии, а чем-то вроде начальников генерального штаба, стали отвечать за пополнение армии, а также за общее снабжение и подвоз. В их подчинении были теперь *викарии* округов и провинциальные наместники, к тому же они обладали широкими компетенциями в пра-

восудии, как в качестве представителей императора, так и как собственная юридическая инстанция.

Кроме преторианских префектов влиятельнейшими шефами центральных органов были чиновники, *ответственные за налоги и чеканку монет*, а также чиновники, к которым поступали доходы от собственности короны. Судя по *скриниям*, их ящичкам с документами, существовали различные секции императорской канцелярии, которыми руководили магистры. *Магистр писем* отвечал за переписку, *магистр жалоб* руководил отделом прошений, *магистр по расследованиям* заведовал правовым отделом. Наряду с этими центральными административными штабами существовала функционально дифференцированная придворная прислуга — *кастрензианы*, которые включали в себя *кубикуляриев* — ответственных за спальные покои, и *веляриев*, которые обслуживали занавеси в императорском аудиенц-зале.

Существенное увеличение войска, интенсивная строительная деятельность и не в последнюю очередь раздувание государственного аппарата тяжело обременили финансы Империи. Так как налоговая система, которую ввел Диоклетиан, была столь же неэффективна, сколь и коррумпирована, и так как все виды денег, несмотря на попытку реформы Аврелиана, снова находились под угрозой инфляции, не оставалось иного выхода, кроме систематической реорганизации. Она была продиктована требованиями армии, но проводилась не в один прием, а, по всей видимости, поэтапно. Правда, создается впечатление, что она представляла собой одно целое.

В течение 3 в. н. э. сохранилась только *аннона*, от случая к случаю повышаемый натуральный налог. Диоклетиан систематизировал это повышение, когда распорядился равномерно повысить то, что раньше повышалось периодически на региональном уровне и в разном объеме.

Даже северная часть Италии теперь облагалась налогами, тогда как южная должна была обеспечивать столицу скотом, вином и строительными материалами. Вторым пунктом новой налоговой системы Диоклетиана была *капитация* — подушный налог, взимаемый деньгами.

Диоклетианова система *капитация-югация* основывалась на двух элементах: во-первых, на одном югере, то есть земельном участке плодородной земли того размера и качества, чтобы служить второму элементу, то есть лицу для поддержания жизни, и использоваться только им самим. Таким образом, налоговый субъект состоял из связи земельного участка и рабочей силы, причем с женщин взималась только половина подушного налога.

В деталях налоговая система была сильно дифференцирована: по своей дифференциации она похожа на современную. Так, например, в Сирии, где соотношения известны из сирийской расчетной книги, размеры одного *югера* колебались в зависимости от качества земли между 20 и 60 моргами пахотной земли. Причем 5 моргов виноградника приравнивались или к 225 в горах, или к 450 оливковых деревьев. Скоординированы были и другие налоги, например поштучный налог на скот.

Вероятно, налогом *капитация-югация* облагались все жители Империи: мужчины в возрасте от 12 до 65 лет, женщины от 14 до 65. Систематическая перепись, которая была проведена первый раз в 297 г. н. э., потом проводилась каждые пять лет, а с 312 г. н. э. каждые пятнадцать лет, устанавливала число налогоплательщиков. Эта перепись давала повод для возражений и вызывала негодование, она была решающим событием в жизни каждого отдельного человека. Как хронологический термин это понятие использовалось еще в европейском средневековье.

В отличие от многих современных государственных

бюджетов бюджет *Римской Империи* в поздней античности не зависел от меняющихся налоговых поступлений.

Тогда как система налога *капитация-югация* в современных исследованиях оценивается положительно по причине ее эффективности, Лактанций в начале 4 в. н. э. рисует в мрачных красках ее последствия. Хотя нужно учитывать его негативное отношение к правителям первой тетрархии и его стремление к риторическим преувеличениям, его описание, по крайней мере частично, выявляет последствия реорганизации и предостерегает от слишком оптимистичной оценки ситуации: «Между тем были несчастья и стенания из-за нового налогообложения, которое было введено для всех провинций и общин... Толпа налоговых чиновников низверглась отовсюду и привела всех в смятение. Это были картины ужаса, как при нападении врагов и уводе пленных. Измерялись поля, подсчитывались виноградные лозы и деревья, вносились в списки все домашние животные, отмечалось число жителей. В города стогнялось все городское и сельское население; все площади были забиты толпами людей. Каждый был на месте с детьми и рабами. Ввели пытки и побои, сыновей пытали перед отцами, вернейших рабов перед хозяевами, жен перед мужьями. Если же все это было безуспешно, пытали самого собственника, и если он не выдерживал боли, он записывал в собственность то, чего вообще не существовало. Ни возраст, ни немощи не находили снисхождения... Детям прибавляли возраст, старикам уменьшали. Все должны были платить подушный налог и продажную цену за жизнь. Не доверяли одним оценщикам и снова посылали других, как будто они могли записать больше; все время удваивались взносы. Тем временем уменьшалось число животных, умирали люди, но несмотря на это налог накладывался и на умерших. Короче, бесплатно нельзя было больше ни жить, ни уме-

реть. Остались только нищие, с которых нечего было взять» (Лактанций, «О смерти преследователей», 23).

В то время как налоговая система Диоклетиана с государственной точки зрения себя оправдала, его начинания в области экономики и валюты потерпели неудачу. После того как попытка Аврелиана оказалась безуспешной, Диоклетиан дважды провел денежную реформу в 294 г. н. э. и в 301 г. н. э. Эти реформы преследовали цель повысить и стабилизировать падающую цену серебряных денег. Даже после недавнего обнаружения надписи из Афродизии, которая сообщает важные детали реформы 1. 9. 301 г. н. э., специальные нумизматические проблемы еще не разрешены. Прежде всего нельзя установить соотношения и тарификации эры Диоклетиана. Покрытые тонким серебряным слоем медные монеты в больших количествах обнаруживаются при раскопках; они снизились в весе и в чистом содержании так же, как и прежние номиналы, и еще больше увеличили разницу между установленной государством денежной стоимостью и настоящей покупательной способностью.

Только организационная реформа всей монетной чеканки оказалась прочной. Вместо комбинированной системы местной, региональной и государственной чеканки Диоклетиан ввел новую систему более 15 государственных монетных дворов, на которых чеканились впредь преимущественно единые типы монет. В будущем эти монеты в разных частях Империи различались только по сокращенному названию монетного двора (например, PTR — монетный двор в Трире или SIS — Сисция) или по стилю изображений и региональным особенностям. Центральные эмиссии, например, с надписями «ДУХУ — ПОКРОВИТЕЛЮ РИМСКОГО НАРОДА» или «ЮПИТЕРУ-ХРАНИТЕЛЮ» изготавливались теперь на всех государственных монетных дворах, из которых монетные дворы Трира,

Лондона, Рима, Лугдуна, Арелаты и Сисции стали самыми значительными для германского пограничного пространства.

Вторая денежная реформа Диоклетиана находится в тесной связи с эдиктом о максимальных ценах 301 г. н. э. Очевидно, реорганизация валютной системы и фиксация максимальных цен должны были тесно взаимодействовать, чтобы, с одной стороны, покончить с инфляционными процессами, а с другой — обеспечить предложение товаров по соответствующим ценам. То, что все вмешательства в денежную систему привели к другим последствиям, доказывает папирус конца 3 в. н. э., в котором чиновник дает своему агенту следующие указания: «Божественная судьба наших повелителей распорядилась, чтобы италийские деньги были уменьшены на половину одного нумма. Поэтому поторопись все италийские деньги, которые у тебя есть, израсходовать и купить мне всякого товара, по какой цене сможешь раздобыть» («Каталог греческих папирусов в библиотеке Д. Риланова в Манчестере», 607).

Другие развития тоже увеличили разницу между стоимостью и реальной ценой и в конце концов привели к тому кризису, который должен был устранить эдикт о максимальной цене 301 г. н. э., акт отчаяния и «правительственной глупости», как считал Моммзен, в любом случае самая всеобъемлющая попытка экономического управления, которая вообще известна в античности. Эдикт начинается с перечисления всех официальных титулов четырех правителей, которые содержали по восемь победных имен. Обстоятельное и вычурное предисловие, обосновывающее необходимость мер, напоминает сначала об удачно проведенных войнах и о больших усилиях по восстановлению мира: «Неусыпным долгом правителей является окружить навеки установившийся мир по-

добающей защитой справедливости». При этом появляются старые и новые элементы идеологии позднеантичной императорской власти: мир, справедливость, спокойствие и безмятежность.

В острейшем контрасте за этим следует описание действительности, указание на бешеное корыстолюбие тех бессовестных и неудержных, которые не считаются с обществом и вынуждают к действиям *«отцов рода человеческого»*. При этом добавляется, что забота правителей пришла слишком поздно и прежняя сдержанность объясняется надеждой императоров на то, что человечество улучшится само. Эта, как позже оказалось, безрезультатная и фатальная сдержанность была стилизована и как выражение умеренности. Только после этих общих мест эдикт становится конкретным:

«Кто имеет такой упрямый характер и лишен всякой человечности, что не знает и даже не почувствовал, как на товары, продаваемые на рынках или в ежедневном товарообороте городов, распространился произвол цен, что разнузданная алчность не утоляется ни изобилием товаров, ни богатым урожаем отдельных лет; что без сомнения именно такие люди, которые занимаются такими делами, постоянно в душе взвешивают и даже узнают по звездам погоду и не могут в своем несправедливом настроении вынести, когда счастливые поля орошаются небесным дождем и дают надежду на будущие плоды; что многие считают это своим личным ущербом, когда возникает избыток товаров из-за благосклонности неба. Эти люди, которые только о том и думают, чтобы из божественного благодеяния извлечь выгоду, урезать избыток в общественном благосостоянии, а в неурожайный год с тем, что принес урожай, заниматься грязными делишками, пользуясь услугами торговцев, эти люди, из которых каждый купается в богатстве, которым можно было бы насытить

целые народы, и которые гонятся только за своим благополучием и за ростовщическими процентами — так вот, жители наших провинций, положить конец их корыстолюбию требует от нас уважение ко всему человечеству...

Итак, кто не знает, что низменная выгода с коварной наглостью подстерегает все наши войска, куда бы их ни направляло общее благо, и не только в деревнях и городах, но и на марше они сталкиваются с ростовщиками, и цена за товары растет не в четыре или восемь раз, а взвинчивается так, что человеческий язык не может это выразить; у солдата на покупку одного-единственного предмета крадется все жалованье, и все общие налоговые поступления всей Империи для содержания войска переходят в мерзкую добычу разбойников.

Итак, взвесив с полным правом все вышеизложенное, мы, потому что этого требует простая человечность, подумали не устанавливать цены на товары, ибо это было бы несправедливо, потому что многие провинции радовались бы счастьем желаемых низких цен и, так сказать, привилегии изобилия, но установить максимальные цены, чтобы, если какая-нибудь буря увеличит дороговизну — да хранят нас от этого боги! — алчность была ограничена нашим распоряжением или ограничениями закона.

Поэтому мы устанавливаем, чтобы цены, которые приведены в прилагаемом перечне, соблюдались по всей Империи, чтобы все поняли, что у них отнят произвол их повышения, а там, где есть изобилие товаров, чтобы не было помех для дешевых цен, о чем можно лучше всего позаботиться, наложив оковы на описанную алчность. Между продавцом и покупателем, которые заходят в гавани и путешествуют по чужим странам, это сдерживание должно соблюдаться в совместных деловых связях, и чтобы они знали, что при затруднениях они не могут превысить установленные цены на товары. Они должны рассчитывать время, место и транспорт товаров и вообще все

дело, исходя из следующего: постановлено, что те, кто привозит товары, не может их нигде продавать дороже.

Так как у наших предков было принято держать в узде дерзновение назначением наказания, потому что крайне редко можно встретить человека, который сам по себе делает добро, а страх является всегда самым верным рулевым в исполнении долга, постановляется, что если кто уклоняется от требований этого распоряжения, за свою дерзость будет подвержен смертной казни. И никто не может жаловаться на суровость распоряжения, потому что в руках каждого избежать грозящей опасности соблюдением этой меры. Та же опасность грозит тому, кто из жадности вопреки предписанию действует заодно с корыстолюбием продавца. От той же вины не освобождается тот, кто владеет товаром, необходимым для питания и употребления, и после указа не поставляет его на рынок; наказание для того, кто вызывает дефицит, должно быть выше, чем для того, кто нарушил распоряжение.

Итак, мы призываем всех к послушанию, которое на пользу обществу должно соблюдаться с благосклонным уважением и должным благоговением, особенно потому, что такое распоряжение послужит не только отдельным городам, народам и провинциям, но и всей Империи, гибели которой, как мы знаем, желают лишь немногие, корыстолюбие которых не могут умерить и насытить ни время, ни богатство, за которым они охотятся» (С. Лауффер «Эдикт Диоклетиана о максимальных ценах». Берлин, 1971).

К эдикту приложен длинный перечень максимальных цен, заработной платы, платы за провоз и транспортные расходы. Из этой приблизительно тысячи позиций далее будет названо несколько примеров, причем расчетную единицу динария, которая лежит в основе, точно определить нельзя. Единицей меры для твердых товаров является лагерный модий (17,5 л), для жидкостей — ита-

лийский секстар (0,547 л). Употребляемый также италийский фунт соответствует 327 г.

Зерно	100	Рожь	60
Чечевица	100	Льняное семя	150
Вино из Пикена	30	Фалернское	30
Столовое вино	8	Ячменное пиво	2
Оливковое масло 1-го сорта	40	Мед 1-го сорта	40
Свинина	12	Говядина	8
Сушеная рыба	6	Сухой сыр	12
Оливки из Тарса 20 шт.	4	Свежий сыр	8

Заработная плата:

Поденщик на поле с питанием в день	25
Плотник с питанием в день	50
Мозаичный рабочий для стен с питанием в день	60
Погонщик мулов с питанием в день	25
Парикмахер на каждого клиента	2
Учитель чтения и письма за ученика в месяц	50
Учитель греческого или латыни и учитель геометрии за ученика в месяц	200

Белый шелк, 1 фунт	12 000
Темно-пурпурный шелк, 1 фунт	15 0000
Раб от 16 до 40 лет	30 000
Рабыня того же возраста	25 000
Плата за проезд с одного человека за милю	2
Плата за провоз груза за милю	12

Транспортные расходы:

Из Александрии в Рим за один лагерный модий	26
Из Александрии в Эфес за один лагерный модий	8
Из Африки в Галлию за один лагерный модий	4

Кроме историко-экономических деталей, которые вид-

ны при сравнении цен, заработных плат и транспортных расходов, весь эдикт Диоклетиана является типичным проявлением его политики и поведения. Сознание ответственности отца рода человеческого, ссылка на древнеримскую традицию, решимость после долгой сдержанности сделать, наконец, что-то необходимое, призыв к убеждениям и проведение мер, которые были прежде всего в пользу солдат, — в этом конкретном случае сконцентрировано своеобразие системы. Фрагменты из многих частей Империи доказывают, что эдикт должен был быть всеобщим, на самом же деле он быстро потерпел крах.

Такую же активную деятельность, как в области экономики и денежной политики, Диоклетиан развил и в секторе права. За период его правления известны около 1200 указов, которые, правда, нельзя привести к общему знаменателю, однако в целом они свидетельствуют о том, что он придерживался норм классического римского права. Особенно типичной является попытка Диоклетиана ужесточить древнеримское брачное право суровыми наказаниями за двоебрачие и нарушение супружеской верности, а также запрещение браков между родственниками. Гуманитарные тенденции проявились также и в ограничении пыток. Создание Диоклетианом закона о браке 295 г. н. э. подтверждает древнеримскую тождественность права, религии и морали. «Так как нашему благочестивому и богобоязненному разуму кажется достойным почитания то, что определено римскими законами как чистое и святое, мы считаем, что не можем оставить без внимания то, что некоторые люди в прошлом вели себя безбожно и постыдно. Если есть что-то, чему нужно помешать или наказать, забота о нашем веке призывает нас вмешаться. Несомненно, только тогда бессмертные боги, как и всегда, так и в будущем будут благосклонны к римскому народу, когда мы убедимся, что все люди под нашей властью ведут благочестивую, богобоязненную, спокой-

ную и чистую жизнь, следуя обычаям предков. Поэтому мы решили позаботиться о том, чтобы законный, заключенный в соответствии с древним правом брак, как для почтенности тех, кто заключил брак, так и для тех, кто от него родился, находился под охраной богобоязненности, и чтобы потомство было очищено почтенным рождением. Это приведет к тому, что в будущем никто не осмелится поддаться необузданным страстям, если будет знать, что прежние совершители преступлений настолько потеряли прощение, что им не разрешается вводить в наследство незаконнорожденного ребенка, как это запрещалось по древнему обычаю римских законов» («*Ватиканские выписки*»).

Так, право здесь рассматривается как проявление религии; консервативная приверженность римским традициям и ценностям характеризует также и религиозную политику Диоклетиана. Увеличение почитания Юпитера и Геракла не исключало при этом почитание бога Солнца, и ничего не было бы ошибочнее, чем приписывать Диоклетиану монотеизм. Совсем наоборот, его религия является признанием множества государственных богов политеистического римского мира представлений, причем с особым упором на все римское, *Римского Геракла и Духа* — *покровителя* римского народа.

С этим позитивным признаком соседствует, с другой стороны, решительное неприятие всех ценностей чужеродных и враждебных сил. Поэтому, когда распространение учения Мани вызвало беспорядки, особенно в Северной Африке, Диоклетиан приказал беспощадно преследовать манихеев. Особенно четко это показывает манихейский эдикт Диоклетиана 297 г. н. э.:

«...Старая религия не может быть осуждена новой... Величайшее преступление — отречься от того, что было определено и утверждено древними... Поэтому мы решили наказать зловредное упрямство дурных людей, кото-

рые противопоставляют древним богослужениям богопротивные секты, чтобы по своему скверному произволу уничтожить то, что нам было завещано богами... Следует опасаться, что они (манихеи) с течением времен отравят своими мерзкими ядовитыми напитками невинных людей, скромный и спокойный римский народ и весь наш земной шар... Поэтому мы повелеваем, чтобы основатели и главари вместе с их мерзкими писаниями были подвержены суровому наказанию — сожжению в огне; их приверженцы, прежде всего фанатики, должны быть наказаны смертью, их собственность конфискована в пользу казны... Эпидемия этого зла должна быть истреблена с корнем из нашего счастливого века» («Ватиканские выписки», 187).

Такая позиция должна была неминуемо привести к преследованиям христиан. Сначала Диоклетиан проявлял в отношении к христианам подчеркнутую сдержанность, он намеренно не обращал на них внимания, как бы это ни было трудно, так как в Никомедии христианская церковь находилась в непосредственной близости от императорского дворца. 299 г. н. э. принес категорическую антихристианскую направленность. Поводом этому послужило неудачное изучение внутренностей, которое проходило в присутствии императора, и за эту неудачу ответственность свалили на христиан. Поэтому первой реакцией императора был приказ о жертвоприношениях для всех служащих дворца, для войска и чиновников. Те, кто отказывался, увольнялись со службы.

С принципиальным решением проблемы христианства Диоклетиан не торопился. Он заручился не только согласием государственного совета, но и мнением самих богов, спросив его у милетского оракула Аполлона. Только после наведения этих справок с 303 г. н. э. по всей Империи были распространены его эдикты о преследованиях христиан. 23 февраля 303 г. н. э. на празднике бога

Термина они были применены. Их началом стало разрушение христианской церкви в Никомедии. После первого эдикта, как и в случае с манихеями, были уничтожены все христианские церкви, уничтожены рукописи и запрещены богослужения. Представители высших сословий при принадлежности к христианству потеряли свое положение, звания и сословные привилегии. Императорские вольноотпущенники, которые упорствовали в своей вере, были возвращены в рабское состояние, христианам войска и администрации грозило лишение свободы, все христиане лишались правоспособности, однако смертная казнь и телесные наказания введены не были.

Это преследование распространилось на всю Империю, оно вскоре ожесточилось еще больше, после того как в императорском дворце в Никомедии один за другим произошло два пожара, авторство которых остается спорным. После этого мученической смертью умерли не только епископ Никомедии и многие клирики, но и немало христиан города. Теперь вторым эдиктом устанавливалось тюремное заключение для всего христианского духовенства. Вскоре после этого следующий эдикт предписывал этим заключенным приносить жертвоприношения, причем, кто это делал, получал свободу, а тому, кто отказывался, грозили пытки и смертная казнь.

Эскалация эдиктов в 304 г. н. э. завершилась главным эдиктом, который предусматривал для отказавшихся принудительные работы на рудниках или смертную казнь. Этот четвертый эдикт, взбудораживший все население Империи, приводился в исполнение в отдельных частях Империи с большими различиями. Тогда как Галерий выполнял предписание с особым рвением, Максимиан Геркулий его соблюдал формально, Констанций Хлор вообще воздерживался от его применения. Между тем на всем Востоке Империи преследования продолжались до 311 г. н. э.

Если сравнить меры Диоклетиана с предшествующими гонениями на христиан, то налицо различия между Децием, с одной стороны, и Валерианом и Диоклетианом, с другой. Общее жертвоприношение Деция находит свое соответствие только в четвертом эдикте Диоклетиана; эдикты Валериана и Диоклетиана были направлены в основном против духовенства, культа и организации христианской церкви. В 4-м эдикте Диоклетиана заметно стремление к бюрократическому совершенству Деция, хотя в его распоряжении был более развитый государственный аппарат.

При изолированном способе рассмотрения едва ли можно объяснить, почему Диоклетиан занялся проблемой христиан после почти сорокалетней паузы терпимости, с одной стороны, относительно поздно в рамках его правления, а с другой — с большой последовательностью. Перед ним с самого начала стояла проблема лояльности двора и армии. Вызывающие провокации отдельных христиан, правда, исключить нельзя, тем не менее они не могут объяснить эскалацию эдиктов. Меры Диоклетиана нельзя также объяснить как отвлекающий маневр после неудачи эдикта о максимальных ценах или как следствие его желания оставить после себя со всех точек зрения улаженные отношения внутри тетрархии при запланированной смене правителя.

Если, наоборот, выбрать другие перспективы, то станут заметными решающие связи. Прежде всего новая теология императорской власти, сакральное превознесение правителя и связанное с этим форсирование почитания императора в религиозной форме рано или поздно должны были привести к столкновению с христианством. Параллельно с этим с середины девяностых годов заметно усиление Диоклетианом его «древнеримского» реставрационного курса. Эдикт о браке 295 г. н. э., эдикт о манихеях 297 г. н. э., эдикт о христианах 303/304 г. н. э.

являются следствием одной и той же принципиальной позиции. Диоклетиан был одержим идеей о том, что нарушение древнеримской морали и религии является причиной кризисов и отсутствия помощи богов. Неспособность решить основные внутренние проблемы Империи, несмотря на непомерное расширение государственных органов, должна была привести к крайним мерам против всех институтов и групп людей, которые конструктивно не сотрудничали с его реставрацией.

Реформы Диоклетиана в целом, а тем самым и система первой тетрархии еще в античности оценивались очень противоречиво. Тогда как одни до небес превозносили правителя в своих панегириках, Аврелий Виктор в 360 г. н. э. в своих «Цезарях» дает взвешенную, критическую картину, которая позволяет узнать последствия реформ и внутренние проблемы тетрархии. Очень критически и односторонне высказывался также Лактанций, который, однако, указал на отправные точки несправедливостей и ненормального развития:

«Диоклетиан, великий в изобретении преступлений и в творении зла, при общей гибели, которую он вызвал, не мог держать руки подальше даже от бога. Он погубил земной шар своим корыстолюбием и боязливостью. Он возвысил трех правителей, разделил Империю на четыре части и увеличил войско, потому что каждый из них добивался большего числа солдат, чем раньше имели правители, которые, однако, правили в одиночку. Число берущих начало превышать число дающих настолько, что силы колонов истощились чрезмерностью налогов, они покидали свои поля, и пашни превращались в леса. И чтобы наполнить все ужасом, он и провинции разделил на меньшие части. Теперь четыре наместника и еще больше начальства были навязаны каждой области и каждому городу, к ним добавились бесчисленные налоговые чиновники, начальники учреждений и представители имперской

администрации, которые председательствовали на судебных заседаниях, чтобы чаще выносить обвинительные приговоры, присуждать к изгнанию и к сдаче бесчисленных вещей, и при этих сдачах дело доходило до невыносимых актов насилия. Это можно было бы выдержать, если бы это было необходимо для содержания солдат. Но в своем ненасытном корыстолюбии он ни за что не желал уменьшить государственную казну и бесконечно взыскивал чрезвычайные подати и «подарки», чтобы держать в полной сохранности то, что он накопил. Так как он многочисленными несправедливостями вызвал сильную дороговизну, то попытался установить законом цены на все продаваемые вещи. Так как за незначительные и ничего не стоящие вещи было пролито много крови, из страха открыто на продажу ничего не выставлялось, пока после смерти многих от нужды закон сам по себе не исчез. К этому добавилась безграничная страсть к строительству и не меньшая тяга поставить для провинций рабочих, зодчих, повозки и все необходимое для строительства. Здесь был воздвигнут зал для судебных заседаний, там цирк, здесь монетный двор, здесь дом для жены, там дом для дочери... Такое безумие он творил постоянно, когда вздумал сравнить с Римом Никомедию» («О смерти преследователей», 7).

В новых исследованиях на основе выводов В. Сестона преобладает мнение, что комплекс реформ Диоклетиана нужно понимать не как результат бюрократической страсти к планированию и не как результат систематической реставрационной политики, а в первую очередь как меры, продиктованные конкретными требованиями и задачами. Но какими бы импонирующими ни казались последовательность и строгость, с которыми Диоклетиан пытался преодолеть неудовлетворительное состояние и активизировать государственные органы, нельзя не заметить внутренние противоречия тетрархии, и эти про-

тиворечия отражали противоречия его собственной личности.

Приверженность Диоклетиана ко всему древнеримскому, как сказал Гиббон, была не чистым лицемерием, но честным убеждением, и он принимал меры против «падения нравов» в соответствии со своим мнением, пусть даже обоснования и стилизация его политики кажутся более примитивными и элементарными, чем у Августа. Однако эта по существу религиозная, консервативно-римская позиция находится в контрасте с рациональными указаниями, которые осуществлялись вплоть до эксцессов во всех сферах государственного регулирования и при этом по своим средствам нарушали все римские традиции.

Было бы неправильно в конструкции тетрархии видеть принципы высшей римской магистратуры, для которой твердо установленными нормами была коллегиальность в государственном управлении и ограниченный срок полномочий. По содержанию и духу новый порядок можно характеризовать только как неримский, что следует даже из того, что во время тетрархии сам Рим и римский сенат потеряли свои древние функции. Если применять критерии старой Республики или принципата, то не лишено оснований утверждение Эрнста Маера, который не видит здесь присутствия римского государственного мышления, или когда Якоб Буркхардт рассматривает всю систему как результат «непрерывного царящего над всеми отношениями религиозного пристрастия».

В ноябре 303 г. н. э. Диоклетиан пышно отпраздновал свои виценналии, двадцатилетний юбилей правления и одновременно так долго откладываемый триумф над сасанидами. Это был триумф, в котором 13 слонов и богатые персидские трофеи представили столице впечатляющее зрелище. В честь этого воздвигнули триумфальную арку, от которой еще сегодня сохранились небольшие развалины. Хотя не было недостатка в блеске и по-

честях, Диоклетиан среди зимы отправился в путь, он не был в восторге от пребывания в Риме. Во время путешествия император тяжело заболел, вскоре после этого в Никомедии произошел рецидив, и в Империи ждали его конца. Вероятнее всего, Диоклетиан еще во время своего пребывания в Риме задумал свое отречение и обязал Максимиана Геркулия сделать то же. Если нужно было еще одно подтверждение его решения, то ему дала его болезнь, но в первую очередь это была верность собственной концепции, которая побудила его отречься 1 мая 305 г. н. э.

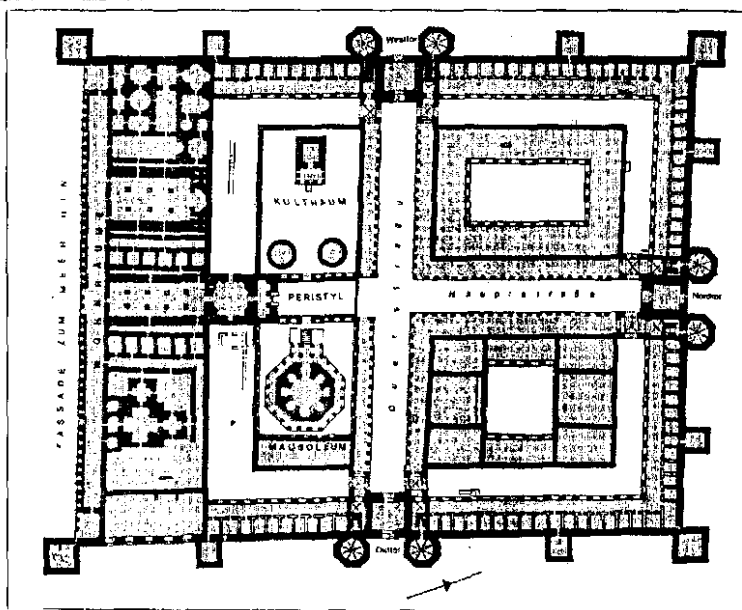

Рис. 58. Дворец Диоклетиана. План

В том же месте у Никомедии, где изображение Юпитера напоминало о его провозглашении императором, в парадной форме выстроились войска для последнего официального акта императора. Он возвысил обоих *Цезарей*

Империи, Галерия и Констанция Хлора, в *Августы* и на их место назначил новых *Цезарей* — для Востока племянника Галерия Максимиана Дая, а для Запада — Севера. Потом император сложил свои обязанности на том основании, что он болен, стар и нуждается в покое и что управление государством требует молодых сил. Несовместимое противоречие между возвышением до Юпитера и уходом в частную жизнь его не волновало. Как частное лицо он уединился в своем огромном дворце у Салон.

С отречением Диоклетиана в рамках римской истории можно отдаленно сравнить только отречение Суллы; но по существу нет аналогичного случая для такого полного отказа от неограниченной власти. Этот шаг содержал в себе много загадочного и вызывал восхищение. Как отметил В. Каеги, не случайно, что у Вольтера, который решительно дискредитировал личность Константина Великого, именно Диоклетиан стал идеальным образом скептической человечности, и в конце статьи о Диоклетиане «*Философского словаря*» Вольтера появились знаменитые слова Кандида: «Он сказал, что начал жить в день своего отречения, и когда его просили вернуться на трон, он ответил, что трон не стоит покоя его жизни и что ему больше радости доставляет ухаживать за садом, чем управлять всем миром...»

**Век Константина
Великого**

От второй тетрархии к единоличной власти Константина Великого

Как и у большинства солдатских императоров, так и у Константина Великого начало жизни покрыто мраком неизвестности. На основании целого ряда заключений можно только предполагать, что он родился 27 февраля в начале семидесятых годов 3 в. н. э. в Наиссе (Ниш) и был незаконным сыном Флавия Констанция Хлора и его тогдашней подруги Елены, предположительно бывшей хозяйки постоялого двора. Константин сначала рос у матери, и, может быть, этим объясняется та привязанность и уважение, которые он сохранил к ней на всю жизнь. В девяностых годах при Диоклетиане и Галерии он служил на Ближнем Востоке и Нижнем Дунае; в последние годы правления Диоклетиана жил при его дворе в Никомедии.

Молодой Константин рано стал инструментом политики. Его пребывание на Востоке было также гарантией верности его отца; около 300 г. н. э. он был помолвлен с дочерью Максимиана Геркулия Фаустой. Одновременно жил тогда вместе с Минервиной, которая в 305 г. н. э. подарила ему его первого сына Криспа. Годы на Востоке принесли ему первые наблюдения за христианством; преследования Диоклетиана он пережил в непосредственной близости.

Для такого рано выдвинувшегося молодого человека, который жил при императорском дворе, был помолвлен с

императорской дочкой и к тому же проявил себя в военном деле, должно было стать глубоким разочарованием, когда его полностью обошли при реорганизации 305 г. н. э., при формировании второй тетрархии. То обстоятельство, что сыну Максимиана Геркулия Максенцию пришлось не лучше на Западе, его мало утешало. Якоб Буркхардт совершенно точно заметил, что система Диоклетиана не сделала выводов о том, что императорских сыновей нужно либо выдвигать, либо казнить.

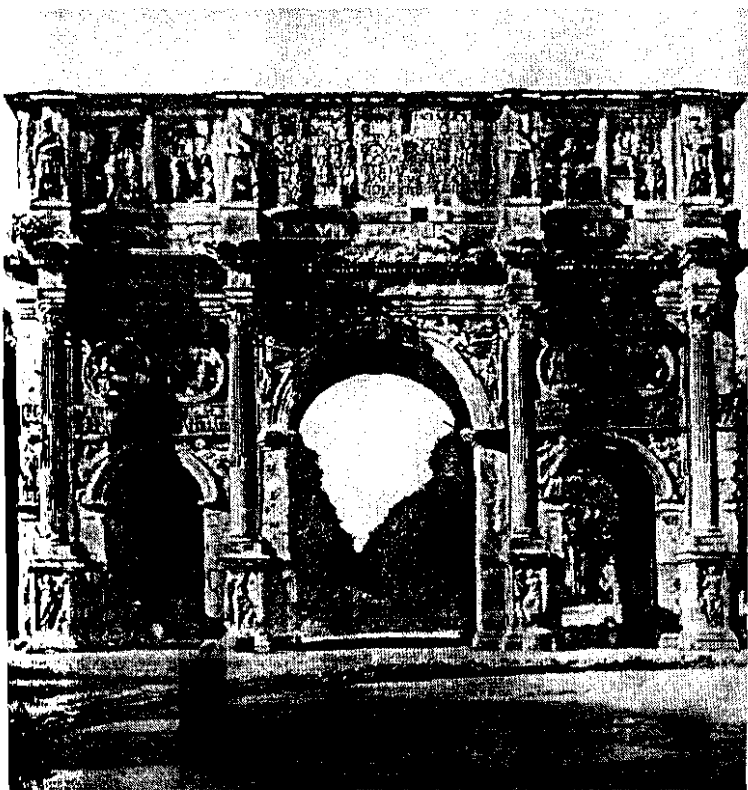

Рис. 59. Арка Константина. Рим

Для Константина сначала нужно было во что бы то ни стало покинуть пределы власти Галерия. Это удалось; он присоединился к своему отцу в Гезориаке как раз к началу войны с пиктами. Вскоре после начала этого похода в Британии в Эбураке умер Констанций Хлор, после чего войско 25 июля 306 г. н. э. провозгласило Константина императором. Со смертью Констанция Хлора закончилась вторая тетрархия, с провозглашением Константина под вопрос была поставлена вся система. Однако Константин попытался, по крайней мере задним числом, получить согласие Галерия на свершившийся факт. Галерий согласился только на компромисс, который на тот момент был самым удобным, а для будущего, как оказалось, самым опасным решением. Константин был признан только Цезарем, Север же, который управлял Италией, Африкой и Испанией, получил титул Августа Запада. Галерий упустил большую возможность либо признать Константина Августом и заручиться его полной поддержкой, либо с самого начала вести с ним борьбу.

Пример Константина к тому же побудил Максенция при ближайшей возможности соблюсти свои интересы, и эта возможность очень быстро представилась. Север, новый Август, недооценил свою власть и авторитет, обременив Италию тяжелыми налогами, и к тому же высказал намерение распустить преторианцев Рима. Этот план вызвал далеко идущую реакцию: римская гвардия провозгласила Максенция императором; симпатии к старому Максимиану Геркулию были перенесены на сына; большая часть Италии и Африки отпала от Севера.

Максенций, видимо, надеялся для себя признания Галерия, во всяком случае он выбрал сначала звание принцепса, находящееся вне ступеней тетрархии, но и на этот раз Галерий не был готов к уступкам. Он дал указание находящемуся в Мимане Галерию наступать на Рим; Мак-

сенций обратился к своему отцу, который поспешил из места принудительного отдыха и снова принял свое прежнее императорское достоинство. У Рима Максимиан и Максенций должны были определить свое положение. Ловко перевербованные ими войска законного *Августа* перешли на их сторону, Север отступил в Равенну, там капитулировал и отрекся. Максенций, который теперь принял титул *Августа*, и его отец *Август Старший*, Максимиан Геркулий, владели всей Италией и северо-восточной половиной империи.

Нужно было предвидеть, что Галерий не примет такого развития событий. Для предстоящих столкновений Максимиан Геркулий и Максенций должны были активизировать свои отношения с Константином, чтобы добиться от него или военной поддержки, или по крайней мере полного нейтралитета. Поэтому Максимиан Геркулий отправился в Галлию, добился от Константина своего признания *Августом* тем, что со своей стороны возвысил в *Августы* Константина. Взаимное признание было санкционировано и углублено, так как теперь отпраздновали свадьбу Константина и Фаусты. Однако Константин вел себя сдержанно. Для него близлежащей задачей являлась оборона от франков, а не ввязывание в предстоящую борьбу за власть.

Античные сообщения о битвах Константина на рейнской границе содержат мало конкретных данных. Известно только то, что они в 306, 310, 313 и 320 гг. н. э. велись преимущественно с франками. Причем данные для первых двух дат полностью совпадают с тем, что вскоре после прихода к власти была проведена акция возмездия против франков, более того, что франкского царя пленили и казнили и что битвы велись с большим ожесточением. В связи с укреплением рейнской границы на Нижнем Рейне тогда были построены крепости, у Кельна

возвели 420-метровый мост через Рейн, который соединял город с тоже построенной в 310 г. н. э. крепостью Дейтц. Сохранились документы об основании этого сооружения размером 140 × 140 м, которое охраняло правобережное предмостное укрепление: «После того как мужество нашего повелителя Константина, великого, благочестивого и непобедимого императора, полностью победило франков, в этой области солдаты XXII легиона построили крепость Дейтц в присутствии императора с обетами за его благополучие» (CIL XIII 8502).

Константин отметил эти первые военные успехи своего правления, победы над франками и аламаннами, большой серией золотых монет с надписью: *«Аламанния и Франция — радость римлян»*. Эти победы были военной и внешнеполитической легитимацией Константина во время первых лет его правления; с ними он одновременно прославлял ударную силу галльского войска, того войска, которое позже у Милвийского моста одержало решающую для его власти победу.

Между тем в Италии быстро развивались события. Галерию осенью 307 г. н. э. удалось продвинуться до окрестностей Рима, но там повторилась драма Севера. Снова на сторону Максенция перешли крупные соединения, Галерий форсированным маршем отступил. Авторитет Максенция так укрепился, что прибыл его отец и попытался потеснить сына. Когда старый император в присутствии войска захотел сорвать с сына императорские регалии, эта попытка не удалась, и Максимиан Геркулий смог спастись только поспешным бегством к Константину.

Галерий, который, по сути, единственный полностью идентифицировал себя с системой Диоклетиана, вынужден был смириться с ее крушением. Свою единственную надежду он видел в призыве к Диоклетиану, который между тем безмятежно жил в своем дворце в Салонах.

Хотя ожидания Диоклетиана, что его система может выдержать и в его отсутствие, так явно не оправдались, Галерию не удалось убедить основателя тетрархии вернуться к власти. Единственное, на что согласился Диоклетиан, это советовать. В ноябре 308 г. н. э. состоялась так называемая Карнунтская конференция, встреча Диоклетиана, Галерия и Максимиана Геркулия.

Один Диоклетиан бескомпромиссно держался за свою уже давно ставшую фантомом систему. Так как он больше не хотел брать на себя императорское достоинство, Максимиан Геркулий вынужден был снова отречься. Относительно просто складывалось положение на Востоке, где все оставалось по-старому, Галерий, как и раньше, был *Августом*, а Максимин Дая при нем *Цезарем*. Происшедшие на Западе изменения Диоклетиан не желал принимать к сведению. Сфера влияния Максенция вместе с Паннонией была передана Лицинию, следующему представителю иллирийской военщины, который был возвышен в *Августы* и таким образом занял место потерпевшего крах Севера.

Константин же был понижен до *Цезаря*. Когда он и Максимин Дая выразили протест против выдвижения Лициния, Галерий дал им титул *сына Августа*, но оба обойденные этим не удовлетворились и узурпировали титул *Августа*. Наряду с этим спором о рангах внутри системы начали вырисовываться новые столкновения, так как декретированный в Корнунте порядок мог поддерживаться только силой оружия. С одной стороны, Максенций не думал капитулировать, с другой — откалывались части сферы его власти. Прежде всего в Африке теперь снова отказались от Максенция, но не примкнули к Лицинию, а чтобы еще больше осложнить ситуацию, провозгласили императором главу диоцеза *Африка* Л. Домиция Александра.

У Максимиана Геркулия не было другого выхода, кроме как вернуться в сферу власти Константина. Там, в Южной Галлии, предположительно в Арле, ему был предложен *почетный отдых*. Однако Геркулий не был к этому готов. Когда Константин в феврале 310 г. н. э. сражался с франками, Максенция снова провозгласили императором. Однако после форсированного марша Константин был на месте, Арелаж и Массилия, куда убежал Геркулий, пали, узурпатор взят в плен и вскоре покончил с собой. Одновременно его *память была предана проклятью*.

Эти события имели для Константина серьезные последствия. С Максимианом Геркулием было устранено не только постоянное беспокойство, но и источник легитимации Константина. Незадолго до этого столь внушительно отмеченная принадлежность к дому Геркулия больше не считалась защитой; теперь были затруднительными отношения с Максенцием. Константин находился на поворотном пункте своей политики. Причем даже и здесь проявилось, что для него легитимизационные притязания, идеология, политические решения и религия во всех их проявлениях и формах составляли одно целое, как это до него, возможно, было только у Августа. Как и Август, Константин прилагал большие усилия, чтобы найти кажущуюся для него правильной стилизацию, а также чтобы еще при жизни придать историческое значение своим действиям. Особенно к этому относится то, что Константин очень интересовался вопросами религии и именно здесь шел своим собственным путем.

Константин с самого начала никогда полностью не свыкся с теологией системы Юпитера—Геракла. На его монетах, которые в этой связи являются важнейшими источниками, в первые годы его правления в сфере его власти появляется особо почитаемый Марс. После устра-

нения Максимиана Геркулия Геракл полностью отошел на задний план, а на его месте в больших сериях монет было выбито *непобедимое солнце*.

В этом новом, лично выбранном представлении о боге объединились многие традиционные образцы; во-первых, широко распространенный в Галлии Аполлон, потом особо предпочитаемый Аврелианом государственный бог, наконец, сам Митра и почитаемый на Балканах бог солнца. Эта примечательная многозначность характерна для века религиозного синкретизма, но также для избежания Константином утверждения однозначной, как бы монотеистической, идентификации. Если он тем не менее исповедовал наряду со своим прежним покровителем *Марсом-Хранителем* и *Непобедимое Солнце*, то вероисповедание заключало в себе далеко идущие претензии. С этой приверженностью именно этому богу Константин ставил себя вне тетрархической генеалогии богов и заявлял о как бы универсальных претензиях.

И другие признаки указывают на это направление. В торжественной речи 310 г. н. э. панегирист славил новую династическую легитимацию Константина, когда утверждал о его происхождении от Клавдия Готика. Кроме того, упоминал о событии в галльском храме Аполлона. Там императору явились Аполлон и Виктория и преподнесли ему лавровый венок с числом XXX; Константин в этом жесте Аполлона-Солнца был признан как будущий повелитель мира. В торжественной речи событие трактовалось как возведение долгого всемирного правления. Это так называемое языческое видение Константина показывает, что этот император был предрасположен к религиозному экстазу и видениям.

Ключевой фигурой политических событий тем не менее оставался, как и раньше, Галерий. Болевший с 310 г. н. э. тяжелой болезнью, он 30 апреля 311 г. н. э. издал эдикт

терпимости в отношении христиан, который означал полную смену курса в религиозной политике тетрархии: «Среди остальных распоряжений, которые мы отдаем в интересах благополучия и пользы государства, мы решили все устроить в соответствии с древними законами и общественным порядком римлян и позаботиться о том, чтобы и христиане, отказавшиеся от образа жизни своих предков, образумились. По какой-то причине они проявили своеволие и впали в такую глупость, что больше не следуют установлениям древних, которым, возможно, следовали их собственные предки, сами создают себе законы и объединяются в общины. Поэтому мы отдаем распоряжение, где приказываем им вернуться к обычаям предков. Когда мы установили, что после этого распоряжения они не поклонялись ни богам, ни своему Христу, мы решили распространить нашу милость. Итак, они снова могут стать христианами и привести в порядок места своих собраний, но при условии, что они никоим образом не будут нарушать порядок. В следующем послании мы дадим указания провинциальным наместникам о том, что они должны соблюдать. Из этого следует: в соответствии с этим нашим указом о помиловании их долгом является молиться своему богу за наше благополучие, за государство, чтобы государство оставалось невредимым, и они спокойно могли жить в своих жилищах» (Лактанций «О смерти преследователей», 34).

После всего того, что было до этого, после десятилетия столь суровых преследований, проводимых именно Галерием, это был безусловно неожиданный документ, который по своему содержанию шел гораздо дальше, чем когда-либо решился пойти римский император. Решающим было скрыто выраженное признание христианства как дозволенной религии внутри империи, и это было больше, чем пассивное невнимание или безразличие к

христианству, которое до сих пор проявлялось к нему с официальной римской стороны. Эдикт Галерия для христианской церкви носил решающий характер. Эпоха систематических преследований христианства римским государством близилась к концу; была подготовлена почва для дальнейшего развития. Правда, Галерий этого не увидел. Он умер в начале мая 311 г. н. э.

Если правители частей Империи при жизни Галерия как-то сдерживались, то теперь были запущены в ход новые события. На Востоке Максимин Дая и Лициний попытались урвать из сферы власти Галерия, что только могли. Дая, к которому бежали жена Диоклетиана и его дочь, вдова Галерия, захватил всю Малую Азию до Босфора, а для Лициния, наконец, пришел час расширить свою небольшую базу в Паннонии. Он присоединил к своей сфере власти дунайские и балканские районы. На Босфоре теперь противостояли друг другу два соперничающих императора Востока, для которых было важно консолидировать их новые территории.

Политическое противостояние на Востоке обострилось еще и на религиозной почве. Если Лициний проводил в жизнь эдикт Галерия, то Максимин Дая после недолгих колебаний вернулся к в принципе антихристианской политике. Она напрашивалась сама собой, потому что в его сфере власти находились под угрозой существования старые религиозные центры в Сирии и Малой Азии, а христианство находило все больше приверженцев. Религиозные решения были здесь связаны с конкретными экономическими интересами. Дая, разумеется, действовал по убеждению во что бы то ни стало укрепить, где только можно, староверческие силы. Как позже Юлиан Отступник, он пытался улучшить организацию старых культов и жреческих коллегий. В своих антихристианских мерах он не просто декретировал, но и регулярно отвечал на пети-

ции городов, в которых требовалось изгнать христиан из соответствующих территорий города. Рука об руку с этим шла массированная антихристианская пропаганда, которая не останавливалась даже перед искажениями и фальсификациями. Пропасть между партиями на Востоке становилась все глубже.

Это же относилось и к Западу. Там Максенций бросил вызов, обожествив своего отца, а сам начал называть себя *сыном божественного Максимиана*. Впрочем, положение центральной сферы власти Максенция было очень противоречивым. После того как первый голод в Риме напомнил о неотложности проблем снабжения, в 311 г. н. э. удалось снова занять Африку и этим гарантировать снабжение Италии зерном. В столице заметно ухудшилось сначала положительное настроение, так как на сенаторов, граждан Рима и население Италии была переложена огромная нагрузка по денежному содержанию войск, вооружению и крупному строительству. В религиозном плане противоположность с Константином была не такой большой, как это позже утверждали: Максенций сразу же отменил преследования христиан, римской церкви возвратили ее земельную собственность. Однако Максенций столкнулся со значительным хаосом, а иногда даже с кровавыми битвами внутри христианских общин Рима, и поэтому был вынужден изгнать епископов Марцелла и Евсевия.

В остальном, заклеянный позже своими противниками тираном, Максенций демонстративно исповедовал традиции города Рима. На его художественно высококачественных монетах он прославляется как *хранитель своего города*, на них часто появляются Рома и капитолийская волчица или Марс как расширитель его Империи. С этим обращением к традициям города Рима Максенций объединял усилия завоевать благосклонность римского

населения, которое извлекло пользу из его крупного строительства, прежде всего базилики Максенция и цирка на *Аппиевой дороге*.

Вспышка вражды как на Востоке, так и на Западе являлась вопросом времени и случая; отдельные партии были настроены искать поддержку в других частях Империи. На Западе особенно активно в этом отношении вел себя Константин. Он быстро пришел к согласию с Лицинием, которое было подкреплено помолвкой его сестры Констанции с Лицинием. Попытка Лициния и Константина заручиться нейтралитетом Максимиана, наоборот, не удалась, тот больше стремился к союзу с Максенцием. В феврале 312 г. н. э. Константин начал военные действия.

По положению вещей Константину было очень важно быстрым наступлением завладеть Римом; только от него не следовало ждать быстрых решений. Такое концентрированное наступление таило в себе немало риска, так как положение на рейнском фронте не было окончательно стабилизировано, и Константин не мог оголить границу ввиду латентной опасности, исходящей от франков. Насколько сильна была его авральная армия, остается спорным; если верить бесспорно преувеличивающему панегиристу, она составляла только четверть от всего его войска, т. е. около 40 000 человек. Тем не менее решающим было то, что это численно слабое войско Константина состояло из элитных формирований, которые были испытаны в битвах с германцами и превосходили противника по боевой силе. В это *галльское войско* были влиты крупные британские и германские соединения, как это показывает рельеф на арке Константина. Чрезвычайно динамичным ядром войска стали крупные кавалерийские формирования.

Максенций собрал свои войска в Риме: в долину По продвинулся только преторианский префект Руриций Помпеян, который держал наготове свои войска у Сегузио,

Турина и Вероны. Несмотря на эту раздробленность, Руриций оказал отчаянное сопротивление, когда Константин перевел войско через Альпы, предположительно через Мон Женевр. Сегузио пал в результате налета, однако Турин оказал более упорное сопротивление. После того как Милан и Турин были взяты в тяжелых сражениях, Константин мог заняться Вероной, где Руриций снова упорно защищался. Здесь тоже операции проходили с переменным успехом, пока Руриций не погиб в ночной битве. Сопротивление войск Максенция почти мгновенно прекратилось. Верона, Модена и Аквилея открыли ворота Константину, галльское войско почти беспрепятственно пошло на юг, прошло через Апеннины и продвинулось до окрестностей Рима.

Максенций ожидал в столице наступления войск Константина и распорядился сломать Мильвийский мост, важнейший дорожный мост на север. Так как население Рима не было склонно переносить осаду, Максенций, наконец, решился на сражение у ворот города. Чтобы провести войско через Тибр, он поверх Мильвийского моста построил понтонный мост, который был сконструирован так, что можно было быстро разобрать его среднюю часть, чтобы при возможном отступлении задержать противника. Перед лицом решающего сражения Максенций решил действовать в согласии с древнеримскими государственными богами и соблюсти все традиционные ритуалы. Поэтому он узнал мнение предсказателей, гадавших по внутренностям жертвенных животных, и после многозначительного ответа, что враг римлян будет уничтожен 28 октября, в день прихода к власти Максенция, нашел мужество для решения.

Ситуация двух войск 28 октября 312 г. н. э. была совершенно различной. Армия Максенция собралась в районе между Сакса Рубра и Мильвийским мостом, чтобы

блокировать переход через Тибр. Она предлагала сражение в той местности, которая не позволила ей использовать свое численное преимущество и ограничивала маневр из-за реки, находящейся за ее спиной. Для войска же Константина лучше положения и быть не могло. Победы на севере их воодушевили; теперь в непосредственной близости находилась древняя столица, цель долгих маршей и сражений. Она могла попасть в их руки без осады, если им удастся это наступление.

Уже первая атака армии Константина обратила в бегство крупные военные соединения Максенция, только гвардия оказывала безнадежное сопротивление. Сам Максенций при взломе понтонного моста упал в Тибр и утонул, как и многие солдаты во время этой катастрофы. Сражение закончилось паникой и предательством; уже на следующий день во главе войска Константин торжественно вошел в Рим.

Сначала битва у Мильвийского моста принесла решение в вопросе борьбы за власть вокруг Запада Империи, безусловно, первое большое перемещение центра тяжести и благодаря расширению сферы власти Константина однозначное нарушение относительного равновесия внутри последней тетрархии.

Свое подлинное значение битва приобрела только в ретроспективном обзоре эпохи Константина в целом. В рамках этого обзора она стала основой единоличной власти. Тогда опять же в ретроспективе события накануне битвы и их подтверждение в ее процессе были интерпретированы как решающий поворот в религиозной позиции и религиозной политике.

В христианской литературе есть два отличающихся друг от друга источника, описывающих происшествие накануне сражения — Лактанция и Евсевия. В 44-й главе своего произведения *«О смерти преследователей»*, написанного

между 316 и 321 гг. н. э., Лактанций сообщает, что Константин перед решающей битвой увидел сон, в котором от него потребовали поставить на щитах небесный знак Бога. Константин выполнил это увещание, распорядившись нарисовать на щитах своих войск так называемый монограмматический крест, верхнее окончание которого было загнуто: †.

Епископ Евсевий Цезарейский, который после 325 г. н. э. находился в тесных личных отношениях с Константином, в своей *«Жизни Константина»* сообщает совсем другое: Евсевий ссылается на рассказ самого Константина о том, что он во время подготовки к войне однажды в полдень обратился с молитвой к богу своего отца, чтобы он ему открылся и помог в грядущем походе. После этого Константин и все войско увидели на небе крест из лучей света с надписью: «Сим побеждай». На следующую ночь Константину явился Христос с этим же знаком и велел скопировать его и употребить как защитное средство от врагов. После этого Константин распорядился сделать знамя с этим крестом и начал битву с Максенцием.

Описание Евсевия является более поздним приукрашиванием событий, возможно, на основе личной стилизации самим Константином. В центре обеих версий тем не менее стоит одно и то же: появление христианского символа, его отношение к Христу, как к всемогущему Богу, наконец, употребление этого знака, будь то на щитах или знаменах. У Евсевия и Лактанция случай с Константином описан из различных временных перспектив, однако выяснить, как было на самом деле, уже невозможно. Сила легенды «сим победишь» теснейшим образом связана с миссионерской динамикой христианской церкви.

Следствия обращения Константина к Христу очень скоро стали очевидными. Евсевий сообщает, что Константин распорядился воздвигнуть на Форуме статую со зна-

ком Спасителя, то есть с крестом, и следующей надписью: «Этим спасительным знаком, доказательством истинной силы, я освободил ваш город от ига тирана и вернул сенату и народу Рима их прежний блеск и славу».

Рядом с этим нужно поставить арку Константина 315 г. н. э. Ее изображения решающего сражения еще свидетельствуют об отношении Константина к *Непобедимому Солнцу*, но ее надпись-посвящение связывает достижения Константина с *божественным вдохновением и величием духа* правителя: «Императору Цезарю Флавию Константину, величайшему, благочестивому, счастливому Августу, сенат и народ Рима посвящает эту арку, потому что он благодаря божественному вдохновению и своему величию духа вместе с войском отомстил за город тирану и всей его клике в справедливом бою».

В обеих надписях выбраны формулировки, которые не провоцируют староверов, но и не исключают толкования в христианском смысле. На подобное же направление указывает произнесенный в 313 г. н. э. в Трире панегирик и изображения и надписи на римских монетах. В 315 г. н. э. на гребне императорского шлема появляется маленькая монограмма Христа, как это видно на медальоне из Тицины; в 317—318 гг. н. э. на монетах из монетного двора в Сисции также встречается монограмма; в 320 г. н. э. появляется знамя с монограммой; с 326 г. н. э. появляется описанный Евсевием лабриум. Но изображения старых богов украшали монеты Константина до 321—322 гг. н. э. Несмотря на свой новый союз с Христом, Константин продолжал оставаться *верховным жрецом* и сохранил традиционные формы культа императора.

Правда, он отдавал предпочтение христианству другими мерами: началось строительство Латеранского дворца, епископ Рима получил в подарок так называемый *дом Фаусты*. Константин, возвышенный римским сенатом в

звание старшего *Августа*, в этом качестве направил Максимино Дае указание прекратить преследования христиан; теперь применялся эдикт Галерия о терпимости. В Северной Африке была возвращена конфискованная христианская собственность, клирики поощрялись, церковь поддерживалась материально.

Религиозно-политические намерения Константина сформулированы в Миланской программе, которую он составил вместе с Лицинием в феврале 313 г. н. э.: «Когда мы, я, Константин Август, и я, Лициний Август, счастливо встретились в Милане, чтобы обсудить все, что связано с общественным благополучием и безопасностью, мы решили, что среди вопросов, которые мы обсуждали на пользу большинства, больше всего требует внимания почитание богов, то есть мы должны дать всем, как христианам, так и всем остальным, свободу и возможность следовать той религии, которую каждый желает. Поэтому мы считаем благотворным и подобающим принять это решение, чтобы решительно никому не должно быть невозможным исповедовать религию христиан или другую помогающую ему религию, чтобы верховное божество, богослужение которому мы в свободной преданности совершаем, показало нам свойственную ему милость и благоволение» (Лактанций *«О смерти преследователей»*, 48, 2). Кроме того, в Милане на переднем плане стояло укрепление политического союза между Константином и Лицинием. Тогда же была отпразднована свадьба Лициния и Констанции. При этом Константин вынудил свою сестру усыновить незаконного ребенка Лициния, но, с другой стороны, не принял во внимание территориальные претензии своего партнера и отослал его на Восток Империи.

Там очень быстро созрел конфликт. Максимино Дая посчитал, что его вывели из игры, и в начале 313 г. н. э.

открыл наступление против Лициния. Форсированным маршем он перешел через морской пролив, занял Византий и продвинулся до Фракии. Лициний был застигнут врасплох действиями противника и смог выступить против него только в районе Адрианополя у Тзиралла. Там он нанес армии Максимиана Даи сокрушительное поражение. Дая с оставшимися группами отошел в Малую Азию; летом 313 г. н. э. в Тарсе он покончил жизнь самоубийством. Лициний на Востоке уничтожил все воспоминания о противнике: его *память была предана проклятью*, были убиты даже жена и дочь Диоклетиана. Диоклетиан до последнего времени жил в своем дворце в Салонах. Когда и как он умер, оспаривалось еще в античности. Во всяком случае, полного краха своей системы он не увидел.

Для христианской церкви победы Константина и Лициния над Максенцием и Максимином были часом ее величайшего триумфа. Как она понимала этот момент, следует из вступления Лактанция к его произведению *«О смерти преследователей»*, которое было написано в том же году: «...после того, как на земном шаре был восстановлен покой, повсюду возвысилась церковь, которая до этого была поправа. В высшей славе милостью повелителя был построен храм Божий, который был повергнут безбожниками. Бог пробудил князей, которые сбросили жестокое и злоторное правление тиранов, после этого как будто рассеялся туман прошлого времени, разум наслаждается радостным и светлым миром. После стольких бурь и жестоких печалей воссиял снова спокойный воздух и желанный свет. Бог услышал молитвы своих слуг и своей небесной помощью поднял поверженных и угнетенных и осушил слезы печалующихся. Тех, кто лежал на земле, Бог поднял. Те, кто разрушил священный храм, пали под его обломками. Те, кто замучил до смерти праведников, пролили виновные души под небесными муками и заслу-

женными наказаниями. Долго, но трудно и достойно откладывал Бог их наказание, чтобы дать им великий и чудесный пример, благодаря которому потомки должны узнать, что есть только один Бог и что он в заслуженной мести приговаривает к смерти безбожников, преследователей и высокомерных».

После событий 312 и 313 г. н. э. следующие одиннадцать лет доминирующей темой была борьба за единоличную власть над всей Империей. Правда, сначала оба правителя воздерживались от выяснения взаимных отношений. Константин непосредственно после встречи в Милане был вынужден возобновить войну на рейнском фронте; Лициний занимался принятием управления в отвоеванных восточных территориях. Уже в 315 г. н. э. Константин разрабатывал проект промежуточной Империи между двумя большими блоками на Востоке и Западе, втайне намереваясь распространить сферу своего влияния дальше на Восток. Во главе Константин хотел поставить Бассиана, который был в хороших отношениях и с Лицинием. Своей женитьбой на сводной сестре Константина Анастасии Бассиан еще теснее связал себя с Константином.

Однако Лициний, которому совсем не понравился этот проект, предпринял ответные меры, чтобы изменить *status-quo*. Преданный Лицинию брат Бассиана Сенецион уговорил его организовать вооруженное восстание против Константина и свергнуть императора. Но этот заговор был раскрыт, Бассиана казнили, от Лициния потребовали выдачи Сенециона. Когда Лициний отказался, Константин осенью 316 г. н. э. начал войну.

Внезапное обострение неизбежного, как считали обе стороны, конфликта произошло в тот момент, когда противники совершенно не были подготовлены к большим операциям. Константин располагал войском в 20 000 че-

людей, Лициний вдвое больше. Константин вторгся в паннонскую сферу власти Лициния и напал в начале октября 316 г. н. э. у Цибал в районе большого изгиба Дуная на вооруженные силы Лициния. После кровопролитного сражения Лициний отступил во Фракию, но он не считал свое дело потерянным. Наоборот, объявил Константина низложенным и назначил его преемником одного из своих командиров Валерия Валента.

На *Мардиенском поле*, точная локализация которого не установлена, вблизи Адрианополя произошла новая встреча, которая закончилась своего рода стратегическим патом. Тогда как Лицинию удалось провести свои войска на Балканы, Константин продвинулся дальше на Восток, но не имел достаточно сил, чтобы проводить осады и заигрывать новые сражения. В этой ситуации произошло последнее уравнивание двух *Августов*. Лициний должен был уступить свои владения на Дунае и Балканах, за исключением диосеза Тракия, и дать согласие на казнь Валента. Константин же частично отказывался от своих прав *старшего Августа*. В обеих частях Империи впредь больше не было единой юрисдикции; связующие элементы становились все слабее, а пропасть — глубже. Сделка между Константином и Лицинием привела к характерному результату — признанию и укреплению династических сил: сыновья Константина Крисп и Константин II и сын Лициния Лициний II стали Цезарями.

Тогда как молодой Крисп в последующие годы, по крайней мере номинально, руководил обороной рейнской границы, Константин преимущественно находился на Дунае. Там не затухали пограничные сражения с сарматами и готами. Они с небольшими перерывами занимали все время Константина, хотя сначала не удавалось достичь существенных успехов. Из них выросли те нарушения границ, которые развязали решающую борьбу между Кон-

стантином и Лицинием. При отражении нападения готов в 323 г. н. э. пограничные войска Константина не соблюли суверенные права Лициния, и их военные операции распространились на его территорию. Так как обе стороны не захотели полюбовно уладить второстепенный вопрос, разразилось столкновение, которое они готовили уже многие годы.

Оба правителя должны были теперь применить максимум войск и снаряжения. Говорят, что у Константина было войско в 120 000 человек пехоты и 10 000 кавалеристов, кроме того флот в составе 200 боевых и 2 000 транспортных кораблей, у Лициния предполагаются более высокие цифры. *Августы* уже давно расходились также и на религиозной почве. Лициний, где только мог, сдерживал христианское влияние, запретил епископские синоды и предоставил свободу действий нижестоящим инстанциям в их действиях против христиан. Тогда как он стилизовал себя протагонистом древних богов, Константин вел борьбу под христианскими знаменами и удалялся перед сражением в свою палатку для молитв.

И на этот раз горячей точкой сначала был район вокруг Адрианополя. В июле 324 г. н. э. Лициний не смог сдержать наступление Константина. Когда операции переместились к морскому проливу, он освободил фракийские владения. Крисп, командовавший флотом Константина, победил морские силы Лициния и начал осаду Византия. Мало помогло то, что Лициний возвел в *Августы* командующего в Византии Мартиниана, а сам переехал в Халкедон. Константин на севере пересек Босфор и потом продолжил наступление. 18 сентября 324 г. н. э. Лициний был наголову разбит у Хризополя, его армия разбежалась, осажденные города капитулировали. Константин осаждал разбитого противника в Никомедии, когда

тот послал Констанцию, сестру Константина, к брату, чтобы спасти то, что еще можно было спасти.

Правда, это оказалось не больше, чем жизнь для Лициния и *Августа* Мартиниана. Низложенному императору было предписано принудительное пребывание в Никомедии; его законы и официальные акты признали недействительными. Но так же, как и Максимиан Геркулий, Лициний не был создан для *почетного отдыха* и, пока жил, представлял для Константина постоянную опасность. В 325 г. н. э. Лициний вел переговоры с пограничными племенами на Дунае, чтобы снова прийти к власти. Константин добился от сената обвинительного приговора, Лициний был казнен, а с ним и Мартиниан; Лициний Младший закончил жизнь рабом.

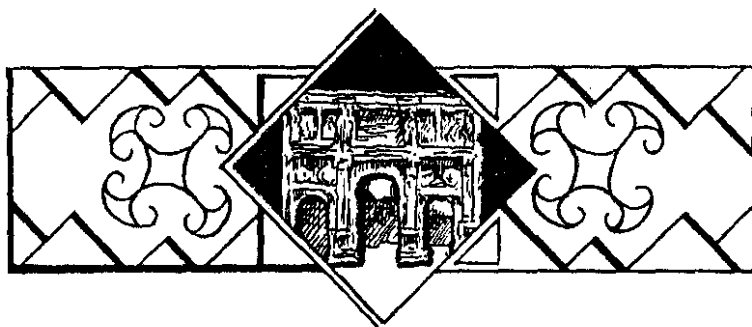
Со смертью Лициния было восстановлено единство Империи. Так как Лициний своим титулом *Августа* и последними религиозно-политическими мерами хотел вернуться к системе Диоклетиана, он превратился в поборника старины. Силы и начинания, которые представлял Константин, могли теперь беспрепятственно развиваться внутри Империи. Последствия борьбы между Константином и Лицинием выходили далеко за рамки чисто личной борьбы за власть, и это было понятно даже современникам.

Заключительная глава истории церкви Евсевия заканчивается следующими фразами: «Итак, Лициний лежал поверженный, Константин же, могущественный победитель, отмеченный добродетелью богобоязненности, вместе со своим сыном Криспом, любимым Богом *Цезарем*, во всем похожим на отца, завладел принадлежащим ему Востоком и создал по старому образцу единую Империю римлян, в которой под его мирным скипетром были все страны от востока до крайнего запада вместе с севером и югом. У людей пропал страх перед теми, кто их притес-

нял. В блеске и великолепии начались праздничные дни. Все было наполнено светом. И те, кто до сих пор потупленно смотрел друг на друга, теперь имели просветленные лица и сверкающие глаза. Прежние горести были забыты, и похоронено всякое воспоминание о безбожии. И везде были развешены указы победоносного императора, полные человеколюбия, и законы, которые доказывали его щедрость и истинную богобоязненность.

Так как тирания была устранена, Константин и его сын получили Империю, которая им принадлежала. И они изгнали из жизни ненависть к Богу и показали то, что они от Бога, их любовь к добродетели и к Богу, их благочестие и благодарность Богу» (X, 9, 6—9).

Константин написал тогда жителям восточных провинций: «Всемогущий Боже, я взываю к тебе. Будь милостив к твоим жителям Востока, дай твоим слугам свое благословение во всех провинциях, которые так долго были удручены скорбью. И по праву я прошу тебя об этом, Боже, потому что я под твоим руководством совершил приносящие благо деяния. Я привел к победе свое войско, неся повсюду твою печать. И если благо государства опять призывает, я буду следовать тому же знаку твоей силы и снова брошусь на врагов. Поэтому я посвятил тебе свою душу. Я люблю твое имя и почитаю твою власть, которую ты доказал знаками и укрепил мою веру» (Евсевий «Жизнь Константина», 11, 55).

Империя при Константине Великом

Император, который достиг единоличной власти над Империей после долгой и тяжелой борьбы, взял на себя власть в полном объеме и осуществлял монархию таким решительным способом, как немногие правители до и после него. Его претензия на абсолютную власть нашла свое выражение в новом самопонимании и в новом образе императора. Основанная Диоклетианом стилизация тетрархии и возвышения императорской власти была еще больше усилена, дистанция к августовскому принципату еще больше увеличилась. К тому же Константин перенял элементы символики власти, которые вели свое происхождение как от восточного и греческого, так и от христианского мира представлений. При этом противоречия Константина не заботили. Гармоничный синтез этих разных традиционных составных частей удасться не мог. В целом они больше были связаны с византийской императорской властью, чем с формами принципата и эрой солдатских императоров.

Все это развитие было форсировано несомненным стремлением Константина подчеркнуть свое положение внешним великолепием. Император больше не носил римскую тогу, а был одет в богато украшенную тунику. Он также не носил больше простой панцирь солдатских императоров, а надевал роскошные доспехи; когда отправ-

лялся в поход, на нем был золотой панцирь и великолепный шлем. Начиная со своих виценналий, двадцатилетнего юбилея правления в 326 г. н. э., он к тому же начал носить диадему, которая в качестве знака власти эллинистических монархов для Рима всегда была символом абсолютной императорской власти.

Этому внешнему возвеличиванию соответствовали колоссальные статуи, надписи и изображения на монетах и медальонах. Здесь тоже характерно сочетание разнообразнейших элементов. Обращает на себя внимание приближение портретов к отцу, Августу и Александру Великому и обрамление головы нимбом. Включение правителя в символику *вечности* изобилует не меньше, чем претензии на мировые размеры. *Правитель всего земного шара* прославлялся одновременно и как *победитель всех народов*. Кроме пропаганды успехов над франками, аламаннами, сарматами и готами, подчеркивались универсальные абстрактные качества победителя. Характерно, что элемент титула императора *непобедимый* был заменен на более активный — *победитель*. В титулах отражается определенный отказ по религиозным соображениям: Константин никогда не употреблял атрибут *божественный*.

Большие трудности возникли перед Константином в культе императора. С одной стороны, он не хотел отказываться от этой традиционной формы выражения лояльности староверческих жителей Империи, с другой — это было несовместимо с христианскими взглядами. Надпись из Гиспелла в Умбрии, датируемая между 333 и 335 гг. н. э., показывает, к каким компромиссам был готов Константин. В ней он разрешает сооружение храма в честь рода Флавиев, то есть в честь собственного дома, но оговаривает, что это здание не должно быть запятнано «нечестивыми преступлениями какого-нибудь преступно-

го суеверия» (ILS 705). Он разрешает также регулярное проведение театральных и гладиаторских игр.

Бок о бок с такой стилизацией развивался христианский образ императора, который создан прежде всего у Евсевия в его торжественной речи в честь тридцатилетия правления Константина в 335 г. н. э. Возвышение императорской власти с самого начала было связано с возвышением всего императорского дома, новой династии Флавиев. Значение династических сил Константин осознал еще в юности; почти все его внутривластные соглашения отмечены династическими связями. Он очень рано возвысил своих сыновей Криспа, от Минервины, Константина II, Констанция и Константа, сыновей Фаусты. Крисп и Константин II уже в 317 г. н. э. стали Цезарями, Константин получил этот ранг в 324 г. н. э., Константин — в 333 г. н. э.

Не были обойдены и сводные братья Константина, законные сыновья Констанция Хлора и Теодоры: Далмаций стал консулом и цензором, Юлий Констанций тоже получил консульство. Планмерно чествовались и их потомки, как боковая линия константиновского дома, и укреплялись их связи с основной линией. Сын Далмация Ганцибалиан должен был жениться на дочери Констанция Констанция, а второй сын Константина от брака с Фаустой — на дочери его сводного брата Юлия Констанция. Конечно, целью переплетения обеих линий было обеспечение целостности правящего дома, так как и Далмаций Младший уже в 335 г. н. э. был возведен в Цезари, его брат и племянник Константина Ганнибалиан почти одновременно стал царем Армении.

Возвышение членов семьи распространялось и на женщину, из которых особенно большое влияние имела Елена, мать Константина. С 324 г. н. э. она занимала официальное положение Августы и кроме того имела право поль-

зоваться сокровищем короны, ни перед кем не отчитываться. Совершенно понятно, что Елена сначала оттесняла сводных братьев Константина, неясна и роль, которую она сыграла в событиях с императрицей Фаустой в 326 г. н. э. За нарушение супружеской верности тогда были казнены Крисп и Фауста; Елена же отправилась в сенсационное паломничество в Святую землю. Известно только, что *Августа* Елена проявила тогда несравненную щедрость, которая выразилась в многочисленных пожертвованиях нуждающимся, и что она распорядилась построить в Вифлееме церковь, с ее путешествием связывают легенду об обнаружении креста, которая с течением времени все больше приукрашивалась. Елена умерла в 327 г. н. э. в Риме вскоре после своего возвращения.

Решительное использование власти Константином обусловило его многостороннее вмешательство в законодательство и правосудие, самодержавный стиль которого критиковался еще в античности; так, позже Юлиан Отступник назвал его «обновителем и путаником старых законов и завещанных предками обычаев» (Аммиан Марцеллин, XXI, 10, 8). Решением 318 г. н. э. Константин придал императорским эдиктам правовое качество, которое ставило их выше норм существующего права. Впрочем, стиль, содержание и основная направленность законодательства Константина не были едиными. Крайняя жестокость и необузданные взрывы соседствовали с гуманитарными тенденциями, уважение к традиционным правовым нормам и понятиям — с подлинными нововведениями.

Радикальные наказания за многие преступления должны были служить устрашением. Похитители детей и скота, отцеубийцы и воры зашивались в мешок со змеями и выбрасывались в море или пропасть. По закону 326 г. н. э. нарушение супружеской верности каралось в основном смертной казнью. Как и раньше, были запрещены браки

между свободными и рабами, любовная связь женщины со своим рабом тоже влекла за собой смертную казнь. С другой стороны, в указе 315/316 г. н. э. сказано: «Если кто к играм или рудникам приговорен, не должен получать клеймо на лице; по подобию небесной красоты созданный лик не должен быть испорчен» (*Кодекс Теодозия*, 9, 40, 2). К тому же ряду принадлежит закон, о котором А. Пиганиоль сказал, что он достоин вечной славы и является одним из прекраснейших законов Константина вообще. Этот закон предписывал, что каждый заключенный имеет право раз в день видеть солнечный свет. В институте рабства Константин ничего не изменил, он ввел только умеренное обращение с рабами и ограничение их наказаний. Так, например, рабы, живущие семьей, не разлучались при продаже. В социальной сфере особенно положительно сказались улучшение и контроль за опекуном, а также меры в пользу подброшенных детей.

Неоднократно делались попытки оценить законодательство Константина как доказательство христианского влияния на организацию государства. С этой точки зрения, разумеется, можно объяснить христианскими взглядами некоторые меры, как, например, запрещение распятия на кресте, неприкосновенность человеческого лица, попытки воспрепятствовать гладиаторским боям на жизнь и смерть и некоторые другие. Однако это не означает «внедрения христианизации общественной жизни» (Ю. Фогт). Скорее более правильным является противоположное утверждение, что Константин не пытался втиснуть в правовые рамки христианский образ жизни и что римское право не было заменено христианскими нормами, а оставалось характерным сосуществованием старых и новых понятий.

В сфере двора и администрации сохранение реформ Диоклетиана стояло рядом с коренными изменениями. С

320 г. н. э. в руководящей группе придворных появился глава служебного персонала, самый могущественный и влиятельный человек при Константине. Он был начальником разных школ, военизированных отделов администрации, к тому же командиром дворцовой школы, нового образования дворцовой гвардии, которая была создана вместо преторианцев, а также курьеров, являвшихся еще и агентами тайной полиции. Кроме главы служебного персонала, к организации центральных органов принадлежал квестор дворца, в компетенцию которого входило оформление императорских законов и постановлений.

Структура центральной финансовой администрации, наоборот, не изменилась, появились только новые названия должностей. Так, теперь начальник императорского фонда руководил казначейством, куда стекались все налоги, одновременно он отвечал за императорские пожертвования. Другому чиновнику подчинялась собственность короны и частная собственность императора. Представители этой группы были доверенными лицами императора, они выполняли функции комиссаров или специальных уполномоченных, которым от случая к случаю доверялось урегулирование неотложных правительственных дел. Вместе с другими руководящими чиновниками они образовывали совещательную коллегию, которая готовила и обсуждала основные решения в политике, администрации, законодательстве и ведении войны.

Какой бы целесообразной ни казалась новая структура придворной и центральной администрации, о качестве самой администрации она говорит мало. Повод для размышлений дает то, что Константин в 325 г. н. э. издал следующий закон: «Любой человек, какого бы сословия и ранга он ни был, который сможет доказать, что мои судьи, высшие чиновники, друзья или придворные совершили что-то несправедливое и несправедливое, пусть безбоязненно при-

ходит и обращается ко мне; я лично сам все выслушаю и расследую, и если выяснится, что это правда, я сам отомщу тому, кто до сих пор меня обманывал. Того же, который представит доказательство, я вознагражу званием и имуществом. И этого, да хранит меня всемогущий Бог, я буду придерживаться для счастья и процветания государства» (*Кодекс Теодезиана*, 9, 1, 4).

На уровне диоцезов и провинций в основном сохранились распоряжения Диоклетиана. Важнейшие изменения коснулись преторианских префектов, причем детали реорганизации неоднозначны. Вероятно, назначение Криспа главнокомандующим на рейнской границе привело к тому, что ему был придан преторианский префект. Личное предоставление преторианских префектов *Цезарям* и будущим *Августам* продолжалось еще долгое время; при Константине Империя во всяком случае не была преобразована в систему преторианских префектур, хотя в *Африке* с 332/333 г. н. э. была собственная префектура. Для решения Константина характернее является тот факт, что между 335 и 337 гг. н. э. самому Константину, Константину II, Констанцию, Константу, Далмацию было предоставлено по преторианскому префекту, а один префект отвечал за *Африку*. Только когда эта система потерпела неудачу, к концу 4 в. н. э. образовались региональные префектуры как важнейшие административные высшие органы.

В структуре войска Константин также сохранил новшества Диоклетиана, только извлек из них соответствующие выводы. В организаторском плане было проведено окончательное разделение между стационарными пограничными войсками и мобильной походной армией. В первый раз существование такой армии доказывается указом 325 г. н. э., где ее военнослужащим предоставляются большие привилегии, как и представителям других войсковых

соединений. Между тем сейчас высказано предположение, что она была создана раньше, в 312 г. н. э., перед борьбой с Максенцием. К походной армии, как правило, принадлежали также новые гвардейские полки — *палатины*.

Если не принимать во внимание другие детали, то решающие новшества эпохи Константина касались преобразования верховного главнокомандования войсками и интенсивного привлечения германцев и других представителей соседних племен Империи в римскую армию. После того, как гвардейские префекты стали руководящими работниками администрации и юстиции, Константин создал должности войсковых командиров, разделенных сначала по родам войск — *начальник конницы* и *начальник пехоты*. Из этих должностей в процессе долгого развития выросли важнейшие командные посты поздней античности. Их обладатели командовали войсковыми группами позднеримской армии. Нередко ими были даже германцы, например, Ардогаст, Стилихон и Аэций.

Прогресс в руководстве войском отражает возрастающее число вспомогательных иностранных групп, особенно германского контингента, в римской армии. Константин с самого начала был настроен на такие формирования: царь аламаннов Эрок участвовал в его провозглашении наследником отца еще в 306 г. н. э. в Британии; шесть лет спустя британские и германские соединения сражались вместе с Константином у Мильвийского моста; еще в 332 г. н. э. рейнские земли стали крупной базой набора рекрутов. Тем не менее неясно, преследовал ли Константин определенную концепцию, обращаясь к этому военному потенциалу, более вероятно, что возрастающая связь больших групп населения с местами проживания принуждала к увеличению римского войска. Речь при этом прежде всего шла только о распространении традиционных римских правил. Не был предусмотрен размах, который в

конец концов получило это развитие, последствия которого в поздней античности больше нельзя было контролировать. Но в константиновское время до этого было еще очень далеко.

Военная реформа Константина начала себя оправдывать; во всяком случае армия после 325 г. н. э. справлялась с поставленными перед ней задачами в рамках константиновской пограничной и внешней политики. Руководство операциями при этом чаще всего поручалось сыновьям Константина, но в особенно опасных ситуациях император лично находился вблизи горячих точек, чтобы в случае необходимости вмешаться самому. Экспансионистские черты здесь незаметны. Оборона, ограниченные контрнаступления, планомерное строительство укреплений и дипломатические средства, как, например, заключение договоров с соседними племенами, в первую очередь стабилизировали положение внутри Империи.

В 328 г. н. э. Константин II командовал обороной от иламаннов, а в 332 г. н. э. от готов на Нижнем Дунае. Там после нападения готов на сарматов создалось крайне затруднительное положение, которое тем не менее было преодолено успешными римскими контрнаступлениями. Константин добился заключения *договора* с готами, которые впредь не только признавали дунайскую границу, но поставляли через нее вспомогательные группы, и, таким образом, готская опасность была устранена почти на полвека. Когда в 334 г. н. э. у сарматов произошло столкновение, которое перекинулось на римские территории, Констанций и Константин тактически очень умело овладели ситуацией и предотвратили эскалацию конфликта.

Совсем иначе развивались события на восточной границе Империи. После того как там сасанидский царь Шапур II сначала держал себя очень сдержанно, в начале тридцатых годов он неожиданно проявил инициативы, кото-

рые сделали неизбежными столкновения с римским войском. Когда царь Армении Тиран в 334 г. н. э. был депортирован и ослеплен сасанидами, его сторонники и армянские союзники римлян обратились к Константину за помощью. Тот поручил Констанцию руководство боями на армянской границе, приказал оккупировать страну и начал поход против сасанидов. В этой связи племянника Константина Ганнибалиана назначили царем Армении. Грозящие здесь опасности были вполне осознаны, как показывает письмо Константина Шапуру II, император выступал как покровитель христиан, между тем проблема при жизни Константина решена не была.

В области валюты Константин также исходил из попыток стабилизации своего предшественника; в отличие от Диоклетиана его денежная реформа была успешной. Это относится прежде всего к золотым деньгам, где был введен новый номинал солид. Если золотые монеты диоклетиановского времени по весу еще равнялись $1/60$ римского фунта, то при Константине (в 3 в. н. э.) они весили $1/72$, то есть 4,48 г. Изготавливаемая по всей Империи с 324 г. н. э. золотая единица просуществовала еще столетия, и в византийской Империи была основой золотой валюты. Тогда как солид встречался часто, серебряная единица силиква, которая равнялась $1/24$ солида, очевидно, чеканилась в меньшем количестве. Медные единицы, которые назывались фоллами, имели серебряное покрытие, составляющее 2 % от веса. При массовом изготовлении быстро начал уменьшаться вес, и, как доказывают папирусы из Египта, это привело к новым инфляционным процессам.

Меры в секторе финансовой и налоговой политики были продиктованы огромной потребностью в деньгах для армии, двора, администрации, крупного строительства и щедрых подарков. Как и раньше, важнейшим источни-

ком доходов оставался подушный налог. К этому добавились целевые особые налоги и подати на трудоспособных лиц. Все сенаторы должны были *платить налог*, который насчитывался в зависимости от размера их земельных владений и взимался в три приема. Городские высшие слои должны были каждые пять лет к юбилею правления уплачивать так называемое *коронное золото* в форме золотых венков или золотых монет, и, наконец, ремесленники и торговцы каждые пять лет платили *в золоте налог* с имущества и товарооборота.

Характерно, что Константин при случае старался помочь представителям угнетенных низших слоев. Так, в эдикте 313 г. н. э. сказано: «Если сборщик налогов или прокуратор жестоко обойдется с кем-то, тот должен без раздумий подать жалобу на его издевательство и грабеж. Если эта жалоба соответствует действительности, мы предписываем, чтобы чиновник, который позволил себе совершить нечто подобное в отношении провинциалов, был публично сожжен» (*Кодекс Теодосиана*, 10, 4, 1). Из множества частных решений сложилось изменение общественной структуры, которая осталась определяющей для всей поздней античности.

Давно утраченные политические компетенции сенат не получил и при Константине, но император старался сначала сохранить условия для *мирного сосуществования* и внешнее уважение к сенаторскому сословию. С одной стороны, общее число сенаторов возросло, по современным оценкам, даже в три раза. С другой стороны, образовалась небольшая группа высшей аристократии — *патрициев*, которые находились в тесной связи с императорским двором и наряду с высокими постами в администрации и войске обладали огромным авторитетом.

Расширение сената затронуло представителей всех провинций. Панегирист в 321 г. н. э. так прославил это раз-

вите: «Наконец, ты почувствовал, Рим, что ты вождь всех наций и царь мира, когда объединил в своей курии благороднейших граждан всех провинций, чтобы сенат был обязан увеличением авторитета не столько своему имени, сколько действительности, так как отныне он объединяет элиту всего мира» (*Латинские панегирики*, X, (4), 35, 2). Возможно, побудительные мотивы Константина были значительно прагматичнее; вероятно, он старался привлечь на свою сторону ведущий слой из провинций перед борьбой за власть с Лицинием. В любом случае назначения были однозначным доказательством благосклонности императора.

Пополнение сената произошло за счет всаднического сословия, потому что высокопоставленные всаднические чиновники и офицеры возводились в сенаторское сословие, которое из-за этого потеряло свою однородность. В целом же сенаторы оставались группой привилегированных крупных землевладельцев, на традиционные права которых Константин не посягнул. На них не распространились нагрузки муниципальной аристократии и суровость римского уголовного судопроизводства. В большинстве случаев в течение 4 в. н. э. они сохранили свое состояние, и их без того значительная земельная собственность существенно возросла.

Однако решающим стало то обстоятельство, что жизнь, влияние и социальный престиж отдельных сенаторов зависели не от их сословной принадлежности, а от их положения в константиновской системе и от благосклонности императора. После того как в 326 г. н. э. по религиозным причинам произошел тяжелый конфликт между Константином и сенатом, после основания Константинополя и образования другого, полностью преданного Константину сената на Востоке, римский сенат на долгое время потерял свой авторитет и значение.

Важнейшим чиновником Рима, который принадлежал к кругу сенаторов, был *городской префект*. Ему все еще подчинялись администрация и судопроизводство столицы; он руководил также сословной юрисдикцией над сенаторами и особенно выигрывал от частого отсутствия императора. Обладатель этой должности был высочайшим представителем государства в Риме, но одновременно и защитником консервативных сил и традиций.

Реорганизация сенаторского высшего слоя отразилась на всадническом сословии. Оно потеряло своих самых способных представителей, и поднимавшаяся в него мелкая бюрократия являлась плохой заменой. Таким образом, оно лишилось своего престижа и функций, нередко влияние *официалов*, руководящих чиновников придворной администрации было больше, чем влияние классического сословия социальных выдвиженцев. Социальный подъем впредь стал возможным и без обычной *карьеры всадников* и сенаторов. Германский командир, само собой разумеется, сразу же возводился в сенаторское достоинство.

Благодаря расширению придворного персонала и Цезарей, раздуванию штата чиновников в преторианских префектурах и диоцезах, возможности продвижения для упомянутых групп были чрезвычайно благоприятными. Совсем по-другому складывалась обстановка для представителей муниципальной аристократии, которая чаще всего называлась куриалами, и для представителей специальных профессий и групп среднего и низшего слоя. Хотя на первый взгляд государство при Константине и Диоклетиане кажется современным, его инструментарий и меры могли быть действенными при условии, когда в общественной и экономической структуре было мало изменений и когда основные органы и корпорации оставались идентичными. Этот политический застой был невозможен без дальнейшего ограничения свободы городских

высших слоев, представителей ключевых профессий в транспорте и снабжении и, наконец, *колонов*, важнейшей сельскохозяйственной группы производителей.

Особенно тяжело эта политика затронула куриалов, причем сам император взял на себя некоторые облегчения: «Никто, имеющий судебную власть, не должен пытаться освободить *куриала* от его обязанностей по отношению к общине или освободить его от принадлежности к городскому совету (*курии*). Если же кто-то по несчастливому стечению обстоятельств разорится и его нужно поддержать, это должно быть доведено до нашего сведения, и на основании этого ему будет сохранено освобождение от его обязанностей по отношению к общине» (*Кодекс Теодозиана*, 12, 1, 1). Указание Константина свидетельствует, что чрезмерная загрузка муниципальной аристократии осталась. Ее представители пытались всеми возможными средствами уклониться от этих разорительных нагрузок. Как показывают многочисленные распоряжения, этому было трудно помешать.

Подобное регулирование коснулось транспортных моряков и колонов; назовем только два примера. Распоряжение 314 г. н. э. декретировало: «Если кто-то, кто по рождению является транспортным моряком, становится капитаном лихтера, он должен оставаться в том же состоянии, к которому принадлежали его родители» (*Кодекс Теодозиана*, 13, 5, 1). В отношении колонов было в 332 г. н. э. установлено следующее: «Если у кого-нибудь будет обнаружен колон, который принадлежит другому, тот должен не только возратить колону на его старое место, но и заплатить за него подушный налог за соответствующее время. Самих колонов, которые пускаются в бегство, следует, как рабов, заковать в кандалы, чтобы вынудить их исполнять обязанности, которые им были

положены, как свободным, теперь исполнять, как рабам» (*Кодекс Теодозiana*, 5, 17, 1).

Общая картина римского общества во времена Константина характеризуется ярко выраженной дихотомией. Насколько можно установить общие тенденции ввиду многочисленных региональных особенностей и разнообразия структур в отдельных провинциях, пропасть между обеими основными группами общества становилась все глубже. Концентрации богатства и собственности противостояло обнищание широких кругов населения. Старые буржуазные средние слои были явно парализованы постоянными государственными нагрузками.

К привилегированным группам высших слоев принадлежали также клирики, особенно епископы, которых Константин постоянно привлекал к себе. Среди первоначально небольшого числа христианских отшельников возникло быстро разрастающееся движение, которое потом шло в институт монашества. В этих кругах уже сформировался протест против секуляризации и приспособления христианства к государству и обществу. Воздействие христианства на общественное устройство *Римской Империи* в целом определить трудно. Во всяком случае во времена Константина христианство не стремилось к основополагающим изменениям социальной структуры. В целом христианство в рамках константиновского времени оказывало стабилизирующее воздействие. Тот факт, что христианские убеждения широких слоев населения содействовали подчинению бюрократии и примирению с нищетой (Ю. Фогт «Константин Великий и его век». Мюнхен, 1960), довольно часто подчеркивался. Но не всегда с необходимой убедительностью указывалось на то, что полное отсутствие государственных социальных платежей усиливало привлекательность христианства по чисто материальным причинам.

Константин очень заботился о том, чтобы он сам, его дом и его эра прославились художниками, литераторами, архитекторами, ораторами, скульпторами и мастерами прикладного искусства. Прежде всего он требовал быстрых результатов, поэтому зрелые произведения характерны для его эпохи менее, чем в быстром темпе созданные компиляции.

Особенно наглядно показывают особенности константиновского искусства два памятника в Риме: построенная между 312 и 315 гг. н. э. арка Константина, самая большая триумфальная арка Рима, и голова колоссальной статуи из перестроенной Константином базилики Максенция. В арку Константина были включены скульптуры и рельефы из эры адоптивной империи 2 в. н. э. Они образовывали резкий контраст с новыми рельефами, которые изображали достижения похода против Максенция, вступление Константина в Рим, а также приветственную речь императора и распределение денежных подарков. Эти современные рельефы изготовлены в поразительно строгом стиле, который в последнее время связывается с традициями плебейского искусства. Кроме того, примечательно увеличение чисто репрезентативных элементов, а также разная величина фигур, которая зависит от ранга изображаемых.

Выставленные сегодня во дворе дворца Консерватории на Капитолии фрагменты колоссальной статуи Константина превышают все размеры прежней монументальной скульптуры. Высота головы от шеи составляет 2,60 м, исходя из этого, общая высота статуи сидящего на троне императора равняется приблизительно 10 м. Р. Бьянки Бандинелли описал своеобразие этого изображения так: «Это был новый тип императорской статуи, которая возвышала правителя над обыкновенными смертными: это было почти культовое изображение. Изготовленное из

твердых, безжизненных платинок лицо оживлено только огромными глазами, из которых льется магическая сила взгляда и одухотворенность, которую хотели придать фигуре» («Рим. Конец античности». Мюнхен, 1971).

Преобладание чисто придворного искусства очевидно. Наряду с речами панегиристов оно проявляется в потолочной росписи трирского императорского дворца, а также в стихах Оптациана Порфирия. Их поэтическое качество совершенно *незначительно*, но они безусловно представляют крайнюю степень буквенной акробатики. Отдельные стихи, например, содержат 35 строф, составленных из 35 букв каждая, и эти буквы, в оригинальной рукописи выделенные особыми красками, были выбраны так, что образовывали более или менее осмысленные слова и стихи. Порфирий был скорее «литературным придворным ювелиром» (Ю. Фогт), чем поэтом; правда, Константин был очарован его творчеством.

В области архитектуры появились величественные здания, такие, как многочисленные императорские дворцы, базилики и церкви, которые по своим размерам не шли ни в какое сравнение с другими эпохами. Евсевий в своем неполном списке называет следующие церкви: церковь Положения во гроб и Воскресения в Иерусалиме, церковь Рождества в Вифлееме, базилики и другие церкви в Никомедии, Антиохии и Гелиополе. От этой интенсивной строительной деятельности особенно выиграл Трир: «Я вижу *Большой Цирк*, который соревнуется с римским, я вижу базилики и форум, царские сооружения, и вместилище правосудия возведено на такую высоту, что оно близко к звездам и небу. Все это, разумеется, дары, которыми мы обязаны твоему присутствию» (*Латинские панегирики*, VII, 6, 22).

Важнейшим для всей истории Империи было решение Константина основать на месте Византия Константи-

нополь. При столкновении с Лицинием Константин лично убедился в стратегическом значении Византия. Поэтому он еще в 324 г. н. э. начал строительные и восстановительные работы, и некоторое время спустя там начал работу императорский монетный двор. Но важнейший импульс последовал позже. В 326 г. н. э. Константин несколько месяцев провел в Риме, чтобы участвовать в празднествах в честь двадцатилетнего юбилея своего правления. Только праздник этот закончился конфликтом. Когда Константин отказался участвовать в праздничной процессии к Капитолию, то есть к традиционным богам города Рима, его поведение вызвало у сената и населения большое негодование, так как они увидели в этом открытое оскорбление. Константину стало ясно, что он никогда не будет чувствовать себя в Риме, как дома. В связи с этим возникло решение создать новую столицу, соперницу Рима.

Во всяком случае для Константинополя было запланировано гораздо более широкое кольцо городских стен, которое окружало площадь в четыре раза больше прежней, восходящей к Септимию Северу городской постройке. Христианская легенда, переданная Филострогом, продолжателем церковной истории Евсевия, отражает впечатление, которое производило на потомков это граничащее с чудом по своим размерам сооружение. Там рассказывается, что когда император с копьем в руке обошел новую границу города и при этом шел все дальше, он на вопрос одного из своих спутников: «Как далеко ты еще хочешь пойти, господин?» ответил: «Пока не остановится тот, кто идет впереди меня».

Если даже в этой легенде присутствует явно христианское преобразование античного представления о том, что Бог определил место для основания города или одобрил его, все равно при освящении города были соблюдены

традиционные ритуалы. В 328 г. н. э. место было объявлено собственностью богов; жрецы и звездочеты проводили церемонию, в которой участвовал также неоплатоник Сопатр. Торжественное освящение произошло 11 мая 330 г. н. э., дата, которая впредь всегда торжественно отмечалась как дата основания города.

Город Константина годами был центром строительной деятельности как региона, так и Империи. Из всех прилегающих районов, даже из Рима и Афин, были завезены памятники, разграблены храмы в городах Малой Азии, их металлические крыши расплавлены, чтобы по возможности быстрее придать подобающий блеск новой столице Востока. Статуи Фидия и Лисиппа были транспортированы в новый город и установлены там, а также бронзовые кони, которые стоят сейчас перед Сан Марко. Буркхардт назвал эту практику «самым позорным и масовым грабежом предметов искусств в истории».

На месте рынка северовского города были воздвигнуты храмы Рее, богине-покровительнице Константинополя, и Тихе, покровительнице Рима. Между этим центром, названным Августейоном, и Мраморным морем вырос императорский дворец. На западе города был построен круглый форум Константина, в середине которого стояла колонна из порфира, держащая огромную, частично позолоченную статую императора в короне с лучами. В основании колонны были помещены христианские реликвии. В рамки этой концентрической постройки входили также христианские церкви, как, например, церковь Ирины у Августейона и церковь Софии у императорского дворца; в целом для фазы основания Константинополя характерно соседство храмов для староверов и церквей для христиан.

Константин хотел сделать свою новую столицу равной Риму по своей внутренней структуре. В Константинополе, как в Риме, было семь холмов, и он так же, как

Рим, разделялся на 14 кварталов. Особенно примечательным было преимущество с административно-правовой точки зрения. Константинополь со всей своей городской территорией был выделен из диосеза и провинции и освобожден от всех налогов. Император возвел архона города в ранг *проконсула*, то есть в тот же ранг, которым обладали наместники соседних провинций.

Константин не довольствовался тем, что новый город с 330 г. н. э. привлек в свои стены большое число чиновников и функционеров системы. Событием первостепенной важности было то, что император здесь тоже создал сенат сначала из 300 человек и всеми силами старался заманить в Константинополь лиц, присутствию которых он придавал большое значение. Для них были построены дома; наличие дома в Константинополе было также предпосылкой получить право на аренду владений из императорской собственности на Востоке Империи. Благодаря строительству библиотеки и основанию нового университета город превратился в духовный центр Востока. Наконец, жители города, как и римляне, получили бесплатное обеспечение зерном.

Таким образом, Константинополь стал новым, вторым Римом. Но этот *второй* Рим был Римом без республиканских традиций и по своей сути только новоримским обрамлением для синтеза эллинистических, позднеантичных и христианских элементов. С любой точки зрения Константинополь был создан как антитеза Риму и как «сильнейшее отрицание римской сущности» (Якоб Буркхардт). Чем больше энергии было отдано второму Риму, тем больше приходил в упадок первый и должен был довольствоваться блеском великих традиций. Будущее принадлежало Константинополю.

Константин и христианство

«Вечная святая набожность нашего Бога не допустила, чтобы род человеческий продолжал блуждать в потемках, и не позволила, чтобы ненавистная злонамеренность некоторых людей взяла верх, а захотела, чтобы они вернулись к законам справедливости. Я узнал это из многочисленных примеров и испытал также на самом себе. Ибо раньше во мне были вещи, которым не хватало справедливости, и я думал, что высшая сила не видит, что происходит в моем сердце. Что за конец имело бы это, о чем я говорю? Только один, который полон зла. Но всемогущий Бог, живущий на небе, послал то, чего я не заслужил. Нельзя ни выразить, ни сосчитать, что он в своей небесной милости дал мне, его рабу» (Оплат Милевский «Против донатиста Пармениана»). Так в августе 314 г. н. э. Константин описал свое религиозное представление и религиозное развитие в письме к католическим епископам, собравшимся в Трире для улаживания спора с донатистами. Это развитие в поисках могущественного покровителя и бога привело его в конечном результате к Христу.

В примере Константина развитие религиозных убеждений человека, с одной стороны, определялось необычной религиозно-политической ситуацией и формировалось под влиянием изменения политических рамочных условий, а также стремлением к политическим целям, с другой — оказало глубокое воздействие на историю Римской Импе-

рии в целом. Тесная связь религии и политики, которая еще раз была углублена в системе тетрархии Диоклетяна, получила теперь совершенно новый масштаб. Неожиданные перемены в религиозно-политических решениях Константина объясняются этой связью.

Рис. 60. Статуя Константина (фрагмент). Рим

Поворот Константина к христианству не стал «обращением» в смысле апостола Павла, переживание перед сражением на Мильвийском мосту не явилось для императора «Дамаском». Политик Константин не был готов к той последовательности в религиозной сфере, которую могли ожидать от него христиане. Античный человек, смотрящий на серебряный медальон из Тицина 315 г. н. э., больше обращал внимание на традиционную волчицу с близнецами на большом щите правителя, то есть демон-

стративное признание преемственности римских мифов, чем малозаметную монограмму Христа на императорском шлеме. И арка Константина не носит ни одного христианского символа, а наоборот, элементы традиционной мифологии и религии.

Несмотря на однозначную сдержанность и плюралистичность религиозной политики, Константин неоднократно подчеркивал свою общность с христианством. Этот бесцеремонный политик с самого начала был вынужден учитывать все факторы динамического политического силового поля и идеологически драпировать свою борьбу за единоличную власть. Одновременно он позволял христианской стороне втягивать себя во внутрицерковные конфликты и часто свое поведение в подобных спорах ориентировал на политическую своевременность. Это с особой четкостью проявилось в первом внутрицерковном конфликте, с которым он столкнулся, — в донатистском споре.

В донатистском споре с самого начала с личным соперничеством за выбор епископов переплелись глубокие противоречия в общинах Северной Африки, связанные с отношением к *традиторам*, то есть к тем, кто во время гонений на христиан отдал церковные сосуды и христианские книги. К тому же с этим был связан вопрос, зависит ли действительность церковного официального акта и совершения таинств от непорочности и безупречности епископа, и, наконец, к этому еще примешались претензии многих нумидийских епископов, которые принимали участие в выборах епископа Карфагена. За всем этим стояло нерешаемое противоречие между бескомпромиссной фанатичной церковью мучеников и называемой тогда «католической» церковью, которая снисходительно относилась ко всем равнодушным и даже *отрекившимся* христианам.

Когда в 311 г. н. э. дьякон Цецилиан был назначен

епископом Карфагена, дело дошло до быстро разрастающегося конфликта. Его противники, такие как епископ Феликс Аптонгский, обвинили его в предательстве и втянули в ссору нумидийских епископов. После бесполезных переговоров те со своей стороны назначили епископом Карфагена Майорина; раскол быстро увеличивался и охватил многие общины Северной Африки. Таково было положение вещей, когда Константин принял часть Империи Максенция.

Очевидно, император сразу же принял сторону Цецилиана. Традиция мучеников североафриканской церкви и донатистов с самого начала находилась в противоречии с его стремлением к интеграции, которое осуществлялось за счет компромиссов. В письме к Цецилиану он не только выделяет ему деньги для выплаты «слугам законной и святой католической церкви», но и занимает однозначную позицию в отношении внутрицерковных споров: «Так как я узнал, что некоторые беспокойные люди соблазняют прихожан католической церкви злонамеренным обманом, я устно приказал *проконсулу* Ануллину и викарию Патрицию уделить соответствующее внимание этому обстоятельству и ни в коем случае не пропускать таких происшествий. Если ты увидишь, что кто-то из этих лиц упорствует в своем безумии, не раздумывая иди к названным чиновникам и делай по этому поводу заявление, чтобы эти люди были призваны к порядку в соответствии с моим устным распоряжением» (Евсевий «История церкви», X, 7, 1—2).

На однозначную позицию Константина в отношении Цецилиана сторонники епископа Майорина ответили на вид очень ловким, а в действительности весьма проблематичным ходом. 15. 4. 313 г. н. э. они попросили императора передать решение спора галльским епископам. Эдуард Шварц подчеркнул значение этого шага: «Первый раз в истории церкви в качестве высшей инстанции появ-

ляется созданный императором синод: это прелюдия Никейского собора» («Император Константин и христианская церковь». Лейпциг, 1936). Константин ответил на эту просьбу и поручил подготовку обсуждения епископу Рима Мильтиаду. Синоды в Риме (октябрь 313 г. н. э.) и Арле (август 314 г. н. э.) занимались этим конфликтом. К единому мнению прийти не удалось, потому что галльские и итальянские епископы приняли сторону Цецилиана, а пресмник Майорина Донат был отлучен от церкви из-за его обращения с *отрекшимися*.

Конфликт обострился прежде всего потому, что противники Цецилиана в лице Доната располагали страстным агитатором и предводителем, который объяснял позиции своих сторонников в многочисленных литературных произведениях. По Донату, который разделял теологические соображения Киприана, сторонники этого раскола стали называться *донацианами*, или *донатистами*, которые, со своей стороны, называли всех христиан язычниками. Даже посреднические попытки самого Константина, к которому обратились разочарованные результатами синода в Арле донатисты, плодов не принесли. В послании *к викарию Африки Цельсу* Константин в начале 316 г. н. э. угрожает своим личным вмешательством: «Тогда я покажу своим приговором Цецилиану и его противникам, какое почитание подобает всевышнему Богу и какой вид богослужения доставляет ему радость. Также я после тщательного расследования узнаю и выведу на свет Божий, что скрывают эти глупые и неразумные люди. Людей же, которые эти дела совершают и делают то, что не служит всевышнему Богу, я уничтожу и раздавлю. Что же есть более важное для меня, чем разрушать все заблуждения, устранять все дерзости и заботиться о том, чтобы все исповедовали истинную религию?» (Оптат Милевский «Против донатиста Пармениона»).

Письмо Константина к Цельсу включает в себя поразительные элементы. Император претендует не больше и не меньше, как быть авторитетом в вопросах религии, определять настоящую религию и знать правильные формы *богослужения*. Своими упреками он продолжает древнеримские традиции и представления; в основе он разделяет принципиальные позиции Диоклетиана. К тому же Константин довел конфликт до крайности. Ввиду внутриполитических событий на Балканах он не смог сам отправиться в Африку, однако римские власти Северной Африки применили свои полномочия против донатистов, что привело к еще большим беспорядкам. Донатистские церкви были закрыты, епископы изгнаны, созданы мученики, которые придали движению еще большее воодушевление. Первый раз здесь был применен инструмент преследования со стороны Римского государства во имя католической церкви, впрочем, безуспешно.

Смена курса Константина в 321 г. н. э. была обусловлена предстоящей борьбой с Лицинием. Неожиданно он решился на толерантность по отношению к донатистской церкви и даже на то, что позволил вернуться изгнанным епископам. В послании ко всем епископам Африки и прихожанам католической церкви новый курс был обоснован так: «К чему обязывает вера, на что способно благоразумие и что может сделать чистота, я, как вы знаете, попытался сделать в своей службе человечеству. Поэтому по нашим законам мир священного братства, милость которого Бог вложил в сердца своих рабов, должен всегда сохраняться благодаря всеобщему согласию. Но так как наше намерение не может проникнуть в некоторые головы и одолеть упорно липнувшие преступления, которые до сих пор успешно защищали свою злонамеренность, мы должны следить за народом, чтобы он благодаря милосердию всевышнего Бога, от них отказался. Ибо от него мы долж-

ны ждать спасения, потому что все благие намерения и деяния будут возданы по заслугам» (Опгат Милевский Приложение 9).

Но учреждения донатистов не дремали. Еще в 330 г. н. э. Константин должен был смириться с тем, что донатисты завладели им самим созданной базиликой в Константине, столице Нумидии, и утешил католических епископов тем, что прикажет построить им еще более прекрасную новую базилику. Благодаря своему триумфу над противниками, а также над Римским государством донатисты получили долго не умирающую традицию. Не случайно, что позже именно в их рядах вмешательство императора в церковные вопросы было решительным образом отвергнуто, как это отражено в гордом вопросе Доната: «Что общего имеет император с церковью?» Движение донатистов укрепилось не в последнюю очередь потому, что в него влились древние североафриканские традиции, а позже к нему присоединились группы циркумцеллионов, странствующих монахов-еретиков. Даже Августину не удалось интегрировать это движение; донатизм пережил и гонения вандалов и прекратил свое существование только после завоевания Северной Африки исламом.

Менее сенсационным, чем вмешательство в донатистский спор, был целый ряд мер, которыми Константин поддержал и укрепил христианскую церковь. Так, например, он признал давно существующую на практике третейскую юрисдикцию епископов и разрешил завещательные распоряжения в пользу церкви. Освобождение рабов в упрощенной юридической форме он тоже объявил законным, если оно происходило в присутствии епископа в церкви. Эта христианофильская политика Константина оживилась во время борьбы с Лицинием. Вне всяких сомнений, император увидел в исходе сражения Божий суд.

Опубликованные тогда произведения Лактанция и Ев-

севия позволяют узнать духовный и религиозный фон духовного развития Константина. Л. Целий Фирмиан Лактанций родился в Африке около 260 г. н. э. и приблизительно через 30 лет был послан Диоклетианом в качестве оратора в Никомедию, где он, вероятно, встретился с Константином. В начале 4 в. н. э., перейдя в христианство, он прекратил свою ораторскую деятельность и посвятил себя литературному творчеству. В 313 г. н. э. он был вызван в Трир, чтобы стать воспитателем старшего сына Константина Криспа. Благодаря прекрасным стилистическим качествам своих произведений он позже был назван *христианским Цицероном*. Лактанций в своем творчестве сумел объединить древнеримские и позднеантичные представления с христианскими и ветхозаветными ценностями.

В своей знаменитой вышедшей в 316 г. н. э. монографии *о видах смерти гонителей* он представил историю преследований христиан с точки зрения Божьего суда над гонителями, это произведение Якоб Буркхардт считал «трактатом зловещего фанатизма». Написанное до этого и посвященное Константину теологическое произведение Лактанция *«Божественные наставления»* в семи книгах преследовало цель ознакомить образованных римлян с учением и моральными ценностями христианства.

Евсевий (260—340 гг. н. э.) провел свою молодость в Палестине, в Цезарее он находился под сильнейшим духовным влиянием пресвитера Памфила, между 303 и 311 гг. н. э. был свидетелем гонения на христиан в Цезарее, Тире, Египте и Фивах. Первое десятилетие 4 в. н. э. было расцветом его литературной деятельности. Тогда он написал свою всемирную хронику и историю церкви. Написанная на греческом языке всемирная хроника начиналась с Авраама (2016/2015 г. до н. э.) и кончалась 325 г. н. э. Кроме полностью сохранившегося армянского вари-

анта, имеется и латинский, дополненный Иеронимом до 378 г. н. э., который стал основой средневековых хроник.

Материал для своей «Истории церкви» Евсевий собрал еще во время гонений на христиан при Диоклетиане, первый вариант был готов еще в 303 г. н. э. и окончательно закончен только в 324 г. н. э. В этом произведении Евсевий подводит итог развитию отдельных христианских групп в новую историческую формацию. Используя многие первоисточники, письма, указы и другие документы, он создал специфически новый метод церковной историографии. Если здесь риторика отступает на задний план, то в написанной после смерти Константина «Жизни Константина» она занимает первое место для чрезмерной идеализации императора.

В процессе своего поворота к христианству Константин стал первым римским императором, который из религиозных убеждений разделял антииудейские настроения христиан: до сих пор небрежно выполняемый запрет на вход евреев в Иерусалим, за исключением одного дня в году, был снова им ужесточен. Прежде всего император хотел по-новому упорядочить рабство в еврейском домашнем хозяйстве. Обрезанный евреями раб, неважно, христианин или нет, отпускался на свободу. Евреям вообще было запрещено держать рабов-христиан, потому что было бы несправедливо, «чтобы убийцы Христа держали рабами спасенных Спасителем людей» (Евсевий «Жизнь Константина», 4, 27). С другой стороны, иудейство, как и раньше, оставалось разрешенной религией; после временных ограничений главы синагог и другие служители культа снова получили привилегии.

Включение всего Востока в сферу своей власти принесло Константину новые проблемы, так как именно в восточной части Империи в те годы церковь была более разобщенной, чем где-либо. Епископские общины были там

относительно независимыми, и церкви создали из основанных ими ячеек сеть, в которую входили большие метрополии Александрия и Антиохия. На Востоке десятилетиями прилагались усилия основать христианскую теологию по опыту греческой философии, и именно с этой стороны возникли сильнейшие трения.

Как в Северной Африке в донатистском споре, так и в Египте проблема отрекшихся привела к образованию секты мелицианов, однако для проблемы на Востоке характерно, что этот вопрос отступил перед теологически более серьезной проблемой логоса. Перед церковью стояла задача, с одной стороны, сохранить христианский монотеизм, а с другой — объяснить различие Бога-Отца и Сына. Этот круг вопросов оживленно обсуждался в Александрии после смерти Оригена, а также в Антиохии, причем в обоих больших христианских школах Ближнего Востока эти вопросы нашли совершенно различное толкование. Александрийская школа, хотя и упрощенно, но тесно соединила Бога-Отца и Сына. Отец и Сын по ее трактовке отличаются только тем, что Сын родился от Отца; пресвитер Арий под влиянием антиохийской школы придерживался мнения, что Отец и Сын сильно отличаются друг от друга. По Арию, Бог-Отец и только он был вечным, всемогущим и всевидящим Богом, который не мог по своей природе иметь дело с земным. Как свое орудие для спасения мира он создал Сына, и только поэтому тот стал человеком.

Судя по всему, Арий именно в Александрии столкнулся с сильнейшими возражениями. Вскоре Александр, епископ города, отлучил его от церкви. Заседавший в Александрии синод египетских епископов утвердил этот приговор. Арий отправился на север, где он нашел понимание у дружественных ему епископов, особенно у Евсевия Никомедийского и Евсевия Цезарейского, историка церкви. Отныне спор охватил весь Восток Империи.

Когда был свергнут Лициний, Константин тоже подключился к этому спору. В двух письмах он обратился к Арию и Александру и был убежден, что сможет закончить конфликт своим личным призывом. Целью его вмешательства было создание единства христианской церкви, так как, по его мнению, это единство было выгодно для Римской Империи.

Письмо Константина к Арию и Александру местами обезоруживает наивностью. После описания своих намерений и поведения в донатистском споре он излагает, как на его взгляд выглядит конфликт на Востоке: «Как я узнал, настоящий вопрос имеет следующее происхождение: ты, Александр, спросил своих пресвитеров, что каждый из них думает о написанном в Законе месте. На это ты, Арий, необдуманно ответил то, что тебе не должно было приходиться в голову, а коль скоро пришло, должно было быть обойдено молчанием. Из-за этого между вами возник раздор, что раскололо святой народ на две части. Поэтому каждый из вас должен принести извинения и сделать то, что советует вам ваш единоведец.

С самого начала не нужно было бы ставить вопрос о таких вещах и давать на них ответ. Так как эти вопросы не предписывает какой-нибудь закон, а сварливость подняла их. Если они поставлены ради философских упражнений, мы должны держать их в уме, а не легкомысленно обсуждать их на публичных собраниях или доверять ушам людей. Ибо мало таких, кто в состоянии понять значение таких важных и трудных вопросов. При таких обстоятельствах нужно держать в узде болтливость, потому что малая сообразительность наших слушателей не позволяет привести к правильному пониманию наших слов, и по этим причинам народ обязательно раскалывается и богохульствует.

Поэтому необдуманные вопросы и скоропалительные

ответы должны быть обоюдно прощены. Ибо повод, по которому разгорелся спор, не касается главного, что сказано в Законе. Никто из вас не ввел нового ложного учения. Нет, у вас одни и те же убеждения, и поэтому вы можете прийти к единодушному мнению. Ибо будет несправедливо и неподобающе, если из-за вашего спора о незначительных мелочах впадет в разлад божий народ, который под вашим руководством должен приучаться к порядку». Император ссылается на пример философов, которые, несмотря на разные взгляды на частности, объединились в одно учение, и заканчивает призывом к единству: «Я не говорю, что в этом разностороннем вопросе, как бы он ни звучал, нужно придерживаться одного и того же мнения. Драгоценная общность между вами должна быть без фальши, и общность должна сохраниться при любых взглядах, даже если возникает различие во мнениях по незначительным вопросам.

Верните мне счастливые дни и беззаботные ночи, чтобы для меня сохранилась радость и счастье спокойной жизни» (Евсевий «Жизнь Константина», 2, 69).

Но эти призывы были тщетными. После того, как первая попытка к примирению потерпела неудачу и следующий синод в Антиохии стал на сторону Александра, император снова вмешался и приказал летом 325 г. н. э. созвать синод епископов из всей империи. Местом съезда была выбрана Никея, куда Константин мог легко приехать из своей резиденции в Никомедии. В императорский дворец в Никее в мае 325 г. н. э. собралось около 250 епископов из всех провинций, большая часть с Востока. Император сам торжественно открыл синод, но не председательствовал, однако неоднократно вступал в дискуссии; по сведениям Евсевия, он даже побуждал епископов сказать решающее слово.

Тогда как на синоде в Никее относительно быстро при-

шли к решению отклонить мнение Ария, формулировка символа веры вызвала значительные трудности.

Спор вокруг Ария не был единственным вопросом для обсуждения этого синода. Он, кроме всего прочего, выработал основные принципы внутрицерковной организации. Синод епископов провинций отныне имел право выбирать епископов и проверять епископские решения. Особенно было выделено положение епископа столицы провинции. Он получил полномочия утверждать или отклонять выбор епископа. Исключением из этой организации были только епископы Александрии, Антиохии и Рима, которые сохранили свои прежние права и влияние внутри соответствующих территорий.

Следующим пунктом была фиксация праздника Пасхи, который до сих пор отмечался по разным подсчетам. В этом вопросе выбрали дату, принятую в Александрии и Риме. К завершению синода снова стало очевидным переплетение светской власти и церкви, которое было столь типичным для Никеи. Константин пригласил епископов на празднование двадцатилетнего юбилея своего правления: сам же он, некрещеный, закрыл синод отеческим увещанием и поручил распространение результатов не только церковным инстанциям, но в собственных посланиях к общинам сообщил о показавшихся ему важными решениях.

Спор с Арием сразу же после Никеи принял неожиданный оборот. В 326 г. н. э. епископы, приверженцы Ария, были арестованы, низложены и высланы. В так называемом эдикте о еретиках арианам запрещены собрания и декретировалась конфискация их собственности. Эдикт о еретиках 326 г. н. э. подтверждает, что римские императоры, которые были замешаны в теологических спорах, свои усилия по объединению теперь связывали с энергичными мерами против еретиков. Этот путь должен

был неизбежно привести к применению государственного насилия при Феодосии Великом.

В 326 г. н. э. Константин еще раз обратился с письмом к Арию, а год спустя произошло их примирение. Есть предположение, что эта явная перемена во взглядах императора объясняется влиянием его окружения, особенно его сестры Констанции и придворного епископа Евсевия Никомедийского. Духовное окружение императора в большой степени воздействовало теперь на церковную политику, и в 326—327 гг. н. э. произошла очень важная смена: советник Константина по церковным вопросам епископ Оссий Кордовский отошел на задний план, и в следующее десятилетие преобладало влияние Евсевия Никомедийского.

После подчинения Ария фронты начали передвигаться. Если до сих пор нарушителями церковного порядка были ариане, то в будущем им стал оппонент Ария Афанасий, который после смерти епископа Александрийского Александра в 328 г. н. э. стал его преемником. События столь быстро развивались, потому что после примирения с Арием Константин разрешил его повторное назначение в Александрию. Для противной стороны, а особенно для Афанасия, с абстрактными теологическими спорными вопросами были связаны конкретные вопросы престижа. Если здесь не удалось прийти к компромиссу, то причиной этому в первую очередь был сам Афанасий, человек, которого Я. Буркхардт очень удачно назвал первым из иерархических характеров средневековой церкви.

Избранный в возрасте около 35 лет митрополитом Александрии, Афанасий был завораживающей личностью, человеком, который оказывал большое влияние на свою общину и начавших тогда появляться отшельников и монахов. Но этот аскетичный, темпераментный человек, защищавший свое дело с упорством и пылкостью, провоци-

ровал беспорядки и в течение всей своей жизни был центром споров и смут, которые в конце концов распространились по всей империи. Его борьба за ортодоксию была тождественна его борьбе за власть, и установленный Константином тесный контакт между церковью и государством привел к тому, что теологические споры стали делом внутренней политики империи.

Афанасий стал известным и по другой причине. Во второй половине века он написал биографию великого отшельника и святого Антония, которая стала образцом для греческой и латинской историографии. Переведенная на латинский язык, эта биография решающим образом усилила влияние Афанасия на монахов и на другие круги.

С теологической точки зрения спор с Арием был дальше углублен мало интересующимся философией Афанасием. В отличие от дифференцированных представлений Ария Афанасий настаивал на божественной сущности Бога Отца и Сына.

Чисто внешне Афанасий защищал содержание символа веры Никейского собора, благодаря ему понятие *Богочеловек* приобрело свое окончательное содержание, как обозначение идентичности божественной субстанции. Но послушаем самого Афанасия: «Троица не была, а есть вечный триединый Бог, и есть только величие Святой Троицы. И не отваживайтесь расщепить ее на разные природы. Ибо Отец вечен, он говорит вам о том, кто сидит рядом с ним, что было время, когда его не было; и пока Сын сидит рядом с Отцом, вы не смеете отделять его от Отца. Христианская вера знает только одну неизменную и полную Святую Троицу» (1-я речь против ариан, 18).

Правда, сначала в борьбе Афанасия речь шла совсем о других вещах, сначала выяснение вопроса с арианами стояло на заднем плане. Афанасий должен был обороняться от обвинений секты мелитианов. Уже в том же году, не-

посредственно после Никейского синода, вмешательство императора во внутрицерковные дела становилось все ощутимее, например, в вопросе, о замещении епископского престола. Но представители церкви, видя, что император прислушивается к их проблемам, стали втягивать его во внутрицерковные трения и таким непривычным способом, что заседающий в Антиохии синод запретил эти методы.

К концу правления Константина начали усугубляться упреки ариан к Афанасию. В 334 г. н. э. епископ Александрийский отказался появиться на синоде в Цезарее, год спустя, в 335 г. н. э., на синоде в Трире произошел разрыв. Когда Афанасий понял, что у большинства епископов не сможет найти понимания, он уехал в Константинополь, чтобы самому обратиться к императору. Однако долго продержаться не смог, Трирский синод его низложил, и когда против него было выдвинуто обвинение, что он якобы хотел приостановить поставку зерна из Египта, Константин выслал его в Трир. Из-за этой меры теперь и весь Запад был охвачен противоборством, которое втягивало все более широкие круги. На Востоке, однако, пришли к внешне гармоничному завершению конфликта. По приглашению императора синод из Трира отправился в Иерусалим, чтобы там принять участие в торжественном освящении церкви Гроба Господня. Одновременно этот синод полностью реабилитировал Ария.

Правда, конфликт устранен не был; в последующие годы сменились главные действующие лица, а также спорные теологические проблемы. После смерти Ария в 335 г. н. э. главой ариан стал Евсевий Никомедийский. При этом нужно учесть, что в 4 в. н. э. под этим названием подразумевались самые разные религиозные группы. Деятельность Евсевия имела столь далеко идущие последствия, потому что он в 341 г. н. э. посвятил в сан

Улфилу, первого епископа готов, миссионерская деятельность которого значительно способствовала распространению арианства.

Позже важнейшими фигурами стали Эций и Евномий. Не менее решающими, чем персональные и теологические изменения, были неоднократные в течение 4 века вмешательства государства в религиозные вопросы, которые достигли своей кульминации при Феодосии Великом. После того, как II Вселенский собор в Константинополе в 381 г. н. э. объявил Никейский символ веры обязательным, арианство в *Римской империи* было обречено на гибель. Тем не менее оно долго сохранялось у германских племен, а у лангобардов даже в 7 в. н. э.

Даже этот краткий обзор о перспективах дальнейшего развития показывает ту опасность для церкви и *Римской империи*, которую повлекла за собой попытка Константина навязать свое мнение в трудных теологических спорах. После Тира, по его мнению, он мог надеяться, что достиг цели. Так, праздник по случаю тридцатилетнего юбилея его правления, в рамках которого проводилось и освящение церкви Гроба Господня в Иерусалиме, был кульминацией всей его жизни. Одновременно это был час, когда Евсевий произнес свою панегирическую речь в честь юбилея.

Крещение пред смертью и способ погребения были последними этапами религиозного развития этого императора. Во время крещения — оно состоялось в Никомедии, когда император был тяжело болен — он еще раз выразил свое личное отношение к христианской религии. Отсрочка крещения до конца жизни в 4 в. н. э. была принята среди широких кругов, этот способ основывался на представлении, что актом этого крещения отпускаются все совершенные до этого грехи. Так как к тому времени учение о покаянии в христианской церкви еще не было выработано, у

многих верующих возникало нечто вроде наивной хитрости: употребить это средство один раз в конце жизни. У Константина к этому добавилось еще и то, что он как император был втянут в многочисленные староверческие интересы.

После того, как Константин через несколько дней крещения в белых одеждах новокрещенного умер 22 мая 337 г. н. э., он был перевезен в Константинополь и похоронен там в уже подготовленном мавзолее у Апостольской церкви. Как и Август, Константин заранее определил способ своих похорон. По описанию Евсевия, он поставил в мавзолее «как святые колонны двенадцать надгробных памятников в честь апостолов. В середине он распорядился поставить свой гроб, по обеим сторонам которого стояло по шесть апостолов». Речь шла только о памятных стелах, а не о могилах самих апостолов, и только позже сын императора Константин II положил несколько реликвий апостолов и их учеников под алтарь базилики. Этим видом похорон Константин добился двух целей: если позже христианская церковь признала и почитала его как равноапостольного, то это было конкретным следствием этого погребения. Во-вторых, покойный император как бы принимал участие в молитвах и культовых актах, совершаемых в честь апостолов.

Внутри христианской церкви образ Константина имел различную судьбу. Не только его труды во благо церкви, но и то, что он еще и умер в крестильных одеждах, обеспечили ему на Востоке империи признание и почитание как святого. Церкви поминали Константина вместе с Еленой ежегодно 21 мая. Изображение Константина украшало входные ворота собора Святой Софии и получило широкое распространение на многочисленных иконах и алтарях. С тех пор как император Марциан на Халкедонском соборе 451 г. н. э. приветствовался как «новый Констан-

тин», эта формула понравилась византийским государям, и Константин был навсегда связан с идеологией византийской императорской власти.

Наоборот, на Западе Константина никогда не вносили в жития святых римской церкви. Только в отдельных случаях, где местные традиции связывались с его деятельностью, он получил культовое почитание, особенно в Англии, где в средние века бытовала легенда, что Константин был сыном местного аристократа. Гораздо большее значение на Западе приобрело представление о «новогоднем крещении» и о «константиновом дарении», фикции, которые должны были обосновать претензии на власть средневекового папства, но тем не менее они сохранялись долгое время. Но и на Западе Константин не был забыт, и императорская власть прибегала к прообразу Константина. Его статуи возвышались перед романскими церквами, на конной статуе Марка Аврелия на Капитолии изображен Константин, Карл Великий почитался, как новый Константин, еще Оттон III был под властью идеализированной константиновской традиции.

Идеализированный образ Константина был распространен в европейской историографии вплоть до века Просвещения. Тогда, начиная с Вольтера, возникла критическая фаза, достигшая высшей точки в лице Я. Буркхардта, важные элементы этой критики встречаются также и у Эдуарда Шварца. С тех пор личность Константина остается спорной, как и вопрос о его религии, его христианстве и о последствиях «поворота Константина» для государства и христианства.

Религия и политика, личные убеждения и государственные интересы, как правило, были тождественными для императоров 3 и 4 вв. н. э. От монотеистической принципиальной позиции, через поворот к Аполлону и Солнцу, через промежуточную стадию по-христиански интерпрети-

рованных абстракций, таких, как «божественно», «божество», «Всемогущий» или «провидение», Константин приближался к христианскому понятию Бога. Он признавал себя слугой Всевышнего и был преисполнен гордости, что Бог оценил его службу и посчитал его пригодным выполнять свое дело. Свою великую цель он видел в обновлении мира с помощью религиозного обновления, которое предполагало единство и целостность христианской церкви.

Константин с самого начала был под впечатлением силы и власти христианской церкви. Он в полном объеме признавал церковь как религиозный потенциал и организацию. Он считал ее необходимой для христианской религии, как это выражают приписываемые ему легендой слова: «Приставь лестницу и взбирайся один на небо!» Он считал ее необходимой также и для *Римской империи*: «Государственный ум Константина признал в строгой организации церкви уже готовый инструмент, который нужно было только взять, чтобы получить подданных и помощников своей монархии, которые бы служили императору, как человеку Божьей воли» (Е. Шварц, 1904 г. — в книге Х. Крафта «Константин Великий». Дармштадт, 1974).

Своей цели обновления империи с помощью религии Константин не добился. Совершенным анахронизмом является, когда в настоящее время константиновскому христианству приписывается задача изменения социального порядка. Для этого нет никаких оснований, например, церковь только гораздо позже стала советовать освободить рабов, потому что в соответствии с ее приоритетами положение в религии было важнее, чем положение в жизни. К тому же оценка Константином христианской церкви оказалась полностью ошибочной. Если он видел в ней элемент стабилизации своей власти и *Римской империи*, если он хотел в полном объеме исчерпать возмож-

ности, которые церковь предлагала государству, то он не предполагал те нагрузки для Римского государства, выросшие из раскола этой церкви и из нескольких теологических конфликтов. Он не видел также, что христианская церковь в перспективе не могла согласиться со своевольным плюралистическим решением Константина.

Именно самые решительные приверженцы христианства, чем дальше, тем сильнее распознавали те опасности, которые грозили церкви из-за поддержки императора и Римского государства. Они должны были терпеть императора, который не будучи теологически подкованным, с редкой смесью наивности и поверхностного теологического образования, но ловко пользующийся языком клириков, обращался с речами к величайшим авторитетам в вопросах христианской религии. Они видели, что этот государь рассматривал теологические споры почти всегда пристрастно и не по существу и что он нередко политическую современность ставил выше религиозных вопросов. Если, наконец, говорить о связи христианства с Римским государством, то не нужно забывать, что это государство в константиновские времена было государством тяжелого налогового бремени, коррупции чиновников, эксплуатации граждан и ограничения свободы, и все это при роскоши, царившей в императорском дворце.

Можно попытаться понять поведение Константина как следствие военного и политического опыта. Кто хотел не только выжить в сплошных развалинах тетрархии Диоклетиана и в быстро меняющемся политическом и военном положении и к тому же еще добиться единоличной власти, тот мог это сделать только ценой отказа от успешных решений, ценой полного признания всех реалий и тщательной стилизации. У Константина наряду с терпеливыми осторожными действиями были импульсивные и очень резкие реакции, наряду с жестоким убийством

пленных фракийских вождей и родственников и казнями политических соперников попытку подчеркнуто гуманного законодательства, наряду с эмоциональными грубыми выражениями елейные слова для объявления себя христианином.

По-человечески импонирующим или убедительным по характеру Константин не был, как и другие римские императоры или современные преуспевающие политики. Но его решения являлись основополагающими не только для истории поздней античности, но и для истории средневековой Европы и Византийской империи. Для *Римской империи* шаг Константина обратного хода не имел, однако христианская церковь до сегодняшнего дня несет на себе груз «константиновского поворота».

**Ретроспектива
и перспектива**

Ретроспектива на описанную эпоху Римской империи исходит из сравнения правлений Августа и Константина, при этом на первом плане в обоих случаях стоят не столько личности этих правителей, сколько своеобразие их правления и структуры основанной ими политической системы. К достойной внимания особенности, которая связывает Августа и Константина, относится то обстоятельство, что оба начали новое развитие римской истории, которое коренным образом изменило структуры империи. До прихода к единоличной власти оба вели ожесточенную борьбу за эту власть, при этом без зазрения совести подавляя своих бывших партнеров и союзников.

Для достижения своих целей как Август, так и Константин были вынуждены сначала идти на компромиссы, приспосабливаться к создававшемуся положению и политическим группировкам, чтобы шаг за шагом осуществить свои притязания на абсолютную власть. Оба заботились не только о концентрации превосходящего военного потенциала, но и о тщательной стилизации своей власти, достижений, претензий и целей, при этом пользовались пропагандистским унижением своих противников.

В обоих случаях необычайно долгое правление создает видимость гораздо более высокой степени внутренней целостности, систематики и последовательности власти, чем это было на самом деле. Оба правителя не связывали себя принципами или прежними точками зрения или намерениями; оба довольно часто чисто прагматически оставляли вопросы открытыми и давали созреть развитию событий; оба умели ждать подходящего момента для решительных действий, причем эта диалектика решений у Константина относилась и к религиозным вопросам.

Август и Константин возводили в абсолют свою поли-

тическую концепцию и подчиняли свою судьбу, судьбу своей семьи и родственников вопросам власти. Оба расплатились за это катастрофами в своем ближайшем окружении. Стилизация и возвышение своей власти у Августа и Константина охватывали все имеющиеся в распоряжении средства и осуществлялись в широчайших масштабах. Причем достижения и деяния обоих правителей повлияли не только на их время, но и на будущее. Мавзолеи, которые они строили себе еще при жизни, были одновременно последней демонстрацией их художественных вкусов и самовыражения. В обоих случаях была достигнута идеализация правителей.

Но этому сходству и параллелям противостоит большое число контрастов, высвечивающих масштаб изменений, которые произошли между принципатом Августа и императорской властью Константина. Они начинаются уже в основе власти — в структуре войска. При Августе войсковая клиентела сначала была тождественна гражданской клиентеле и тем самым политической клиентеле, которая теперь была превращена в регулярную армию, стоящую гарнизонами на границах империи. Константин, как и его предшественники, почти вдвое увеличил численность этой армии, назначение значительной части сохранил для границ, выделил из него мобильную походную армию, повысив число вспомогательных групп, особенно германского происхождения. Разумеется, проблематично говорить здесь о начинающейся «варваризации» римского войска, однако возрастающее влияние иностранных солдат намечается уже в армии Константина.

Еще более очевидным является изменение функций традиционных органов — римского сената и римского народа. Если Август большое значение придавал видимости гармоничного взаимодействия принцепса, сената и народного собрания, в действительности же провел депо-

литизацию древнего органа, то для Константина с сенатом были связаны только исторические реминисценции. Народные собрания уже давно не проводились, сенат был только репрезентативным органом и аккламационной инстанцией. Впрочем, Константина интересовали больше синоды, чем заседания сената.

Такими же большими были изменения в структуре империи. Если Август еще в борьбе против Антония и Клеопатры идеологически стилизовал свои действия, снова укрепил примат Рима, обеспечил Италии привилегированное положение, добился когерентности империи благодаря слиянию больших традиционных и вновь завоеванных частей империи, то Константин застал совсем другие предпосылки. Перенос резиденции на периферию империи был уже давно принят, как и правовое уравнивание частей империи с помощью равномерной нагрузки всех членов огромной политической формации. Строительство Константинополя было последней точкой в давно запущенном процессе перемещения традиционных функций Рима и одновременно демонстративным актом изъявления воли Константина.

Возникновение Константинополя было также символом изменившихся отношений сената и общества. Если Август свел до минимума государственное вмешательство, давал возможность свободного передвижения, собственных инициатив и самоуправления, в очень скромных рамках координировал взаимодействие местных, региональных и центральных органов, то вмешательство Константина было более интенсивным и прямым. Совершенство централизованного и иерархически расчлененного государства повлекло за собой минимум регламентирования, постоянное увеличение принудительных мер и вмешательств в общественную и экономическую сферу, объединение основных производителей и специалистов в

корпорации, короче, полное перемещение приоритетов государства, а также в жизни отдельных лиц.

Изменения в государственной сфере особенно четко проявились в администрации. Если Август и правители раннего принципата для разрешения административных задач в широком объеме прибегали к квалифицированным и надежным кадрам из *дома принцепса*, к рабам и вольноотпущенникам своей семьи и тем самым создавали важные ведомства центральной администрации империи частными средствами и из людей, пользующихся их личным доверием, то при Константине уже произошла полная реорганизация государственной администрации. Эта реорганизация проходила при этом не в форме республиканской, краткосрочной, со сменой обязанностей магистратуры, а в лице специализированной, иерархически подразделенной бюрократии.

Параллельно с этим проходило коренное изменение структуры общества. Август сформировал старые ведущие сословия и слои в интересах новой политической системы, изменил только их персональный состав, деполитизировал институт клиентелы, поощрял социальный подъем всадников и усилил значение муниципальной аристократии. В общей сложности он не изменил основные структуры общества, только больше контролировал рабов и вольноотпущенников. Все возможности к социальной подвижности, какими бы они ни были ограниченными по современным критериям, пошли принципату на пользу.

Совсем другим было положение при Константине. Правда, как и раньше, существовала группа крупных землевладельцев, быстро разбогатевших функционеров, высших чиновников, однако остальные изменения были важнее: разрастание бюрократии и придворного персонала, застой средних слоев, содействие епископам и клирикам. Существенным феноменом позднеантичного общества

было не ошеломляющее на первый взгляд количество титулов и должностей при дворе, а поляризация между относительно небольшим высшим слоем и обнищавшими массами. Наоборот, положение женщин в римском обществе при Константине и при Августе почти не изменилось.

Жалкая участь низших слоев была смягчена за счет церковных платежей на социальные нужды, которые заняли место прежних городских пожертвований. Новым элементом общественного развития при Константине, который появился на Ближнем Востоке, но быстро приобрел большое значение, было удаление от общества отшельников и монахов, выразивших пренебрежение к социальной действительности.

В области экономики и при Константине сохранился приоритет сельскохозяйственного производства. Правда, место виллового хозяйства, преобладающего при принципате и тесно связанного с городом, занял новый экономический уклад, который удовлетворял общую потребность крупных землевладений собственной продукцией. Параллельно с этим шла на убыль роль рабов в сельском хозяйстве, была ограничена относительная свобода колонов, и их существование приблизилось к существованию рабов. Несмотря на эти существенные изменения, малые и средние ремесленные предприятия смогли удержаться, хотя обременение всех производителей налогами и податями было гораздо больше, чем при Августе.

В целом число государственных вмешательств в экономическую жизнь при Константине значительно увеличилось, хотя сначала всего лишь немногие государственные мануфактуры работали на вооружение и представительство.

При Августе и при Константине не произошло существенного прогресса в технике, ремесленном и аграрном

производстве, потому что, как правило, всегда в распоряжении имелось достаточно рабочей силы. Оба правителя давали сильные экономические импульсы в области крупного строительства и художественного ремесла; хотя в разных местах и различным способом.

Особенно разительная противоположность между Августом и Константином существует в области культуры. Августовская классика была абсолютной вершиной литературы и искусства самых различных жанров, константиновский классицизм, наоборот, приводит в недоумение современного человека. Августовские произведения поражают гармонией своей композиции, высокой художественностью исполнения, константиновские же почти все без исключения поражают своими огромными размерами, связью колоссального с монументальным, в других случаях ярко выраженной придворной манерой. Если в произведениях августовской эпохи чувствуется творческое влияние греческих и римских образцов, которые перерабатывались в самостоятельной манере, то в произведениях константиновской эпохи нередко в новые рамки вводились старые элементы, насильственные волевые акты вместо самобытного искусства. Только в христианской литературе при Константине проявились оригинальные произведения в новой форме.

Самый сильный контраст наблюдается в области религии. В принципе и Августу и Константину было присуще специфически римское традиционное переплетение политики и религии. После потрясений гражданских войн Август видел свою задачу в систематической реставрации религии; *благочестие* стало центральным элементом; обновление разрушенных храмов и святынь, реорганизация жреческих коллегий, возрождение древних культов, строительство новых религиозных зданий — все это служило для выражения преемственности в рамках новой

государственной системы. То, что настоящего долгосрочного возрождения древних римских культов добиться было невозможно, не принималось во внимание. На тот же момент эта внешняя формальная реставрация удалась. Благоразумную сдержанность Август проявил при принятии культа правителя и в отношении многочисленных, регионально и социально различных форм почитания *принцепса*, которое все больше превращалось в выражение политической лояльности. В остальном же при Августе сохранилась традиционная римская толерантность по отношению к чужим культурам.

Эта толерантность в конце концов привела к плюрализму начала правления Константина, поворот которого к христианской церкви, правда, привел также к непомерному ее возвышению и прямому вмешательству императора в вопросы веры. После более двух с половиной десятилетий гонений или в крайнем случае временного невнимания к христианству со стороны Римского государства наступила тесная связь с христианской церковью того государства, которое казнило Иисуса и так долго наказывало христиан смертной казнью только за их принадлежность к этой религии. Однако для императора, как и для всей империи, христианская церковь константиновского времени была совсем не стабилизирующим элементом; из-за своих внутренних конфликтов она, наоборот, стала бременем для поздней Римской империи.

Легитимация и утверждение власти у Августа и Константина осуществлялись совершенно разными способами. Если Август начинал как наследник и мститель Цезаря, то после окончания борьбы за власть он претендовал только на положение *принцепса* и утверждал, что своим выдающимся влиянием он обязан только своему *авторитету*, который завоевал благодаря своим несравнимым достижениям во благо Римского государства. Его усилия

при создании видимости ограниченной длительности своего правления в соответствии нормами поздней *Республики* скрывали коренное изменение государственного строя. Поэтому наследование могло готовиться только втайне; таким способом сначала нельзя было еще гарантировать преемственность новой системы.

Константин своим возвышением тоже был обязан престижу отца, он тоже сначала вошел в существующее политическое силовое поле. Однако с поворотом к христианству и после своего триумфа над Лицинием он достиг трансцендентного возвышения императорской власти. В рамках христианских перспектив он мог теперь утверждать о своей божественной миссии, как он это выразил в своем послании к жителям Востока: «Мою службу потребовал Бог, который посчитал, что я способен выполнить его волю. Так я начал у британского моря в странах, где по законам природы заходит солнце. Побуждаемый божественной силой, я рассеял ужас, который давил на всех, чтобы род человеческий, наставленный моей службой, вернулся к послушанию законам, чтобы под руководством Бога расширилась вера» (Евсевий «*Жизнь Константина*»).

Такое самопонимание требовало дистанции, напрашивалось превращение правителя в «символическую маску» (Р. Л'Оранж), оно требовало также отказа от той конкретной индивидуальности принцепса, которая делала возможной идентификацию с Августом и его преемниками. Орудие Бога никто не мог помешать подготовить наследование, и даже само решение, которое выбрал Константин — разделение империи на сферы власти сыновей и других представителей династии, — было санкционировано его положением.

С помощью краткого сравнения августовских и константиновских структур *Римской империи* можно обрисо-

вать ее своеобразие. Эта империя ко времени своего окончательного образования в течение 1 и 2 вв. н. э. была необычайно дифференцированной политической формацией, дифференцированной как относительно многообразия ее составных частей, так и относительно правового положения и социального расслоения ее подданных. Во времена расцвета Римской империи не было стремления к систематическому нивелированию; не полная унификация, а наоборот, координация образовавшихся элементов и организмов была всегда основной целью правителей.

Средством власти этой империи были легионы, флот и вспомогательные формирования. Этот относительно скромный военный потенциал выполнял свою задачу в консолидированных отношениях и при наличии относительно небольших штабов в провинциях. Империя могла положиться прежде всего на местные ведущие слои, на общность интересов, которая не была ограничена только тонким высшим слоем, но охватывала социальных выдвигенцев, активные круги в экономике и торговле, а также представителей вспомогательных групп. Идентификация городских единиц самоуправления с империей позволяла государственной власти сконцентрироваться на главных секторах: на военном деле, гарантии внутреннего порядка, на налогообложении и юрисдикции и таким образом разгрузить себя от многочисленных частных проблем.

Мобилизация и сосредоточение регионального потенциала удалась так успешно прежде всего потому, что империя с самого начала, с одной стороны, с большой долей толерантности охраняла местные права, религии и традиции, с другой, еще давно начала с интенсивного идеологического влияния на своих подданных, что в конце концов привело к конструктивному вкладу широких кругов в эту формацию. Принятие империи в 1 и 2 вв. н. э. глубоко укоренилось: она пережила неспособных прави-

телей и опасных узурпаторов и выдержала большие испытания на прочность при образовании отдельных империй в 3 в. н. э.

Но нельзя умалчивать об отрицательном балансе: Римская империя 1 и 2 вв. н. э. знала военные и политические акты насилия, видела профилактический разгром неконтролируемых центров образования власти внутри и за границами, пережила жестокость при подавлении восставших. Многие неприятные, а иногда и отталкивающие черты римской цивилизации отрицать нельзя. Между тем в настоящее время существует и совершенно необоснованная критика: можно констатировать, что Римская империя не устранила рабство, не помогала женщинам эмансипироваться, не следовала экологическим программам и экономическим общественным теориям. Со всеми этими и другими анахроническими требованиями в абсолют возводится собственное сознание и, наоборот, полностью не учитывается сознание современников империи.

Вопреки известным слабостям и уязвимым местам нельзя закрывать глаза на достижения империи. Совсем немаловажно, что Римская империя при принципате при жизни многих поколений стремилась обеспечить внутренний мир даже в районах напряженности. То, что Рим, например на Ближнем Востоке, действовал менее успешно, чем великие державы нового времени, не является решающим. Во всяком случае от оборонительных усилий империи гораздо больше выигрывали окраинные земли и пограничные провинции, чем Рим и Италия. Если даже внутренние провинции в течение 1 и 2 вв. н. э. в редких случаях втягивались в гражданские войны, то они, как правило, страдали от них меньше, чем от последствий региональной борьбы за власть.

Кроме того, нельзя недооценивать позитивное воздействие гарантированных внутри империи стабильности и

безопасности путей сообщения, защиту собственности консолидированными рамочными условиями и относительную стабильность валюты. Римской рациональностью объясняется то, что имперские инициативы находили свое выражение в первую очередь не в монументах политических или религиозных иллюзий, как в других великих империях, а в бытовых постройках различного вида, в водопроводах, гаванях, мостах, дорогах, которые улучшали условия жизни широких кругов населения.

Практическая выгода, *общественное благо* империи шли на пользу прежде всего римлянам и италикам. Граждане Рима и Италии получили выгоду от огромных военных трофеев из Египта, Ближнего Востока и Дакии, от крупного строительства, денежных пожертвований и игр. За ублажение, деполитизацию и поддержание этих слоев расплачивались противники и покоренные Римом. Но империя при принципате не была статическим образованием; особенности политической системы привели к серьезным внутренним изменениям, к которым относится смена в составе ведущего слоя, а также гражданско-правовое приравнивание почти всех свободных жителей империи к началу 4 в. н. э. То, что этим была принесена в жертву новой системе римская республиканская традиция, совершенно очевидно.

Но развитие империи принесло и другие результаты. Под давлением растущих внутренних и внешних опасностей и кризисов Римская империя, как и любое большое государство, отреагировала увеличением государственно-го вмешательства и сужением границ толерантности и свободы. Эти новые максимы практиковали как староверческие, так и христианские правители; их последовательное применение полностью изменило сущность империи, хотя название и претензии продолжали существовать.

Если посмотреть на дальнейшее развитие политичес-

кой формации *Римской империи* после Константина, то его можно оценить как продолжительный процесс эрозии и распада власти. В рамках великого переселения народов политическое превосходство однозначно перешло к германцам. Причем тяжелейшие вторжения различных волн этих передвижений произошли не на Рейне. Наоборот, сыну Константина Константу, Юлиану Отступнику, и наконец, Валентиниану I (364—375 гг. н. э.), энергичному правителю типа солдатских императоров, удалось там снова укрепить римское господство. Сооружение системы укреплений, концентрированные, хотя и ограниченные по радиусу наступления в предполье правобережья Рейна и контролируемое поселение германских союзников в значительной степени способствовали стабилизации римских позиций на Западе.

Наоборот, на восточной границе империя была вынуждена примириться с тяжелыми поражениями. Нападения сасанидов продолжались там и при Константине. Тогда как важный пункт обороны Низибис смог сначала устоять, Амида была взята сасанидами в 359 г. н. э., наступления Юлиана 363 г. н. э. были отбиты у Ктесифона. Его преемник Йовиан вынужден был отказаться от большей части Месопотамии вместе с Низибисом, в восьмидесятых годах 4 в. н. э. восточная часть Армении отошла к сасанидам. Если потом на этой границе наступило затишье, то этим константинопольские правители были обязаны постоянным угрозам для Сасанидской империи на ее севере, востоке и юге.

Настоящей горячей точкой обороны империи стал район Нижнего Дуная. После гибели императора Валента и большей части римского восточного войска в битве у Адрианополя в 378 г. н. э. там господство германцев, глубоко проникших на территорию империи, уже никогда не было сломлено. Мирные договоры, такие, как договоры

Феодосия Великого от 382 г. н. э., имели целью только легализовать изменившееся положение и сохранили, хотя бы внешне, римский суверенитет за счет большой дани гуннским, сарматским и германским захватчикам.

Однако единство империи в целом сохранилось еще на десятилетия. Оно было нарушено только тогда, когда после смерти Феодосия Великого в 395 г. н. э. произошло разделение империи на две части. Правда, этот шаг не был задуман как окончательное расчленение, однако потом все сильнее начали расти интересы различных партий, особенно на Востоке. Успешная оборона восточной половины империи, располагавшая лучшими стратегическими предпосылками и большим экономическим потенциалом, завернула продвигающихся с востока на север племена в Западную империю, которая под давлением этих нескончаемых наступлений, правда, достигла отдельных успехов, таких, как победа над гуннами на Католаунских полях (451 г. н. э.), но в перспективе не смогла помешать образованию германской империи на территории древней Римской империи.

К началу 5 в. н. э. в результате почти одновременных наступлений готов, аланов, вандалов, квадов и других групп римская оборона на Рейне и Дунае распалась. После взятия Рима при Аларихе (24.8.410 г. н. э.) последовало поселение вестготов в Аквитании (418 г. н. э.), образование империи вандалов в Северной Африке (429—533 гг. н. э.) и господство остготов в Италии (493—553 гг. н. э.) и вестготов в Испании (507—711 гг. н. э.), а также образование империи бургундов на Роне (443—534 гг. н. э.).

Такие события, как повторившееся разграбление Рима 453 г. н. э., и, наконец, свержение последнего западно-римского императора Ромула Августула в 476 г. н. э., были низшими точками в долгом процессе эрозии рим-

ской державы. Энергичная попытка Юстианиана (527—565 гг. н. э.) восстановить единство империи массивными восточноримскими вторжениями в Италию ничего не могла изменить в общем процессе развития событий. Вторжение лангобардов в Италию продолжило германские нашествия (568 г. н. э.). На Западе власть *Римской империи* уже давно пала.

В течение этого долгого промежутка времени политических и военных катастроф Римская империя поздней античности как бы замерла. При этом доминировали полляризации, которые все сильнее принижали сознание жителей империи. В тот момент, когда империя не могла отказаться от привлечения «варварских» сил для защиты своих границ, снова была усилена римская традиция, и латентная противоположность «римляне—варвары» еще больше углубилась.

К особенно примечательным явлениям жизни позднеантичной империи принадлежит тот факт, что, несмотря на скудное обеспечение собственного существования, умы людей занимало утверждение «правильной» веры. Какими бы ни были их убеждения, они были едины в том, что выбор и защита «правильной» религии для их личной судьбы так же важны, как и для судьбы империи. Среди староверов и христиан встречались фанатичные вожаки, но также и верные защитники старой религии, экзальтированные бунтари и уединенно живущие отшельники, которые все вместе доказывали силу трансцендентности.

Последние попытки реставрации староверческих правителей и узурпаторов Магненция (350—353 гг. н. э.), Юлиана Отступника (361—363 гг. н. э.) и Евгения (392—394 гг. н. э.) потерпели неудачу, но островки староверческого культа и культуры сохранились до конца 4 в. н. э. Между тем для 4 в. н. э. была характерной не только ответственность таких реликтов древности, но постоянная

эскалация мер против старых культов. Нетерпимость и насилие при этом проявляли обе стороны, для религиозной борьбы использовались все средства.

Насколько меры отдельных императоров были обусловлены их личностью, пониманием власти и религиозностью, будет показано на примере сына Константина Констанция II. Воспитанный в строгих христианских нормах, наполненный глубоким сознанием грешника, неуверенный и боящийся всех форм магии и предсказаний, этот император продолжил возвышение императорской власти. Были привлечены как элементы старой идеологии, так и новые христианские представления. На монетах Констанция наряду с крестом и знаменем с инициалами Христа появляются старые абстракции *Победа*, *Добродетель*, *Милосердие*; за его благополучие давались традиционные обеты. На аверсе монет он восседает на триумфальной колеснице, как это соответствовало старой концепции правителя мира. Портреты изображают его с возведенным к небу взором, на других же типах портретов нарисована протянутая из облака рука Бога, которая венчает императора диадемой. Такие формулировки, как *господин всей земли* или *моя вечность*, типичны для стилизации этой императорской власти. Так как Констанций II был проникнут убеждением, «что наше государство держится на почитании Бога, служении и телесном напряжении», он проводил крайне активную религиозную политику и в 356 г. н. э. распорядился закрыть староверческие храмы и запретить доступ в них.

Его преемник Юлиан Отступник, наоборот, пытался возродить старую религию. Он тоже при этом не знал никаких компромиссов. Так, в своем законе 362 г. н. э. он ограничил свободу преподавания и издал первый известный запрет на профессию по религиозным мотивам, который особенно затронул христианских воспитателей.

«Как маленькое облачко, которое рассеивается», еще раз изгнанный Афанасий заклеил фанатизм Юлиана и был прав.

Новос обострение религиозных столкновений произошло после военного поражения императора Валента у Адрианополя в 378 г. н. э.. С такой же последовательностью, как когда-то староверческие императоры, теперь христианские правители принимали меры против тех, кто не имел истинной веры, против ариан, еретиков и последних островков старого культа. Новый курс проявился уже в том, что Феодосий Великий первым из римских императоров в 379 г. н. э. не принял *титула верховного жреца*. В законе 380 г. н. э. он декретировал обязательность ортодоксальной религии: «Все народы, которыми правит умеренность нашего милосердия, должны, мы так хотим, признавать ту религию, которую преподавал римлянам сам святой апостол Павел, как учит им самим преподаваемая религия, к которой принадлежат папа Дамас и Петр, епископ Александрийский, человек апостольской святости. Это значит, что мы верим в соответствии с апостольскими указаниями и евангельским учением в Бога Отца, Сына и Святого Духа при едином величии и благодати святой Троицы. Следуя этому закону, мы приказываем принять название «общих христиан». Остальных мы считаем безумными и безрассудными, и пусть они терпят позор языческой веры, который сначала получит Божью кару, а потом месть нашего вмешательства, которое мы совершим по небесному решению» (*Кодекс Теодозiana*, 16, 1, 2).

Ужесточение курса в отношении старой веры вылилось в 382 г. н. э. в удаление из римского сената алтаря Виктории, шаг, который вызвал демарши староверческих сенаторов, особенно Симмаха. В *третьем послании* к Валентиниану II от 384 г. н. э. он нашел прекрасные слова для защиты своих плюралистических убеждений: «По спра-

ведливости считают единственным то неизвестное, которое все почитают. Существуют одинаковые звезды, на которые мы смотрим, общим является небо, один и тот же мир окружает нас; какая разница, как каждый ищет истину? Эту великую тайну нельзя постичь одним-единственным путем...»

Правда, Симмах ничего добиться не смог. В то же самое время в Трире состоялся процесс против Присцилиана, первый возбужденный епископами процесс против язычников и еретиков, который закончился смертным приговором. Вероятно, форма религиозного существования, которую выбрали сторонники Присцилиана, способствовала возникновению подозрений: они вели подчеркнуто убожескую жизнь, были бедно одеты и собирались на религиозные праздники ночью или ранним утром. В эпоху, когда повсюду виделись демоны, магия, астрологические и манихейские акты, они, конечно, казались подозрительными, хотя присцилианисты не считали себя еретиками.

Тем не менее епископам Гидацию Эмеритскому, Ифацию Оссонабскому, Бриттону Трирскому и Руфу Метцкому была предоставлена возможность возбудить процесс, который мог закончиться только смертным приговором. Даже решительный протест Амброзия Миланского и Мартина Турского ничего не изменил. Присцилиан, два клирика, один поэт и вдова учителя риторики в начале 385 г. н. э. были подвергнуты пыткам в Трире и приговорены к смертной казни преторианским префектом Эводи-ем. Последовали другие процессы, но присцилианизм еще долго продолжал существовать в Испании и Португалии, останки Присцилиана были похищены и перевезены в Испанию.

Если здесь Амброзий не смог одержать верх, то в 390 г. н. э. он добился полного подчинения императора.

Когда его войска после убийства по приказу императора одного командира в Фессалониках устроили кровавую бойню, Амброзий потребовал от Феодосия публичного церковного покаяния. И как он сообщает в своей речи в память умершего императора, тот «сложил с себя все царские регалии, которые обычно носил, публично оплакал в церкви свои грехи и со стенаниями и слезами молил о прощении. Чего стыдятся обычные люди, император не постыдился: он произвел публичное покаяние». После этого нельзя удивляться, что Феодосий в 391—392 гг. н. э. запретил староверам все жертвоприношения, гадание по внутренностям объявил оскорблением величества и наложил арест на староверческие культовые места. В 393 г. н. э. были запрещены Олимпийские игры, а три года спустя Элевсинские мистерии.

Выяснения теологических позиций в догматических спорах, борьба с еретиками и ликвидация последних институтов старых культов в 4 в. н. э. усилили взаимодействие христианской церкви и государства. Однако началось явное противодействие связи церкви с мирской жизнью. Оно достигло кульминации в донатистском споре, в появлении отшельников и монахов, а также в классическом произведении Августина «*О граде Божьем*».

Аскеза, воспитание добродетели постами и половым воздержанием практиковались еще греческими философами, в иудействе, но также и мистерийных религиях. И в христианстве с самого начала были группы, которые с помощью аскезы готовились к предполагаемому концу света или хотели отмежеваться от секуляризированной практики остальных христиан. Но эти радикальные христиане сначала оставались внутри общин. Приблизительно с 300 г. н. э. сначала в Египте отдельные люди начали удаляться в пустыню, произошло категорическое отмежевание от общин и изоляция по религиозным причинам.

Первой конкретной фигурой был Антоний (ум. в 356 г. н. э.), который стал великим примером для отшельников и святым чудотворцем. В «Изречениях отцов» Антоний пишет следующее: «Тот, кто живет в келье в пустыне, избавлен от трех соблазнов: соблазна слуха, соблазна речи и соблазна зрения; ему остается только одна борьба — борьба с собственной похотью».

Для Антония и его последователей была типичной уединенность жизни, хотя скоро в пустыне появились бродячие группы таких отшельников. Первоначально слово *monachos* обозначало «живущий один», современное понимание это слово приобрело только при Пахомии. Вероятно, он был первым, кто организовал в первой половине 4 в. н. э. монастырскую жизнь. Пахомий, как и Антоний, начал отшельником; вскоре он стал центром маленькой общины. Эта община в конце концов отделила от мира стеной место своего пребывания, и Пахомий начал организовывать совместное проживание. Аскеза, бедность, молитвы и работа были устоями жизни каждого человека в этом микрокосмосе. К этому добавлялось послушание отцу, как сначала назывался руководитель общины, вскоре был введен строгий распорядок дня, а потом единая одежда — простая ряса и капюшон.

Пахомием был создан первый монашеский устав, написанный первоначально на коптском языке и позже переведенный на греческий, а в 404 г. н. э. Иеронимом на латинский. Поступление в монастырь было определено Пахомием так: «Если кто-то подходит к воротам монастыря с желанием отказаться от мира и присоединиться к братии, то ему не должно разрешаться войти; сначала нужно оповестить отца монастыря. Потом он должен несколько дней стоять у ворот, и его нужно научить «Отче наш» и стольким псалмам, сколько он может запомнить; и он должен дать доказательства: что он не совершил ни-

чего несправедливого и не ушел в мирские заботы, что он не находится в чьей-либо власти и может отречься от родителей и презреть собственность. И если они увидят, что он выполнил эти требования, его следует ознакомить с остальными правилами монастыря: что он должен делать, кому прислуживать на собрании всех братьев или в доме, которому он будет поручен, или прислуживать за столом. Ознакомленный и подготовленный к добрым делам, он может присоединиться к братии. После этого ему разрешат снять мирскую одежду и надеть монашеское одеяние» (Иероним, «*Правила Пахомия*», 49).

Монастыри быстро распространились, в Египте насчитывались тысячи монахов; возникли женские монастыри, первым из которых руководила сестра Пахомия. Движение быстро охватило Сирию и Палестину с местом сосредоточения в Вифлееме и Иерусалиме, а потом и в Малой Азии. На Западе новую форму жизни проповедовал Афанасий, однако резонанс был там невелик. Только отдельные люди последовали новому идеалу, к кругу сторонников таких новшеств и тенденций второй половины 4 в. н. э. принадлежал святой Мартин Турский. Первые большие монастыри на Западе появились только в начале 5 в. н. э. в Лерене, у Канн и в Марселе; в 529 г. н. э. на Монте Кассино был построен монастырь бенедиктинцев, устав которого стал основой средневекового монашества в Европе.

Важнейшее духовное преодоление этого мира представлено в произведении Августина «*О граде Божьем*». Августин написал свой историко-философский труд между 412 и 426 гг. н. э. после взятия Рима Аларихом и во время крушения римского господства на Западе. Христианские римляне были глубоко потрясены этой катастрофой, в конце они полностью отождествили себя с политической формацией Рима и с «*вечным Римом*», который теперь стал веч-

ным христианским Римом. Само собой разумеется, староверы видели причину катастрофы в христианах и в отказе руководителей государства от старых богов. По-видимому, христианам оставалась только одна возможность, которую изложил Орозий в своем историческом труде, а именно придать катастрофе как бы относительный характер.

Августин хотел вместо этого освободить верующих от их связи с Римом и падение Рима интерпретировать как испытание во времени, которое для христиан было несущественным по сравнению с их отношением к Богу. Наряду с такими мыслями в качестве антитезы староверческому пониманию истории и времени, как периодическом круговом движении циклов, противопоставлялся «прямой путь», который указал Христос. То есть история рассматривалась с точки зрения христианской религии, апологетически защищался град Божий от тех, кто по-прежнему придерживался старых богов и ценностей.

К фундаментальным принципам упорядочения истории Августин относил метафизическую противоположность между градом Божиим и земным градом: «Хотя на земле живут многочисленные и большие народы с различными нравами и обычаями, есть только два вида человеческого сообщества, которые по нашему Священному Писанию мы можем назвать двумя градами. Один состоит из людей, живущих плотью, другой из тех, кто живет духом...» Каждый из этих градов стремится к совершенно разному виду мира: «Когда такой небесный град паломничает по земле, он из всех народов приглашает своих граждан и из всех языков собирает себе паломническую общину. Он не спрашивает о различии в обычаях, законах и установлениях, на которых основан земной шар, ничего не отклоняет и не отвергает, скорее сохраняет и соблюдает, пусть это будет разным у разных народов, потому что все служит одной и той же цели. Только это

не может помешать религии, которая учит почитать одного всевышнего и истинного Бога».

Между тем этот земной шар обладает ограниченной и относительной ценностью, главным является небесный мир: «Так как наивысшее благо града Божиего есть вечный и совершенный мир, не мир, который смертные проходят между жизнью и смертью, а которым наслаждаются бессмертные, освобожденные от всех мук. Кто может отрицать, что эта жизнь является самой счастливой, кто может оспаривать, что в сравнении с ним жизнь, которую мы здесь ведем, пусть даже она изобилует богатством души, тела и имущества, не является ничем иным, как жалкой нищетой? Однако того, кто правильно распорядился своей настоящей жизнью и настроился на ту жизнь, которую он страстно любит и на которую в твердой вере надеется, можно назвать счастливым, правда, больше и в надежде на потусторонний мир, чем на посюсторонний».

Из такого общего взгляда Августина исходит и его специфический идеал правителя: «Мы считаем многих христианских императоров счастливыми не потому, что они дольше правили или умерли тихой смертью и оставили власть своим сыновьям, или потому, что они повергли врагов государства и подавили восстания. Такие и другие дары и утешения в этой полной забот жизни могут получить и почитатели демона, которые не принимают участия в небесном царстве; божье милосердие решает так, чтобы верующие в него не жаждали земных благ. Но счастливыми мы называем их, если они справедливо царствуют, если они, несмотря на льстивые речи, не загордятся и не забывают, что они люди, если они ставят свою власть на службу своему величию и распространяют почитание Бога, если они боятся Бога, любят его и почитают, если они больше всего любят то царство, где им не нужно бояться никакого соправителя... Таких христианских прави-

телей мы называем счастливыми, пока только в надежде, что произойдет то, что мы ожидаем» (Августин «*О граде Божием*», 14, 19,5).

Так в основном Августин оценил светскую историю, процесс спасения между сотворением и Страшным судом, отделил от связи с конкретным государством, христианство отмежевал от судьбы Рима, придал относительный характер развитию после 410 г. н. э. Когда он как бы исторически ориентировал христиан, он направлял их сознание на существование, которое было выше времени и земной власти.

Параллельно с этим развитием в христианских кругах в староверческой среде произошла новая идеализация Рима. Именно в те десятилетия, когда могущество империи все больше падало, когда ее задачи в полном объеме выполнялись только на Востоке и когда имперские функции начали отделяться от Рима, традиции города и идея Рима нашли блестящее отражение в прозе и поэзии. Эти чувства имели место еще в произведении бывшего греческого штабного офицера Аммиана Марцеллина, которое было написано после 378 г. н. э.: «Клонящийся к старческому возрасту и порой побеждающий только на словах Рим удалился в неспешную жизнь. Поэтому почтенный город, склонив заносчивые государства всех народов, дал законы, вечные начала и опоры свободы, как бережливый, умный и богатый отец дает императорам как своим детям в наследство право управлять империей. И уже давно свободны трибы, удовлетворены центурии, нет больше шумной борьбы, но вернулась безопасность времен Нумы; и вот Рим был принят всем миром, как господин и царь, везде почитаемы и вызывают уважение седины сенаторов и *высокоуважаемо имя римского народа*» (Аммиан Марцеллин, XIV, 6, 4).

В хвалебную песню Стилихону, который после смер-

ти Феодосия Великого продолжил его политику, Клавдиан, один из величайших поэтов эпохи, в 400 г. н. э. ввел прославляющие Рим стихи:

Это он принимает в свое лоно покоренных
И осчастливил человеческий род общим именем
Подобно отцу, а не повелителю; он призывает граждан,
Которых покорил, и привязал к себе
Отдаленные страны узами расположения.
Его миролюбию мы обязаны тем, что, как родная земля,
Он принимает даже чужака, и тот может свободно
Выбирать свое местонахождение,
Что мы все пьем из вод Роны, что мы
Все глотаем воду из реки Оронт,
Что мы все образуем единый народ!

Никогда не придет конец римскому господству,
Потому что все другие империи погрязли
В роскоши с ее пороками и ненавистью высокомерия.

(Клавдий Клавдиан «О консульстве
Стилихона»)

Даже после падения Рима в 410 г. н. э. продолжились похвалы Риму. Старовер Рутилий Намаццан, который в 414 г. н. э. был *городским префектом*, в элегических стихах описал свое путешествие из Рима в Галлию и в этой связи еще раз прославил великий город, возрождающийся после каждой катастрофы: «То, что не может исчезнуть, возрождается снова в еще большей силе и быстро растет. Как опущенный факел обретает новые силы, так и ты после низкого жребия достигаешь сияющих высот. Дай законы, которые живут столетия; тебе одному не нужно бояться превратностей судьбы. То, что тебе остается во времени, не подвластно никаким препонам, покуда будет стоять земля, покуда небо держит звезды. То, что уничтожает другие империи, тебя восстанавливает: суть твое-

го возрождения в том, что ты умеешь расти и после несчастья!» (Рутилий Намациан, «*О своем возвращении*»).

Однако не Рим консулов, *принцев* и императоров, а Рим апостолов и пап завораживал последующие столетия, и пусть эта книга закончится словами гимна Риму, написанного неизвестным автором в честь апостолов и мучеников:

О, благородный Рим, повелитель земного шара,
Ты, прекраснейший из всех городов,
Обагрённый алой кровью мучеников,
Сияющий белыми лилиями дев:
Приветствуем тебя через все времена
И благославляем: здравствуй на века!

O Roma nobilis, orbis et clomina,
cunctorum urbium excellentissima,
rosco martyrum sanguine rubea,
albis et virginum liliis candido:
salutem clicimus tibi per omnia,
te benedicimus: salve per saecula.

1. Дом Юлиев—Клавдиев

ГАЙ ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ: сестра Юлия младшая ∞ М. Аций Бальб
 † 44 г. до н. э.

Ация ∞ Г. Октавий

(1. Клодия)

2. Скрибония ∞ Г. Октавий

∞ 3. Ливия ∞ Ти. Клавдий

= Август † 14 г. н. э.

Нерон

(1. Марцелл)
Юлия ∞ 3. Тиберий ∞ 1. Агриппина Друз I ∞ Антония Младшая
 † 23 г. до н. э.
 2. Агриппа ∞
 † 12 г. до н. э.

† 37 г. н. э.

† 9 г.
 до н. э.

Друз II
 † 23 г. н. э.
 ∞ Ливилла

Г. Цезарь
 † 4 г. н. э.
 ∞ Ливилла

Л. Цезарь
 † 2 г. н. э.

~~Випс. Юлия~~

Випсания
Агриппина
 ∞ Германик

Агриппа
 Постум
 † 14 г. н. э.

Германик
 † 19 г. н. э.
 ∞ Випсания Агриппина

Ливилла
 ∞ 1. Г. Цезарь
 ∞ 2. Друз II

Клавдий
 † 54 г. н. э.
 ∞ Юлия Агриппина

Нерон
 † 31 г. н. э.

Друз III
 † 33 г. н. э.

Гай (Калигула)
 † 41 г. н. э.

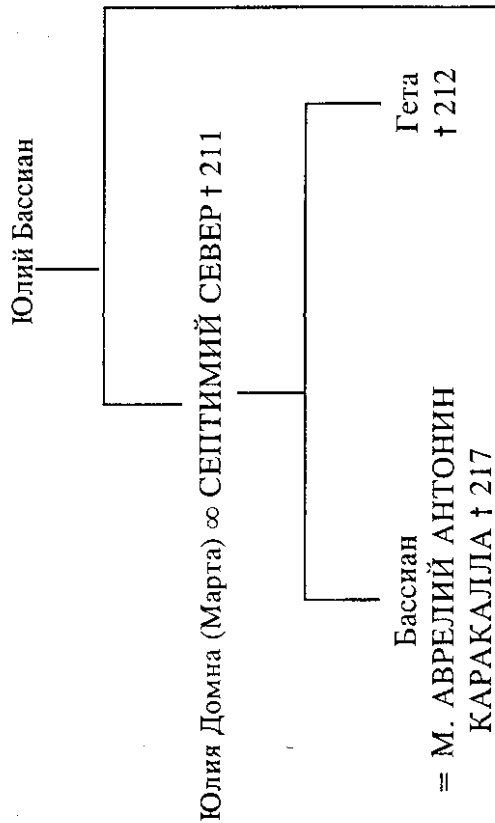
Юлия
 Друзилла

Юлия Агриппина
 ∞ 2. Клавдий
 ∞ 1. Гн. Домиций
 Агенобарб

Юлия
 Ливилла

Л. Домиций
 Агенобарб
 Нерон † 68 г. н. э.

2. Дом Северов

Римская империя при солдатских императорах (235—284 гг. н. э.)	32
От Максимиана Фракийца до Траяна Деция (235—251 гг. н. э.)	32
Империя между Требонианом Галлом и Диоклетианом (251—284 гг. н. э.) ...	30
Христианство в 3 в. н. э. — религия и духовное развитие эпохи	33
Эпоха солдатских императоров.	
Структуры и проблематика	34
Тетрархия Диоклетиана	39
ВЕК КОНСТАНТИНА ВЕЛИКОГО	409
От второй тетрархии к единоличной власти Константина Великого	410
Империя при Константине Великом	433
Константин и христианство	453
РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА	475